

Похождения
молодого
охотника

и его
друзей

В.Н. Трофимов
Е.В. Трофимова

**Похождения молодого охотника
и его друзей**

Москва
Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко»
2014

УДК 82
ББК 84
Т76

Авторы:
В.Н.Трофимов; Е.В.Трофимова

Трофимов В.Н.

Похождения молодого охотника и его друзей / В.Н. Трофимов, Е.В. Трофимова. - М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко» 2014. – 256 с.

ISBN 978-5-394-02410-8

В книге содержится описание различных приключений, которые случались с одним из авторов в самых разных ситуациях, как связанных с охотой и рыбалкой, так и не очень. Авторы стремились с определенным чувством юмора излагать те или иные происшествия, хотя подчас они могли закончиться вовсе не смешно, а вполне драматически.

Авторы по ходу изложения делают интересные отступления о правилах охоты и рыбалки, рассказывают о том, как правильно выбрать себе подходящее оружие. И при этом не забывают напомнить о правилах безопасности, нарушение которых может превратить приятное времяпровождение в трагические ситуации.

Определенный интерес для читателя могут представлять ремарки авторов о некоторых достаточно известных лицах, с которыми им в той или иной форме приходилось сталкиваться в ходе своих походов.

Книга рассчитана на массового читателя, но она может представлять особый интерес для тех, кто только собирается стать охотником или рыболовом.

Связь с авторами: dialog-partner@list.ru

© Трофимов В.Н., Трофимова Е.В., 2014

Содержание

Вместо предисловия.....	4
Милицейская охота, или Как охотиться не надо.....	7
Генеральская охота. Кровавая расправа.....	67
Дачная охота и незапланированное купание.....	118
Незваные гости и сеточка.....	125
Подмосковный гарнизон.....	139
Дипломатическая охота.....	151
Охота – пуще неволи.....	169
Припять.....	175
Ахтуба. И автомобильные приключения.....	190
Эпилог.....	254

Вместо предисловия

У меня у самого двойственное отношение к охоте. Я ее люблю, и по многим причинам. Например, за возможность сменить обстановку, хорошо отдохнуть. За то, что на охоте чувствуешь себя реализованным, сильным, предприимчивым. А еще за чувство охотничьего азарта. Особое состояние, которое сродни духу сложного соревнования.

Но точно так же я понимаю и противников охоты. Ведь охота – это попытка самостоятельно выследить зверя и убить его собственными руками. Тут несомненно присутствует элемент живодерства и насилия над другим живым существом. В обычной жизни мы ограждены от этого. Хотя все или почти все едят мясо, но при этом животных как правило не лишают жизни на наших с вами глазах. Это происходит где-то далеко. И в такой форме, что можно даже тешить себя мыслью о том, что животных вообще не убивают, а мясо берется как бы из ниоткуда. В любом случае этих животных убивают достаточно гуманным способом. Нас тем самым не приобщают к акту убийства, этот моральный груз берут на себя другие люди.

Я противник злоупотребления антропоморфизмом. Это когда человек наделяет других живых существ и даже неживые предметы человеческими качествами. Такое наделение – это естественное свойство интеллекта, и не только человеческого. Мы с вами постоянно строим модели поведения других живых существ. Делаем это в разных целях. В первую очередь для того, чтобы предвосхитить их поступки и, грубо говоря, не дать себя съесть. Или для того, чтобы самим съесть этих существ. Сопереживание, а также антропоморфизм – оба и лежат в основе ситуаций, когда в зоопарке подох медведь, а в результате люди приносят к его клетке цветы и пишут человеческие пожелания. Медведь не человек, цветы воспринимает не как какой-то символ, а просто как очередное растение. И наши с вами пожелания он не прочтет даже при жизни. Получается, мы это делаем для себя, чтобы быть гуманней и лучше? Ну и ладно. Но согласитесь, что медведь в таком случае – это просто средство.

Ладно еще, когда речь идет о близких нам по уровню интеллекта животных. Однако люди подчас наделяют человеческими качествами даже деревянную колоду, которую слегка обстругали и раскрасили. И поклоняются ей как Богу. Что поделаться?! Таковы особенности устройства нашего мозга. Я все это понимаю. Но не одобряю. И изложил свои взгляды, наверное, слегка циничные, в книжке «Искусственный интеллект. Добро и зло как запретный плод». Ее легко найти по адресу: http://www.koob.ru/trofimov_v/.

Возможно, именно по причине таких своих механистических взглядов на человека, в частности, и на жизнь в целом я и не очень стыжусь того, что записался в охотники и убивал разных животных. Кто-то за нас с вами

сначала очень хорошо подумал, прежде чем создал живых существ, а тем более человека. И тем более, надо полагать, подумал, прежде чем снабдить нас с вами разными механизмами реакции на окружающий мир. Среди них самосохранение и сопереживание. А также их конкретные проявления: жажда секса, охотничий инстинкт. Нужно ли в подобной ситуации мне и вам брать на себя функции Бога и решать, что охотиться плохо, а заниматься любовью – хорошо? Или тоже плохо?

Впрочем, все это сложные философские проблемы. Ясно, что охота и охотники существуют, это объективная реальность, и ее пока трудно игнорировать, а тем более запретить. Поэтому лучше поговорим о некоторых специфичных чертах охоты. Например, о том, что она нередко сопровождается неумеренным потреблением спиртного. Что совершенно неправильно. Вред здоровью – несомненный и значительный. А рассуждения про «расслабиться», «отдохнуть» и «пообщаться» довольно сомнительны. Я в целом противник пьянки на охоте. Но противник только сейчас, когда мне выпивать нельзя по состоянию здоровья. А раньше я воспринимал это как составную часть охоты. Что и нашло свое отражение в моих записках об охоте и охотниках.

Особо я люблю охоту за рассказы на привале. Даже если охотники ничего не подстрелили, все равно недостаток дичи в определенной мере восполняется байками на охотничьи темы. А уж если удалось что-то добыть, то тут и вовсе есть о чем поговорить. Пусть даже при этом кто-то что-то маленько присочиняет. У опытного охотника в любом случае это будет не вульгарное вранье, а отражение реальных ситуаций, изложенных, скажем, в художественной форме. Такое «вранье» я готов слушать сколько угодно. Вот вы будете слушать выдержки из «Война и мир» Толстого? А ничего, что некоторые изложенные там события являются художественным вымыслом? Ну, вот точно так же и хороший охотничий рассказ.

Может быть, поэтому я взялся за эти рассказы и повести. Мне хотелось попробовать сделать так, чтобы читатель также ощутил тот приятный душевный трепет, который вызывает история про приключения и похождения, нередко с выводами и моралью, которую можно послушать вечерком за хорошим столом. Рассказчик не торопится, вкладывает душу в каждую фразу. А слушатели его и не подгоняют, не перебивают, а только внимают каждому слову, искренне примеряя сказанное на самих себя.

Следует особо подчеркнуть, что данная книжка это не мемуары, а художественное произведение. То есть даже в тех случаях, когда изложенные в рассказах события имели место в действительности, все равно формально это художественный вымысел. Более того, считаем нужным сообщить читателю, что в реальной жизни действительно существуют или существовали люди с фамилиями, которые совпадают с нашими

литературными персонажами. Это Брежнев, Кастро, Покрышкин, Подгорный, Георгадзе, Капица, Рыбаков, Куприянов, Афанасьев, Веселов, Власов, Ястребов и другие. Эти люди, по глубокому убеждению авторов, никогда не совершали противоправных поступков, например, не занимались браконьерством и не хранили незарегистрированное оружие, а также не вели себя аморально или даже непорядочно, не пьянствовали и не безобразничали. Другие дело литературные персонажи. Вот они в этой книге не столь идеальны. В этой связи если каким-то реальным людям или их потомкам сходство покажется слишком обидным или даже непозволительным, авторы заранее приносят свои извинения. Но совпадения – чисто случайные!

Что касается стиля изложения, то кому что нравится. Конечно же, я пишу так, как сам люблю слушать. Мне самому нравятся именно те рассказы, где события не скомканы, действующие лица понятны, завязка и кульминация не надуманы, а продиктованы самой жизнью. Лучший сценарист – это именно сама наша жизнь. В тех случаях, когда уместно, я употребляю прямую речь. Некоторые сцены немного натуралистичны. Я и сам их перечитываю с некоторым душевным волнением. Поэтому если читатель дошел до этого места и считает, что у него слабые нервы, то лучше эту книжку дальше не читать, а отложить в сторону.

Авторов у книжки – двое. Но изложение событий идет только от моего имени. Мы решили, что так будет лучше. Что, однако, нисколько не умаляет значительной роли второго автора в создании этого произведения.

Желаем приятного времяпровождения!

Милицейская охота, или Как охотиться не надо

– Откуда мясо-то?

Этот вопрос, заданный мне в свое время при довольно своеобразных обстоятельствах, иногда как кстати, так и некстати всплывает в памяти и заставляет с определенной долей иронии вспоминать некоторые события, случившиеся достаточно давно. Однако лучше излагать все по порядку.

Дело было уже глубокой зимой, в середине января 1979 года. На дворе было холодно. Даже не то чтобы холодно, а просто настоящая стужа. Я сидел на кухне и изучал газетку, прихлебывая при этом горячий чай. За окно даже и смотреть-то не хотелось. В голову назойливо лезли сценки из моей заграничной жизни. Я не так давно вернулся из командировки в Калькутту, где лед можно было увидеть разве что только в стакане кока-колы. Телефонный звонок отвлек меня от этих размышлений.

- На охоту поедешь? – это был голос Володьки, моего дальнего родственника. У моей жены была сестра. А у сестры имелся муж. Моего, кстати, возраста. Володька Власов. Заядлый охотник. Впрочем, как и я. И обоим нам в это время было где-то лет под тридцать.

- Что ты имеешь в виду?

Володька объяснил:

- Я был у Веселова, он предложил организовать для нас с тобой охоту. У местных милиционеров, по Казанской железной дороге».

Тут, для того чтобы все было понятно, придется сделать короткое отступление и сказать пару слов о том, кто был такой Веселов Анатолий Иванович. Это отец моей тогдашней жены. В те годы он был еще возраста умеренного, пятидесяти с небольшим лет. Невысокий, довольно полный и малоподвижный. Лицо круглое. При других обстоятельствах я бы сказал, что он чем-то напоминал большого озорного кота. Веселые усы, такие же веселые круглые глаза. Настоящий кот. Но на самом деле Веселов был очень даже серьезный человек, хотя с большой долей здорового юмора.

Личностью он был довольно необычной. В свое время состоял в личной охране Сталина. Но об этом времени обычно не распространялся, а если что и рассказывал, то только при особых обстоятельствах. Именно от Веселова я в свое время узнал некоторые довольно удивительные подробности о жизни и смерти Отца всех народов.

После кончины Сталина Анатолий Иванович ушел в милицию, где довольно быстро дорос до начальника уголовного розыска транспортной милиции страны. То есть доказал, что он не случайный человек в правоохранительных органах. А ближе к концу карьеры перешел милицейским начальником на Казанскую железную дорогу. Вообще-то, это было почти понижение. Причина оказалась чисто формальная. У Веселова не

было специального милицейского образования. Высшее историческое было, но не милицейское. В результате путь к генеральской должности и дальнейшему карьерному росту оказался закрытым.

Похоже, что руководство, отказывая ему в генеральских погонах, понимало, что совершает не очень справедливый поступок. И для того, чтобы подкрепить свое решение, отправило Веселова на заведомо провальное направление. Пусть, мол, почувствует, что не такой он уж и крутой мужик.

А Казанская железная дорога была самой настоящей криминальной клоакой. Мало того, что тут толпами бродили воры, аферисты и прочие антисоциальные элементы, кормившиеся на ошалевших от приезда в столицу провинциалах. На Казанке всюду процветал грабеж товарных вагонов. Где-то на полустанках, на запасных путях, еще где-то, но вагоны с самыми разными товарами разграбляли самым наглым образом. И, похоже, иногда не без участия сотрудников правоохранительных органов. Тогда казалось, что ничего с этим поделать нельзя.

Но не таков был Анатолий Иванович. Не сразу, но как-то он так исхитрился, что смог вывести Казанское направление из безнадежно отстающих в достаточно передовые. Что им руководило? Собирали бы себе взятки, как все остальные милицмейские начальники, наплевав на работу. Но вот нет. В общем, предпочел утереть своим руководителям нос, нежели собирать денежные средства.

Ссылка в короткой Вовкиной речи на Веселова означала, что речь идет о серьезном охотничьем мероприятии.

– Когда? – я даже не стал тратить время на слово «да». И так было понятно, что я согласен.

– Ну, можно уже в ближайшую субботу. Помнишь, мы ходили в продовольственный магазин на железной дороге? Так вот, какие-то их родственники работают в милиции по Казанке. Кажется, что-то типа участковых. И они решили сделать Веселову приятное. Но ему не до того. Вот и предложил нас с тобой в качестве замены.

О, этот короткий рассказ вызывал у меня в груди какой-то приятный холодок предвкушения. У Веселова не могло быть плохой охоты. Тем более, что в данном случае его же коллеги – милиционеры были намерены сделать ему что-то вроде подарка. Наверняка накормят, напоят, обогреют, дадут пострелять волю. То есть без добычи не останешься. А в январе это лось или кабан. Думать тут было не о чем. Надо было отодвигать все дела и просто соглашаться.

Кстати, вспомнился и магазин. Это была достаточно необычная торговая точка. Все-таки это были семидесятые годы, тогда с потребительскими товарами было не очень. Но иногда они все-таки возникали в поле зрения. То бананы, то ананасы. То заграничное пиво. Вот с пива все и началось. Как всегда инициативу проявил Володька. Он как-то сообщил, что есть возможность достать чешское пиво. Сначала я даже немного удивился такой доброте. Но она тут же нашла свое объяснение. Планировался заезд на Веселовскую дачу на Волгу. А там баня. К бане нужно пиво. Если поедем покупать пиво вдвоем, то и расходы пополам. Конечно, я с радостью согласился быть в доле.

Магазин располагался близ железной дороги в довольно большом деревянном строении в один этаж. И состоял из двух комнат и двух же продавцов. Первая комната – небольшая, размером примерно пять на три. В ней был прилавок, за которым стояла одна продавщица. Пространство перед прилавком было полностью заполнено толпой покупателей. Они толкались, кричали, ругались. В общем, вели себя именно так, как ведут себя советские люди, когда на прилавке оказывается дефицит.

Конечно, сюда на помощь продавцу мог прийти второй человек. Тогда толпа, скорее всего, быстро рассосалась бы. Но другой продавец был нужен в совсем ином месте. Дело в том, что, как я уже упомянул, у магазина была и другая комната. Эта – побольше, раз в десять. Точнее, это был склад магазина. На многоэтажных стеллажах лежали самые разнообразные продовольственные товары. Вот тут-то и находилась вторая торговка. Сюда пускали только блатных покупателей. Ситуация была похожа на современный небольшой супермаркет. Ходишь по пространству магазина и набираешь себе те товары, которые тебе больше понравились. А на кассе все оплачиваешь. Правда, ценников на полках не было. Однако это было не столь уж и важно – все цены были государственные, то есть невысокие. Любой товар стоил разумно, пусть даже самый что ни на есть импортный. Наверное, при общем подсчете покупок блатных покупателей маленько и обсчитывали. Даже наверняка. Но не будешь же «возникать», когда пришел по рекомендации.

Следует напомнить, что тогда подобных супермаркетов в Советском Союзе не было. Так что возможность гулять во все стороны по складу без присмотра и набирать себе чего хочешь была достаточно привилегированным делом. Особенно если речь шла о каком-то дефиците.

Вот в это складское помещение магазина мы с Вовкой и попали в тот раз.

– А, вы от Анатолия Ивановича! Проходите, проходите, вот сюда. Смотрите сами, что вам нужно. Набирайте в сумку, потом оплатите.

– А чешское пиво есть?

– Есть, есть, завезли только что, вот там, в конце, – женщина небрежно махнула рукой в конец складского помещения.

– Можно, мы по ящичку возьмем?

Продавщица и на эти наши последние слова среагировала достаточно благосклонно:

– Ну, берите...

Однако сопроводила свои слова выражением на лице, которое вполне можно было истолковать так: «Если совести нет, то берите». После этого дама сразу же утратила к нам интерес. Понятно, что мы замахнулись на святое. Захотели получить не просто дефицит, а значительную часть

имевшегося запаса. Но нам это простили, учитывая значение фигуры самого Веселова.

Мы с Володькой, конечно же, не преминули воспользовались добротой торговых людей и набрали себе не только пива, но еще каких-то колбас, сыров, консервированных деликатесов. Так что посещение и удалось, и запомнилось.

Однако вернемся к возникшей теме охоты. Было понятно, что поездке подобного рода должен был предшествовать инструктаж. И уже вечером того же дня и Володька, и я прибыли на квартиру Анатолия Ивановича за подробными наставлениями. Все-таки речь шла о взаимоотношениях с его сослуживцами. Кто его знает, тут могли быть особые тонкости.

Но тонкостей не оказалось. Веселов явился домой уставший и какой-то задумчивый. Видно, железнодорожный криминал съедал последние остатки его здоровья. Поначалу отмахнулся от нас и исчез в своей комнате. Делать было нечего, мы вдвоем уселись на диван и стали терпеливо ждать, когда очередь дойдет и до нас.

Беседа продолжилась за ужином. Веселов неторопливо ковырял вилочкой в своей тарелке, а мы, забыв о еде, сидели и внимали наставлениям старшего товарища. Повторился немудреный рассказ про придорожный магазин, родственников и участкового милиционера. Была названа и станция назначения. Анатолий Иванович был довольно лаконичен:

– Поезжайте в пятницу. Доедете до этой станции, я ему позвоню, он вас встретит у поезда. Туда электричка не идет, слишком далеко. Сядете на проходящий пассажирский, на этой станции он останавливается. Сойдете, дальше сами разберетесь. Зовут его Сергей Н.

Так мы узнали имя и фамилию своего будущего благодетеля. Веселов не стал уточнять его звание, полномочия и прочие детали. И так было понятно, что милицейская должность в глубинке значила много. Уж охоту-то он способен организовать как надо. Тем более, что сам вызвался.

– Сначала на вокзале зайдете ко мне в отдел. Я там решу с билетами.

Если сказал, значит решит. Тут и обсуждать было нечего. Ужин закончился, а с ним и весь инструктаж. Если не было названо никаких условий, значит их и не было. Охота-то организовывалась, что называется, по все тому же благу. Значит, не гости должны соблюдать какие-то особые правила, а, наоборот, хозяева обязаны их поить, кормить и в целом ублажать.

Несколько дней до пятницы пролетели незаметно. Собираться было просто. Собственно говоря, охотничьи принадлежности состояли из теплой одежды и ружья с боеприпасами. Все было быстро сложено в одну большую кучу у стены. В пятницу пришлось удрать с работы пораньше. Нельзя сказать, что меня отпустили с радостью. Но отпустили, что уже было неплохо.

К пятнице погода лучше не стала. Двадцать с лишним градусов ниже нуля означали, что надо надеть все теплое, что только найдется. Рубашка, на нее свитер. Сверху меховая куртка, хотя и выдавшая виды, но еще не успевшая окончательно прохудиться. Толстенные ватные штаны, под них обычные. Боеприпасы, нож, патронташ, валенки, специальные охотничьи варежки – перчатки. На правой был умышленно отрезан указательный палец, чтобы было удобнее нажимать на спусковой крючок. Все это добро пошло прямо в рюкзак. Ну, кажется, готов!

Вовка заехал за мной на своем «жигульке». До Казанского вокзала было совсем близко. Уже минут через двадцать мы притормозили у линейного отдела милиции Казанской железной дороги. Я остался в машине, а Володька, изображая из себя большую важность, отправился на окончательную встречу с Веселовым в его кабинет. Минут через двадцать он вернулся. Было решено оставить машину тут же, рядом с отделом. Чтобы милиционеры сторожили, пока мы будем охотиться. Об этом Володька договорился с самим Анатолием Ивановичем.

И вот мы, нагруженные своим охотничьим багажом, уже идем по перрону. Городская атмосфера сменилась на особый запах железной дороги, который ни с чем не спутаешь. В воздухе пахло сгоревшим каменным углем, которым по-прежнему что-то тут топили. Так пахнет поездка в какие-нибудь далекие края в хорошем пассажирском вагоне.

Поезд стоял где надо, из вагонов выглядывали проводники, торопились пассажиры. Мы плелись вдоль вагонов, выбирая какой получше. За спиной болтались ружья в чехлах, а в руках мы тащили свои рюкзаки. Для пригородной электрички мы бы выглядели вполне пристойно. Там много любителей подледного лова, да и просто жителей подмосковных сел, волокущих в руках самую разную кладь. Но тут-то был все-таки пассажирский поезд, на котором ехала немного другая публика. Проводники поглядывали на нас с некоторым недоумением, а мы все не решались, где остановиться.

Оказалось, что Веселов снабдил нас интересными проездными документами. Дал две маленькие картоночки, очень похожие на те, которые раньше выдавались вместе с билетами на пассажирские поезда. То есть вроде бы плацкарта. Но не плацкарта. Действовали эти картонки следующим образом. Подходишь к любому поезду, который понравился, на любой попавшейся станции. Заходишь в любой вагон и суешь эту самую картонку в нос проводнику. Это значит, что в вагон сел сотрудник транспортной милиции. Так можно ехать сколько хочешь и куда хочешь. Хоть до Владивостока. Если есть свободные места в купе (а они всегда, наверное, есть), то проводник обязан их вам предоставить. В крайнем случае сиди на

откидном стульчике в коридоре. В общем, сплошной железнодорожный коммунизм.

Наконец, один из вагонов нам понравился. Это был обычный купейный вагон, но проводник выглядел попроще. Худой, какой-то замученный. Такой не будет задавать ненужные вопросы. Ведь мы со своими ружьями и котомками изображали из себя милиционеров. Что-то вроде секретных оперативников на ответственном задании, переодетых под охотников. Думаю, однако, было видно за версту, что мы за оперативники. Но проводник тем не менее в вагон нас пустил, никаких вопросов не задал, да еще посадил в свободное купе. Правда, от нас как-то все отворачивался и кривил губы. Чая также не предложил. Видно, не сильно любил милицию. Но нам было не до таких тонкостей. Мы расслабились, наслаждаясь первой маленькой победой. Развалились у окна, сняли верхнюю одежду. Вечерело. Поезд тронулся и вскоре за окном побежали дома с освещенными окнами, которые попеременно сменяли то пролески, то переезды.

Конечно, тут же, прямо в купе, можно было перекусить, а то и выпить. Но зачем размениваться? Ведь вскоре нас должен был ждать шикарный стол, который предвещал бы такую же шикарную охоту. Володька стал что-то рассказывать о своей работе. Я слушал его вполуха. Власов был комсомольским работником. То есть на самом деле он был химиком. И поначалу работал в соответствующем институте недалеко от Курского вокзала, где изобретали всякие нужные химические вещи. В том числе занимались и порохом, что переводило институт в разряд особо важных государственных учреждений.

Вот в этот институт Власов и попал по распределению. Маленько поработал на младших химических должностях, а потом смекнул, что делать карьеру химика сложно и малоперспективно. Тут же подвернулась и возможность себя проявить на ином поприще. Что-то там такое Владимир сделал, где-то удачно выступил, кое-что организовал. И в результате был избран освобожденным секретарем комсомола этого самого института. Освобожденный – это значит, что занимаешься только комсомолом, и никакой работы по основному профилю. Вся химия с этого момента была полностью заброшена, о чем Володька, по моим наблюдениям, никогда в своей жизни ничуть не жалел. Во всяком случае он никогда не рассказывал никаких историй на химические темы. Хотя имел высшее химическое образование. То ли вся эта химическая наука плохо ему давалась и потому была нелюбимой, то ли он стеснялся своего химического происхождения, я уж и не знаю.

Вообще-то, мне было понятно, почему у Володьки получилась комсомольская карьера. Вида он был не вполне приятного. Тонкие злые губы, прямой римский нос. И колючие недоброжелательные глаза. Самый

настоящий комсомольский вожак. Который может строго спросить, если что не так. Но у нас с ним отношения, понятное дело, были приятельскими.

Освобожденным секретарем дело, кстати, не кончилось. Власова через годик-другой вдруг пригласили на должность третьего секретаря райкома ВЛКСМ Бауманского района столицы. Куда он с успехом и перешел. В его ведении оказался в том числе Микояновский мясокомбинат со всеми своими колбасами и прочими мясными изделиями. То есть по обычным московским меркам Вовкина жизнь к этому моменту уже удалась в полной мере, дальше можно было не дергаться, а просто жить в свое удовольствие прямо до пенсии. Но Власов был какой-то вечно недовольный. Все ему было не так да не эдак. В конце концов это его недовольство сыграло с ним плохую шутку. Но это уже, как говорят, другая история.

Сейчас он просто сидел напротив меня и рассказывал про внутрирайкомовские интриги, про плохого и глупого второго секретаря, про то, какой он сам умный и грамотный, а это никто не ценит. Все это было, в общем, интересно, но не слишком. Я слушал и лениво, впопад и невпопад, поддакивал. Колеса перестукивали, вагон покачивало. Мы ехали навстречу приятному мероприятию.

Поездка продолжалась уже достаточно долго. Наконец очередь дошла и до нашей станции. Мы заранее оделись, перешли в тамбур и приготовились к высадке. Скрипнули тормоза, наш поезд дернулся и замер.

Мы с Вовкой с некоторым трудом слезли с высокой подножки и начали оглядываться. Однако на перроне не было никого, кто выглядел бы как местный милиционер. Вообще почти никого не было. Кстати, это был даже и не перрон, а просто площадка вдоль железнодорожного пути. Было уже довольно поздно, станционное освещение тусклое. Вдоль поезда дул пронзительный ветер с острой ледяной крошкой.

Стало как-то совсем сиротливо и неуютно. Куда нас черт занес?! А если Веселов не смог созвониться? А если кто-то что-то там не так понял? А если мы перепутали станцию? И что, теперь, на ночь глядя, будем ловить поезд в сторону Москвы? А если он будет только утром? Тем временем наш состав дернулся, медленно поехал, потом набрал ход и вскоре скрылся за красным светофором. Мы остались совсем одни.

Однако вскоре наши горестные мысли были прерваны самым неожиданным образом. Из ниоткуда вдруг нарисовался какой-то дядька. Где он находился до этого, понять было невозможно. Но вот не было никого, и вдруг появился. Вида он был совсем не милицейского. Среднего роста, постарше нас лет на десять. Не сильно упитанный. Одет в телогрейку и шапку с завязанными сзади ушами. Лицо поначалу мы даже и не разглядели. Было темно, к тому же он наклонял голову от ветра.

– От Веселова? – довольно лаконично проговорил он, не потрудившись даже поздороваться. Или поздоровался, а мы не расслышали? Мы при этих словах радостно закивали головами и кинулись трясти руку нашему спасителю. Значит, ночевать на путях этого полустанка не придется. Мы представились, сказали что-то еще, но мужик не очень-то и прислушивался к нашим словам.

– Пошли со мной, тут недалеко.

Что именно недалеко? Дом, в котором мы остановимся на ночь? Поначалу я именно так и подумал. Однако оказалось, что «недалеко» находилось лишь транспортное средство. Мужик шел впереди, уверенно заворачивая в какие-то темные проходы. Мы толкались за ним со своими рюкзаками. Вообще, что это за тип? Что, сам местный блюститель закона не мог подойти и встретить нас? Но, как потом оказалось, Телогрейка и был нашим милиционером по имени Сергей, предложившим Веселову устроить эту самую охоту.

В конце концов мы вырвались из станционных закутков и оказались на местной проселочной дороге. Она была покрыта плохо укатанным снежным настом. Собственно говоря, понять, что это именно дорога, а не просто пространство между домами, можно было только по окружающим предметам – телеграфным столбам и каким-то заборам в отдалении. Было ясно, что транспорт движется по ней только изредка, для коротких местных поездок.

Что, тут конец нашего перехода? Однако наш провожатый, кажется, не спешил зайти в какой-нибудь близлежащий дом. Он притормозил, помедлил, покрутил головой туда и сюда. Забыл, который из домов наш? Мы за его спиной переминались с ноги на ногу, снежок скрипел под ногами. А дядька все озирался, как будто кого-то искал. Может, мы ждем кого-то, кто должен подъехать? Мы уже были готовы пуститься в расспросы. Но тут оглядывание по сторонам прекратилось без какой-либо видимой причины, Сергей пришел к какому-то выводу и промолвил с некоторой неуверенностью в голосе:

– Сейчас немножко проедемся. Вы не против?

Мы были не против, хотя из этих слов стало ясно, что никакого дома тут не предвидится. А надо будет еще куда-то ехать. Впрочем, почему бы и нет? На то и охота, чтобы куда-то ехать.

После этих Сережиных слов я подумал, что вот сейчас мы подойдем к какому-нибудь автомобильчику, например, вроде моих «жигулей», или в крайнем случае к милицейской машине. Сядем на теплые креслица – и вперед, к натопленному дому и хорошему столу! Давно пора. Однако никаких автомобилей в пределах прямой видимости вообще-то не наблюдалось.

Сергей энергично двинулся дальше, вдоль этой самой то ли улочки, то ли дороги, а мы, подхватив рюкзаки и ружья, которые к этому моменту уже

успели пристроить на снегу, рванулись за ним. Все-таки где же наша машина? Никаких машин по-прежнему видно не было.

Еще несколько минут, и рядом с калиткой довольно неприметного домика наконец обнаружился мотоцикл с коляской. Это был совсем не милицейский мотоцикл, а самый обычный, довольно затертый и пошарпанный, при этом засыпанный снегом. Получалось, что наш провожатый приехал сюда не на нем? А на чем? Или он тут был у кого-то в гостях? Все эти безответные вопросы молнией промелькнули у меня в голове.

Вообще, все это было так неожиданно, что мы с Володькой даже и не осознали поначалу, чем чревата подобная ситуация. Мотоцикл так мотоцикл. Даже интересно слегка прокатиться на таком устройстве. Как же, настоящая местная экзотика! Единственно, неудобно, да и тесновато.

Разместиться удалось с трудом. Кое-как приторочили рюкзаки и ружья, что-то взяли на руки. Власов сел сзади водителя, а я с некоторым усилием втиснулся в коляску. Какая же она маленькая! Ноги уперлись в железные борта, и их пришлось довольно неудобно поджать. Как я ни пытался разместиться поудобнее, это не получалось. Ладно, можно несколько минут потерпеть.

Наш Сергей завел свой драндулет, хотя далеко не с первой попытки. Тот наконец затарахтел так, что захотелось заткнуть уши. Нас окутало облако выхлопных газов. Порыв ветра отогнал их, но новая порция вновь накрыла с головой. Наконец мотоцикл дернулся, потом еще раз и с трудом покатыл по заснеженной дороге.

Уже через несколько секунд этой поездки меня вдруг начал пробирать невыносимо холодный ветер. Он жег, студил, кажется, до самых костей. Это было совсем неожиданно и оттого вдвойне неприятно. Или втройне. Я никогда не ездил на мотоцикле зимой и совсем не представлял, что это значит.

Не припомню, чтобы когда-нибудь в своей жизни я так мерз. Я, кажется, даже не трясся. Холодно было просто до боли. Я корчился в своей коляске, закрывая то лицо, то поджимая рукава, то запахивая поплотнее свою куртку. Но ничего не помогало, мороз забирался в каждую щелку, постепенно охватывал меня целиком, от макушки до пальцев ног. Тут я оценил значение слов «промерз до костей». Хотя скорость была, в сущности, ерундовая. Я сильно пожалел, что не надел в поезде валенки. Но кто же ждал такого оборота событий? Впрочем, валенки тоже вряд ли сильно бы помогли.

Когда же это кончится? Мы все ехали и ехали и все не могли доехать. Я объективно не могу сказать, сколько это продолжалось. Время разделилось на множество отдельных секунд. Каждую из этих секунд я усилием воли отдельно преодолевал, борясь с холодом. Мне показалось, что прошло не менее получаса. Явственно однако помню, что тут ко мне пришло еще одно

довольно острое чувство. Мне вдруг стало очень жалко и этого нашего милиционера Серегу, и всю нашу милицию в целом. Ясно, что у него не было никакого «жигуля». И бедолага ездил на свою работу на этом мотоцикле. Каждый день, и в хорошую, и в плохую погоду. «Или он вообще не боится холода?» – вдруг поразила меня нехорошая догадка. Бывают же такие люди, «моржи», которые запросто зимой ходят босиком по снегу и купаются в проруби. Вот он и катается себе в удовольствие на открытом мотоцикле. То есть один ненормальный сейчас насмерть заморозит двух нормальных! Впрочем, почему двух? О Володьке я в этот момент точно не думал. Мне вполне хватало и собственных ощущений.

Я еще раз искоса глянул на водителя. «Морж» или не «морж», но наш Сергей внешне держался как ни в чем не бывало. Кстати, на нем не было ни мотоциклетного шлема, ни даже очков. А ледяной встречный ветер, кажется, стал еще пронзительнее.

Мы наконец подкатили к какому-то деревенскому домику на краю поселка, прямо у леса. Я бы даже сказал, что домик стоял уже прямо в лесу. А другие дома виднелись лишь вдали. Похоже, ледяная поездка подошла к завершению. Я просто не мог поверить в свое спасение.

Интересно, что мне стало тепло не тогда, когда я зашел в избу. А раньше, когда мотоцикл только остановился. Воздух вокруг тоже вдруг утихомирился, угомонился, перестал меня терзать. Телу было еще очень холодно, но умом я понял, что попытка стужей уже закончилась. И это было очень приятное чувство, которое само по себе меня согрело. Так себя чувствуют, наверное, жертвы кораблекрушения, когда на горизонте появляется спасительный парус.

В нашем случае роль паруса играла избушка нашего милицейского друга. Мы остановились перед воротами. Володька неуклюже соскочил с мотоцикла. А я в свою очередь попытался вылезти из коляски. Не тут-то было! Ноги затекли, замерзли и никак меня не слушались. Я стал так неуклюже и беспомощно ворочаться, что Власов счел необходимым мне помочь.

– Я со-сем околел! – это все, что я смог вымолвить, шевеля непослушными губами. Даже слово «совсем» мне не удалось толком выговорить. А на большее у меня просто не было слов. Володя только покачал головой в ответ, как бы с укором и осуждением в отношении нашего хозяина. Видно, он тоже сильно промерз. Но жаловаться было не с руки – ведь инициатором нашего путешествия был сам Власов.

Наконец я вырвался из плена жестяного сооружения и захромал по снежку, волоча за собой свой рюкзачок и ружье. Странно, но Сергей никак не озаботился нашим состоянием после ледяной поездки. Не понимал, что нам могло быть холодно? Вообще не понимал страданий других людей? Я этого

очень сильно не исключаю. Ведь почему-то он пошел именно в милицию, а не на завод и не в колхоз. Хотя что я хочу сказать этой фразой? Что в милицию идут бессердечные люди, к тому же с садистскими наклонностями?

Хозяин с некоторым усилием отворил ворота и начал заталкивать свой мотоцикл во двор. Мы же по его указанию поволокли свое барахло в сторону двери этого строения, которое на ближайшее время должно было стать нашей штаб-квартирой. С трудом распахнули тяжелую входную дверь, прошли предбанник и наконец очутились в самой настоящей деревенской избе.

Пока мы начали раздеваться, я бегло огляделся. Мы попали в темную, но довольно обширную комнату с низким потолком. Однако стены были не бревенчатые, а дощатые. Доски были пригнаны довольно плотно, но вид имели старый и пятнистый. Было заметно, что их никогда никто даже и не пытался красить.

В левом углу этой комнаты находилась большая русская печь, вся побеленная, массивная и очень теплая. Тепло шло от нее волнами, растекалось по всей комнате. И охватывало нас, как бы успокаивая, что все испытания уже позади.

В дальнем темном конце комнаты располагалась кровать, огромная по размеру и довольно небрежно застеленная. Ее отгораживала от остальной части комнаты штора, мятая и засаленная. Сейчас она была частично сдвинута в сторону. Похоже, тут обычно спали сами хозяева. Но Сергей, который зашел вслед за нами, предложил сложить наши вещи именно около кровати. По всему выходило, что он уступал свою постель дорогим гостям. Мы не стали спорить и сбросили с себя всю свою оставшуюся амуницию прямо на пол, где было сказано.

Только тут я смог по-настоящему разглядеть нашего хозяина. У него было круглое красное лицо, которое с одинаковым успехом могло принадлежать и рабочему, и крестьянину. Большой красный нос, маловыразительные глаза, немного морщин. Ни усов, ни бороды. Явные признаки злоупотребления алкоголем. Если бывают лица неинтеллектуальные, то это был самый выразительный образчик. На лице Сергея не отражалось никаких замысловатых мыслей. Похоже, о ходе его рассуждений можно было судить по повороту его головы. Вот он уставился на нас. Значит, думал, куда нас разместить. Поглядел на кровать, потом опять на нас. После глянул на хозяйку заведения и на стол. И тут ход его мыслей был тоже вполне понятен. Из дальнейшего общения выяснилось, что Сергей не то, чтобы неразговорчив, но предельно лаконичен. Он был совсем не против поговорить. Но при этом изъяснялся короткими простыми фразами. Сказать честно, я в конце концов пришел к выводу, что у него просто не было сложных мыслей, которые надо было бы излагать другим людям.

Вообще, поразглядывая его минуту-другую, я так и не смог найти в нем признаков того, что он относился к милицейским кадрам. Какой там милиционер! По виду в лучшем случае грузчик в овощном магазине. Все-таки у милиционера должна быть какая-то хитринка, какая-то способность более или менее рассуждать. Кроме того, милиционеры должны быть способны на какие-то объяснения, уговоры. Но тут нам, видимо, попало полное исключение из правила. Наш Сережа, надо полагать, был самый полный деревенский чурбак. Не исключено, что именно поэтому он и вызвался организовать охоту для милицейского начальства. Чтобы если не хорошей работой, то хоть подхалимскими действиями заработать какие-то очки. Впрочем, вполне вероятно, что все это было лишь внешним впечатлением, совсем не соответствовавшим действительной сути этого персонажа.

Однако пора было обратить внимание и на центральную фигуру этой деревенской сцены. На хозяйку. Она на мгновение повернулась к нам, когда мы вошли, но потом опять занялась едой у печи. Размера хозяйка была просто необыкновенного. В таких случаях говорят про необъятное. В ней было хороших килограммов сто пятьдесят, уж никак не меньше. Это была деревенская бабища такого размера, что просто дух захватывало.

То ли она стеснялась столичных гостей, то ли действительно что-то там стряпала, я уж и не знаю. Но только за стол к нам она в общем толком так и не присела за этот вечер. А лицо ее я видел только мельком. В профиль, когда она подносила ко рту стакан. Впрочем, это тоже было лицо простого деревенского человека. Единственно, на нем присутствовал какой-то элемент женского каприза. Что-то вроде вечно поджатых немного недовольных губок.

Рядом с печью, как уже упоминалось, стоял обеденный стол. Я бы не сказал, что он был похож на стол в ресторане «Прага». Как раз наоборот. Если описывать похождения Машеньки и трех медведей, то наш стол был как раз из той самой сказки: сколочен из грубо обработанных досок и брусков, неказистый и неудобный, но довольно широкий, накрытый чем-то вроде старой оборванной шторы. Но уж точно не скатертью. Стол был под стать самому хозяину. Наверное, тот его сам и смастерил.

У стены вдоль стола стояла лавка. С другой стороны находилась пара стульев. Но не самодельных, как сам стол, а скорее казенных. Похоже, наш Сережа их где-то успешно позаимствовал.

Впрочем, чего придирается к столу? Важно, что на столе, а не какой стол. На столе же в изобилии располагались деревенские разносолы. Хоть и лежали они на самых простых столовских тарелках, но от этого ничуть не проигрывали. Даже беглого взгляда на эти соленые красные помидорчики, огурцы и грибки было достаточно, чтобы понять, что вечер вполне удался, по крайней мере, по части закуски. На столе было еще что-то такое деревенское, ароматное, но оно упорно ускользало от моего внимания. Кроме того, нос

явно ощущал запах картошечки из русской печки. Ее еще не было на столе, но все говорило о скором прибытии и этого блюда.

Мы втроем расселись за столом, я и Володька на лавке, у стены. Наша толстенная хозяйка продолжала как огромный кит ворочаться у своей печи. Сергей потянулся за закуской. Мы восприняли это как сигнал к действию и тоже перетасили к себе на тарелки по паре помидорчиков и грибков. Одновременно Вовка вытащил из своего рюкзака бутылку водки.

Конечно, ледяная поездка на мотоцикле была немного лишним приключением. Даже совсем лишним. И без нее было достаточно оснований, чтобы нагулять хороший охотничий аппетит. Но, в конце концов, нельзя же жить совсем без тягот и трудностей! Ну, немножко замерзли, околели. Зато сейчас все станет хорошо. Вот выпьем эту бутылочку, поговорим всласть на разные интересные темы, закусим досыта – и на боковую. А завтра на охоту. События тем не менее стали развиваться не по этим нашим расчетам. Московским расчетам, заметим себе.

Милиционер вдруг потянулся к нашей бутылке. Володька, который собирался сам ее открыть, разлить, а заодно и произнести приветственную речь, просто подрастерялся. Он на мгновение замер, а в результате водка из его рук успешно перекочевала в лапы нашего благодетеля. Вообще-то, было странно, что Сережа выхватил ее. Что, мы сами не можем разлить?

Однако дело дальше пошло уж и вовсе не по нашему сценарию. Никаких рюмочек по двадцать пять или в крайнем случае по пятьдесят грамм заметно не было. Я глянул на стол повнимательнее и, к своему удивлению, вообще не обнаружил никакой посуды для водки. Пока я раздумывал над этим парадоксом, все разрешилось само собой. Хозяин в одно небрежное движение полуоткрутил-полуоторвал винтовую пробку и очень уверенным движением стал делить.

Тут выяснилось, что граненые стаканы, которые стояли на столе, предназначались вовсе не для чая и не для кваса. Именно в них стал наш Сережа разливать несчастную бутылку. Та забулькала и закончилась в одно мгновение. А на столе образовалось четыре стакана, налитые поровну, почти до верха. Нет, не до верха, но намного больше половины.

Еще не успев закончить эту процедуру, хозяин промолвил: «Маша, ты будешь?» Собственно говоря, это был риторический вопрос. На столе стояло четыре стакана. А в комнате находилось четыре человека. «Ты как?» – еще раз полуспросил-полупредложил он. Видимо, это был обязательный ритуал. Маша на любое предложение, даже самое выгодное, судя по всему, соглашалась не сразу. Она по-прежнему как-то сердито возилась у своей печи, как бы не замечая обращенного к ней вопроса. Мы все бросили еду и устали в необъятную Машину спину. Выдержав хорошую дипломатическую паузу, дама как бы нехотя, но все-таки согласилась. Что-то

тихо буркнула себе под нос, но при этом повернулась к нам вполоборота, что явно означало согласие. Сережа протянул ей один из стаканов. На мгновение мне показалось, что в нем было чуть побольше водки. Или это был просто обман зрения?

Вообще-то, я сам совсем не запойный пьяница. Могу, конечно, выпить немного, но без перебора. К тому моменту у меня лишь раз был случай в жизни, когда я выпил стакан водки за один прием. Кажется, это случилось на студенческой уборке картошки. Тут, на охоте, стакан оказался поменьше, но тоже достаточно хороший.

Вовка в своей обыденной жизни также не сильно нажимал на пьянство. И для него стакан был вполне достаточной дозой на целый вечер, даже при таких особых обстоятельствах. Исходя из этих своих потребностей и возможностей мы взяли на охоту три бутылки. Две с водкой, а третья – с крутой самогонкой. Расчет был таков: вечером перед охотой уговорить одну бутылку. Самим при этом выпить всего по рюмочке-другой. А остаток пусть выпивают хозяева. Потом, днем, уже на охоте также можно было немного выпить. Например, если завалим зверя. В такой момент слегка пропустить водки очень даже уместно. Ну, а уж вечером, на обмыве трофеев, всю водку следовало допить. При этом мы искренне полагали, что и хозяева что-то выставят на стол. Самогонка же планировалась в качестве определенного подарка нашему хозяину. Если хочет, пусть сам пьет. А не любит самогонку, пусть передарит или просто выльет.

Все, однако, вышло совсем по-иному. Маша взяла протянутую ей долю. Немного помедлила, примерилась. И вдруг в одно движение поднесла ко рту. Широко его разинула, при этом хорошо запрокинула голову назад. Кряк – и готово! Пустая тара. Она даже не стала закусывать, а простым прямым движением поставила порожний стакан на стол. Затем отвернулась и как ни в чем не бывало продолжила совершать какие-то манипуляции у плиты. Хозяин тоже небрежно справился со своей порцией. Черт, мы даже не чокнулись и не успели сказать никакого тоста! Вот так охотничье застолье! А как же поговорить, посмаковать, порастянуть удовольствие? Но все эти действия явно пока не входили в планы наших хозяев.

Мы с Вовкой переглянулись не то чтобы с недоумением. Мы просто опупели, если уместно употребить в благородном рассказе про охоту это непарламентское слово. Но оно очень точно отражало наше состояние в тот момент. Сначала неожиданное ледяное катание. Потом выпивка молча, и по стакану. Ей богу, так даже грузчики не гуляют.

Замешательство наше было столь велико, что ни я, ни Володька не смогли оказать сопротивление обстоятельствам, которые стремительно развивались

по самому неожиданному пути. Мы тоже подняли свои стаканы. И тоже выпили их до дна. Как это произошло, я не понимаю. Но вышло именно так.

Теперь, однако, получалось, что надо вытаскивать и вторую водочку. Мы тем не менее медлили, навалились на закуску и попытались завести какую-то беседу. Водка, надо отметить, проскочила внутрь совсем незаметно и, по первому впечатлению, никакого опьянения вообще не вызвала. Похоже, сказывалась холодная мотоциклетная прогулка.

Беседа так беседа. Сначала мы произнесли все приличествовавшие случаю слова, адресованные хозяину и хозяйке. Власов выступил четко и гладко. Из его слов следовало, что не только хозяин – молодец, но и мы довольно ценные гости. Я также воспользовался случаем и добавил все то хорошее о хозяйке, что смог придумать. Про еду, гостеприимство и доброту.

И Сережа, и его огромная подруга выслушали нас молча, не перебивая. Слушал даже скорей Сергей. А женщина вроде как замерла, но к нам так и не повернулась. Когда мы наконец закончили, хозяева никаких слов в ответ не промолвили. Мы это восприняли как сигнал перейти к теме охоты. Однако, будучи людьми воспитанными и по-городскому хитроватыми, построили далее разговор так, чтобы побудить Сережу взять слово и что-нибудь нам рассказать. Ясно, что рассказывать всегда приятно. Тем более про охотничьи подвиги. Особенно если гости всячески демонстрируют свой интерес и не пытаются перебивать. В общем, мы были готовы ему подыграть.

Наверное, делать этого совсем не стоило. Действительно, Сергей взял инициативу в свои руки и заговорил. Но оказалось, что это были совсем не те охотничьи рассказы, которые можно обычно услышать при подобных обстоятельствах. Говорил наш милиционер натуженно, делал длинные паузы. При этом поглядывал на нас с каким-то особым значением. Из слов же его никакого такого особого значения вовсе не следовало. Просто отрывистые рубленые фразы. К тому же не сильно связанные между собой.

Речь поначалу пошла о том, как хозяйская коза чуть не выколола кому-то из местных жителей глаз. Как-то это было отдаленно связано с охотничьими похождениями. Другие истории были не лучше. Мы выслушали небольшую повесть о дровах, срубленных, но не наколотых. Или наколотых, но не сложенных в поленницу. Потом что-то еще в том же духе. Был упомянут и продовольственный магазин, с которого началась история со всей этой охотой.

Все эти немудреные истории перемежались упоминанием имен и регалий родственников и знакомых самого рассказчика. Эти имена вставлялись кстати и некстати. При этом Сергей делал определенное отступление от основной мысли, поясняя что-то об упомянутом человеке. В результате частично забывал, в каком месте он остановился. И продолжал оттуда, откуда считал целесообразным. Как итог речь получалась как у очень опытного дипломата –

обо всем и одновременно ни о чем. Другое дело, что дипломат делает это, чтобы не наговорить лишнего и не проговориться по острой теме. Для нашего же Сергея это был, надо полагать, обычный стиль общения с другими гражданами, особенно если они его почему-то не перебивали и внимательно слушали.

В целом словарный запас Сережи оказался довольно скудным. А полета мысли, без которого не расскажешь настоящей байки, и вовсе не было. Надо сказать, что интеллектуальное содержание нашего хозяина вполне соответствовало его предельно простецкому виду. Запутанность и бессвязность изложения были естественными результатами этого содержания.

На фоне такого «рассказчика» было просто неудобно говорить что-то свое. Рассказать, как охотятся в Индии магараджи и наши дипломаты? Или какая бывает генеральская охота? Упомянуть какие-нибудь особые случаи из жизни опытных охотников? Или в каких охотах мы принимали участие? Нет, все это явно пошло бы вразрез со словами нашего участкового. Он, скорее всего, воспринял бы такой рассказ как вызов, как намек на его бедную и убогую жизнь. Так что мы оказались вынуждены помалкивать и лишь в лучшем случае иногда старались что-то такое слегка поддакнуть.

К нашему удивлению, речь о завтрашней охоте вообще не пошла. Сережа нам ничего не сказал по поводу предстоящего мероприятия. Через какое-то время Володька попытался было что-то такое спросить, но милиционер заговорил о том, что охота тут знатная, зверя много. Потом со значением промолвил: «На лося пойдем!» И все, после этого перевел рассказ на новую тему. Ну, хорошо. Пусть будет для нас сюрприз. Мы не стали настаивать. Ясно хоть, на кого будем охотиться. Хотя уже в этот момент меня посетила очередная светлая мысль. А вообще, он охотник или нет, этот наш Сергей? Можно быть сколь угодно ограниченным человеком. Но если ходишь на охоту, обязательно возникнут необычные ситуации. Рассказать их захочет и сможет хоть кто. Но наш Сергей по-прежнему упорно избегал охотничьей темы.

Конечно, есть примета, что плохо обсуждать предстоящую охоту. Якобы можно как бы спугнуть удачу. Наверное, эта примета идет от каких-то древних верований в то, что существуют особые сверхчувственные каналы связи, по которым животные могут понять, что на них готовится охота. А если охотник не будет обсуждать охоту, то тем самым не спугнет ни удачу, ни саму дичь. Оставим в стороне, существуют ли такие надчувственные или сверхчувственные способы общения живых существ. Может, и существуют. Но в данном случае мы с Володькой просто хотели знать общий рисунок предстоящей охоты. Чтобы самим быть более к ней готовыми, и только. Если лось не будет знать, что на него предстоит охота, он, вероятно, станет более

легкой добычей. Но если мы сами не будем знать, как именно собираемся охотиться, то добыть дичь будет явно не проще, а сложнее. В любом случае, этот наш местный милиционер был далек от каких-то сложных примет, верований и древних охотничьих обрядов, это уж точно.

Тут я отвлекся от своих эзотерических мыслей и вновь обратил свое внимание на стол. Закусь, однако, была что надо. В деревне умеют готовить, что следовало признать без оговорок. Такие соленые огурцы, помидоры, грибы, пожалуй, не получишь ни в каком даже самом дорогом ресторане. Мы пользовались ситуацией и закусывали в полной мере. Однако еда едой, а за столом через какое-то время возникла как бы пауза, которая затягивалась и, по сути, превращалась в неловкость. Сережа перестал рассказывать свои немудреные истории и как-то многозначительно примолк, посматривая на нас. Мы с Володькой искоса глянули друг на друга. По всему выходило, что пора вытаскивать вторую водку. Что же теперь будет?

Случилось то, что и должно было случиться. Хозяин опять цепко схватил нашу бедную бутылку за горло и тут же лихо ее разлил. Опять тетка как большое животное неуклюже ворочалась около своей печи. Что она там еще такое готовит? К нашему разочарованию, она согласилась и на этот стакан. Куда-то опять выплеснула его внутрь и, не присаживаясь, вновь занялась своим делом. Но на этот раз все-таки взяла со стола минимальную закуску и мигом ее проглотила. Нам ничего другого не оставалось, как повторить всю процедуру вслед за ней и за ее муженьком.

Совершенно не могу понять, почему мы с Вовкой в тот раз не воздержались от попойки. Можно же было сделать так: налить в свои стаканы поменьше и не пить до конца. Пригубить в конце концов, но не до дна же! Пусть бы себе наши хозяева нахлебались досыта, никто не мешает. Но мы-то куда? Тем более, что мы сами считали себя людьми опытными, по крайней мере по части выпивки – комсомольский вожак и уже зрелый дипломат.

На самом деле произошло вот что. Умышленно или нет, но этот самый милиционер Сережа создал для нас совершенно определенную ситуацию. Сначала заморозил нас на своем мотоцикле так, что после этого не выпить было просто невозможно. Во-вторых, никак не обозначил, что собирается выпить все запасы сразу и без остатка. Именно поэтому мы не отказались от первой бутылки. То есть хочешь не хочешь, но выпили первый стакан до конца и в результате набрали определенную дозу.

Кроме того, никто не ожидал, что Сережа станет разливать чужую водку. Если бы мы сами это делали, то, конечно, в основном поили бы своих хозяев. А он налил и нам по полной мере. Куда это годится?

В общем, мы выпили первую порцию, а дальше не включился какой-то предохранительный механизм. Может быть, подсознательно сыграла роль какая-то жадность? Ведь этот самый Сережа со своей супружкой прямо на наших глазах уничтожали все наши алкогольные запасы. Что, просто смотреть на это? Может и поэтому ни я, ни Вовка не удержались и выпили и по второму стакану. Чтобы хоть часть выпивки спасти от этих товарищей.

Тут голова уже начала кружиться, а язык – слегка заплетаться. Дальше было почти все равно, что мелет наш хозяин. На вкус еды я тоже перестал обращать внимание. Все стало одинаково вкусным. Однако где же, кстати, тут туалет? Где он, черт побери, куда идти? Оказалось, что во двор. Я что-то на себя слегка накинул и выскочил наружу. И с некоторым трудом локализовал деревянный домик в самом конце почти не освещенного двора. Не очень-то поспешая дошел до него, забрался внутрь и притворил за собой дверь.

Как же они, бедные, тут живут? Как можно каждый день так себя истязать, морозить себе все, что надо и не надо? Неужели нельзя построить сооружение потеплее, покомфортнее? Эти вопросы оставались без ответа. Наверное, не умеют. Или не хотят, и так сойдет. Ведь саму же избу догадались построить теплой. Значит, можно было и туалет обустроить иначе.

Раздумывая на эти философские темы, я поднял глаза и вдруг на стенках сортира увидел яркие блестящие звездочки. Они, кажется, даже шевелились. Светлячки? Но откуда? Сейчас ведь страшная холодина, зима вовсю. Да и не живут они в этих широтах. Вот в Индии их полно. Запросто можно вечером увидеть дерево, полностью покрытое тысячами довольно ярких светляков. Они при этом ползают, перелетают с ветки на ветку, гоняются друг за другом. Исключительно красочное зрелище, можно любоваться часами. В чем-то такие деревья похожи на украшенные гирляндами лампочек московские елки в канун Нового года.

Кстати, мороз действительно разгулялся не на шутку. Больше минуты в этом заведении было просто опасно оставаться. Я тем не менее все глядел на странных светлячков. Наконец мне с трудом удалось сфокусировать зрение. И вдруг я как-то сразу понял, что стенки у сортира не сплошные. Между досками были щели, даже скорее дыры, в ладонь шириной. Через них на небосклоне виднелись яркие-преяркие звезды. Их-то я поначалу и принял за светлячков на стенках сортира. Ох, эта водка до добра не доведет! Одновременно с этой мыслью я еще удивился, как можно строить туалеты со щелями шире досок. Что он за странный человек, этот наш милиционер? Однако мороз уже не щипался, а кусался. Я вынужден был прервать созерцание и уже рысью кинулся назад в хату.

Застолье тем временем продолжалось. Ситуация измениться не успела, так как меня не было всего пару минут. Опять пошла какая-то беседа. Мы однако реагировали уже вяло, больше поглядывали на выделенную нам кровать.

Хозяин тем не менее был, что называется, ни в одном глазу. Через некоторое время он опять ловко создал какую-то напряженность, переходящую в недвусмысленную паузу. Как-то он тем самым смог довести до нашего уже помутненного сознания, чего хочет. А хотел он просто еще выпить.

Делать было нечего. Володька нащупал внизу свой рюкзак, немножко порылся в нем, пошарил, и наконец выудил бутылку с самогонкой. Она была водружена в центр стола. Однако на этот раз дело пошло иначе. Сергей не попытался схватить бутылку на лету. Не схватил он ее и со стола. А замолк и начал разглядывать. Рассматривать было что. Вид у этой, третьей по счету, бутылки, был довольно-таки сомнительный. Пробка, конечно, была что надо, винтовая. И сама бутылка была из-под водки, 0,7 л. Только вместо водки в ней до горла была залита молочно-белая жидкость. То есть одного беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что мы притащили с собой полную дрянь.

Володька помедлил, подождал. Сергей же, похоже, на этот раз был готов уступить инициативу нам. Если бы он сам налил, претензий к качеству скорее всего не было бы. Если согласился пить, значит, нечего и жаловаться. Но он этого не делал, хотя с водкой только что поступал совсем по-другому. Дальше тянуть было нельзя. Надо было браться за разлив самостоятельно. Иначе мы рисковали натолкнуться на замечание, что на приличную охоту такое пойло не берут.

Я уж даже и не знаю, откуда Володька добыл эту бутылку. Он мне просто сказал, что берет самогонку в дополнение к тем двум бутылкам, на которые мы с ним совместно скинулись. Я думаю, что эта самогонка была из деревни, где находилась дача Веселова, на Волге, в районе Завидово. Там дачи перемежались с домиками местных деревенских жителей. Те успешно сосуществовали с городскими, продавая им то молоко, то мясо, то соленые грибы. Наверное, и самогонка всплыла именно там. В общем, неважно где, а вот теперь она красовалась в самой середине нашего охотничьего стола.

Сергей, однако, в конце концов опередил нас, уже готовых самостоятельно приняться за разлив, и все-таки соизволил взять в руки бутылку. Кажется, при этом чуть заметно покривил губы. А может, и нет. В этой ситуации я запросто мог приписать ему интеллектуальную реакцию, которой на самом деле и не было. Он, не торопясь, открутил пробку, понюхал. Чуть задумался. И я, и Володька замерли. Вдруг сейчас вспылит, скажет нам, что мы его не уважаем? Кто его знает, что потом будет по пьяной лавочке. Еще пристрелит из табельного пистолета, а потом ходи, жалуйся.

Дальше, однако, произошло вот что. Наш Сережа глубоко вздохнул и в конце концов начал разливать и эту бурду. Тут уж наши стаканы оказались налиты не до середины с половиной, а до самого края. Хозяин взял в руки свой стакан. А Машу на этот раз не пришлось долго уговаривать. Видимо, она уже дошла до своей комфортной дозы и больше не была склонна капризничать. Сама взяла стакан, примерилась к нему. Но никакого сомнения в качестве выпивки не высказала. И в конце концов, хотя и с некоторым усилием, но выхлебала до дна и этот стакан. Сережа проделал то же самое. Вообще, они вдвоем чем-то друг другу сильно подходили и хорошо дополняли друг друга. Хотя были совсем разного размера и разного пола. Просто сладкая парочка, да и только.

Зрелище выпиваемого женщиной стакана сивухи потрясло меня до глубины души. Понятно, что среди мужиков бывают конченые пьянчуги, употребляющие стаканами. Но женщина – это все-таки что-то другое. Тем более выпивать почти залпом очевидно малокачественную самогонку! Что-то во всем в этом было такое, что начало вступать в конфликт с моими фундаментальными взглядами на окружающий мир. Я как бы начал терять точку отсчета адекватного поведения. Что еще тут может произойти? И вдруг

понял основу этого неожиданного и нового для меня чувства. Мы как будто попали в компанию к людоедам. Они еще не собрались нас скушать. Но могут и передумать.

Эти мои внутренние переживания даже на мгновение заслонили достаточно очевидную проблему. А мы, что теперь должны были делать мы? Не пить? Глотать эту вонь действительно не хотелось. Совсем не хотелось, даже на пьяную голову. Но теперь уже получалось, что мы подпаиваем некачественным продуктом хозяев, а сами его пить не желаем. К тому же спиртное уже кончилось, сами хозяева, похоже, не собирались нас ничем угощать, кроме картошки. Только тут она приспела ко столу. Чего уж тут было тянуть с выпивкой? Хоть быстро, хоть постепенно, но эти полные стаканы были точно только нашими.

Тут и я, и Володька поймали на себе как бы удивленные взгляды этой семейной пары. В глазах как Сережи, так и Маши читалось примерно одно и то же: «Нас этой дрянью подпаиваете, а сами не хотите? Ишь какие баре!» Или мне только показалось, что они на нас посмотрели именно так?

Это точно была последняя капля. Дальше сопротивляться было совершенно невозможно. И с какими-то остатками угрызений совести, но мы вместе с Володькой тоже залили в себя белую сивуху. Кстати, на вкус она была не такая уж и противная. Видимо, все-таки прошла какую-то очистку. А может быть мы просто не почувствовали ее дрянного аромата. Тут же закусили картошкой, причем как следует.

Хозяева вдруг зашевелились, засобирались. Мне стало ясно, что ужин закончен. Краем глаза я однако успел оценить, что и сам милиционер, и его необъятная подруга, в отличие от нас, не были сильно пьяны. Так, навеселе, не более того.

Дальше наступило вот что. Я вдруг осознал, что за столом усидеть не смогу больше ни минуты. Тяжелое состояние навалилось как-то сразу. Надо было любой ценой встать и перебраться на кровать.

Ах, какими же были трудными эти несколько метров от стола до кровати. Я собрал в кулак всю свою волю, чтобы их преодолеть. Каждый шаг давался с трудом. Один, второй, третий. Наконец и спасительное ложе, на которое я наполовину заполз, наполовину рухнул. Но все-таки оказался не на полу, а на кровати, что уже было неплохо.

Дальше началось довольно неприятное состояние. Меня не рвало, хотя это была бы самая обычная реакция на перепив. Однако появилось очень неприятное чувство падения спиной в бездну. Какая-то мерзкая невесомость. Все это продолжалось довольно долго. Мне казалось, что я совсем не сплю, а вот только так падаю и падаю назад и куда-то вниз. Еще немного и я все-таки провалился в беспамятство.

Наконец наступило и утро. Хозяин подошел к нам и довольно громко произнес: «Вставайте, уже пора. А то все звери разбегутся. Вся команда уже вас ждет». После таких слов залеживаться в кровати было совсем не с руки. Мы с Володькой вскочили и начали поспешно разбирать свои вещи. Спали мы, конечно, в одежде. Но ведь теперь-то надо было натянуть сверху полную охотничью амуницию.

Вышли во двор. Было еще совсем темно, о приближении рассвета не говорило просто ничего. Но двор все-таки как-то полусумрачно освещался, с трудом можно было разглядеть, где что. Хозяин юркнул в сарайчик, повозился там и через пару мгновений выволок целую охапку самых разных лыж, которую бросил нам под ноги. Зачем они были ему нужны в таком количестве? Организовывать группы лыжников для поимки преступников? Или он их так же, как и стулья, спер где-то, например, в местной школе?

Мало того, что лыжи были все разные. Крепления на них были тряпичные, все растянутые и разболтанные. Я кое-как подобрал себе две примерно похожие лыжины, попытался прицепить их к своим валенкам. Мороз жег пальцы, веревки вырывались из рук. Но после нескольких неудачных попыток мне все-таки удалось их как-то приладить. Я встал на лыжи, пошатнулся, попытался немного проехаться. И понял, что мои испытания еще не закончились.

Хорошо, что я занимался спортом и в любом случае мог прилично держать равновесие, даже без лыжных палок, с рюкзаком за плечами и довольно тяжелым ружьем. Его я предусмотрительно вытащил из чехла и собрал еще в избе. Оно еще не успело толком остыть и пока не прилипало к пальцам. В общем, двигаться, конечно, на этих лыжах было можно. Но с трудом. Надо было постоянно балансировать, чтобы не растянуться на снегу. Лыжи при этом в полной мере вертелись в креплениях и так и норовили развернуться поперек движения.

Володька также как-то подобрал себе подходящие лыжины. Наверное, и ему такое катание не представлялось особо приятным. Но выбирать опять не приходилось. Надо было использовать то, что дали.

В голове еще оставался какой-то алкогольный туман. Но не настолько, чтобы стать серьезным препятствием. Видимо, местный кислород делал свое дело. Но тут вдруг очень даже захотелось поест. Я неожиданно сообразил, что мы вышли из дома без завтрака. Наверное, надо было сначала хоть чуть-чуть закусить, а потом уже отправляться на лыжную прогулку. Но почему-то наш Сережа не предложил никакой еды. А мы впопыхах и не сообразили. Но теперь возвращаться в избу было уже совсем поздно.

Впрочем, сам-то он, наверное, перекусил. Не может быть, чтобы не перекусил после такой попойки. Эта мысль пришла мне в голову уже после

того, как мы выкатились за калитку. «Вот свинья!» - это все, что я подумал о нашем хозяине, спина которого замаячила впереди.

За воротами мы повернули налево и довольно мерным шагом покатались сначала вдоль забора, а потом просто вдоль леса. Все это продолжалось минут пятнадцать-двадцать, причем в полном молчании. Сережа широким шагом шел на своих лыжах перед нами. А мы гуськом за ним, еле поспевая. Наконец перелесок кончился, и наша группа выехала к дому, который был на самом краю поселка. За ним стояли еще дома, образуя поселковую улицу.

У этого дома, у столба под фонарем уже толпилась группа охотников. Было их человек десять, не больше. Они курили, о чем-то между собой переговаривались и нетерпеливо перетапывались с ноги на ногу. То тут, то там виднелись пары лыж, воткнутых задниками в сугробы. Увидев нас, охотники примолкли.

Наш провожатый вырвался вперед, подошел к этой группе, заговорил. Нас он, как это ни удивительно, никак не представил. Просто сказал, что мы с ним, вот и все. Хотя если охота организовывалась для нас, надо было это четко обозначить. А как же иначе? Ведь мы должны были стоять на самых лучших местах, где предполагалось завалить зверя.

Но ничего подобного не произошло. Более того, у меня даже сложилось впечатление, что в группе уже была пара человек, занимавших привилегированное положение. Именно к ним чаще всего и обращались охотники. Но в тот момент я счел, что слишком придирчив, отбросил свои сомнения и подошел к охотничьей компании поближе.

Из слов, которые я услышал, никак не следовало, что обсуждалась предстоящая охота. Говорили о какой-то работе, о жене лесника, о линии электропередач, которая оборвалась под тяжестью снега и льда. По всему выходило, что план предстоящей охоты уже в полной мере был всем понятен. А как же мы? Нам не надо рассказать, что будет происходить дальше?

Тут к нашей небольшой группке подошел еще один охотник. Наверное, он отлучался куда-то неподалеку. Во всяком случае он, ни слова не говоря, подошел к паре лыж, торчавших из сугроба и взял их себе.

Надо полагать, что все ждали именно его. Группа зашевелилась, засобиралась. Тут наконец внимание присутствующих дошло и до нас. Дядька в хорошей меховой то ли куртке, то ли даже дубленке, обращаясь к нам, промолвил: «Ребята, вы как на лыжах, можете по снегу ходить?» Мы подтвердили, что можем. Хотя лыжи были дрянные. Все зависело, по какому снегу ходить и сколько ходить. Но уже это говорить было совсем нельзя. Получилось бы, что мы чуть ли не капризничаем. «Давайте сделаем так, – продолжал Дубленка, – с вами пойдут еще двое». Тут он махнул рукой на пару охотников, тоже примерно нашего возраста, которые молча стояли поодаль. «Вот они вам скажут, куда надо идти и что делать».

На этом персональный инструктаж завершился. Получалось, что нас с Володькой вручали этим, по всему видно, местным жителям. Которые должны были то ли командовать нами, то ли размещать так, чтобы охота для нас была интересной и содержательной. А вдруг в загон? Зачем он нас спросил про лыжи? В загон совсем не хотелось. Но и спорить мы не стали. Местным виднее, как лучше. В любом случае, судя по количеству участников, охота должна была быть загонной.

Тут надо сделать отступление и сказать пару слов про суть загонной охоты. Загон означает следующее. Часть людей становится где-то в цепочку. Чаще всего вдоль просеки или лесной дороги. А вторая часть с другой стороны заходит в лес. И идет по целине, нарочно поднимая шум. Лоси или кабаны слышат загонщиков. И бегут от них в противоположную сторону, прямо на цепь стрелков.

На самом деле звери так поступают далеко не всегда. Например, иногда вообще не поднимаются, если только загонщик прямо на них не наступит. Но для того, чтобы поднять даже самого «крепкого» зверя, надо слишком много загонщиков. Если же такое все-таки произойдет и животное поднимется прямо «из под ног», то загонщик имеет право в него стрелять. Конечно, стрелять надо осторожно, понимая, куда пойдет заряд. Лес лесом, деревьев тут много. Но все равно может так случиться, что пуля полетит далеко, а не застрянет в ближайшей березе. На этот случай надо понимать, что стрелять в сторону охотников на номерах нежелательно. Если до них еще несколько километров, или даже всего один километр, то еще ладно. Но если ближе, может произойти несчастный случай.

Возвращаясь к тактике зверя, отметим, что он как правило не выдерживает шума загонщиков и все-таки поднимается. Но совсем не факт, что так просто пойдет на номера. Ведь там могут немного подшуметь, и зверь будет знать, что его ждут. Вообще, на номерах трудно оставаться совсем незамеченным. Для начала охотники должны пройти по дороге или просеке, вдоль которой предполагается выставить номера. Но совсем бесшумно идти невозможно. Можно тихо идти, но не более того. Но зверь и такой шум запросто приметит.

Мало того, пока не встал на номер, заряжать ружье нельзя. Это вполне разумное правило. Пока идешь, можно споткнуться, зацепиться за сучок, вообще упасть. Вдруг произойдет случайный выстрел? Лучше избегать ситуаций, которые как-нибудь могут привести к несчастному случаю. Конечно, далеко не всегда это правило соблюдается. Впереди идущие охотники все равно нередко заряжают оружие, чтобы в случае чего убить зверя с подъема. Ну, тут человеческий азарт, а, по сути, жадность, вступают в противоречие со здравым смыслом и осторожностью.

Если ружье надо заряжать на номере, это дополнительный шум. Да не просто шум, а лязганье затвором. Этот звук слышно очень далеко. Так что

даже тогда, когда загон еще не начался, зверь на лежке скорее всего уже определил для себя, где более опасное направление и где можно натолкнуться на людей.

Кроме того, зверь, как правило, уже имеет какой-то жизненный опыт. Раз он вырос и не был убит раньше, за предыдущие один-два года, значит, хватило ума избежать охотничьих ловушек. Следовательно, он уже научился совершать такие маневры, чтобы не оказаться у кого ни попадя на мушке.

Очень часто лось или кабан идет не на линию стрелков, а вдоль ее. Не подходит к ним слишком близко, а перебирается с места на место метрах, например, в трехстах. Постоит, прислушается, оглядится. И переходит чуть дальше. Конечно же, в таком случае его не видно и не слышно. Он же охотников и загонщиков слышит или ощущает каким-то особым чувством. И ищет, как выйти из западни. Хороший вариант – это прорываться назад через линию загонщиков, особенно если их не слишком много. Но это уже высший пилотаж. Такого зверя, пожалуй, никогда не завалить.

Не столь изощренный лось, а с ним и кабан, могут пойти вдоль линии загонщиков и стрелков и выйти сбоку, подальше от ружей и пуль. Вообще-то, чаще всего именно так и происходит. Поэтому иногда на фланге тоже стоят люди на номерах. Но это только в том случае, если загонщиков и стрелков достаточное количество.

В этой связи нередко случаются следующие ситуации, свидетелем которых бывал и я сам. Подъезжают охотники на машине к просеке, где будут стоять номера. Вышли, машину с шофером оставили, а сами пошли на свои места. Ждут, когда загонщики нагонят на них дичь. А эта самая дичь идет себе вдоль линии стрелков, но за пределом видимости. И в конце концов выходит прямо на оставленную машину. Через часок – другой охотники возвращаются несолоно хлебавши. А их шофер начинает им горячо рассказывать, как лоси прошли совсем рядом. Следы это подтверждают. Ну, что в такой ситуации поделаться? Одного охотника оставлять в машине? Давать шоферу ружье? Самому ни на какие номера не ходить, а продолжать сидеть в транспортном средстве?

Конечно, я только что описал загонную охоту в очень схематично-условной форме. Хорошую охоту лучше заранее должным образом готовить, по определенной системе. Самое главное – это выяснить, лежит ли зверь в обложенном месте или нет. А то можно целый день устраивать загоны, и все будет без толку. Но как определить? Можно по-разному. Хороший егерь знает, где у него зверь водится. Такой егерь не просто часто обходит свои уголья, но и устраивает кормушки. Понятное дело, что животные будут держаться поближе к еде. Зверя при этом желательно без нужды не беспокоить. То есть одна-две охоты в этом месте за сезон, не больше, а то всех распугаешь.

Можно искать дичь иначе – «обрезать». Лучше выбирать лес, разбитый на квадраты лесозащитными полосами. Идти по таким полосам и подсчитывать по следам, сколько животных вошло в квадрат, а сколько вышло. И когда это произошло, давно или только что. Если охотник опытный, а звери в этом лесу в принципе имеются, то таким методом можно охотиться довольно успешно. Главное, не обсчитаться. А то входящих следов четырнадцать, а выходящих – десять. Четыре лося в загоне? Хорошо, если так. Да только, пока охотники шли да подсчитывали, за спиной вся четверка пересекла просеку и удрала восвояси. То есть если пройти квадрат еще раз и заново пересчитать, то получится ноль. А по первому разу получается, что в загон попало целое стадо.

Единственный выход – действовать быстро и надеяться на охотничью удачу. И стараться не подшуметь. А то пока пройдешь, обрежешь, пока выставишь охотников на номера, а загонщиков в линию, все звери уже сто раз разбегутся.

Конечно, можно снабдить охотников и загонщиков рациями. Это упростит охоту, позволит избежать недопонимания и радикально сэкономит время. Но это палка о двух концах. Ведь чем больше современной техники, тем все меньше это похоже на настоящую охоту. Так можно и датчики по лесу расставить, и видеокамеры. А еще вертолет в помощь привлечь. Но в таком случае и вовсе речь пойдет не об охоте, а об отстреле.

Еще один вариант – это охотиться по недавно выпавшему снегу. В снегопад зверье, как правило, очень прочно сидит на своих лежках. И никак не хочет выходить и оставлять свежие следы. Этим можно воспользоваться. Но если просто выйти в снегопад, то не увидишь вообще никаких следов. Вот если снежок прошел какое-то время назад, это сильно упрощает дело. В такой ситуации нет старых следов, которые путают все подсчеты и расчеты, но есть новые, свежие. Кроме того, можно не слишком бояться, что нашумишь и раньше времени сгонишь дичь с места.

Опытный читатель тут может мне возразить: если охотник бывалый, он легко определит, старый след или новый. Мало того, скажет, насколько старый. Вовсе опытный следопыт по еле заметным признакам может определить, какое именно животное вышло из квадрата – именно то, которое вошло, или другое. Ведь запросто два лося вошло, а два, которые тут уже стояли – вышли. По простой арифметике – в загоне ноль. А на самом деле – два животных. Вот так-то!

Я и спорить ни с кем не стану. Как и в любом деле, в охоте можно быть новичком, доцентом или даже профессором. И находить тот или иной успешный вариант, чтобы не остаться без добычи. Есть стандартные приемы. А есть нововведения, собственные придумки. Или что-то такое, что основано на особенностях местности, на специфике тех или иных охотничьих мест. Тут

нет предела совершенству. Я же просто рассказываю определенные азы, чтобы неохотнику, читающему эти строки, было понятно, о чем именно в том или ином случае идет речь.

Конечно, у наших хозяев в тот день был какой-то охотничий план. Который нам они почему-то не сочли нужным сообщить. Но мы все-таки были не совсем новички и по составу группы понимали, что речь, скорее всего, идет о загонной охоте. Для стрельбы с подъема охотников многовато. А вот для загона такого количества хватит. Хотя лучше человек двадцать. Можно и тридцать, конечно, но по сколько мяса тогда придется на каждого, по паре кило?

Судя по внешнему виду, в нашей группе явно были и фавориты, и публика попроще. Значит, есть кандидаты идти в загон. Понятно, что хождение по снежной целине – довольно неблагодарная работа. Трудно, очень трудно. Кроме того, снег обязательно куда-то забьется под одежду. Когда идешь, то ничего, жарко, даже вспотеешь. А остановился – сразу остыл и весь мокрый. Последствия – понятно какие.

И психологически в загон трудно ходить. Казалось бы, для того, чтобы подстрелить дичь, надо к ней подкрадываться тихо. А ты, наоборот, идешь и кричишь, стучишь палкой по деревьям. То есть сам же своими действиями спугиваешь зверя, на которого охотишься. Довольно неприятное противоречие. Поэтому, и не только поэтому, в загон нередко идут вообще без ружья. Шанс подстрелить что-то с подъема довольно невелик. А ружье все-таки что-то весит. А если несколько загонов подряд, то тут и вовсе каждый килограмм превращается в три.

Бывает, что при загонной охоте участники для справедливости меняются ролями. Один загон стоят в цепи на номерах. Другой – сами идут в лес орать и колотить палками. Однако такое случается не часто, хотя и выглядит достаточно демократично. Дело, в частности, в том, что одежда для загона и для номера должна быть принципиально разной. По снегу лучше идти налегке, в малопромокаемой одежде. А вот на номере надо стоять долго и неподвижно. Тут необходима экипировка, не дающая замерзнуть длительное время. То есть, как правило, что-то тяжелое. Например, тулуп. Конечно, сейчас изобрели много новых синтетических материалов с особыми свойствами. Они и легкие, и не промокают. И тепло лучше всякого тулупа держат. Но еще раз повторяю – нет предела совершенству.

Кстати, загонщика подстерегает и еще одна неприятность. Ведь охотники-то бывают очень разные. Если спокойные да расчетливые, то и ладно. А некоторых, бывает, охватывает азарт, да еще какой! Запросто могут маленько подзабыться. Есть, например, жесткое правило – не стрелять в сторону загонщиков, а также вдоль цепи, по номерам. Но это легко сказать – не стрелять. В жизни же случается не всегда так. Обстоятельства, бывает,

заводят человека как пружину, которая запросто может по малейшему поводу распрямиться и очень даже ударить. Вот один раз выходишь поохотиться, два, три, и все безуспешно. Другие же что-то уже подстрелили. А ты все нет да нет. Наконец зверь вышел и на тебя. Но когда он был близко, стрелять надо было в загон. Нельзя! А потом он уже был далеко, за пределами уверенного выстрела. В результате промах, насмешки товарищей по охоте. И вот наконец в один прекрасный день зверь опять выходит на тебя. Но опять не так, как надо. Идет, к примеру, не прямо в лоб, а по косой. Если стрелять на минимальном расстоянии, то пуля пойдет в загон. Любой ли сможет утерпеть в такой ситуации, не будет нарушать правило? Ой, не знаю! А если выстрелил, то в результате вместо лося можешь получить подстреленного загонщика.

Короче, загонщик подсознательно даже на самой организованной и приличной охоте боится получить пулю. Кто его знает, сколько еще осталось по расстоянию до номеров. Вроде еще далеко. А может уже и не очень. Охотники-то на номерах замаскировались, их не увидишь. А они слышат треск по лесу и уже подняли ружья, целятся в это место. Палец на спусковом крючке дрожит, того и гляди сам нажмет. И что, приятно на такой мушке разгуливать среди осин?

Я очень понимаю подобную ситуацию. И, находясь на номере, стараюсь действовать следующим образом. Во-первых, жестко настраиваю себя на то, чтобы не горячиться. Дичь дичью, а людей лучше не подстреливать. Во-вторых, самым тщательным образом слежу за тем, как передвигаются загонщики. Конечно, судить тут можно только по шуму, по их крикам, а лес скрадывает расстояние, особенно зимой, когда много снега. Кажется, что шум еще далеко. А на самом деле до человека в загоне уже всего несколько сот метров. Тут надо быть просто осторожным. Ну, и в момент выстрела надо понимать, куда именно полетит пуля. Если голова на плечах, то можно рискнуть и выстрелить даже в сторону загона. То есть, подводя итог, у разумного и спокойного охотника намного меньше шансов пристрелить своего товарища по охоте.

Я не зря рассказываю эти детали. Один раз я просто был свидетелем подобной неприятной ситуации. По счастью, обошлось без жертв. Мы встали на номера, загонщики пошли, заорали. Наконец раздался выстрел недалеко от меня. То есть по всем правилам охота была окончена. Если стреляли, то предполагается, что попали. Однако еще минут через десять ко мне подошли два охотника с одной стороны и один – с другой. Вообще-то, с номеров нельзя сходить до тех пор, пока не сняли. Но в этот раз мои товарищи по охоте немного нарушили это правило.

Вот подошли, рассказывают, куда стреляли. Оказалось, по зверю, но дистанция была великовата. Прошли по следу, проверили, крови нет,

попадание точно в ствол дерева. Стрелявший рассказывает, как услышал шум, треск сучьев. Сквозь деревья ломилось явно большое животное. Но деревья закрывали его, просто ничего не было видно. А когда стало видно, было уже далеко...

И вот мы стоим все вместе, ждем остальных, тихо переговариваемся. При этом понятно, что те, кто был в загоне, конечно же, уже слышали выстрел. Для порядка они еще поорали, постучали. Но по звукам слышно, что наконец вышли на номера. Тут все крики смолкли. Все ясно, сейчас по цепи до нас дойдет вся группа, нас снимут с номеров, и мы отправимся в новый загон.

Так проходит еще довольно много времени. И вдруг мы слышим, как по лесу кто-то ломится прямо на нас. Не идет, а именно ломится. Прет сквозь сучья и кусты, не разбирая дороги. Все ближе и ближе. Лось? А почему бы и нет! Времени прошло много. Мы стояли тихо. Вот какой-то лось и вышел случайно на нас.

Дальше произошло вот что. Один из нас поднял ружье в сторону шума. А что делать другим? Он будет стрелять, а они смотреть? Он-то только поднял, и то не до конца. А другие вскинули свои ружья и просто уже приложились в сторону кустов. А шум все ближе и ближе. Наконец из кустов вдруг прорвался к нам один из загонщиков. Просто выскочил из кустов. И увидел, что на него направлено три ружья и сейчас, того и гляди, грохнут выстрелы. Он, конечно, заорал. Ружья тут же опустились. Но момент был довольно неприятный.

А произошло вот что. Легко разгуливать по просекам и дорогам. А вот по целинному лесу идти не так просто. Очень даже запросто можно сбиться с направления на цепь стрелков. Что в этом случае и произошло с одним из загонщиков. Тем более, что он, как выяснилось, вообще был не охотник. Попросился взять его на охоту, хоть в загон. Вот и взяли. А он шел-шел и постепенно стал забирать все правее и правее. Пока вообще не пошел вдоль линии стрелков. Остальные загонщики услышали выстрел, дошли до номеров и замолчали. А ему что, продолжать орать? Там уже зверя свежуют, а он тут один орет как ненормальный в лесу? В общем, наш малоопытный товарищ предпочел замолкнуть чтобы избежать неприятных насмешек. Мало того, вдруг испугался, что заблудился. Все приехали на охоту. А будут теперь его разыскивать вместо кабанов с лосями. И он не просто пошел вперед, а стал рваться, продираться сквозь чащу, чтобы поскорее выйти хоть куда-нибудь. То есть повел себя не как загонщик, а скорее как лось, которого он должен был гнать.

И вырвался прямо на нас с треском и шумом, под стать хорошему лосю. Причем вышел намного позже, чем все остальные, когда уже загонщиков и не ждали. А мои коллеги, в свою очередь, оказались слегка слаонервными. В результате еще чуть-чуть и был бы нам там лось с кабаном. Должен отметить,

что в той ситуации я, хотя и снял ружье с плеча, но все-таки не вскинул. Что-то внутри меня подсказало, что не надо торопиться. Вот такие бывают ситуации. Нарочно не придумаешь. Несколько нехороших совпадений, и недалеко до беды.

Итак, как я уже сказал, мы с Вовкой оказались в отдельной группе. Кроме нас в нее входили уже упомянутые двое ребят из местных. Одного звали Мишей, другого и не упомяну как. Наши провожатые тоже были довольно немногословны: «Идем вместе со всеми. Там посмотрим, где и как нам быть. Наверное, на номера становиться не будем. А встанем немного в стороне. Лоси тут опытные, могут обойти тех, кто на номерах. А тут мы стоим. Стреляй, только не зевай. Хорошо стреляете?» Мы подтвердили, что хорошо. Из Мишиных слов следовало, что мы, во-первых, не пойдем в загон, чтобы было уже хорошо. Во-вторых, мы заключили, что все-таки продолжаем оставаться привилегированными гостями. Вон, сам Миша сказал, что мы будем стоять там, где лось и пойдет. То есть получается, на самом основном месте.

Мы с Володькой коротко обменялись парой фраз на эту тему и почувствовали себя вновь на коне. Да, действительно, водки у нас больше нет. Нас заморозили на мотоцикле. Спали мы кое-как, вповалку. Лыжи нам дали неудобные. Завтраком не накормили. Предстоящую охоту с нами никто не стал обсуждать. Но вот теперь хотят поставить на самое главное направление! Спрашивают, хорошо ли мы стреляем.

Итак, вся группа двинулась. Пошли мы назад, в сторону милицейского дома. Но до него не дошли, а повернули прямо в лес. Шли один за другим, довольно быстро. Я даже не могу сказать, передвигались ли мы по заранее проложенной лыжне или нет. Мы с Володькой катились в самом конце и в любом случае по уже хорошему лыжному следу. Наши сопровождающие чуть впереди. Они время от времени оглядывались на нас, видимо, проверяя, не отстали ли мы. Но темп был, в общем, невысокий, отставать мы определенно не собирались.

Так продолжалось не менее часа. Прошли мы, наверное, не меньше нескольких километров. Причем передвигались исключительно по лесным просекам, которые переходили из одной в другую. Однако группа никуда не сворачивала, ехали точно по прямой. Лес стоял заснеженный, тихий. Мороз был по-прежнему крепкий, но уже не кусался. Более того, двигаясь, мы довольно прилично согрелись.

Тем временем ночь перешла в утренние сумерки, а те сменились хорошим ясным зимним утром. Стало довольно светло. Я стал более внимательно оглядываться по сторонам. Следов было совсем немного. Вообще-то, в предыдущий день шел снег. И он запорошил все, что только можно. Иногда виднелись цепочки глубоких вмятин, шедших поперек просеки. Местами их

совсем засыпало снегом, в других местах они все-таки угадывались. Это были следы крупного животного. Но прошел он тут не только что, а довольно давно. Как давно? Оставалось надеяться, что впереди идущие охотники хорошо разбирались в местной обстановке. А как же иначе?

Вообще, я ожидал, что вся группа будет останавливаться тогда, когда мы будем видеть следы лосей. Через минут двадцать мы перешли через свежие лосиные следы. Это был одиночка, и, похоже, довольно крупный. Шел он справа налево, причем медленно. Но почему-то он не заинтересовал никого из нашей охотничьей бригады.

Наконец на ничем не выдающемся пересечении двух просек мы все остановились. Наш Миша отправился к Дубленке за указаниями. Но беседа была предельно краткой. Владелец дубленки махнул Мише по направлению одной из просек, чем тот вполне и удовлетворился. Выходило, что мы должны были пойти именно туда. А остальные? В загон? А как же обрезать, выяснять, вообще есть тут лось или нет?

Все вопросы, как всегда, остались без ответов. Оставалось предположить, что мы именно сейчас и вышли на настоящее место охоты. Пройдем куда-нибудь в сторонку, в удобном месте расположимся, дождемся своего часа. И ударим изо всех стволов, только держись. С этими мыслями мы с Володей и последовали за Михаилом и его другом. Остальная группа осталась позади. Я оглянулся пару раз, но они все не расходились. Продолжали совещаться, как удобнее обложить лося? Это было неизвестно. Еще минута, и группу скрыл из вида очередной изгиб нашей просеки.

Вот тут мы точно пошли по нетронутому снегу. До нас тут никто ни ходил, ни ездил. А если и ходил, то довольно давно. Снег в любом случае скрыл от нас все следы. Наш Миша и его товарищ шли впереди, ружья они сняли с плеча и держали на изготовку. Из чего я сделал вывод, что они готовы стрелять, если встретят достойную цель. Но цель никак не попадалась. А отошли мы уже довольно далеко. Более того, никаких следов лося мы тоже больше не встретили. Зато заячьих стало встречаться довольно много. Я с удовольствием их разглядывал. В свое время отец хорошо меня поднатаскал по зайцу. Собственно говоря, знать-то тут особенно было нечего. Просто на бегу заяц заносит задние ноги за передние. Поэтому след имеет характерный рисунок, который ни с чем не спутаешь. И по расположению отпечатков передних и задних лап можно судить, в каком именно направлении двигался заяц. Хотя это можно довольно легко выяснить и по снегу, который был выброшен из следов. В какую сторону полетел снег, туда и двигался зверь.

Еще заяц отличается тем, что петляет и делает так называемые скидки. То есть время от времени совершает довольно большие прыжки в неожиданном направлении. Сразу и не разберешься, куда именно он дальше пошел. Соответственно, существует и охота по заячьему следу. Идет себе охотник

потихоньку и распутывает свежий след. По его характеру примечает, что заяц уж слишком петляет и хитрит. Значит, близко лежка. Если идти осторожно, то можно надеяться, что заяц выскочит лишь в последний момент, а не заранее, когда охотник еще далеко. Тут уж стреляй, не зевай!

Мы однако все шли по лесной просеке. Как мне казалось, при этом уже удалились от основной группы не менее, чем на пару километров. Наши провожатые, однако, шли уверенно, хотя и не слишком быстро. Миша наконец повесил свое ружье на плечо. Видно надоело тащить его на изготовку. А его товарищ, который теперь шел первым, продолжал держать свое ружье в руках. Мы настороженно поглядывали по сторонам, но свои ружья снимать не стали. Может, это было и неправильно, не в духе хорошей охоты, когда всегда находишься наготове. Но уж больно расслабили нас все предыдущие события. Длинный переход без попытки выследить зверя. Теперь наше путешествие куда-то в сторону и без видимой цели.

Наконец мы вышли на довольно большое открытое пространство. По сути, это был край леса, дальше начинались, судя по всему, колхозные поля или что-то в таком духе. Вдали виднелся лес, но до него было не менее километра, если не больше. И все это была одна нетронутая снежная равнина, которая ослепительно блестела в лучах утреннего солнца. Только тут я осознал, что небо немного расчистилось. Солнечные лучи отражались в снежных сугробах и нестерпимо слепили глаза. В воздухе висела какая-то еле заметная белесая дымка. В общем, зрелище было одновременно и захватывающим, и грандиозным. Я вдохнул морозный воздух поглубже и лишний раз подивился особой красоте бескрайней зимней целины. Наверное, даже ради только таких мгновений стоило выбраться за город.

Эти мои пафосные размышления длились недолго. Миша и его товарищ стали совещаться, куда идти дальше. В общем, это даже было какое-то подобие спора. Миша предлагал перейти заснеженное пространство по целине. А его друг думал, что полезнее двигаться по краю леса. Тут можно поднять лося. Мы с Володей стояли и молча слушали спор двух охотничьих «светил». По целине идти не очень хотелось. Но и по краю леса было бы примерно то же самое. Снега намело довольно много. В лесу, на просеке тоже было довольно снежно. Но тут были видны целые барханы снега с неровной вершуху кромкой. Можно было себе представить, как мы будем вязнуть, когда попытаемся перебраться через них.

Победил Миша. И мы двинулись по первоначальной целине. Предполагалось, что мы срежем большой кусок и выйдем к лесному массиву, выдававшемуся в поле далеко слева. Однако эта наша попытка сразу наткнулась на серьезные препятствия. Снегу было не просто много, а совсем много. И, конечно же, сказало, что это было пахотное поле. Если бы под снегом лежала ровная земля, еще полбеды. Но тут земля была неровная, в виде длинющих

глубоких борозд. И видно их, в общем, не было. Но очень быстро мы провалились, несмотря на лыжи, в одну из таких ямин. Ноги увязли, лыжи стали цепляться за невидимые под снегом препятствия. Так продолжалось метров двести. Миша пошел впереди, но очень быстро стало понятно, что затея наша была сомнительной. Даже мы, хотя и шли сзади по уже протоптанной лыжне, путались в ямах и неровностях пахотного поля. А Мише вообще приходилось высоко задира́ть ноги с лыжами, чтобы сделать почти каждый очередной шаг. Если бы снег был менее пушистым и хоть слегка слежавшимся, наш переход был бы скорее всего более легким и приятным. Но поверхностный снежок оказался слишком рыхлым. При этом покрывал землю довольно толстым слоем.

Наконец Миша без лишних слов сдался и повернул назад, к лесной опушке. Эти метры до леса показались мне намного полегче. То ли снег тут лежал плотнее, то ли психологически назад было приятнее идти, я не знаю. Но дальше мы пошли уже вдоль леса.

Нельзя сказать, чтобы наш новый путь оказался совсем беспроблемным. Но все-таки вдоль опушки не встречалось слишком уж глубоких рытвин. Конечно, то тут, то там из снега торчали кусты и отдельные ростки каких-то небольших деревьев. Но их мы более или менее успешно обходили, то ближе к лесу, то выбираясь назад, в поле.

В какой-то момент наши спутники решили радикально облегчить себе жизнь. Миша остановился, подождал, когда мы подойдем, и промолвил: «Давайте теперь вы впереди. А то тут довольно трудно. Ну, что все я да я? А я уж умаялся, ей Богу!» Мишин приятель ничего не сказал, но всем своим видом показал, что и он довольно-таки утомился. Мы не стали возражать. И так уже последний час и я, и Володька относительно комфортно катились позади по протоптанной лыжне. Пора было и честь знать. Теперь уже нам предстояло прокладывать путь другим.

Я вызвался первым. Этого моего порыва хватило на несколько сотен метров. Если бы лыжи были пошире и с другими креплениями, не было бы никакой проблемы. На то лыжи и изобретены, чтобы свободно передвигаться по снегу, в том числе и нетронутому. Но у меня была совсем иная история. Школьные лыжи были ни два ни полтора. Недостаточно широкие. И с отвратительными креплениями. То есть они в полной мере проваливались на такую глубину, когда их носки увязали намного ниже поверхности. Когда я делал шаг вперед, лыжа не выныривала из снежной глубины. В результате мне приходилось тащиться по колено в снегу, а не катиться по поверхности. Конечно же, это занятие даже с самой большой натяжкой нельзя было назвать скольжением по снегу. Это было явно что-то другое. Если бы я снял эти лыжи, то даже просто в валенках, и то, скорее всего, не провалился бы глубже. Глубже было некуда.

В общем, надолго меня не хватило. Я, понятное дело, не запросил пощады. И продолжал бы так ползти хоть до вечера. Но скорость нашего передвижения упала настолько, что наконец наши провожатые не выдержали. Миша обогнал меня и занял место впереди. Я спорить не стал.

Надо отметить, что у Михаила, судя по всему, были собственные лыжи, а не выданные с милицейского склада. И они намного лучше подходили для нашего путешествия. Пошире и подлиннее моих. А главное, с полужесткими креплениями. В результате лыжник проваливался не так глубоко, как я. А следовательно, шел намного легче. Итак, попытка использовать нас в качестве снежного авангарда провалилась настолько в очевидной форме, что до конца охоты этот вопрос больше не возникал ни разу.

А где же все остальные охотники? Их не было ни слышно, ни видно. Никаких криков в загоне, а тем более выстрелов. Нас окружала первозданная тишина. Ни охотников, ни зверей, ни даже их следов. Только мы и белое молчание вокруг. А ведь мы должны были выйти на какой-то фланг загона!

Дальше был длиннющий переход вдоль леса. Мы все ползли и ползли по снегу, предположительно приближаясь к какой-то невидимой цели. Никаких лосей, однако, не было видно и в помине.

При нашем приближении с некоторых деревьев осыпался снег. Сказать честно, это было единственное, что хоть как-то оживляло картину происходящего. Я смотрел на падавшие с веток комья снега. Те, которые летели с самого верха, ударялись по пути об ветки пониже. Дальше уже начиналась небольшая снежная лавина, нараставшая по пути. Наконец вся снежная масса падала под дерево, а оно, как бы встрепенувшись, расправляло ветки, освободившиеся от снежного гнета.

Как говорят в сказке, долго ли, коротко ли, но наше хождение «за три моря» наконец закончилось. Мы добрались до той самой лесной гривки, которая теперь предстала перед нами во всей своей красе. Собственно, никакой особой в ней красоты не было. Сосны как сосны. Но я все-таки ими залюбовался. Стройные, высокие. Наверное, именно такие в былые времена и шли на изготовление мачт для кораблей. Одно слово, корабельный лес.

Однако никаких следов оставшейся группы охотников и тут не наблюдалось. Володька высказал предположение, что это и был предполагаемый фланг загона. Фланг флангом, но где сам-то загон? Мы же должны были его слышать. Или как? Просто гуляем по просторам нашей родины и ждем, когда в поле зрения окажется лось, согнанный где-то в стороне нашими партнерами по мероприятию? По всему выходило, что именно так. Но наши провожатые ни в какие объяснения пускаться не стали. Не то чтобы они не снизошли до наших вопросов. Нет, тут было что-то другое. Они стояли, слушали, что называется, во все уши. Но ничего достойного их внимания явно не слышали. И на лицах молодых людей

появилось чувство большой заботы. Такой заботы, что стало не до наших вопросов. Я не стал огорчать себя предположениями о том, что мы просто вульгарно заблудились. Но что-то похожее на эту мысль, все-таки посетило мою голову.

Стояние на месте продолжалось уже довольно долго. Мы даже вытоптали небольшую удобную площадку и как бы немножко подкатывались по ней назад и вперед, чтобы не совсем стоять на месте. Мысли о добыче уже отошли на задний план. Их место заняли размышления о том, что в таких лесах не трудно и потерять какие-то ориентиры. Я все-таки гнал от себя зловредную мысль, что мы потерялись в лесу, как дети. Это казалось невероятным с местными жителями, которые были специально назначены к нам провожатыми.

В любом случае взаимопонимание с основной группой было явно потеряно. Похоже, что мы тут должны были услышать загон и в случае удачи даже что-нибудь подстрелить. Но никакого загона не было. То ли мы вышли слишком далеко, то ли загон просто не состоялся. И не было никакого способа, чтобы как-то выяснить, что же происходит на самом деле. В то время навигаторы, обычные сейчас, вообще считались шпионским оборудованием. А мобильные телефоны просто не существовали. В лучшем случае телефоны в машинах оперативных служб и высшего руководства страны.

Наконец наши двое аборигенов пришли к какому-то выводу. И уверенными голосами предложили нам продолжить лыжный поход. Откуда взялась эта уверенность, было непонятно. И опять дело не дошло до подробных объяснений. А нам было просто сказано предельно безапелляционным тоном, что надо пройти немного подальше. А там свернуть в лес.

– Там будет просека. Хорошая просека. Надо будет пройти по ней подальше.

Никаких уточнений по поводу того, что в результате такого перехода случится, не последовало. Найдем других охотников? Окажемся на номерах загона? Все как бы предполагалось само собой. Опытные охотники в виде Миши и его дружка, видимо, и так знали, что и как всем нам надо делать. А мне и Володьке лишь следовало не волноваться и следовать за ними в полной боевой готовности, не задавая глупых вопросов. Мы спорить не стали. Если начнешь расспрашивать и настаивать, то, конечно, какой-то ответ получишь. Но в таком случае и сам примешь на себя ответственность за последующие действия. А вот этого в подобной ситуации нам с Володей совсем не хотелось делать. Было намного проще тащиться за нашими поводырями и ждать хорошего окончания всей этой затеи.

Переход вдоль опушки продолжился. И, действительно, через какое-то время в лесу образовалась просека. Она была такой же заснеженной, как и та, по которой мы шли час назад. Наши провожатые остановились и стали совещаться. Говорили они довольно тихо, а когда мы подошли, они и вовсе примолкли.

– Ну что, сюда идем?

На этот мой вопрос Миша кивнул скорее утвердительно, чем отрицательно. И посмотрел на своего друга. Тот не стал утруждать себя никакими кивками, а просто отвернулся и глубоко задумался. Пауза затягивалась. А мы с Володей недоумевали все больше и больше.

– Что-то загона никак не слышно, – отважился наконец я. Выводить на чистую воду молодых ребят совсем не хотелось. Еще больше не хотелось услышать, что мы потерялись, а где все остальные охотники, неизвестно. Но иначе наше положение выглядело и вовсе глупым. Местные мальчишки таскают важных московских гостей по пустому лесу, а те безропотно тащатся за ними, боясь пикнуть хоть слово.

– Пошли по просеке! Мы, наверное, чуть далековато ушли, – с этими словами Миша двинулся вглубь леса, как бы пресекая все остальные расспросы. Его дружок вылез из сугроба и двинулся за ним. Нам ничего не оставалось, как последовать за ними. Однако для себя я отметил: «Миша только что, пусть и в неявной форме, но признал, что мы находились не там, где должны были. Пусть немного не там, но все-таки не там».

Похоже, смысл Мишиного нынешнего замысла был таков. Поскольку мы пришли по определенной просеке, то возвращаться по ней же негоже, слишком очевидным будет промах в ориентации. Говоря проще, все поймут, что Миша и сам толком не знает, куда надо идти. А вот если пойти назад по другой просеке, параллельной первой, то, во-первых, будешь возвращаться примерно туда же, откуда пришел. И, во-вторых, эти городские зазнайки не поймут, что их провожатые вульгарно заблудились.

Может быть, я и ошибался относительно мыслей, бродивших в голове местных жителей, водивших нас по лесу. А может и нет. Во всяком случае, многое говорило в пользу правильности моих догадок. В конце концов я улучил момент и тихо спросил Володьку: «Куда мы идем-то? Тебе ничего не кажется?» Тот глянул на меня взглядом, который можно было понять как проникательный. Мол, и ты догадался, что эти хлопцы сами не знают, куда идти? Но вопреки этому своему взгляду как бы нехотя произнес, покрывив однако губы: «Чего обсуждать. Сами завели, пусть сами и выводят». Я оценил дипломатический такт моего партнера по охоте. Ему не хотелось слишком прямо признавать, что мероприятие, на которое он меня подбил, было на самом деле низкого качества. Мягко говоря. С другой стороны, я и не

думал никого критиковать. Из Москвы было совершенно невозможно определить, что именно нас ждет в этой подмосковной деревенской глубинке.

Тем временем природа вокруг нас просто торжествовала. Дед Мороз нарядил елки и сосны так, как не сможет никакой самый искусный художник. Ветки были украшены снежком самого первого сорта, белым и искристым. Тишина была необыкновенная. Сверху, то там, то сям, пробивались лучи зимнего жгучего солнца. Игра света и теней была совершенно фантастической. Я загляделся на это зимнее чудо. В такие моменты кажется, что будешь любой ценой приходить сюда еще и еще, чтобы любоваться первозданными творениями матушки-природы. Эх, да разве получится вырваться опять из суеты московских будней?!

А мы все дальше и дальше бежали на своих лыжицах, в поисках не то приключений, не то пропавших охотников. Миша и его товарищ смело пересекали впереди снежные сугробы, а мы покорно катились сзади. За плечами у нас болтались вполне бесполезные ружья. Рюкзачки были готовы принять груз мяса убитой дичи. Но где она? Видимо, гуляет себе по лесу и даже не думает превращаться в добычу.

Долгое катание назад не дало никакого результата. А время все шло. Судя по солнечным лучам, уже было близко к полудню. За это время мы один раз все-таки изменили направление движения. По какому принципу – я не знал. Возможно, не знали и сами провожатые. Но только мы однажды довольно резко свернули вправо. И вскоре встретили лосиный след. Судя по всему, тут достаточно недавно прошли два лося. По крайней мере по просеке они двигались быстро, может быть, даже бежали. Снег был выброшен далеко, отпечатки были глубокими и как бы растянутыми. Мы все вчетвером сгрудились вокруг. С одной стороны, это дичь, за которой мы так упорно гуляем с самого раннего утра. С другой стороны, вчетвером мы ее никак не подстрелим. Идти по следу бесполезно. Для загона четырех человек решительно мало. Но наши сельские товарищи все равно явно приободрились. Получалось, что лоси тут все-таки водятся. Другое дело, как их добыть.

После короткого совещания было решено двигаться дальше. Нам тоже дали возможность высказать свое мнение, чем мы вместе с Володей и не замедлили воспользоваться:

– Мы их тут не достанем. Но следы идут, похоже, влево и вперед. Значит, если мы пойдем прямо, то по крайней мере будем их немного подавливать и вынудим пойти дальше. Может быть, они выйдут на наших охотников.

Такое мнение не предполагало отмены решения идти по просеке. И не означало, что Миша и его друг – никчемные следопыты и охотники. Возможно поэтому наше предложение было принято. К тому же оно

означало, что мы тоже принимали на себя какую-то долю ответственности за наше нынешнее состояние. Состояние потерявшихся в лесу горе-охотников.

Немного бодрее вся наша небольшая группа двинулась дальше. Ружей никто с плеча уже давно не снимал, но влево, в глубину леса все четверо поглядывали достаточно часто. Кто знает, вдруг лось остановился у дерева, объедает кору? И так увлекся этим занятием, что даже нас не заметил? Это я конечно пишу с определенной долей иронии. Читателю не следует думать, что при подобных обстоятельствах можно рассчитывать на какую-то беспечность лесных зверей, которые постоянно являются объектом преследования со стороны людей. Впрочем, ирония иронией, но и я всматривался между стволов. И иногда мне даже казалось, что я вижу очертания притаившегося за деревьями лося.

Наконец мы вновь вышли на поле. Уже был твердый полдень. Солнце светило вовсю. Все вокруг искрилось и сверкало до звездочек в глазах. Мороз стал менее кусачим и утренняя как бы дымка полностью рассеялась. Вокруг до самого дальнего леса не было видно никаких ни лосей, ни охотников. Вообще не было видно никого и ничего, только бескрайняя снежная пустыня. Мы остановились. Опять было надо принимать решение, что нам делать дальше. Зайти в лес так, чтобы нас вообще никогда не нашли? «Весной-то конечно найдут», – пришла в голову довольно идиотская мысль. Все это бегание по лесам и полям, по колено в снегу стало уже, мягко сказать, слегка поднадоедать. Нет, мы не устали. Понятное дело, что охота пуще неволи. Но полное отсутствие охотничьего замысла действовало довольно удручающе. В конце концов, просто на лыжах мы могли покататься и в Москве, в каком-нибудь из городских парков. Все-таки сюда мы приехали на охоту, а не на лыжную прогулку.

Но Миша еще не был готов сдаться и признать, что надо просто искать дорогу домой и не морочить друг другу голову. Он задумался как военный стратег перед важным сражением. И изрек наконец: «Надо все-таки пересечь это поле, а то мы отклонились от нужного места. Чуть-чуть пройдем, и все будет как надо. Если бы там что-то подстрелили, мы бы услышали выстрелы. А раз не слышим, значит пока не подстрелили. Вы-то еще способны идти?»

Речь была длинной, что означало, что Миша наконец до нас снизошел. То есть почти признал в нас охотников, приблизительно равных ему, и допустил ситуацию, когда было возможно обсуждение охотничьей стратегии с нашим участием. Однако наше возвышение по иерархии охотничьей лестницы нас самих не очень вдохновило. Идти дальше мы были, конечно, готовы. Будет ли только толк?

Переход занял целую вечность. Внимание было приковано только к тому, чтобы не завязнуть окончательно и не растянуться во весь рост, зацепившись за очередную кочку, скрытую снегом. В результате я совершенно потерял

счел времени. Наверное, такое же чувство испытывали несчастные рабы на галерах – грести, грести и опять грести, неважно куда и зачем.

Мы уже почти перешли снежное поле, как вдруг услышали выстрел. После всех мытарств это было так неожиданно, что поначалу я просто не поверил своим ушам. Да, точно, это был выстрел из охотничьего ружья. Но далеко. Где-то далеко слева, видимо, за лесной гривкой. Второго выстрела не последовало. Но и этого было достаточно. Миша, а за ним и мы, довольно быстро помчались в ту сторону, откуда пришел звук. «Помчались» – это было громко сказано. Конечно же, мы пошли примерно в том же темпе. Другое дело, что стали более энергично вытаскивать утонувшие в снегу лыжи и вообще как бы устремились к какой-то цели. Наша жизнь с этой минуты обрела какой-то смысл, что уже было неплохо. Оставалось только обнаружить автора стрельбы. А может быть, и поверженного лесного великана.

Через какое-то время мы достигли гривки и стали продираться сквозь не слишком густую поросль, которая беспорядочно росла понизу. Пройти через нее было в принципе можно, но занятие это было довольно трудоемкое. Гривка была шириной метров в сто, не больше. Но довольно густая, сквозь стволы деревьев было совершенно невозможно определить, что происходило за ней. Прорыв через кусты наконец удался, и мы один за другим вырвались на очередное бескрайнее снежное пространство. На этот раз поле было не совсем гладкой равниной. Это был скорее небольшой холм с вершиной посередине. Во всяком случае перегиб был настолько значительным, что деревья на другой стороне поля видны не были.

Самое же удивительное было то, что вдоль гривки, по ее краю, тянулись следы. И это были следы лыж! Кажется, мы обрадовались этому больше, чем того требовала ситуация. Наконец-то мы обрели других охотников, с которыми столь неразумно расстались поутру. Теперь-то уж мы точно всех окончательно найдем!

Однако самих охотников нигде видно не было. И никаких лосей или лосиных следов. Оставалось только пойти дальше по следу, чтобы определить, кто и где стрелял, и что подстрелил. Для себя я, однако, отметил одну странную деталь. Почему несколько человек шли вдоль лесной гривки? Это что, попытка организовать загон? А где же лес? И направо, и налево снежные поля. Тут никакие загоны не получатся. Или это вся группа наших лыжников переходила на новое место охоты? Но лыжный след был маловато накатан для десятка человек. Или это вообще другие люди, не из нашего отряда?

Метров через двести след повернул налево, к вершине снежного холма. Мы также поехали в этом направлении, пользуясь довольно приличной лыжней.

Двигаться было намного проще. Я бы даже сказал, что мы как бы раскатались, почти перешли на хороший лыжный шаг.

Еще метров сто пятьдесят, и стало понятно, что именно произошло в этом месте минут тридцать назад. Именно столько занял у нас наш короткий лыжный пробег. Лыжня распалась на три отдельных следа. Итак, тут шли всего три человека. Один из них, который стоял левее, остановился и выстрелил. Об этом говорила красная гильза, торчавшая неподалеку из снега. Но куда же он стрелял? В общем, это было нетрудно понять по расположению лыж в момент выстрела и по направлению дальнейшего движения лыжника. Мы просто пошли дальше по лыжному следу, который вновь объединился из трех в один. Наконец нашему взору предстала следующая картина. По снегу тянулся заячий след. Причем следы передних и задних лап отстояли друг от друга довольно значительно. То есть заяц драпал во все лопатки. Вдоль этих самых следов, иногда пересекая их, тянулась узкая черта на снегу, местами превращавшаяся в дырку в сугробе. Ни крови, ни охотников, ни лосиных следов. Реконструировать картину происшедшего было несложно. Конечно, никакого лося тут не было и в помине. Трое охотников, возможно, из нашей компании, невольно подняли зайца, который припустился от них по белому полю. Один из троих, несмотря на значительную дистанцию, метров сто пятьдесят, не меньше, вцепил по беглецу пулей, припасенной для лося. Из-за большого расстояния пуля полетела настильно, почти параллельно поверхности снега. Именно поэтому она оставила след в виде длинной черты.

Ясное дело, что в зайца не попали. А если бы попали, от него остались бы только уши и хвост. Все-таки пуля была великовата для такой дичи.

Вообще, подобная стрельба была грубым нарушением для загонной охоты. Мало того, что зайца не застрелили. Выстрел мог спугнуть любых лосей-кабанов. Более того, стрельба по культурным правилам могла означать конец охоты. Ведь, как правило, охотники имеют ограниченное количество лицензий на лося. Одну лицензию, редко больше. Если прозвучал выстрел, значит один лось уже может быть убит. Пока ситуация не прояснена, дальше охотиться нельзя, можно допустить перестрел, добычу еще одного животного без лицензии. То есть совершить акт браконьерства. Ну и зачем нашим горестрелкам надо было создавать всем остальным охотникам столько головной боли из-за какого-то зайца? Все это выглядело как форменное разгильдяйство.

Мы поплелись дальше, придерживаясь проложенного ранее следа. Собственно говоря, другого пути у нас и не было. Скорее всего это действительно были охотники из нашей группы. Если мы пойдем за ними, то в конце концов найдем и остальных.

Дальше было катание продолжительностью часа в два, не меньше. Идти по чужому следу было заметно легче. Правда, такое путешествие явно не предполагало никакой стрельбы. Те, кто прошли перед нами, уже подняли с лежки всех мыслимых и немыслимых зверей. И если кто и мог подстрелить что-то с подъема, то это уж точно не мы. Но идти своей дорогой в неизвестно каком направлении было уж совсем не с руки. Это без слов понимали и мы, и наши невольные товарищи по охоте.

Шли мы все в том же порядке: первым то Миша, то его друг. Потом ползли мы с Володькой. В душе набиралось чувство какой-то безысходности. Ни охоты, ни охотников. Ни дичи. Одно катание с места на место. Следы в основном зайцев. Те немногие следы лосей, которые нам все-таки встретились, говорили только об одном – лось тут в принципе, конечно, есть, но его мало.

А те трое, кто шел впереди нас, явно рассчитывали на стрельбу с подъема. Они точно так же, как и мы, шли то по краю леса, то заходили вглубь, пользуясь просеками. Их путь на первый взгляд выглядел довольно хаотичным – то вправо, то влево. Но в целом, как я вдруг понял, они шли по большому кругу, забирая постепенно влево. Какая-то система в их передвижении меня очень даже приободрила. Значит, по крайней мере хотя бы они знали, куда именно надо идти. Уже неплохо. Я поделился своим наблюдением с Володькой. Однако он засомневался, что дело обстояло именно так, как я его излагал. Он, в отличие от меня, не считал, что общее перемещение охотников, которые шли впереди нас, выглядело как незамкнутый круг. Почему-то Володька полагал, что эти охотники не забирали вправо, а скорее двигались то приблизительно прямо, то по большой дуге направо, а потом и вовсе налево. Я не стал спорить. В конце концов, ориентироваться в лесу было довольно сложно. Солнце тем временем скрылось за легкими тучками, которые набежали неведь откуда. Так что единственный очевидный ориентир стал нам вовсе недоступен.

Дело уже близилось часам к трем пополудни, когда в наше монотонное существование опять вторглись новые события. Мы опять услышали выстрелы. Их было несколько. Стреляло несколько человек. Наверное, выстрелов было не менее пяти. Потом последовала довольно продолжительная пауза – и послышался одиночный выстрел. Пальба была довольно отдаленной. Пожалуй, не меньше, чем в паре-тройке километров. Но выстрелы слышались вполне отчетливо.

Все это, скорее всего, означало следующее. Впереди нас находится группа охотников. Они видели дичь, и явно, что это не заяц, иначе так не палили бы. Лось, если это был он, находился более или менее близко, если уж несколько человек одновременно сочли возможным открыть огонь. Последний одиночный выстрел мог означать, что лося завалили и теперь добивают. Хотя

это, конечно, мог быть и выстрел отчаяния, по уже безнадежно удравшему на безопасное расстояние животному.

Поскольку стрельба раздалась хоть и впереди, но не вполне по следу наших предшественников, мы предпочли сойти с их лыжни и довольно энергично направились в направлении предполагаемой группы охотников. Миша и его товарищ заметно повеселели. Они даже позволили себе несколько раз глянуть на нас с торжеством: «Вот, мол, какие мы, местные охотники! Подстрелили лося, несмотря ни на что». Я, однако, никакого чувства торжества не испытывал. Если подстрелили, то и хорошо. Если это наши охотники, то тоже неплохо, окончилось наше блуждание. А если речь идет об охоте, то мы с Володькой в ней по существу и не участвовали. Все это наше катание по первозданному снегу никак нельзя было назвать коллективной охотой на лося.

Но все-таки какое-то облегчение явно пришло. Мы не потерялись в необъятных лесах, и то хорошо. Впрочем, до окончательного избавления было еще далеко.

Мы прошли на своих лыжах еще не менее минут сорока, прежде чем увидели других охотников. Они стояли группой и о чем-то активно спорили, что было заметно даже издали, поскольку то один, то другой время от времени взмахивал рукой, желая, видимо, подкрепить свои высказывания.

Когда мы подкатились поближе, по характеру разговоров стало ясно, что лось все-таки застрелен. Люди были возбуждены и одновременно радостны. Да, это были охотники именно из нашей группы. Как ни мало я с ними до этого общался, тем не менее некоторых все-таки узнал, в первую очередь обладателя дубленки. Собственно говоря, по поведению наших провожатых уже давно можно было понять, что мы нашли тех, кого так долго безуспешно искали. Миша и его друг довольно прилично прибавили шаг и, оторвавшись от нас, устремились навстречу своим напарникам.

Мы немножко подотстали и подъехали чуть позже. Удивительно, но никто на нас особого внимания и не обратил. Продолжалось обсуждение прошедшей охоты. А у меня возникло довольно неприятное чувство, что мы прибыли не на свой праздник. И я, и Володька встали с краю и молча взирали на чужое веселье.

С первого взгляда было понятно, что охотники уже успели на радостях выпить. Однако нам никто ничего не предложил. Нас по-прежнему никто просто не замечал, как будто подошли не люди, а подбежала пара собак. Мы со своей стороны не бросились с расспросами, и ясно почему. Мы же все-таки были не мальчики, а почетные гости из Москвы (хотя тут я уже не в первый раз начал в этом сильно сомневаться). Если кто-то хотел нам рассказать об успешной охоте, он мог это сделать сам. «Дяденьки, расскажите, что тут у вас

получилось, кто стрелял и кого застрелил?» – мне так совсем не хотелось себя вести.

Долго ли, коротко ли, но наконец очередь дошла и до нас. Тот, кто подстрелил лося (но не Дубленка), говорил горячо и много. При этом он по очереди обращался к каждому из группы охотников. Тот его выслушивал, высказывал свое мнение и замолкал. Тогда стрелок обращался к следующему. Так в конце концов очередь дошла и до нас.

– Вижу, идет! Вздымает снег, рассекает его, как танк. Еще чуть-чуть – и уйдет. Ну, я приложился, смотрю, надо стрелять в сердце, чтобы наверняка. Прицелился, повел, и раз! Я сразу понял, что попал. Лось прямо вздрогнул, припал на переднюю ногу. А потом эти все стреляли, никто не попал ни разу. А я попал, точно в сердце, как и целился! А добивали уже убитого лося. Тоже мне охотники. Посмотрели бы сначала, куда я попал, а потом уже достреливали!

Мы выслушали эту горячо произнесенную речь, но не нашлись, что именно спросить. А через некоторое время стало окончательно ясно, как именно был подстрелено несчастное животное.

Оставленные нами утром охотники действительно собирались организовать загон. Однако поначалу не могли прийти к согласию, в каком именно месте, в каком квадрате леса это надо делать. В конечном итоге пошли дальше, по той же просеке, по которой двигались до этого. Но никаких лосиных следов видно не было. Прошли один квадрат, второй, третий. Загонная охота никак не складывалась. В конце концов еще три охотника откололись от основной группы и решили пойти своим путем. Они посчитали, что скорее сами подстрелят лося с лежки, чем будут дальше искать верный загон. Именно следы этой тройки мы потом и встретили.

Вообще, вот так откалываться от основной группы, у серьезных охотников – совершенно невыносимое дело. Был же какой-то план на охоту! В соответствии с ним было рассчитано, кто и куда должен пойти. А потом вдруг часть решила, что будет охотиться самостоятельно! И ушла себе восвояси. Все это говорило о полной анархии, царившей в нашем коллективе. И, главное, о том, что охотники эти, хоть и местные, были скорее сборищем балбесов, понакупивших себе ружей, но так и не усвоивших, что охота – это благородное дело и любит, чтобы участники вели себя подобающим образом.

Итак, после раскола стало понятно, что оставшихся по числу совсем мало для загона. Но и следов никаких не попадалось. По сути, загон стал невозможен не потому, что осталось мало охотников, а потому, что не было никакой дичи. Короче, эта группа тоже пошла своим путем. При этом не оставляла надежды найти лося в каком-то определенном квадрате леса, пригодном для загона. Так эти товарищи, включая и нашего участкового милиционера, гуляли по лесу довольно долго. Но, в отличие от нас, насколько

я понял, не прошли такого чудовищного расстояния. Они шли не спеша, долго каждый раз обсуждали, куда и когда повернуть. Так прошло несколько часов. При этом они ни разу ни на какие следы лося так и не наткнулись.

В конце концов они вышли на одиночный след. Стали совещаться, стоит или не стоит организовывать загон. Поскольку было решено, что тут загон малоперспективен, поскольку просеки не образовывали полный квадрат, охотники двинулись дальше. Но один вызвался пройти по следу и «толкнуть» лося, если тот еще находился достаточно близко. На том и порешили.

Вся эта группа продолжила движение дальше по все той же просеке. И в конце концов вышла на опушку, на край обширного заснеженного поля. Вдруг, к своему удивлению, охотники увидели одиночного лося, который шел практически боком к ним. Скинули ружья, наш герой выстрелил чуть раньше других. И попал, хотя расстояние было довольно приличное, сто двадцать хороших шагов, как потом выяснилось.

Получалось, что член группы, который пошел по следу, все-таки стронул зверя. А тот двинулся не слишком удачно. Да еще выскочил на открытое пространство. Впрочем, если бы основная группа вышла на опушку даже минутой позже, лось оказался бы намного дальше предела какой-либо разумной стрельбы.

То есть добыча была случайной по любым меркам. Это не был загон, где животному некуда деваться, кроме линии стрелков. Это даже не была стрельба с подъема, поскольку преследователь, пошедший по следу, дичи в глаза не видел. По сути, спугнутый им лось мог свободно пойти на все четыре стороны, не рискуя ничем. Но к своему несчастью выбрал тот единственный путь, который привел его к преждевременной гибели от случайной пули.

Да, именно от случайной, а как же иначе! На расстоянии ста с лишним метров прицельная стрельба из ружья круглой пулей была совершенно невозможна. Даже по такой крупной мишени, как лось. Так что наш герой, который «целился в сердце», бахвалился немилосердно. Нет, он может и хотел попасть в сердце. Но попал в лося случайно. Другие и вовсе ни разу не попали. Никуда. Потому как далеко. Кстати, выяснилось, что наш милиционер вовсе не стрелял. Плохой охотник?

Самое интересное, что убитого лося рядом не было. Я скорее ожидал, что подобное обсуждение охоты должно было проходить именно у туши подстреленного животного. Однако, как выяснилось, охотники довольно далеко от него ушли. Лось лежал метрах в двухстах, так, что его с этого места даже и не было видно. К чему это все было нужно, я в тот момент даже и не понял. Однако понял чуть позже.

Разговоры разговорами, но наконец кто-то сказал, что пора бы и разделать убитого зверя. Местные двинулись, мы пошли вслед за ними. Дошли и до места, где лежал наш несчастный лось. Он был не слишком крупный. Я бы даже сказал, что это был скорее подросток, молодой и неопытный. В таком случае было понятно, как он ухитрился попасть на мушку нашим незадачливым охотникам.

Ну, и как разделывать? Оказалось, что местные не такие уж и специалисты по свежеванию. Они топтались, переминались с ноги на ногу, но к работе не приступали. Поглядывали друг на друга, медлили, но ножей никак не вытаскивали. Наконец я вызвался помочь, и никто не стал возражать. Если уж они считали, что я малоопытный охотник, которого надо отправить подальше от загона, чтобы чего не напортачил, то почему они решили, что я могу нормально разделать тушу? Вообще-то, это далеко не простое дело, без определенного опыта тут не обойтись. Надо понимать, откуда начинать и как действовать на каждом этапе. И самое главное, надо иметь соответствующее орудие труда.

У меня в этот момент уже был отличный охотничий нож, подаренный самим Веселовым. К тому времени я уже разделал не одну тушу и потому хорошо понимал, что значит классное лезвие. Поначалу у меня был обычный заводской ножик, из магазина. Тогда, кстати, в отличие от нынешних времен, добыть приличное охотничье снаряжение, в том числе и нож, было нелегко. Всякая дрянь из плохого металла, конечно же, лежала на полках, но это было заведомо не то. Завзятые охотники заказывали ножи у мастеров, а те нередко использовали автомобильные рессоры или иные источники качественной стали.

Дело в том, что сталь для охотничьего ножа должна быть первоклассной, гибкой и одновременно держащей заточку. Иначе нож в одно мгновение затупится, потеряет жало. Или обломится. Шкура у животного, в том числе у лося, да и у оленя, довольно жесткая. И мороз сказывается. Если же нож затупился, разделка туши превращается в одно сплошное мучение. Надо отделять шкуру от мяса. А нож перестает слушаться хозяина, упрямится, не желает резать как надо. Усилий приходится прикладывать много, и шкуру порежешь, и мясо все покромсаешь. А хорошим острым ножом делаешь небольшие движения, разрезая как бы по полукругу, и шкура сама отваливается от туши.

Все это мне было хорошо понятно и известно на собственном опыте. И я очень даже оценил полученный от Анатолия Ивановича столь шикарный подарок. Первая же охота оправдала мои самые лучшие ожидания, тот ножик резал как бритва. Был при этом легче легкого, с широким полукруглым и одновременно тонким и гибким лезвием, на котором к тому же красовалась гравировка – голова оленя.

Наконец лось был мной разделан. Обычно на этом этапе начинается дележка добычи. Я сталкивался, как правило, со следующей процедурой. Разрезанное мясо разделялось на равные порции по числу претендентов. Эти порции, или кучи, раскладывались тут же, на снегу. Один из охотников становился к ним спиной. Другой спрашивал его: «Кому?» При этом показывал на одну из куч. Первый охотник, понятное дело, не видел, о какой куче идет речь. И называл имя одного из охотников, какое первое пришло на ум. Соответственно, названный товарищ и становился обладателем этой мясной порции. Потом процедура продолжалась в том же порядке, пока не были названы все охотники и разобраны все кучи.

Удивительно, но эти охотники не стали ничего делить. Просто мясо было разделено на кучи, разложено в большие пластиковые пакеты и роздано охотникам. Я не слишком внимательно следил, но похоже, мясо получили не все. То есть кое-кто пошел дальше налегке. Нам же с Володькой дали два самых больших пакета с мясом. И что это означало? Я не спрашивал, а никто нам и не разъяснял. Это наша доля? Очень хорошо, если так. Вот наконец уважили больших московских гостей! И учли их вклад в общее дело. Ведь я разделял лося, то есть взял на себя большую сложную работу.

Однако мой рюкзак оказался не то, чтобы тяжелым, а просто свинцовым. Володька свой напялил тоже с большим трудом. Мы встали на лыжи и просто зашатались под тяжестью лосиного мяса. Неужели нам выделили так много? Если все наше, значит, придется постараться и дотащить до дома, не жалуясь, что тяжело. А то еще отнимут, чего доброго.

Тем временем, однако, с остатками нашего лося, точнее, с его шкурой и головой, происходили тоже достаточно своеобразные события. Обычно, в зависимости от обстоятельств, от вида лицензии, но шкуру либо сдавали, либо забирал один из охотников, как правило, тот, который завалил зверя. Голова животного, понятное дело, тоже была его. Кто чучело сделает, кто еще куда-то пристроит. Но голова – это законная добыча короля охоты.

Однако нашу шкуру, да и голову, постигла иная судьба. Их положили на снег и стали активно забрасывать. Через некоторое время те скрылись в небольшом снежном сугробе. Еще несколько движений, и следы нашей деятельности вовсе оказались замаскированы. Один раз пройдет снег, и тут вообще ничего не будет видно. Но зачем все это? Неужели никому не нужна ни шкура, ни голова?

Тут меня посетила очередная нехорошая мысль. Я очень даже знал, кто именно поступает так со шкурой и головой. Браконьеры, вот кто! Именно они прячут следы своего преступления. Но неужели наши товарищи по охоте – браконьеры? Может, потому-то они и не подходили сразу к убитому зверю, а какое-то время стояли подальше от него, опасаясь, что на выстрелы может явиться егерь? Я стал гнать эти мысли от себя всеми силами. Они –

браконьеры, а мы, выходит, их подручные? Вот будет замечательно, если нас поймают, и в райком комсомола к Володьке, а также ко мне в министерство иностранных дел придет письмо, в котором будут излагаться наши подвиги. Увольнение в тот же день было просто гарантировано.

Но не может быть, чтобы мы занимались незаконной охотой! Нет, просто наши хозяева часто заваливали лосей, ведь они же местные, тут лес совсем рядом, под боком. Вот им уже и не нужны никакие головы и шкуры. Куда их девать, складывать в кучу в сарай? А вес большой, таскать трудно. Я остановился на этом варианте и предпочел дальше не рассуждать на рискованную тему. А тем более кого-либо тут расспрашивать. Вопрос был слишком острый. А вдруг мы действительно сделали что-то не то? В таком случае и я, и Володька должны были на этом самом месте выкидывать мясо из своих сумок и немедленно говорить «гуд бай» нашим охотникам. А еще лучше – идти и писать заявление в милицию.

Но вариант немедленного бегства выглядел совершенно диким. Это получался скандал, мягко сказать. А ведь мы были гости на местной охоте. Пригласили нас милиционеры, блюстители закона, заметим себе. А мы начинаем выкидывать коленца. Да и с какой стати? Ведь наш участковый

ясно нам сказал, что лицензия имеется. А может, потому и нужен участковый в этой охоте, что она браконьерская? Так сказать, для отмазки? В общем, ни я, ни Володька, не промолвили на эту тему ни слова. Мы даже друг другу ничего не сказали. Хотя очень даже понимали суть ситуации, все-таки не первый раз на охоте.

Из этого дальнейшего похода в памяти очень ясно отпечталось следующее. Рюкзак был непомерно тяжел. Такие тяжелые рюкзаки я никогда не таскал. Даже не думал, что мясо может быть таким свинцово тяжким. На каком-то повороте я чуть оступись, покачнулся и рухнул боком в сугроб. Попробовал подняться, да куда там! Рюкзак как камень на шее намертво приковал к земле. Встать было абсолютно невозможно, как я ни старался и не изворачивался. Наконец, общими усилиями меня, с помощью нескольких человек подняли, и лишь после этого вся группа продолжила ползти дальше.

В конце концов мы дошли почти до нашего поселка. Домов еще не было видно, но на снегу появились еще чьи-то следы. А потом мы и вовсе вышли на проселочную дорогу. Тут, однако, с нами приключилась следующая история. Лес еще не кончился, но довольно прилично поредел. И на дороге впереди показалось что-то похожее на перекресток. По нашей дороге, судя по всему, по крайней мере иногда, но все-таки ходили машины и она была чуть-чуть, но укатана. А по пересечению с этой дорогой машины не ходили, это, скорее, была широкая тропа, утоптанная пешеходами или лыжниками. Так вот, по этой тропе нам навстречу вышла довольно большая группа людей. Издалека было видно, что это тоже охотники. Их было больше, чем нас, раза в два. Уж и не знаю, на какую охоту они шли во второй половине дня. Но за плечами почти у всех висели ружья. Более того, часть людей была довольно прилично одета. У нас-то только человек в дубленке выглядел как надо. Да может быть, еще мы с Володькой были похожи, хоть отдаленно, на городских жителей. Остальные-то наши были сплошь в телогрейках и потертых холодных кожаных.

Другое дело, те. Там многие выглядели, я бы сказал, даже по-пижонски. Хорошие кожаные и меховые куртки, несколько маскхалатов, белых, не затертых до грязных дыр. Нет, это были настоящие городские жители. «Маскировочные халаты есть, а добычи нет», – хмыкнул, однако, я себе под нос.

Две группы столкнулись и остановились. Я думал, что сейчас наши поздороваются с ненашими и на том общение и закончится. Действительно, один человек из чужой группы, по виду скорее егерь, чем рядовой охотник, в теплой куртке с зеленой маскировочной раскраской и в меховой же фуражке с какой-то кокардой, начал что-то спрашивать. С нашей стороны в переговоры вступил тоже один охотник, но не Дубленка. Остальные стояли в сторонке и в беседу не вмешивались.

А беседа, хотя я стоял и поодаль и не слышал всех слов, складывалась, судя по всему, не очень хорошо. Егерь что-то спрашивал с недовольным видом, не сильно настойчиво, но как бы с презрением. Наш что-то отвечал, но его слова воспринимались явно с недовольством. Речь шла о чем-то достаточно важном, раз чужой егерь держал всю свою группу и из наших никто к беседе не присоединялся, даже наш друг из милиции.

Разговор затягивался. Мы сняли свои рюкзаки и с некоторым недоумением взирали на общение двух человек. Наш был больше похож на парламентаря, а тот – на злого инспектора. Он все спрашивал и спрашивал, и при этом становился все недовольней и недовольней. Охотники из нашей группы стояли молча и никак не пытались помочь ведению переговоров. Но, кажется, начали немного волноваться. Что же там такое происходит?

Развязка наступила достаточно неожиданно. «Петро, это ты? Я тебя поначалу не признал! Что же ты стоишь, прячешься за спины!» – это завопил на весь лес один из наших, толстый и красномордый, в кожаной легкой куртке, под которую был поддет шерстяной светлый свитер. Он кинулся к кому-то из чужих и начал чуть ли не обнимать того. Тот поначалу смутился, затоптался и даже как бы подался назад. «Ты что, не узнаешь меня? Как на свадьбу ходить, так все в порядке. А тут не узнаешь? Да ты еще к Коле ходил, просил по строительству. Что, и это не помнишь?»

Упоминание о Коле вызвало волшебное превращение. Чужой охотник перестал топтаться и тоже завопил от радости: «А, ну да! Да как же это я?! Да ты-то что тут? Как дела-то?»

Он еще что-то такое выкрикнул, тоже довольно бессвязное. Но все это означало одно: чужой не только был знакомым нашего, но и сильно зависел, судя по всему, от этого самого неизвестного Коли. И поэтому не только не стал отрицать общее знакомство, но и наоборот, кинулся всячески подтверждать дружескую связь.

В чужой группе возникло оживление. Вновь обретенный знакомый подошел к своему егерю и стал горячо убеждать, что тут все свои, что это хорошие ребята. Он еще что-то такое добавлял вслед, но егерь довольно быстро закончил переговоры с нами и просто в мгновение покатыл мимо на лыжах. За ним последовали и остальные. Наши явно вздохнули с облегчением. Это облегчение было столь велико, что наш провожатый Миша, который уже совсем про нас забыл, тут подобрался к нам и стал вполголоса объяснять. То, что он сказал, подтвердило мои самые нехорошие опасения.

Да, действительно, лицензия на отстрел лося у наших горе-друзей в общем-то имела. Но вот именно, что «в общем-то». Они ее держали в кармане, но только не гасили. То есть выходили на охоту, выслеживали зверя и убивали. Потом распихивали мясо по сумкам и несли домой. Если их кто-то задерживал и пытался проверить, то в таком и только таком случае лицензия

гасилась, и все становилось законным. Ну, а если никто не пытался проверить, то мясо успешно перекочевывало в домашние холодильники, а лицензия использовалась еще раз. Как срок лицензии кончался, ее сдавали как неиспользованную, а выписывали новую. При такой системе можно было весь лес опустошить, перетаскав домой всех имевшихся тут животных. Что, надо полагать, эти товарищи и делали с переменным успехом.

Тут же нас поймал, что называется, с поличным, местный егерь. Все бы ничего, но в его группе были прокурорские работники. Так что загородиться участковым в этот раз не очень получалось. И если бы егерь стал настаивать, запросто могло бы произойти оформление браконьерства. И даже погашение лицензии могло не помочь. А в таком случае составляется акт, изымаются орудия незаконной охоты, то есть наши ружья, а также браконьерское мясо.

Но дуракам, как известно, счастье. Каким-то счастливым образом, но нашли общие знакомые. Да не просто знакомые, а такие, с которыми та сторона была вынуждена посчитаться. В результате егерь простил нам очевидное преступление и поимку с поличным. Получалось, что наше изгнание из райкома ВЛКСМ и МИД СССР отменялось.

Мы с Володькой перевели дух, осознав, насколько были близки к большим неприятностям. Всем остальным досталось бы меньше. Ну, отняли бы ружья, оштрафовали. А вот мы бы лишились своей работы со всеми заграничными командировками и колбасой с мясокомбинатов.

Наше путешествие явно шло к своему завершению. В конце концов мы достигли и поселка, откуда утром отправились на все эти мытарства. Но пошли мы не к хижине участкового, а к другому дому. Зашли всей группой во двор, остановились, сбросили свою поклажу на землю. И я, и Володька даже сняли лыжи. То же сделали и другие участники мероприятия. Дальше же произошло следующее. Все заговорили, повеселели. А некоторые пошли в дом. Однако нас туда никто не приглашал. Нас опять как будто перестали видеть. А к нам подошел наш милиционер и попросил вытащить мясо из рюкзаков. Что мы с некоторым недоумением и сделали. После этого участковый довольно бесцеремонно стал вытаскивать мясо из наших пакетов и перекладывать в свой, пустой, который он держал в руках. Мы молча взирали на этот грабеж. Но что тут скажешь? «Не трогайте наше мясо!» – так мне сказать хотелось, даже очень. Но делать этого было совершенно нельзя. Хотя тут стало понятно, что нас совершенно нагло использовали как дармовую вьючную силу.

В результате подобных действий две трети нашей поклажи, не меньше, перекочевали в новый пакет. Который участковый понес в близлежащий сарай. Я только вздохнул, провожая его глазами. Через секунду милиционер вышел, взял Володю под руку и очень проникновенно произнес: «Ребята, как бы вы не опоздали на поезд! Осталось всего час. Давайте быстренько ко мне,

а оттуда прямо на станцию». А как же праздничный стол? Очень было похоже, что в этом доме сейчас будет очень даже неплохая гулянка. Но аргумент насчет поезда был совершенно непобиваем. Мы безмолвно повиновались.

Однако путь назад, к дому участкового, удалось проделать совсем не на лыжах. К нашему удивлению, на этот раз нашелся и милицейский газик. Откуда он приехал и как его водитель узнал, что мы находимся тут, осталось загадкой. Но газик был перед глазами, во всей своей красе. Похоже, он подъехал тогда, когда наше внимание было отвлечено на расставание с мясом.

Мы все натолкались внутрь этого автомобиля. Наш провожатый, ясно дело, сел впереди. Мы с Володькой и со своими сильно полегчавшими рюкзаками – сзади. А лыжи бросили во дворе дома. Наверное, они действительно не представляли никакой ценности. Или наш хозяин планировал зайти за ними попозже, в свободной обстановке, я не знаю.

Водитель, молодой веселый парень, нажал на газ и мы затряслись по ухабам. Однако дорога была предельно короткой, уже через минут пять показался и дом нашего участкового. Машину даже не глушили. Нам было просто предложено забежать внутрь и захватить все свое барахло. Что мы незамедлительно и сделали. Ружья были сложены в чехлы, часть одежды переключевала в рюкзаки. Сережа вышел к машине, однако внутрь, судя по всему, больше садиться не собирался. Он окинул нас взглядом, маленько подумал и промолвил: «Ну, давайте до поезда, а то опоздаете! Передавайте привет Веселову. До свидания».

На этом процедура короткого прощания завершилась. Сережа пожал нам руки, крепко, но как-то отстраненно. Наверное, он мыслями был уже далеко от нас, где-то за праздничным столом, который ждал его в предыдущем доме. А может, никакого стола там и не было. Или был, но не для всех. Кто его знает! Мы не стали заморачиваться сложными рассуждениями, а просто попрощались и залезли назад в милицейский газик, который тут же сорвался с места и полетел по проселку.

Станция была, в общем-то, недалеко. Но одно дело ехать туда в комфортных условиях, и другое – на открытом мотоцикле. Впрочем, теперь катание в мороз на пронизывающем ветру казалось чем-то далеким и, в общем, не таким уж и страшным. Не успели мы даже как следует расположиться в машине, как она затормозила у железнодорожных путей. Водитель не стал вылезать, а просто сказал: «Вот, станция. Поезд на Москву скоро будет. Ждите тут, только с другой стороны путей».

Мы сказали «до свидания» и этому блюстителю правопорядка и полезли вон из машины, как и было сказано. Газик, освободившись от нас, весело взревел и в мгновение ока исчез из вида, оставив за собой облако вонючих

выхлопных газов. А мы со своей поклажей оказались все на том же полустанке, на который только вчера прибыли. Было так же холодно, но ветер был потише. И вообще все казалось уже довольно терпимым.

Поезд подошел, но только через пару часов. Которые мы промаялись тут же, прогуливаясь вдоль путей взад и вперед. В общем, ждать было легко, так как поезда шли часто. И нам казалось, что вот этот-то и есть наш. Но «наш» оказывался «не нашим», не тормозил, не останавливался, а, наоборот, убегал прочь, теряясь за светофором.

Так повторялось несколько раз, и хотя все это было немного неприятно, но зато сильно скрадывало ожидание. Наконец рядом появились местные жители, которые, судя по их виду, тоже собирались в Москву. Для порядка я спросил про поезд и тут же получил положительный ответ. Да, действительно, поезд должен был подойти с минуты на минуту.

Мы были уже опытными, как именно надо пользоваться волшебными картонками, и довольно нахально полезли внутрь. Однако на этот раз свободных мест в купе не нашлось, пришлось довольствоваться местами у откидного столика в коридоре. Это было не очень удобно, учитывая всю нашу поклажу, но можно было и потерпеть. Мы расположились, а я стал подводить в уме итоги нашего выезда к местным милиционерам.

Да, мясо в наших рюкзаках имелось, тут и говорить было нечего. Мы возвращались с добычей в полной мере. Были живы, ничего себе не отморозили, не отстрелили и не отломали. В охоте мы формально поучаствовали. В доме нас на ночь приютили и даже накормили.

Была и другая сторона всего этого путешествия. Ну, холодное катание в самом начале – это как бы местная экзотика. Ведь воспаления легких мы не получили, а переживания – не в счет. Всю нашу водку выпили хозяева, а со своей стороны отделались картошкой и солеными помидорами. Однако и этот эпизод можно было судить по-разному. Мы могли бы взять и побольше водки. Кроме того, стол-то они нам организовали? Организовали. А напиваться нас никто не заставлял. Так что издержки и тут можно было отнести на нас самих.

Конечно, на следующее утро можно было бы и позавтракать. Но и мы сами могли взять из дома на такой случай несколько бутербродов и пирожков. Нечего было строить из себя господ, с которыми надо нянчиться. Так что и этот эпизод был по крайней мере двойного толкования. После охоты не покормили? Наврали про время отхода поезда? Да, это не очень хорошо. Однако у них там была своя компания, мы никого не знали. Более того, не исключено, что общего обмыва вовсе не было.

Конечно, в минус шло то, что мы ни в какой охоте фактически не участвовали, а только катались туда-сюда на своих дрянных лыжах, подальше от стрельбы и всяких загонов. Но и тут можно было что-то возразить.

Загонщики вообще только бегают, даже не всегда ружье есть. И ничего. Спасибо, что хоть в загон не поставили. Кроме того, загонов никаких вообще не было. А лось был случайным. Мы в принципе тоже могли такого подстрелить. Другое дело, что им он попался, а нам – не попался. Но на то и охота, что нет никаких гарантий.

Нас заставили тащить чужое мясо. Вот это было не очень-то и приятно. Мало того, что тяжело. Тут еще и обманутые ожидания. В этом вопросе я оправдательных обстоятельств не видел. Там все были не инвалиды и не пенсионеры. Если бы разделили поровну, не было бы никаких проблем. По любому выходил осадок, что нас использовали как вьючных животных.

Конечно, пиком безобразия было то, что московских гостей вовлеки в браконьерство. Это было вообще за пределами всего разумного. Тут я не видел никакого оправдания нашим хозяевам. Не можете организовать нормальную охоту – не приглашайте! Я представил себе, как бы Веселов повел себя в таких обстоятельствах. Наверное, сначала хорошенько расспросил, не дал бы отмалчиваться. А потом послал бы всех подальше, вот и все. С другой стороны, а что можно было заранее выяснить? Имеется ли лицензия? Имеется, в кармане лежит. Почему не гасите после стрельбы? Я стал перебирать в памяти свои предыдущие охоты. И не припомнил эпизода, когда мы заполняли бы какие-то бумаги на туше убитого животного. Это как-то делалось, но не на наших глазах. Так что и тут трудно было требовать от хозяев каких-то действий. В общем, все замыкалось на добропорядочность организаторов, и только.

М-да, выходило, что охота все-таки состоялась. Другое дело, что она была определенного качества. Такие охоты тоже бывают, все зависит от того, кто участвует и, главное, кто ее организует. Если такие барбосы, как наш участковый и его дружки, то иного и не стоит ожидать. Просто банда халявщиков, не желающих соблюдать никакие правила, причем чаще всего себе же и во вред!

На этом подведение итогов закончилось. Я не стал обсуждать прошедшие события с Володькой. Да и чего тут обсуждать? Жаловаться на те или иные недостатки? Да ну их к черту! Мероприятие проведено, от городской суеты мы отвлеклись по полной программе, да еще и добыча имеется. Обсуждать и осуждать было нечего. Да и Володька был явно не склонен возвращаться к событиям последних двух дней, сидел себе и молча смотрел в окно на пробегающие мимо пейзажи. Я в конце концов тоже присоединился к этому занятию.

Смешно сказать, но на этом наши приключения, связанные с прошедшей охотой, не закончились. А вышло вот что. Когда мы наконец приехали в Москву, возник вопрос, кому куда ехать и что куда везти. Казалось бы, Володька мог просто отвезти меня на своей машине до моего дома, что было

бы самым простым вариантом. Но реальная жизнь не всегда идет по самому простому пути. Володька предложил оставить все мясо у него. А он бы уже завез его к Веселову. А тот разделил бы все по справедливости в соответствии с потребностями каждой семьи. Вообще-то, это Веселов организовал нам охоту. Так что совсем оставлять его без мяса было не с руки. Кроме того, у меня не было никакого спеха, чтобы везти всю добычу сразу же к себе домой. Не голодный год, да и сами мы были не слишком бедными. Я согласился.

Володька забрал у меня мой мешок с мясом и завез меня домой со всеми моими ружьями, рюкзаками, валенками и прочей охотничьей амуницией. А сам после этого заехал к Веселовым и отдал на справедливый суд и дележ все, что мы на этой охоте надобывали.

Дележ вскоре состоялся. И уже на следующий день я заехал за своей порцией мяса. Это был все тот же здоровенный целлофановый пакет, который если и уменьшился, то незначительно. Вид у этого пакета был довольно сомнительный. Весь изнутри перемазанный кровью. На дне лежит несколько килограммов мяса, которое толком и не разглядишь. Но я по молодости лет не обратил внимания на все эти детали, а просто схватил пакет и поволок его в свою машину. За мной последовала и моя жена Марина, сидевшая у своих родителей в гостях.

Дорога до дома заняла пять минут. И вот я, одетый без какой либо претензии, в старые джинсы, кроссовочки и выдавшую виды куртку с капюшоном, прибыл к своему дому. Супруга выглядела примерно так же. Заглушил машину, вытащил пакет и было вознамерился совместно со своей подругой отправиться к своему подъезду. Но не тут-то было.

– Откуда мясо?

Я застыл у открытой дверцы своего автомобиля. Огляделся и увидел метрах в двадцати от себя человека, одетого в милицейскую форму. Звания он был самого незначительного. Но со зрением у него было все в порядке. Вообще-то уже смеркалось, был довольно сильный мороз. А этот деятель на таком расстоянии разглядел, что у меня в руках был не просто грязный пакет! А пакет, перемазанный кровью.

– Откуда мясо? – еще раз довольно настойчиво и громко произнес блюститель порядка и бодрым шагом направился ко мне. В голове у меня тотчас заработала вычислительная машина: «Сейчас заберет пакет, потом будет разбирательство, на какой охоте я его добыл, была ли лицензия».

По всему выходило, что ситуация сомнительная. И чреватая утратой столь тяжело заработанной добычи. Один милиционер помог добыть мясо, а другой собирался его отнять. Тут явно просматривался перст судьбы, которая была намерена немного себя подразвлечь, играя мной и так и эдак.

А времени на дальнейшие размышления не оставалось нисколько. Я глянул на жену и увидел, что примерно те же сомнения посетили и ее. Уж она-то лучше меня знала, что за публика подчас работала в милиции. Когда надо, то не доищешься и не дозовешься. А вот как что-нибудь конфисковать или деньги вымогать, то вот тут у этих ребят все было в порядке.

Решение пришло само собой. Я с некоторым трудом взмахнул рукой, все-таки в пакете было несколько килограммов. И переправил его назад в салон автомобиля. Одновременно я другой рукой довольно естественно и непринужденно нажал на кнопку на дверце и захлопнул ее.

Мясо оказалось заперто в машине. При этом у меня в руках не было никаких ключей, которые можно было бы выхватить и открыть ее. Сотрудник милиции тем временем уже стоял рядом. Но руки у меня были пусты, выхватывать и конфисковывать было нечего. Машину ломать? Выбивать стекло? Лазить по карманам в поисках ключей? Все эти варианты нашему любителю чужого мяса показались, надо полагать, неуместными.

– Так откуда мясо? Откуда тащите?

– Был на охоте, подстрелили лося. Мне тоже досталось.

– А где ружье, охотничий билет? Куда ездили, какая еще охота?

Я было вознамерился пуститься в пространные объяснения. Но тут же уловил крайнее сомнение в глазах человека в шинели. Он разглядывал меня с головы до ног, причем довольно внимательно. И явно приходил к выводу, что я являюсь, судя по одежде, каким-то антисоциальным элементом. Следовательно, мясо у меня незаконное и вполне может быть конфисковано. В пользу нуждающейся семьи самого милиционера, например.

– Вас придется задержать. Следуйте за мной в отделение милиции. Там разберемся.

Логика в действиях этого товарища, в общем-то, была. Меня там проверят. Если преступник, то очень хорошо, будет благодарность по службе за бдительность. Если нет, то все равно остается вопрос по поводу мяса. Самому милиционеру предложат все перепроверить на месте, выделяют наряд милиции и машину. Он приедет назад к моему дому и заберет мясо из моего «жигулька» для того, чтобы «разобраться» с ним. А вдруг это не лось, а расчлененный труп человека? Экспертиза покажет. И мясо успешно канет в небытие.

Вообще-то, меня вариант с походом в отделение милиции тоже устраивал, хотя он повлек бы потерю времени, часа два-три, не меньше. Кроме того, паспорта у меня с собой не было, а права отдавать не хотелось. Но деваться было некуда. Я подчинился и спросил: «Какой номер отделения?» Милиционер ответил. А я повторил его довольно громко. Настолько громко, чтобы его расслышала моя жена, которая стояла шагах в десяти и молча взирала на всю эту сцену. Хотя она и была милицейская дочка, но понимала, что с рядовым составом лучше не связываться ни в каком виде. Объяснить все равно ничего не удастся, тем более при подобных обстоятельствах. А только натерпишься унижений от парня, который еще вчера гулял в рваных сапогах по своей деревне и горланил частушки под гармошку.

Отделение было наше, через Суцевский вал, минутах в нескольких ходьбы. Я повернулся к милиционеру, всем своим видом демонстрируя готовность идти на любое разбирательство. Но одновременно еще раз точно так же непринужденно взмахнул рукой. И бросил жене ключи от машины. Поскольку я играл в теннис, то смог исполнить это действие безукоризненно, хотя нас разделяли все те же десять метров. Ключи описали высокую дугу в воздухе и приземлились почти точно в руки Марине. Если бы они упали, зазвенели, наверное, события могли пойти по другому сценарию. Но, по счастью, Марина как-то ухитрилась их поймать и тут же куда-то засунуть.

Кажется, милиционер даже не понял, что именно только что произошло. По логике он должен был тут же кинуться и забрать ключи. А иначе чего меня задерживать? Ну, проверят, явятся за мясом. А его и след простыл. Кажется, все было предельно ясно.

Однако этого не произошло, и непонятно, по какой причине. Я думаю, что начинающий пинкертон принял брошенный предмет за ключи от дома, а не от машины. Или вообще не понял, что мы тут друг другу кидали как акробаты из цирка. А только он ничего не предпринял, а просто пошел в сторону Сущевского вала, увлекая и меня за собой. Я повиновался в полной мере, пытаюсь изобразить из себя вполне законопослушного гражданина. И представлял, что именно произойдет дальше.

Дальше произошло вот что. Конечно же, в милиции есть правило слегка поиздеваться над любым задержанным человеком. Для этого его сажают на специальную лавку и долго держат на ней, как будто и вовсе про него забыли. Человек мается-мается, а его все не зовут и не зовут. А тем временем тащат зазевавшегося бомжика, награждая по пути тумачками. Или демонстративно играют перед носом пистолетом, обсуждая выезд на место какого-то преступления. Или довольно грубо беседуют с персоной, томящейся не на лавке, а вообще в «обезьяннике». Не зря народ назвал эту клетку именно так. Человек в ней низводится до животного, с которым можно делать что хочешь.

Бывают ох какие ситуации. В милицию меня забирали в моей жизни не раз, причем, как правило, ни за что. Тоже кому-то что-то показалось немного не так, вот и задерживали. Раз перешел через дорогу в неполюженном месте. Да там и неполюженного нет ничего. Дело было напротив парка Горького. Там я перешел даже не через Садовое кольцо, а через дорожку, которая идет параллельно ему перед входом в тоннель. Ширина дорожки никакая. А я ее пересек не на переходе, а метрах в двадцати от него, не больше. Машин никаких. И что вы думаете? Откуда ни возьмись – милиционер, гаишник. Схватил меня, стал объяснять, что так не переходят. А мне смешно. Если бы у меня была машина, да еще права, то всегда можно было бы их забрать и шантажировать, как это обычно дорожная инспекция и делает. Но у пешехода не то, что права, даже и паспорт не всегда имеется.

В общем, я как-то так дернулся, что этот господин решил меня помучить. Но не в ГАИ же меня вести! И он не поленился и отволок меня в местное отделение милиции. Сдал на руки дежурному и ушел с чувством хорошо выполненного долга. А меня препроводили к той самой лавке. На ней уже сидело человек пять, все обычного вида, довольно прилично одетые, но молчаливые. Тоже попались на какой-то ерунде, надо полагать. Между ними, в середине, на лавке было только одно единственное свободное место. Но с проблемой... Судя по всему, тут только что что-то произошло. И под лавкой, прямо под этим местом, была здоровенная лужа крови. Я замер.

Понятно, что никто меня не собирался тут убивать. Тем не менее, точно так же было понятно, что недавно до меня тут сидел человек. А теперь вместо него лужа. То есть психологически было неприятно становиться на место человека, из которого только что пустили кровь по полной программе. Я

замешкался, тем более, что сесть можно было только так, что ноги оказались бы в этой луже. Мне этого совсем не хотелось делать.

Пока я стоял, не зная, как поступить, со стороны подошел местный милиционер. Вида он был совсем неряшливого. Явно ни на какие посты не ходил, а работал тут же, на подсобных работах. В руках у него была обычная т-образная палка с грязнущей тряпкой. Он очень привычным движением стал вытирать эту кровь. И повозившись пару минут, более или менее размазал лужу по всему полу. Вышло огромное грязно-мокрое пятно. Запах был как на бойне. Но красного цвета на полу больше не было видно. Только грязная жижа.

Все это выглядело совершенно отвратительно. Получалось, что человеческая кровь, которая только что текла внутри вполне живого человека, теперь была смешана с грязью. Причем тряпка с палкой были явно предназначены не для мойки помещения, а именно для подтирания крови. То есть по всем признакам, совершенные только что действия были тут вполне привычным обыденным делом.

Конечно, тогда меня отпустили ни с чем. Но как всегда помуржили на этой лавке положенных несколько часов. Кстати, именно там перед моим лицом и играли табельным «макаровым», крутили его и так и эдак. Вроде бы как готовились применить. Не ко мне, а если будет надо, то против любого преступника. Балаган, конечно, но вот я вынужден был сидеть и смотреть на все на это. Так положено!

Возвратимся к истории с «мясцом». Тут меня тоже должны были без разбирательства посадить на ту же лавку. Что мне на самом деле было и нужно в этот раз. Ведь я уже громко назвал Марине номер отделения. Сейчас она пойдет домой, позвонит Веселову и все доложит. Полковник милиции позвонит моим архаровцам и вежливо попросит их отпустить ответственного товарища.

Именно так все и получилось. Я успел отсидеть от силы полчаса на той самой лавке. Дежурный вдруг озаботился, зашевелился и даже вылез из-за своей стойки. «Кто тут Трофимов?» – проговорил он, вглядываясь в лица всех, кто сидел рядом, и пытаюсь самостоятельно угадать, кто это такой. Я отозвался. Сомнение – это мягко сказать, что отразилось на лице дежурного. Я явно не тянул на ответственного работника. Тем не менее это было именно так, других претендентов на мою фамилию не нашлось. «Извините, у нас молодой сотрудник, еще не освоился. Сейчас мы вас отвезем, откуда забрали. Еще раз извините». Речь была бесцветной и невыразительной. Но сам факт извинений дорогого стоил. Я благосклонно принял их и махнул рукой, как бы говоря: «Да что там, с кем не бывает!» Однако извинениями дело не ограничилось. Мне выделили милицейский газик и действительно отвезли назад к моему дому через дорогу.

Марина сидела уже дома, мясо лежало в ванной, вытряхнутое из мешка. «Ну как?» – «Да что «как», извинились и отпустили, даже подвезли. Черт бы их взял, попрошайки и побирушки. Откуда только берутся такие?!» Этой короткой фразой я исчерпывающим образом описал свои приключения. Действительно, Марина позвонила папе, а тот через дежурного попросил меня освободить. Что и было выполнено.

Мясо было частично заморожено, а частично зажарено. На следующий день я пригласил в качестве гостя Пашку с его женой, моего товарища по работе, который сидел в моем же кабинете, напротив моего стола. Тоже дипломат, тоже юрист. Только не охотник. Он очень оценил угощение. «Вот, ешь, – приговаривал он своей супруге, – а то такие, как Трофимов будут дальше ходить на охоту, и эти животные вовсе исчезнут, даже не успев попасть в Красную книгу! Так что наслаждайся, пока еще это возможно».

Я только молчал и улыбался. Запросто могут исчезнуть, миновав Красную книгу. Охотники у нас еще те, только держись.

Генеральская охота. Кровавая расправа

Я вам скажу, что обычно думают неохотники об охоте и охотниках. По их мнению, собирается компания довольно сомнительных людей. Пьяниц, к тому же еще и живодеров. А также болтунов и гуляк. И вот они развлекаются по полной программе. А все остальные люди должны терпеть их выходки только потому, что это ОХОТА.

Если разбираться формально, то конечно неохотники правы. Идет по лесу благородный олень. Никого не трогает, щиплет себе травку. Вдруг в него стреляют. И куда попадут, неизвестно. Если в голову, то смерть будет быстрой и без мучений. Но как правило попадают куда ни попадя. Несчастное животное испытывает жуткие страдания. Оно искалечено, из раны хлещет кровь. Сил убежать уже нет. А по следу идут безжалостные убийцы...

Или дикая утка. Тоже никого не трогает и никого не может обидеть. Но смерть подстерегает ее на каждом шагу. Ей не дают подлететь к берегу. Гоняют выстрелами, подбираются из засады. В конце концов перебивают крыло и обрекают на медленную мучительную гибель.

Господа охотники, что они вам сделали, эти несчастные утка и олень? Откуда такая жестокость и кровожадность? Идите в магазин, купите себе мяса и ешьте до отвала. Но зачем обязательно убивать животное своими руками?

А вот другая зарисовка, тоже достаточно неприглядная. Охотники на привале. И что же они тут делают? В первую очередь напиваются сверх всякой меры. Если не напиваются, то это редкое исключение. И пока они еще не успели свалиться мордой в тарелку, рассказывают друг другу какие-то дурацкие байки и небылицы про свои и чужие охотничьи похождения. А если вслушаться в эти рассказы на трезвую голову, то просто тошнит от явного вранья и самовосхваления.

И что, вот все это надо описывать в книгах? На это надо тратить драгоценное внимание нашего читателя? Да вообще, они нормальные люди, эти охотники? Может быть, правильнее было бы посадить их в психическую клинику? Ей богу, они больше смахивают на серийных убийц, чем на добропорядочных граждан. Сегодня оленя убил. А завтра, глядишь, и на человека будет покушаться.

Если уж мы отвлеклись на тему о том, чем отличаются охотники от обычных убийц, то нелишним было бы сделать и определенный экскурс в философскую сторону данной проблемы. Попробуем разобраться. Феномен этого явления заключается в том, что охотник, когда он выслеживает и потом убивает дичь, не испытывает чувства живодерства. Вот такой удивительный факт. Но это именно так. Что-то в человеческой голове в этот момент

переключается, и охотника охватывает достаточно благородный спортивный азарт. Никакого внутреннего чувства неоправданной жестокости. Как и почему это происходит? Кто знает. Скорее всего потому, что так было изначально задумано тем, кто нас создал. В определенной ситуации в нашей голове включаются те или иные механизмы. В том числе и тот, который отвечает за охоту.

Конечно, на этот счет имеется и другая точка зрения. Эволюционисты и любители Дарвина расскажут вам трогательную, но крайне сомнительную историю о том, как выживал первобытный человек. Как не смогли выжить те, которые не могли охотиться. И как естественный отбор оставил на нашей планете только тех, кто был хорошим охотником. Однако тут возникает одно законное замечание. Чувство охотничьего азарта и отсутствие жалости к дичи совсем не эквиваленты качествам хорошего охотника – расчетливости, хладнокровию, наблюдательности.

Тут нужно особо подчеркнуть, что человеческое общество, со своей стороны, не отвергает чувство азарта, вызываемое охотой. Более того, нередко понимает и оправдывает. Иными словами, одобряет. Не все, конечно. Но в достаточном количестве, чтобы не рассматривать охоту как преступление.

Вообще-то это довольно удивительное социальное явление. Я его объясняю вот как. Если у нас охота вызывает особые чувства, значит, мы с вами именно так запрограммированы при создании. Значит, Творец хотел от нас именно таких чувств, а не иных. Почему? Может, для того, чтобы мы были способны себя прокормить, когда еще не вышли из первобытного состояния. А может, и в других каких-то целях, нам неведомых в силу нашего недостаточного умственного развития. А раз в основе охоты лежит особый замысел высшего существа, человеческое общество предпочитает с ним считаться, а не отвергать. Что вполне разумно, справедливо и, пожалуй, дальновидно.

Я в этом рассказе попробую, не ломая этого стереотипа, изложить соответствующие события глазами самого охотника. Я себя не оправдываю. Если охоту вообще запретят, большого вреда человечеству не будет. Но пока не запретили, позволю себе в литературной форме коснуться вопросов кровожадности и кровопролития. Однако если читатель считает охоту живодерством, этот рассказ ему лучше не читать, а пропустить.

Итак, на каждой или почти на каждой охоте кого-то приходится убивать. Но какие эпизоды достойны описания? Полагаю, что лучше всего было бы описать охоту, которая мне самому представляется наиболее близкой к классической, к такой, какой она на самом деле и должна быть. Хотя не исключено, что тут я слишком субъективен.

Мне кажется, что охота по всем настоящим правилам у меня случалась тогда, когда я выезжал на нее со своим отцом. Вот уж кто был настоящий охотник, так это именно он. Отец стал брать меня на охоту еще тогда, когда мои сверстники в полной мере копались в песочницах. Самые первые воспоминания о собственной личности у меня были связаны именно с охотой или рыбалкой. Да и было что запомнить. Позволю себе в этом месте слегка отвлечься от основного повествования, чтобы кое-что описать. То есть в определенной мере злоупотреблю своим авторским правом. Но читатели, как я очень надеюсь, меня тут в очередной раз простят.

Совершенно четко помню один эпизод из очень далекого детства. Наша семья вместе с какими-то друзьями выехала на охоту и одновременно на рыбалку. Выехали на хорошую природу, в окрестности города Харькова. Крутой обрывистый бережок, покрытый зеленой-презеленой травкой. Все расположились недалеко от воды, раскинули какое-то покрывало, выставили на него всяческую снедь, какая обычно приличествует хорошо организованному пикнику. Мой отец и его приятель неторопливо обсуждали рыболовные проблемы. И вот этот самый, то ли приятель, то ли друг, произнес примерно следующую фразу: «Глубина тут – будь здоров, с ручками будет, два таких как я встанут друг на друга, и то не достанут до дна».

Как-то эти слова проникли в мое детское сознание. Особенно запомнилось, что два человека должны встать друг на друга, а все равно этого будет мало, так тут глубоко. Ну и какая должна у нормального ребенка реакция на подобное высказывание? Держаться подальше от воды? Может быть, и так, если лет достаточно. Но мне было недостаточно. И почему-то очень захотелось проверить, как это так в воде, что надо стоять друг на друге. В общем, я направился напрямик к речке. И просто прыгнул в воду...

Дальше ясно помню, что я сижу на подстилке, весь мокрый, а со мной говорят отец и этот его приятель. Причем оба очень внимательно заглядывают в глаза и пытаются всячески успокоить и приободрить.

Вот и все. Я пересказывал эту историю своим родителям, но они лишь недоверчиво качали головами. Так никогда мне и не поверили, что я что-то такое помнил. То есть ситуация такая действительно имела место. Был выезд на природу и мое купание в речке. Но по их словам, я был слишком мал, чтобы хоть что-то соображать. Чуть ли не только научился ходить. Куда уж тут слова понимать, а тем более решения принимать, пусть даже и неразумные. Просто пошел не прямо, а криво, вот и угодил в воду. А отец с этим товарищем сразу же сиганули за мной в речку и вытащили, даже наглотаться как следует не дали.

Но ведь я же помню! Наверное, вопреки расхожим стереотипам, люди очень рано становятся разумными. И очень даже понимают окружающий

мир. Другое дело, что все эти детские впечатления потом напрочь стираются из памяти. К тому времени, когда хочется что-то обобщить из прошедшей жизни, в голове уже ничего не остается от пережитых событий. Но со мной, судя по всему, случилось по-другому. Я не просто услышал и понял чужие слова. Я при этом еще попал в крайне критическую ситуацию, прыгнул в воду и чуть не утонул. Наверное, предельное напряжение сказалось на памяти, и она вопреки обычному правилу сохранила какую-то часть тех событий.

Вот так я осознанно ходил на рыбалку в первый раз. Потом было еще много выездов как за рыбой, так и за дичью. Но это было уже в более зрелом возрасте. А по-настоящему необычное приключение – это то, которое случается с нами в первый раз в жизни.

Однако и мой отец тоже не всю жизнь был многоопытным охотником. Да и как им может стать простой паренек из бедной подмосковной деревни? Глава семейства – кузнец, мать суетится по домашнему хозяйству. Какая уж тут охота? Отец, насколько я знаю, более или менее пристрастился к этому делу уже к концу Великой Отечественной войны. «Сталинские соколы» были на особо привилегированном положении. А тем более Герои Советского Союза. В начале войны было, конечно, не до охоты. А вот на территории других стран, оккупированных фашистами, ситуация сложилась уже другая. Немцы тут драпали, а наши их только били и гнали. В перерыве между боями можно было позволить себе и слегка развлечься.

И вот тут у наших «соколов» появились трофейные охотничьи ружья. Да еще какие! Из дворцов бывших господ. А рядом уголья, где фазанов видимо-невидимо. Ну как не сходить, не пострелять? Однако даже такая вольготная охота без егерей, путевок и лицензий все равно требовала соблюдения определенных охотничьих правил. В том числе по части безопасности.

Вот как звучала одна из охотничьих историй того времени в устах моего родителя. В ходе одного такого мероприятия Николай Леонтьевич (так звали отца) отправился пострелять фазанчиков со своим сослуживцем и однополчанином, небезызвестным героем войны и тоже «сталинским соколом» Покрышкиным Александром Ивановичем. Ходили они, ходили по лугам и полям и наконец притомились. И вот Александр Иванович остановился, поставил свое ружье прикладом на землю и поэтично оперся о ствол. При этом философски окинул окрестности своим взглядом. Однако чужое трофейное ружье было настроено не столь поэтично и философски. И выстрелило одним из своих стволов. Естественно, произвольно. В результате этого события на руке «сокола», которая лежала сверху на стволах, оторвало один палец.

Так всю оставшуюся жизнь трижды Герой Советского Союза и гулял не с пятью, а с четырьмя пальцами на этой своей руке. При этом не особенно распространялся, куда именно девался отсутствующий палец. А никто и не

спрашивал. Без слов и объяснений как бы подразумевалось, что это результат кровавого боя с ненавистными фашистами. Вот они стреляли-стреляли и ранили, но не до конца, а только палец отстрелили. Однако совершенно точно, что после этого случая на охоте Александр Иванович не пренебрегал правилами безопасности, как-то: не опирался на ружье, даже если оно не было заряжено. А также никогда не поворачивал то же самое совсем незаряженное ружье так, чтобы его стволы смотрели на людей. Кажется, несложные правила. Но если их строго выполнять, они могут спасти немало жизней, полагаю.

Я с самых ранних лет усвоил эту норму: ружье, даже если оно не заряжено, никогда не должно смотреть на людей. Именно поэтому я с трудом мирюсь с подобными ситуациями в современной жизни. И, представьте себе, вовсе не на охоте. А, например, на дороге, когда управляю автомобилем. В силу разных причин наших сотрудников правоохранительных органов время от времени вооружают не табельным «макаром», а иногда и автоматическим оружием всяких разных марок. Например, по случаю очередной чрезвычайной ситуации. Но при этом, насколько я понимаю, не объясняют, как именно следует обращаться с этим оружием. А милитоны поступают очень просто – напяливают свой АКСУ-72 или иной прибор на плечо, да так, что ствол смотрит параллельно земле. И важно при этом поворачиваются направо и налево. Соответственно и ствол смотрит то направо, на толпу школьников на переходе, то налево, на их мамаш и учителей. И ведь ничего даже не екает под фуражкой в голове. Когда эти архаровцы проверяют мои документы, ствол смотрит прямо мне в грудь. Тут срабатывает механизм самосохранения, и я делаю шаг в сторону. Но и милиционер стремится повернуться ко мне. И даже недоумевает, чего это я перед ним юлю и виляю. Уж не пьян ли?

Каюсь, один раз я попытался объяснить одному такому «блюстителю порядка», как именно надо обращаться с огнестрельным оружием. Он уставился на меня совершенно непонимающей мордой. На которой было ясно написано примерно следующее: «Ты чего, этакая мразь, пытаешься меня, лейтенанта милиции с большой буквы, поучать?» Я понял намек и с тех пор больше не стремлюсь никому из милицейского племени ничего подобного объяснять. Только продолжаю непроизвольно делать шаг в сторону, когда в меня опять кто-нибудь подобным образом целится.

С одной стороны, я отвлекся. А с другой стороны, это полезное отступление. Вдруг эти строки будет читать тот, кто еще не стал охотником. Или тот, кто уже охотник, но еще не до конца усвоил все сложности и премудрости охотничьего дела. И кто знает, вдруг этот самый читатель запомнит только что описанные правила безопасности. А в результате его случайно выстрелившее ружье не снесет при этом ничьей головы.

Согласитесь, ради этого стоило пару абзацев поговорить о правилах обращения с оружием.

Мой заядлый отец и после эпизода с чужим отстреленным пальцем еще не стал настоящим матерым охотником. Но жизнь его все-таки потихоньку учила уму-разуму. Как-то раз он явился домой радостный и возбужденный: «Ну, Вера, готовься, будет тебе лисий воротник!» Вера – это моя мать и его жена. Произнеся эту многообещающую фразу, он схватил лопату и исчез за дверью. А поздно вечером явился домой. Тихонько так отворил дверь, поставил лопату в уголок и проскользнул в ванную комнату, весь перемазанный грязью с головы до пят.

Историю эту я услышал от матери, причем в крайне насмешливом изложении. И честно признаюсь, никогда не смел даже намекнуть отцу, что знаю про это происшествие из его жизни. Для меня это значило бы покуситься на незыблемый авторитет, что было совершенно невозможно.

А произошло вот что. Отец увидел лисицу, которая на его глазах юркнула в нору. Мой папаша, не будь дурак, сразу же заткнул нору каким-то тряпьем. И побежал за лопатой, разумно предполагая, что если тряпка будет на месте, то и лисица будет в норе. После этого он взялся раскапывать нору. И после многих часов упорного труда вдруг понял, что у лисицы обязательно есть запасной выход из норы. А то и несколько. Видимо, урок был столь болезненный, что Николай Леонтьевич стал после этого внимательно изучать повадки тех или иных животных, на которых собирался охотиться. В этих повадках не было ничего сверхъестественного. Их просто надо было знать, вот и все. И тогда можно было претендовать если не на звание заслуженного и многоопытного охотника, то по крайней мере не быть уж полным профаном.

Впрочем, я уже отвлекся более чем допустимо от истории, которую собрался рассказать. Родители тогда жили в Москве, на улице Горького, в доме номер 4. То есть почти в первом жилом доме, если отсчитывать от Кремля. Из окон был хорошо виден Вечный огонь у Могилы Неизвестного Солдата, часть Александровского сада. В общем центр по всем меркам. А дело было в середине восьмидесятых. Я жил в другом месте. Но в силу определенных жизненных обстоятельств временно переехал на Тверскую. И как раз в этот период, зимой, была организована охота на лося в одном из подмосковных военных гарнизонов.

– На охоту можешь поехать?

– Когда?

– В эту субботу?

– А куда?

– Да не «кудакай» ты! Куда, куда! Надо говорить: «Далеко ли едем?»

Из этого наставления следовало, что, спрашивая «куда», можно было сглазить всю охоту, спугнуть зверя, что ли. В любом случае «кудыкание», по твердому убеждению моего отца, считалось плохим охотничьим тоном. Я соглашался с ним, но каждый раз забывал это правило. Да и как не забыть, если в обычной, неохотничьей, жизни, спросить «куда» считалось вполне уверенной нормой.

– Далеко ли едем?

– Под Москву, в один из гарнизонов.

– А кто едет?

– Генерал Куприянов с зятем, еще несколько охотников, ты их не знаешь.

Весь этот диалог предшествовал очередной охоте, которую организовали военные начальники из какого-то подмосковного гарнизона. Конечно, они и сами были специалистами по охоте. И наверняка не раз выходили пострелять зверя без каких-либо высоких московских гостей. Но в этот раз решили пригласить моего отца и Куприянова, каждый из которых, надо отметить, не был их прямым начальником. Но в любом случае в такой охоте, конечно же, присутствовал какой-то элемент не то чтобы подхалимажа, но все-таки какой-то особой услуги. Конечно, местный начальник в случае необходимости и так, безо всякой охоты, мог бы напрямую обратиться к тому или иному московскому генералу. Но после совместной охоты, особенно удачной, это можно было бы сделать и в более непринужденной форме. Вообще не факт, что когда-либо такие люди обращались с какими-то просьбами. Но вот так, «на всякий случай», все-таки время от времени приглашали гостей из Москвы.

Все вышесказанное означало, что местное руководство будет прилагать максимум усилий, чтобы охота прошла нормально, чтобы все были довольны и чтобы не произошло никаких досадных срывов. Кстати, и генералы из Москвы никогда не ехали на подобные мероприятия с пустыми руками. Во всяком случае те, кого я знал. Всегда брали с собой не только водку, но и еще какую-то закуску. Пусть местные обеспечат стол в целом. Но при любом варианте на этот стол ложились и свои припасы. Все это делалось не из-за того, чтобы меньше зависеть от посещаемого гарнизона или не выглядеть как последний взяточник и мздоимец. Просто мы ехали на охоту не как начальники, а как практически равноправные охотники. Конечно, каждый при этом понимал, кто тут есть кто в обычной жизни. Но по крайней мере внешне охотничья демократия, как правило, все-таки соблюдалась.

В такую демократию сейчас верится с трудом. На слуху только рассказы о том, как солдаты строят дачи генералам. Наверное, и такое бывало, хотя я не видел. Но у меня все-таки были особые генералы, прошедшие несколько войн, боевые и хорошо обстрелянные. У них были иные меры ценностей, чем

у простых людей. Какое-то особое корыстолюбие совершенно точно не стояло на первом месте.

Итак, выяснилось, что в этот раз ехать надо было по шоссе Энтузиастов, километров сто с гаком. Именно там находилась какая-то воинская часть, командир которой и вызвался все организовать. Конечно, как я уже отметил, это была как бы неформальная услуга, которая теоретически предполагала какую-то взаимность. Впрочем, это меня совершенно не касалось.

Итак, начались сборы. Сначала надо было подготовить одежду. Это было не так просто. «Мороз, одевайся потеплее», – это напутствие обязательно сопровождало процесс сборов. Начинался поиск теплых штанов, сапог, кучи рубашек, кофт, шапок. Все это я подбирал очень тщательно. Сапоги не должны жать. Легко сказать, но трудно выполнить. Я любил как раз те сапоги, которые мне слегка жали. Каждый раз я их напяливал и начинал прогуливаться по комнатам, прикидывая, сотрут они мне ноги или нет. «Конечно, сотрут!» – приходил я в конце концов к выводу и с сожалением стягивал их. Хороши, снаружи толстая черная кожа, сбоку толстая металлическая змейка, внутри мех! Одно слово, летные, отцовские. Так было жаль, что у меня не складывалось с этими сапогами. Но каждый раз я вновь на что-то надеялся. Наверное, подсознательно желал, чтобы нога моя уменьшилась в размере. Смешно, но все именно так и было.

За одеждой следовало оружие. В тот период это был автомат, МЦ-21-12. Цифра «21» означала номер модели, а «12» – калибр. Вообще, ружьецо было очень даже неплохое. Такие автоматы нередко дают задержки, за что охотники их подчас недолюбливают. Откуда задержки – понятно. Модель сама, насколько я знал, была аналогом одного из «ремингтонов». Но для идеальной работы оружия необходимы не только высококачественные материалы, сталь, но и исключительно точная подгонка деталей. А с ней, с этой подгонкой, дело могло запросто и хромать. Поток, конвейер, социалистическая система организации труда – все это не всегда способствовало качеству изделия, даже оружия, которым наша страна всегда славилась.

Если бы ружье перезаряжалось вручную, то еще полбеды. Приложил побольше усилий, и застрявшую в патроннике гильзу можно все равно выдернуть. Но тут-то автомат. Он работает за счет энергии отдачи. В ружье отдача очень сильная, даже слишком. Боевое оружие, в том числе и знаменитый АКМ, даже близко не стоит к охотничьему ружью по силе отдачи. Когда мне в юные годы первый раз разрешили выстрелить из ружья по бутылке, я еле-еле устоял на ногах.

Однако даже такая отдача подводит. Механизм перезарядки патрона сложный, много деталей двигается туда и сюда. И если набирается гарь от пороховых газов, если на дворе зима и масло загустело, то жди проблем. В самый ответственный момент ружье может подвести.

Чтобы такого не случилось, я каждый раз перед охотой выполнял следующую процедуру: разбираю свой автомат до самых простейших деталей и тщательнейшим образом стираю масло. Совсем без масла нельзя, в процессе хранения может возникнуть коррозия, ведь влажность всегда есть в любом, даже самом сухом воздухе. Но вот непосредственно перед охотой все это масло надо было убирать. А потом, после охоты, опять все заново протирать и смазывать. А что делать! Автомат – очень приятное оружие. Стреляешь и стреляешь, а патроны все не кончаются. Намного приятнее двустволки. Но и ухаживать за ним надо по-особому. Кто ленится, тот может пожалеть.

Разок мне в одном парижском охотничьем магазине показали автомат. Он сильно отличался от моего. Но не по внешнему виду. Внешне отличия были не слишком заметны. Он был двенадцатизарядный! При этом не все двенадцать патронов располагались под стволом, как у меня. Часть, конечно, под стволом. Зато остальные – в прикладе! При этом у этого автомата был совершенно головоломный механизм подачи патронов: сначала из-под ствола, а потом – из приклада. Немыслимое чудо инженерной мысли.

Но вернемся к моему оружию. Масло – еще полбеды. А как быть с пороховыми газами? Их-то заранее не сотрешь с механизма. Тут надо было заходить с другой стороны. По счастью, в этом вопросе мне в свое время сильно помог дружок Вовки Власова – Игорек Ястребов. Тип он был предельно сомнительный. Мягко так скажем. Но был спортсменом, стрелял на стенде, имел отношение к оружейному делу. У него были знакомые в охотничьих магазинах. Узнав, что я покупаю автомат, он вызывался мне помочь.

– Никаких проблем! Знаешь охотничий магазин рядом с Петровским пассажем?

Я такой магазин знал.

– Вот и подходи туда, давай завтра, часам к двенадцати дня. Перед этим мне еще раз позвони, а то вдруг я окажусь занят. Я же созвонюсь с магазином, у меня там есть знакомые. Подъедем и выберем что надо и как надо. Идет?

Понятно, что я немедленно согласился на все условия Ястребова. Помощь в покупке очень бы даже пригодилась. Так я со своим разрешением из милиции просто заявился бы в магазин и выбрал с полки то, что там стояло. А вдруг что-то не так? Ведь выяснится только потом, уже на охоте. И куда девать бракованное ружье? В комиссионку, терять деньги? А потом покупать точно такое же?

Игорь же был, по моим меркам, опытный оружейник. Он мог, как я думал, проверить ружье, особенно автомат, прямо на месте. Куда-нибудь там заглянул бы, что-нибудь внимательно осмотрел и сказал бы мне, все тут в порядке или нет. Конечно, это я так дилетантски представлял себе, как именно надо проверять автоматическое оружие. На деле все оказалось немного иначе.

Наступил следующий день. Я заявился к магазину, зашел внутрь и стал терпеливо дожидаться Ястребова. При этом я успел разглядеть и полку с автоматическими ружьями. Там стояло три автомата той модели, которую я для себя выбрал. Все с буковыми прикладами. Это было не очень хорошо. Бук не обладает собственным хорошим цветом. Поэтому его красят лаком. А всякая покраска может запросто со временем ободраться. Или ударишь обо что-то, чиркнешь острым предметом. Или намочишь, потом на мороз, на солнце. Короче, нет ничего вечного, а уж лак на прикладе, так и тем более. Запросто со временем обдерется. Красить заново? Можно, конечно, но это довольно морочная процедура, если делать аккуратно. Надо предварительно снять старый лак и только после этого наносить новый. Снимать надо наждачной бумагой, очень тщательно, чтобы не было глубоких царапин. Потом шлифовать дерево. И только после этого надо наносить лак. К тому же лак должен быть не простой, а водостойкий, хорошего качества и приятного оттенка. Если же пойти по халтурному пути и просто покрасить по старому несодранному лаку, то, скорее всего, получится неаккуратно, будут видны закрашенные пятна, в целом вид будет так себе. Короче, лак на буковом прикладе – это явная проблема.

Вскоре заявился и сам Ястребов. Небрежно подал мне руку. Вид у него при этом был как у непререкаемого авторитета и знатока любых ружей. Вообще Игорь был мне ровесником. Но в отличие от меня был грузным, я бы даже сказал, толстым. Этаким увалень, разъевшийся на безделии и праздной веселой жизни. Эта самая жизнь очень даже отражалась на лице Игорька. Какое-то полумонгольское круглое лицо, заплывшие хитрые глазки, точно так же хитровато искривленный толстый ротик. При этом было понятно, что Ястребов в этой жизни пьет не столько воду, сколько пиво и водку. У меня даже тогда, в магазине, появилось чувство, что я могу примерно сказать, сколько вчера Игорь выпил и того, и другого.

Но все это к делу не относилось, тут мы были во вполне определенных целях – выбрать мне правильное ружье. Игорь довольно по-свойски кивнул продавцу и без обиняков двинулся за прилавок и дальше, в дверь в подсобное помещение. Я не без трепета последовал за ним. Вообще вот так запросто зайти внутрь магазина, где лежало оружие, было, по моим меркам, совершенно немыслимо. Но, видимо, я имел превратное представление о нашей советской системе торговли этим товаром.

За нами в подсобку зашел и продавец. Ястребов без предисловия начал ему объяснять: «Нужен автомат, МЦ-21-21. Есть из чего выбрать?» Продавец кивнул в ответ. «С букowymi прикладами не надо. Есть орех? Тащи сюда». Продавец ушел, а Ястребов стал мне объяснять разницу между буком и орехом. Орех в отличие от бука имел собственный красивый темно-коричневый цвет, его не надо было покрывать лаком. Если повезет, то на прикладе могла быть видна и текстура дерева.

Через какое-то время продавец появился и притащил в охапке три ружья, упакованных в картонные коробки. Ястребов схватил одну из них и довольно бесцеремонно раскрыл. Не то чтобы он ее разорвал, но до этого оставалось совсем немного. Потом он стал вытаскивать детали ружья и тут же его собирать. Пара минут, и ружье было собрано. После этого Ястребов сделал следующее. Он поставил ружье прикладом на пол и крепко схватил его за ствол. Потом поднапрягся, подсобрался и вдруг стал резко нажимать ствол вниз. То есть как бы имитировал движение ствола при стрельбе. Тот подался вниз, затвор щелкнул. Сразу же пружина вернула ствол на прежнее место. Еще раз и еще. На третий раз ствол застрял внизу. То есть затвор прошел путь для выброса гильзы, а назад и не вернулся. Вот так! Все это означало, что в случае стрельбы настоящими патронами ружье точно так же сделало бы задержку. Стреляная гильза была бы выброшена из патронника, но новая дослана бы не была.

Мне и в голову не приходило, что на этот дефект автоматы надо проверять именно так. Но Ястребов, похоже, знал свое дело. Он решительно отложил ружье в сторону. И начал потрошить следующую коробку. Собрал еще одно ружье. Каково же было мое удивление, когда и следующий автомат точно так же застрял в крайнем положении для перезарядки. Ничего себе оружие! Бедные охотники купят эти ружья, польстившись на ореховые приклады. Да еще продавец сдерет с ним дополнительный магарыч за то, что продал дефицитный вариант «из-под прилавка». А ружьецо-то стрелять и не будет! Только одни задержки и морока с ремонтом.

Я почувствовал в душе прилив уважения к Игорю. Хоть и пьяница, и сомнительная личность, но тут-то он явно был на моей стороне. Невозможно себе представить, чтобы я сам вот так нахально проверял бы предложенные мне ружья и откладывал их одно за другим в сторону.

А Ястребов продолжал свой осмотр. Третье ружье тоже не выдержало испытания. И оно после нескольких перезарядок застряло в заднем положении. Кажется, имелся повод усомниться вообще в самой модели. Однако очередное ружье, которое поднес продавец, повело себя иначе. Я, было приунывший, слегка приободрился. Сколько Ястребов ни нажимал на ствол, затвор этого ружья никак не желал застревать.

Мы проверили еще два ружья, которые продавец вынес нам после некоторой паузы. Одно из них тоже выдержало испытание. Таким образом, в наших руках было два ружья, которые, надо полагать, должны были стрелять без задержек. Оба их Игорек разобрал и положил отдельно. Что было немаловажно, все-таки на деталях оружия стояли номера. Вот был бы фокус, если бы мы что-то перепутали, а продавец бы не заметил.

Начался новый этап. Ястребов стал вглядываться в стволы, пытаюсь разглядеть дефекты. Потом показал их мне.

– Видишь, внутри кольца?

– Вижу, обычные кольца. В каждом ружье такие. Если колец мало, значит при сверловке меняли мало сверл. Значит, качество похуже. А если много колец, значит, сверл было много, это ружье старались довести до ума в полной мере.

– Ну, кое-что ты про кольца знаешь. Но тут особая история. Дело в том, что наши заводы экономят на чем могут – на сверлах, на времени обработки. Вот и в этом случае вместо того, чтобы просто проходить ствол сверлами, они его предварительно протягивают, снимают специальным инструментом лишний металл. Но в результате внутренняя поверхность ствола становится не цилиндрической. Кое-что можно исправить при последующей сверловке, но не до конца. Чтобы это проверить, проводим следующую операцию – вставляем в патронник пустую гильзу без капсюля.

Именно это Ястребов и проделал. Нашлась и подходящая гильза, которую откуда-то выудил продавец. Похоже, ему дотошность моего дружка не казалась излишней.

– Вот, посмотри теперь. Видишь, в середине ствола одно из колец как бы не цилиндрическое, а овальное. Это как раз результат протяжки вместо сверловки. В результате ружье конечно стрелять не перестанет. Единственно, пострадает осыпь. Дробь будет ложиться не равномерно, а по какой-то фигуре. Хорошо, если еще восьмеркой.

Я внимал словам Игоря, что называется, разинув рот. Никогда никто из моих знакомых охотников не пытался оценить внутреннюю поверхность ствола, вставляя в патронник пустую гильзу. Без гильзы, понятное дело, каждый пытался заглянуть внутрь и высказать самым авторитетным тоном какое-то свое мнение. А вот с гильзой – такого приема я просто даже не слышал.

– Если не слишком удачная протяжка, это еще ладно, – продолжал вещать Ястребов. – Вот посмотри повнимательнее: кольца как бы не совсем в середине одно у другого.

Я пригляделся, и действительно мне показалось, что среднее кольцо находилось не в центре другого, а было сдвинуто в одну сторону.

– Так вот, тут следующая проблема. Ствол сверлят тогда, когда к нему еще не припаяна прицельная планка. Припайка планки – это уже последующий этап, после сверловки. Но в нашей стране не умеют правильно ее припаивать. Держаться-то она держится, это можно не сомневаться. Но в ходе пайки ствол из-за температуры с одной стороны немного расширяется. В результате уже припаянная планка как бы тянет ствол в сторону. Вот это и заметно по центральному кольцу. Кое-кто из владельцев таких ружей просто отпаивает планку к чертовой матери.

– А как же целиться? – не удержался я от вопроса.

– А когда ты целишься, ты что, держишь в поле зрения всю планку? Нет, конечно. Ты видишь только ее начало и мушку. Ну, вот эти части планки можно оставить. Или вместо них прикрепить что-то другое, попроще. А в результате со ствола ты уберешь лишние триста пятьдесят грамм, если не больше.

Тут Ястребов со значением посмотрел на меня. Но, видимо, не увидел настоящего понимания того, что именно он сказал. Тогда Игорь продолжил, придавая своему голосу такой нравоучительный тон, которым обычно злоупотребляют учителя в школе:

– Ты вдумайся, в каком именно месте ружья расположены эти граммы. Вовсе не на прикладе, а на стволе. То есть в той части, которая находится на весу и как рычаг давит на тебя, используя в качестве опоры руку, которая поддерживает снизу цевье.

Я представил себе конструкцию из человеческого тела и ружья, которые вместе создавали рычаг Архимеда. Лишние триста граммов на стволе действительно были ни к селу ни к городу. И радостно закивал, всем своим видом показывая, что я наконец-то все понял.

Ястребов удовлетворился этой моей демонстрацией признания его авторитета и соизволил перейти на другую тему:

– Сейчас давай пойдем в тир, постреляем.

Вот эти его слова прозвучали для меня как что-то совершенно невыносимое. Ну, хорошо, мы забрались на склад магазина и нахально, «по блату», перебираем разные ружья, да еще поругиваем их. Это худо-бедно еще вмещалось в мой ум. Но взять ружья и пойти из них «пострелять» – вот это я уж никак не мог понять. Ружье – источник повышенной опасности. Это значит, что если с участием твоего ружья произойдет что-то неприятное, то в любом случае предполагается, что ты виноват. И только если ты сможешь доказать, что невиновен, вот только тогда ни за что не будешь отвечать. Источник повышенной опасности – это своеобразное исключение из принципа презумпции невиновности и одновременно принципа разумности и добросовестности участника гражданских правоотношений. Владелец источника повышенной опасности (ружье, автомобиль) всегда в этой жизни

изначально виноват. И должен, в отличие от всех остальных хороших людей, доказывать, что он не верблюд.

Потому-то у ружья, да и вообще у огнестрельного оружия, на основных деталях нанесен номер. Ружья состоят на специальном учете по этим номерам, их ясно и четко вписывают в самые разные документы. Если ты вышел на охоту и застрелил дичь из ружья, которое совершенно не отличается от твоего, но имеет другой номер, это с точки зрения формального закона – браконьерство.

Для того, чтобы купить ружье, надо получить разрешение в милиции. Надо быть членом охотничьего общества. И когда приходишь покупать ружье, продавец соблюдает тысячу формальностей, от проверки паспорта до вписывания данных по ружью в разные реестры и списки. И только после этого он вручит вам купленное оружие.

А тут мне предлагалось, вопреки всем этим правилам и ограничениям, взять пару ружей и пойти из них «пострелять», никак при этом их не оформляя. Было от чего слегка обалдеть.

Но я переживал совершенно напрасно. Продавец не высказал никакого удивления по поводу подобных планов. Даже не попросил быть поосторожней и повнимательней. Он просто стоял и довольно безразлично вполглаза наблюдал за всеми нашими манипуляциями. Однако Ястребов наметил себе не только взять с собой ружья. «Нам еще нужно патронов пачек шесть-семь», – промолвил он довольно небрежно, даже не очень обращаясь к продавцу. Но тот и тут не удивился. Хотя патроны – это тоже часть огнестрельного оружия, его тоже просто так не продают. А тем более не дают без счета и расписки, чтобы «пострелять».

Однако патроны вскоре прибыли в необходимом количестве. Их мой Ястребов положил в сумку, которую небрежно забросил за плечо. «Давай, бери ружья», – скомандовал он. Я безропотно повиновался, схватив под мышку две коробки с отобранными ружьями. «Пошли в тир», – с этими словами он направился в торговый зал и дальше через дверь на улицу. Я последовал за ним, хотя при этом испытывал довольно противоречивые чувства. Мне казалось, что вот сейчас кто-то тут в магазине очнется и заорет во все горло: «Люди, ловите воров! Они украли в подсобке оружие и теперь выносят его из магазина! Вон они, держи воров!» Ведь действительно, мы, в общем, посторонние люди, зашли в охотничий магазин, за прилавок, а вот теперь тащим оттуда оружие, которое никак за нами не зарегистрировано. Никаких расписок нет. То есть несем вещи, которые нам ни в каком виде не принадлежат. Кража да и только. Да еще не просто какого-то товара, а оружия!

Но никто ничего подобного нам не заорал. Никто, в общем, даже не обратил на нас внимания. В магазине было, как всегда, много посетителей, они

довольно плотной толпой стояли у прилавка и глазели на выставленные ружья. Кто-то из них искоса глянул на нас и в глазах можно было прочесть примерно следующее: «Вот проклятые блатняки! Что-то там ухватили из-под прилавка без очереди. Совсем совесть потеряли, а теперь еще нагло на наших глазах вытаскивают свою добычу!»

Тем не менее, несмотря на все косые взгляды, мы вдвоем с Ястребовым выскользнули из магазина и направились к моей машине, красным «жигулям», припаркованным тут же, у тротуара. Я отпер дверь, сложил ружья на заднее сиденье и еще раз огляделся. Никто за нами не гнался и даже не требовал никаких документов в залог. «Черт знает что», – только и подумал я, но понял бесперспективность своих сомнений относительно устройства нашего общества. «Если можно, значит можно. Пусть о порядке заботится тот, кто должен это делать», – решил наконец я освободить себя от каких-либо угрызений совести.

– Куда едем?

– Давай, на Герцена, напротив консерватории. Там есть милицейский тир.

«Вот это да! Мы еще с этими незаконными ружьями поедем пострелять в тир, который принадлежит милиции... Будь что будет», – наконец решил я сам для себя. И повернул ключ в замке зажигания.

Ехать было действительно довольно близко. Тогда по проспекту Маркса можно было проехать в обе стороны, одностороннее движение еще никто не додумался ввести. И через минут пять я уже остановился у обочины в месте, где указал мой могущественный друг. Мы вышли из машины, прошли метров пятьдесят по тротуару и наконец зашли в арку двухэтажного довольно неприметного домика. Такими домиками украшена вся улица Герцена. Похоже, что в подавляющем большинстве из них живут какие-то московские семьи. Но вид у всех этих домушек довольно зашарпанный, часть их явно просится если не под снос, то уж на капитальный ремонт – точно. Дворы узкие и грязные, такие же подъезды и входные двери. Одно слово – старая, давно не отремонтированная Москва.

Вот в арку одного из таких грязных и неприметных домов мы и вошли. На фасаде не было никаких слов относительно какого бы то ни было тира или чего-то подобного. Но Ястребов шел уверенно, мне оставалось только последовать за ним. Игорь однако не прошел через арку насквозь во двор, а остановился у довольно неприметной двери. Если бы меня спросили, что это за дверь в середине подобной арки, я бы не задумываясь ответил, что за ней находится небольшое помещение, где дворник хранит свои метлы и ведра. На большее дверь не тянула ни при каких обстоятельствах. Но Ястребов остановился именно перед ней и при этом всем своим видом показал, что намерен зайти внутрь. Дверь была заперта, однако рядом с ней находился звонок. На который Игорек и нажал, ничтоже сумняшеся.

Прошла минута, другая. Игорь больше не звонил, а просто стоял и ждал. «И чего же он ждет? Что изнутри выйдет пьяный дворник и скажет нам, где тут тир?» – ничего умнее этого я подумать при подобных обстоятельствах не смог.

Дверь однако в конце концов отворилась. За ней стоял неприметного вида мужичок, худой и довольно невысокий, одетый в затрепанный пиджачок темного цвета. Он глянул на Ястребова, видимо, признал в нем своего и распахнул перед нами волшебную дверь. «Привет», – промолвил Ястребов, пожал мужичку руку и проскользнул внутрь. Я последовал за ним, не переставая удивляться. Мужичок пожал и мою руку. Выходило, что быть другом Ястребова автоматически означало попасть в категорию важного, уважаемого человека. К этому я, хорошо зная этого прохвоста и его происхождения, совсем не был готов.

Мы спустились куда-то вниз по темными и узким лесенкам со стесанными ступенями. Прошли небольшое помещение. И наконец попали в большой зал с низким потолком, хорошо освещенный и вполне ухоженный. Контраст с входной дверью и ступеньками темной лестницы был значительный. Я невольно остановился и начал озираться. Это и был тир.

В общем, мебели там почти не было никакой. Столик при входе, стулья там и сям, еще столики по стенам. Пара дверей в соседние комнатки. Стены покрашены масляной краской, сочетание зеленого и коричневого. Ничего особенного. Тем не менее это было место в центре Москвы, где можно было спокойно пострелять из ружья. Что само по себе было для меня непривычно. Неужели на улице ничего не слышно?

Ястребов чувствовал себя в тире явно по-свойски. Заговорил с мужичком о каких-то текущих делах. Тот охотно и довольно уважительно отвечал. Я молча стоял в стороне. Кроме нас в тире никого не было. То есть, судя по всему, этот самый мужичок сидел тут с утра до вечера в полном одиночестве в качестве зрителя. Время от времени в тир заходили посетители – пострелять. С ними можно было поговорить о том и о сем. Вот и все общение с окружающим миром. Неужели приятно так здесь сидеть с утра до вечера, разглядывая только собственную личность в зеркале? Это что, одна из блатных милицейских должностей? Может, тут зарплата особого размера?

Никто мне конечно никаких объяснений по этому поводу давать не собирался. Да я и сам не смел задавать такие вопросы, хотя очень хотелось. Но ситуация явно к тому не располагала. Меня в результате восприняли бы как какое-то инородное тело. А я претендовал на то, чтобы быть тут своим и попользоваться тиром как надо. Так что неудобные расспросы пришлось отложить.

После короткой дружеской беседы с хозяином заведения Ястребов предложил мне пойти на линию огня, где и предполагалось опробовать наши

ружья. Мужичок же удовлетворился объяснениями, которые ему дал Игорь, и за нами не пошел. Ему все это было, судя по всему, довольно неинтересно. Надо полагать, он был сыт всей этой стрельбой в достаточной мере.

Ружья одно за другим я собрал за несколько минут. Ястребов наблюдал за моими действиями, не снисходя до того, чтобы мараться черновой работой. Он явно претендовал только на роль руководителя и наставника. Я немного повозился с запчастями и наконец во всем разобрался. Тем более, что ружья уже несколько раз собирались и разбирались на моих глазах и частично с моим участием в магазине.

Игорек тем временем выудил откуда-то несколько самых обычных мишеней для пулевой стрельбы. И отправился их цеплять. Я поплелся за ним, хотя моя тут помощь явно не требовалась. Однако надо было продемонстрировать если не подобострастие, то хотя бы какую-то форму почтения.

Тир был довольно короткий, метров сорок, от силы пятьдесят. Ястребов закрепил четыре мишени и отправился назад. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Прогулка к мишеням была короткой, но она способствовала созданию какой-то особой атмосферы приобщенности к исключительным обстоятельствам. Ведь сюда когда-то приходили самые разные люди, возможно, известные сыщики с Петровки или спортсмены, получавшие золотые медали на самых ответственных международных соревнованиях. Они стреляли из своего оружия, оттачивали мастерство. И вот теперь и я тоже могу тут пострелять.

Ястребов, похоже, был далек от высокопарных эмоций. Он просто разорвал одну из пачек с патронами. «Пятерка», – удовлетворительно хмыкнул он, глянув на них. «Пятерка» означало размер дроби. Это довольно мелкая дробь. Такой можно подстрелить утку только на небольшой дистанции. Конечно, бывает, охотники стреляют и еще более мелкой дробью, например, семеркой. А то иногда и девяткой. Но суть тут вот в чем. Чем мельче дробь, тем больше шансов, что при правильной стрельбе хоть какая-то из дробинок попадет в цель. Но на большой дистанции толку от такого попадания не будет никакого – убойная сила мелкой дроби довольно мала и в силу законов физики скорость полета мелких предметов падает намного быстрее, чем массивных.

Другое дело – крупная дробь, например, единица. Такая, куда бы ни попала, все равно утку, скорее всего, убьет. Но при этом дробинок в заряде немного по понятным причинам. Вот ты прицелился правильно, выстрелил. А дробь рассеялась и вся пролетела мимо твоей дичи. Та последовала дальше невредимая. В таком случае очень важный параметр – это равномерность осыпи. Желательно, чтобы после выстрела вся дробь из заряда распределялась равномерно, или хотя бы примерно равномерно, по площади поражения. Именно это мы сейчас и планировали проверить у наших ружей.

Ястребов загнал пару патронов в ружье, поднял его к плечу, прицелился в мишень и выстрелил. Потом еще раз прицелился и еще раз выстрелил. Звук от выстрелов был совершенно оглушительный. В тире стены обычно сделаны из звукопоглощающего материала. К тому же стрелки для того, чтобы не травмировать барабанные перепонки, одевают специальные наушники. Но в любом случае этот тир явно был не предназначен для такого громкого оружия, как охотничье ружье. А пистолет, винтовка, автомат – все эти виды огнестрельного оружия стреляют намного тише.

Я после выстрела непроизвольно дернулся, даже сделал шаг в сторону. Звон в ушах стоял как следует. И не собирался стихать. То есть звуковая травма была налицо. Неужели на улице совсем ничего не слышно? В это было трудно поверить.

Тем временем Ястребов отложил ружье и отправился к мишеням. На небольшом расстоянии было невозможно промазать по такой крупной цели. Но теперь нам предстояло выяснить, насколько равномерно дробь распределилась по площади мишени.

Итоги нашей стрельбы оказались неутешительными. На каждой из двух мишеней дробь легла заметно неравномерно. На левой мишени основной заряд оказался слева сверху. Остальная часть мишени осталась почти нетронутой. На второй наблюдалась примерно та же картина. Тут заряд тоже ушел в сторону, но уже не влево, а почти полностью вверх.

Ястребов поморщился, покрутил головой. Причины этого были налицо. «Да ну, что это за ружье?! Посмотри, какая осыпь! Заметь, мы стреляем в контейнере. И все равно ствол настолько неровен, что разбрасывает заряд неравномерно. Из такого будешь в упор стрелять, а потом удивляться, чего это я промазал. А на самом деле причина вот она, сам смотри», – тут Игорь кивнул в сторону изрешеченных мишеней. «Да, просто брак, не завидую тому, кто это ружье купит».

На стене остались еще две мишени. Как я понял, они были предназначены для второго ружья. А что, если и оно такого же качества? Скорее всего именно так и будет. Если уж технология производства столь несовершенна, то любое ружье будет плохим.

Я совсем приуныл от этих мыслей. Чертовы бракоделы, ничего путного изготовить не могут! Однако Ястребов был настроен более нейтрально. Похоже, результаты только что проведенного эксперимента его особенно и не огорчили. Впрочем, это было понятно. Мне-то надо было выбрать хорошее ружье. А Игорю надо было продемонстрировать, какой он классный специалист по оружию. Это последнее он явно только что доказал.

Второе ружье было заряжено так же, как и первое. Грохнули два выстрела, один за другим. Мишени, как и в первый раз, на минуту заволокло клубами дыма. «Ничего себе бездымный», – подумал я, глядя на эту картину. Но в тире, похоже, работал вентилятор. Дым, как и в первый раз, довольно быстро рассеялся. Остался только специфический запах сгоревшего пороха, который ни с чем не спутаешь. Может быть, этот запах кому-то и не нравится. А я его люблю, хоть он и резкий. В моем сознании он связан с приятными событиями, охотой, стрельбой, добычей.

Мы вновь отправились к мишеням. Ястребов первым, а я немного сзади, как и полагалось ученику. Но на этот раз картина осыпи была другой. Дробь все равно неравномерно легла по мишеням. Но это была уже так называемая «восьмерка». То есть рисунок осыпи чем-то напоминал эту цифру.

– Для спортивной стрельбы, конечно, это тоже не очень. Но для любительской охоты вполне подойдет. «Восьмерка» – это вполне приемлемо. Ничего страшного, просто каждая четвертая утка улетит невредимой, только и всего. Больше останется другим охотникам, – ухмыльнулся Ястребов. – Сейчас мы еще кое-что проверим.

Что тут еще можно было проверять? Кажется, уже все проверили, что можно! Но если более опытный товарищ считает, что испытание не окончено, значит, так тому и быть.

Дальше же произошло вот что. Ястребов разорвал четыре пачки патронов и высыпал их тут же, на столик. Потом взял ружье и быстро его зарядил. Вошло пять патронов. Затем вскинул ружье и быстро, без какой-либо паузы, сделал подряд пять выстрелов. Тут же взял еще пять патронов, точно так же быстро загнал и их в магазин и опять выстрелил пять раз. Я совсем оглох от этой канонады. А Ястребов все не унимался. Он загонял и загонял все новые и новые патроны и не переставал палить в сторону мишеней, практически в них не целясь. Кажется, весь тир стал ходить ходуном. Или это мне только казалось из-за непрекращающегося грохота? Стреляные гильзы так и летели из ружья, падали и катились во все стороны по полу.

Наконец, на очередном выстреле ружье заклинило. Затвор отошел назад, выбросил гильзу, но не вернулся и не дослал очередной патрон в патронник. Ястребов удовлетворенно хмыкнул: «Ну, что ж, не так уж и плохо. Оно у тебя заклинивает только на третьем десятке патронов. Перегревается и заклинивает, к тому же в пазах оседают пороховые газы, они тоже мешают. Но я думаю, ты в реальной жизни не будешь так палить. А если будешь, то знай, что после двух десятков выстрелов подряд твое ружьецо может тебя и подвести».

Я выслушал эту речь, стоя навтыяжку, как школьник перед умным учителем. Все, что произошло только что на моих глазах, было очень показательным. Мне на практике показали, что можно ждать от этого ружья и

на что оно на самом деле способно. Оставалось только принять это к сведению и использовать, если когда-нибудь придется.

К тому же последний эксперимент показал, что у нас все-таки имелось хотя бы одно ружье удовлетворительного качества. Приклад из ореха, к тому же с каким-то еле заметным, но рисунком. При стрельбе задержек, судя по всему, не будет. Дробь ложится более или менее равномерно. То есть все хорошо. Получается, мы раскопали достойный экземпляр. Настроение у меня поднялось, я уже рвался назад в магазин, чтобы расплатиться, совершить все необходимые формальности и наконец утащить свою добычу домой.

Но Ястребов не был склонен так быстро покинуть тир. «Давай еще постреляем из малокалиберного пистолета. Ты когда-нибудь из такого стрелял? Нет? Ну, вот давай посоревнуемся, посмотрим, кто из нас лучше стреляет».

Это было неожиданное, но вместе с тем довольно интересное предложение. «На халяву» пострелять в настоящем тире из настоящего пистолета! К тому же в неформальной обстановке, когда никто не мешает. От такой возможности, я думаю, на моем месте не отказался бы никто. Я с некоторым сожалением отложил в сторону ружье, которое уже считал своим, и приготовился к новому приключению. Ястребов пошел пообщаться с хозяином тира. А я тем временем стал собирать стреляные гильзы и складывать свое ружье в коробку.

Назад мой Игорь вернулся уже с пистолетом, который довольно небрежно держал в руке. Покрутил у меня перед носом, потом стал заряжать. Я только наблюдал, ожидая, что же будет дальше. Стрельба по мишеням? Оказалось, что не по мишеням. Ястребов вытащил откуда-то пустую пачку из-под сигарет и довольно энергично бросил ее в сторону мишеней. Пачка пролетела немного и шлепнулась прямо на пол.

– Давай так: стреляем по очереди, по три патрона. Посмотрим, кто первый попадет. Если попадет, то следующий должен попасть уже на новом расстоянии, на которое она отлетит, – с этими словами Ястребов вскинул пистолет, вытянул руку, прищурился и наконец выстрелил.

Идея моего товарища была понятна: изобразить что-то похожее на кадры из ковбойского фильма. Это там подбрасывают бутылку в воздух и тут же ее разбивают метким выстрелом. Или бросают на землю жестяную банку и начинают по ней палить. Поскольку по киношному сюжету предполагается, что герой фильма не может промазать, банка после каждого выстрела отлетает все дальше и дальше, пока вообще не скрывается из вида.

Но это в кино. А у нас? Вообще-то, к этому моменту я уже смотрел на Ястребова как на оружейного бога. К тому же он был еще и кандидатом в мастера спорта по стендовой стрельбе. Ясно, что такой мастер может

обращаться с любым оружием. Сейчас он покажет класс, а мне придется стрелять в коробку, которая улетит куда-то в район мишеней.

Ястребов выстрелил, пуля завизжала после рикошета. Но коробка осталась лежать на своем месте. «Промах!» – злорадно подумал я, но ничего не сказал. Ястребов дернул головой, выражая полное недоумение: «Как это мимо?» И начал целиться еще раз, более аккуратно. Но и второй, а также третий выстрелы не принесли результата. Коробка даже не шевельнулась. Ковбойский фильм никак не получался.

«Ничего себе мастер спорта. Не такой уж он и мастер. Это тебе не из ружья палить!» – все это я подумал, но не сказал. Однако полагаю, что по моему виду было нетрудно догадаться, что у меня в голове. Игорь был весь одно сплошное недоумение. Он даже не косил глазом в мою сторону. А лишь стал внимательно разглядывать пистолет, как бы своим видом давая понять, что у того что-то не в порядке с прицелом. Я безмолвствовал.

Ястребов наконец тяжело вздохнул и протянул оружие мне: «На, теперь ты попробуй. Но у него видно прицел не в порядке. Непристрелянный, одно слово». Я взял в руку пистолет, тоже как заправский спортсмен вытянул руку и попытался прицелиться. Это было совсем непросто. Пистолет не то чтобы плясал в руке. Но все равно двигался вправо-влево и вверх-вниз так, что итог стрельбы не вызывал сомнений. Совместить мушку и мишень было совершенно невозможно. Я все-таки улучил момент и как можно аккуратней потянул спусковой крючок. Щелкнул выстрел, но коробка не шевельнулась. Промах. Я прицелился еще раз. Опять промах. И в третий раз мне не удалось поразить сигаретную коробку. Та лежала от нас на расстоянии метров шести цела-целехонька.

Опять взялся стрелять Ястребов. И опять все мимо. На этот раз я взял пистолет поуверенней и целился поспокойней. Раздался выстрел и коробка вдруг отлетела метра на два. Попал! Я торжествовал. Перестрелять самого Ястребова было несказанно приятно. Я попытался оставшимися двумя выстрелами поразить цель на новом расстоянии, но не смог. Однако и одного попадания было достаточно.

На лице Игоря отразилась вся гамма неприятных чувств – разочарование, зависть, недовольство. Он вдруг стал резким и недовольным. «Дай мне», – коротко произнес он и почти вырвал пистолет из моих рук. Потом зарядил полностью магазин пистолета. Кажется, это было около десяти патронов. И начал стрелять и стрелять. Я же понял, что соревнование окончено, просто он хочет мне доказать, что умеет обращаться с подобным оружием. Выстреле на шестом или седьмом Ястребов наконец попал. Он торжествующе поглядел на меня и продолжил свое упражнение. Патроны кончились, ствол дымился, но попаданий в сигаретную пачку больше не было. «Ладно, хватит на сегодня. Что-то я не очень в форме. Надо прийти сюда, потренироваться с этим

пистолетиком. Хочешь, приходи тоже, я тебя позову, когда соберусь. Пристреляем его как следует».

Было понятно, что мой дружок просто демонстрирует свое всемогущество. А может быть и на самом деле он мог сюда еще раз запросто зайти и пострелять. В любом случае я не стал ничего отвечать. А он и не ожидал ответа. Закончили значит закончили. Пора ехать в магазин и расплачиваться за ружье.

В магазине Ястребов забрал у меня оба ружья, а также паспорт и охотничий билет и исчез за прилавком. Я же остался в торговом зале и стал озираясь. Народу меньше не стало. На другой стороне магазина продавались рыболовные принадлежности. Там так же, как и с нашей стороны стояла толпа. Любители рыбалки толпились у прилавка, наклонялись над ним, что-то тщательно разглядывая. В углу стоял какой-то человек, который что-то торговал из-под полы, то ли блесны, то ли лески. Никто его не гнал. Вообще, обстановка в магазине представлялась мне чем-то похожей на толкучку, на которой можно было приобрести что хочешь. Сюда люди приходили даже не только для того, чтобы что-то обязательно купить, но и обсудить с продавцом и другими любителями рыбалки важные вопросы снастей и прочего оборудования.

Наконец заявился и Ястребов. «Давай деньги. Сто восемьдесят рублей через кассу. И двадцать пять сверху, продавцу. Видел, как он с нами возился?» Возиться-то он, конечно, возился. Но по поводу двадцати пяти рублей уговора у нас никакого не было. Тем более, что я не сильно был уверен, насколько эти деньги вообще попадут к продавцу. То-то меня на этот раз не взяли за прилавок. Но я не стал спорить и вытасил искомую сумму. Тем более, что она у меня, по счастью, имелась. Ястребов схватил купюры и, как молния, исчез. А уже через минуту-другую торжественно вручил мне мои документы и ружье.

Нужно отметить, что ружье оказалось действительно замечательным. Било точно, и, главное, без задержек. Хоть Ястребов и был, по моим меркам, прохвост, тем не менее я его неоднократно поминал добрым словом за помощь в выборе этого ружья. За свои многочисленные выезды на охоту я не раз слышал от других охотников нарекания в отношении автоматического оружия. Тем приятнее было понимать, что вот у меня-то как раз такой образец, который не подведет в нужную минуту.

Впрочем, я слишком отвлекся на рассказ о покупке ружья. Читатель однако должен меня тут простить. Оружие – это центральный элемент охоты. Своим ружьем или винтовкой гордится каждый охотник. И с удовольствием расскажет вам одну-две истории, как именно его ружье оказалось самым удобным и надежным. А меткий выстрел из него принес его обладателю очередной трофей и немного охотничьей славы.

Итак, вернемся к одному из запомнившихся мне выездов на охоту с моим отцом, о котором я уже начал рассказывать. Напомню, что речь шла о поездке в подмосковный гарнизон, который располагался недалеко от Москвы, по шоссе Энтузиастов.

Сборы были закончены. Но до отъезда оставалась еще целая ночь. Вы будете смеяться, но и в этот раз я волновался, как ребенок. Хотя за плечами уже были даже не десятки, а уже, наверное, под сотню выездов на подобные мероприятия. Но тут дело было не в привычке и не в обыденности или исключительности именно этого выезда. Сама по себе охота всегда волновала и волнует меня чрезвычайно. Что-то есть в ней такое, что задевает самые сокровенные и основополагающие инстинкты души. Что-то там внутри такое срабатывает непроизвольно, и ты весь вдруг ощущаешь необыкновенно приятную дрожь, которая пронизывает все твое тело от пят до самой макушки. Какое-то необычайное предвкушение особого удовольствия, что ли. Понимание, что скоро случится то, что очень тебе необходимо и желанно.

Почему-то мне в такие мгновения иногда хочется покушать квашеной капусты. Считайте это странностью или генетическим недостатком. Но вот капуста, причем именно квашеная, подчас очень точно гармонирует с моим настроением предвкушения и ожидания. Честно признаюсь, в такие мгновения своей жизни я не настроен сильно сопротивляться инстинктивным движениям собственной души. И подчас съедаю ее больше, чем это положено для среднего советского человека. Главное, чтобы все было в унисон с внутренней гармонией. Охота значит охота.

Однако в пять утра – подъем! Все уже собрано, одеваемся, пьем чай на кухне и закусываем беляшами. Эти беляши были особенными, приготовленными матерью по специальному рецепту. И это был обязательный элемент каждой охоты, в которой мы участвовали. Соответственно, указанные беляши знали все наши друзья – охотники и неизменно претендовали на несколько из них.

Вот мы наконец вышли во двор нашего дома. Там уже стоит военный газик. Рядом прогуливаются наши товарищи по охоте.

– Что-то вы долго собирались. Так никуда не успеем. Договаривались же в пять ровно. Это на работу можно опаздывать. А на охоту – никогда!

Удивительное дело, но генералу выговаривал человек в звании полковника. Тут для того, чтобы были более понятны взаимоотношения всей этой нашей охотничьей группы, следует сделать небольшое отступление и описать всех ее членов. Тем более, что в дальнейшем они превратились в действующих лиц тех или иных происшедших в тот день событий.

Бесспорно центральной фигурой являлся генерал-лейтенант Олег Николаевич Куприянов, начальник наградного отдела Министерства обороны. Может быть, я не совсем точно называю его должность, но суть

дела точно обозначаю без ошибок – он руководил подразделением Министерства обороны, которое оформляло награды. Большая это должность или маленькая? Ну, в любом случае генерал. Конечно, ему не подчинялись какие-либо войска или гарнизоны. И задача его была довольно простой – когда приходило представление на присвоение награды, надо было это оформить, вот и все. Конечно, к этому присовокуплялись различного рода проверки и консультации. Например, на месте, где-то в гарнизоне, хотят наградить человека. Но не уверены, что его героические действия достаточны для ордена, который хотелось бы попросить. Как быть? Звонят Куприянову, советуются. Он подумает и скажет, что все в порядке, не волнуйтесь, я постараюсь, чтобы не было отказа.

Важная это фигура или нет? Как сказать. В общем, конечно, не лишний знакомый наверху. Но и за карьеру, в общем, не отвечает. Можно угостить бутылкой коньяка. Или пригласить на охоту.

Олега Николаевича с отцом связывали особые отношения. Куприянов раньше отвечал за кадровую службу в Московском округе противовоздушной обороны. Имел звание полковника и находился в прямом подчинении моего отца. И вот как-то этому самому Куприянову почти стукнуло пятьдесят пять лет. По советским законам надо уходить на пенсию. Скромную пенсию полковника. А тут вдруг освободилась должность начальника наградного отдела. Да не войск противовоздушной обороны, а всех Вооруженных Сил СССР. И мой отец возьми да и порекомендуй Куприянова. А того раз да и взяли на генеральскую должность. То есть как следствие – уже никаких разговоров о пенсии, поскольку генералы, в отличие от полковников, уходят на пенсию в 60 лет. Да к тому же Олегу Николаевичу не только генерал-майора сразу дали, но и через какое-то время и генерал-лейтенанта.

По всему получалось, что Куприянов должен был быть как бы благодарен отцу. Я, конечно, не имею в виду какие-то подарки. Нет, в смысле хорошего уважительного отношения. То есть если он организует охоту, то не забудет и отца пригласить.

С другой стороны, формально этот самый Куприянов занял должность даже повыше, чем у моего папы. То есть теперь что, он мог поглядывать на моего отца как начальник на подчиненного? А вчера был всего лишь полковник?

Все это сплелось в довольно специфичные отношения между этими людьми. Олег Николаевич, несомненно, вел себя и корректно, и уважительно. Приглашал в гости, когда это было уместно. Организовывал уже упомянутые охоты. Еще в чем-то мог помочь. Но одновременно в его поведении проглядывала та самая свобода, которую более высокий начальник может себе позволить по отношению к равным себе, а то и вовсе подчиненным. Дело в том, что Куприянов был, что называется, хохмач. Он любил и умел пошутить, а то и что-то такое отколоть или сказать, что подчас граничило с

завуалированной насмешкой. Слушать его было весело и приятно. Но иногда я ловил себе на мысли, что он подчас слишком вольно насмеивался над окружающими. В военной среде это особо чувствовалось, так как тут существует такое понятие, как субординация. Которая означает, что начальник может кого-то и высмеять, а подчиненному это делать не всегда следует.

Охотник он был, я бы сказал, начинающий. Его в охоту вовлек мой отец. И Куприянов занимался ею как развлечением. Это значило, что какие-то охотничьи правила он мог и нарушить. Например, подшуметь на номере. К тому же стрелял он просто скверно. В общем, в хорошей охотничьей компании – явный балласт. Но если охоту организовывал он сам, то в таком случае ему многое прощалось.

Вторым персонажем среди тех, кто нас ждал во дворе, был Стас. Это был молодой человек примерно одного со мной возраста. Пониже и пошире в плечах, в круглых очках, которые носят обычно отличники. Но никаким отличником Стас, конечно, отродясь не был. А был он зятем Куприянова. А также врачом-педиатром.

Женившись каким-то образом на генеральской дочке, Стасик попал в мир, о котором, насколько я мог понять, он давно мечтал. Конечно, он и как врач имел доступ к материальным благам. Пациенты несли подарки. А на работе можно было стырнуть спирт. То есть от голода Стас не страдал и до женитьбы. Но женитьба дала ему статус. Он теперь имел возможность вращаться в кругу молодежи относительно высоких военных начальников. Не то чтобы это уж была какая-то особая «золотая» молодежь. Но все-таки особый налет на всех нас в той или иной мере, конечно, имелся. Это внешне выглядело как спокойное поведение человека, который не очень беспокоится за свое будущее. Который не очень зависит от окружающих и может себя вследствие этого вести если не нагло, то по крайней мере независимо. Что уже было очень не мало.

Каких-то особых загулов или злоупотреблений всей этой генеральской молодежи я не помню. Как-то это не особенно культивировалось. Ну, пьянка, какие-то поездки или мероприятия, которые требовали блатного вмешательства родителей. Можно было взять казенную винтовочку пострелять на даче или акваланг понырять в Черном море. Но даже эти безобидные по нынешним меркам развлечения подчас доводили моих приятелей до беды. Владельца акваланга мы через какое-то время уже хоронили. Из винтовочки никого не застрелили. Но до этого было не очень далеко.

Воплощением распушенности в нашей компании генеральских детей несомненно являлся Андрюша Афанасьев. У него было две отличительные черты, за которые его считали абсолютно испорченным ребенком. Моя мать нередко говорила мне: «Смотри, а то будешь как Афанасьев!» При этом она имела в виду, что я могу скатиться до непристойного поведения этого генеральского отпрыска. Собственно говоря, Андрюша ничего такого особенного не делал. Но, во-первых, он вел себя вполне определенным образом: старался быть особо вальяжно-расслабленным. Как бы каждым своим жестом и словом говоря: «Вот я какой свободный и независимый, никуда не спешу и хорошо понимаю, что у меня папа – генерал».

Во-вторых, Андрюша никогда не завязывал шнурки. Это было его особое фирменное изобретение. Если бы он просто их не завязывал, то время от времени на них наступал бы и скорее всего падал. Нет, Андрей был не так прост. Он для начала эти шнурки слегка подрезал, чтобы они не волочились по земле. А уж потом не завязывал. В результате кроссовки сидели на ноге предельно свободно и в принципе могли и свалиться. Но если не делать резких движений, то все было в порядке.

За этим внешне немудреным изобретением стоял довольно коварный психологический расчет. Когда мы с вами видим человека, у которого развязался шнурок, то непременно скажем ему: «Смотрите, у вас развязался шнурок, сейчас споткнетесь!». Ситуация эта столь стандартна, что удержаться от подобных слов довольно сложно. Это просто автомат. И вот тут появляется Андрюша со своими кедами, на которых шнурки совершенно не завязаны. Первая реакция – сказать ему об этом. Но через мгновение вы понимаете, что дело не в том, что ваш визави не следит за своей обувью. А в том, что он сделал это нарочно. И заставил тем самым вас дернуться со своим невысказанным замечанием.

Своими этими шнурками Андрюша вызвал у окружающих состояние внутреннего психологического противоречия. Хочется сделать замечание, даже очень хочется! Но делать его не надо, потому что шнурки не завязаны умышленно. Это противоречие вызвало сильнейшее раздражение. Чего Андрей и добивался. Была ли это форма какого-то социального протеста? Может быть. Но сам Андрей этого, пожалуй, не сознавал. Ему было важно, чтобы его жизненную позицию заметили, а заставить завязать шнурки не смогли, ведь папа – как никак, а генерал.

Я, может быть, напрасно рассказал эту историю о генеральских шнурках в повести об охоте и охотниках. Конечно, она не имеет прямого отношения к охоте. Хотя, наверное, все-таки позволяет как-то получше оценить те или иные поступки нашего героя Стасика. Ведь он, женившись на генеральской дочке, явно с удовольствием приобрел сомнительный статус мальчика-генеральчика.

Но, по большому счету, чтобы остаться справедливым, Стас в целом был, конечно, вполне бесхитростным и добродушным парнем. Женившись, он лишь дополнительно приобрел налет какой-то независимой веселости и уверенности. Я с ним общался не так часто. Но в любом случае это было довольно миролюбивое взаимодействие. Стас имел неконфликтный характер. Только что гуляка и пьяница. А также большой любитель халявы. Но не злобный или пуще того не завистливый персонаж. Ему, по большому счету, все было, что называется, «по барабану». Очень терпимая и неприхотливая личность.

Стас был заядлым и даже яростным охотником. Застрелить дичь он очень хотел и к этому всячески стремился. Но видел из-за своего зрения плоховато, даже очки не очень помогали. Разбирался в охоте тоже довольно приблизительно. Едем мы, например, уже с охоты. Все расслабленные, лежат на сиденьях, думают о своем. Тут вдруг Стас как заорет водителю: «Стой, стой!» Тот, конечно, останавливается. Никто из нас при этом не понимает, что произошло, в чем дело. А Стас, ни слова больше не говоря, пулей выскакивает из машины, в руках чехол с ружьем. Вмиг вытряхивает ружье и начинает его собирать. Что, куда, зачем? Мы ничего не можем понять. В машине, кстати, сидят только генералы, да я со Стасом. А тот уже почти собрал ружье и смотрит так пристально вглубь пролеска, который располагается вдоль дороги. Там, как мы видим, метрах в десяти, среди кустов сидит на хвосте довольно-таки безобидный пес и смотрит на нас. А Стас явно имеет в виду именно это несчастное животное.

Тут мы все вдруг понимаем, в чем дело, и в свою очередь начинаем орать Стасу: «Погоди, постой, не стреляй! Это не лисица, это собака!» Больше всех надрывается сам Куприянов: «Ты что, очумел? Куда ты стреляешь? Немедленно разряди ружье!» Ситуация для него очень неприятная. Со Стаса как с гуся вода, если он замочит собаку вместо лисицы. А над генералом – его родственником охотники потом будут насмехаться до скончания века.

Стас наконец притормаживает свои приготовления и неохотно начинает всматриваться в псину. Та, однако, соображает туго и не сразу понимает, что дело плохо, вместо колбасы можно получить свинца. В результате она хоть и неторопливо, но все-таки поднимается и сначала медленно, а затем заметно прибавив прыти, улепетывает, скрываясь в перелеске.

Тут разгорается довольно жаркая дискуссия. Стас доказывает: «Вы что?! Не дали мне застрелить лисицу! Воротник удрал!» – «Какая тебе лисица? Это же обычная деревенская собака, забежала подальше от дома, а тут ты.» – «Нет, это была не собака, а лисица! – не унимается Стасик. – Вы что, не видели, какой у нее был окрас? Почти рыжий! А хвост какой! Пушистый, тоже рыжий, белый на конце!»

Обсуждение продолжается еще хороших полчаса, уже в дороге. Стас злится, что ему не дали выстрелить. А мы все пытаемся ему втолковать, что в любом случае лисица так себя не ведет. Не сидит у дороги на хвосте и не ждет колбасы от проезжающих машин. Хотя бы уже только поэтому – не лисица. К тому же размер явно не лисий, а хороший собачий. Добрая деревенская дворняга. Не виновата же она, что имеет чуть рыжеватый оттенок и довольно пышный хвост. К тому же мы едем с утиной охоты. У всех патроны снаряжены дробью, причем довольно мелкой. Даже если бы это и была лисица, все равно в результате такого выстрела был бы не воротник, а решето на помойку. «А я бы не прямо в нее стрелял, а только краем ударил бы, по касательной!» – выдвигает наш Стас все новые и новые аргументы. Вот такой охотник, ни дать ни взять.

Но возвратимся к описываемой мной так называемой «генеральской охоте». Напомню читателю, что мы остановились на том, что во дворе нашего дома рано утром стоял военный газик, а рядом с ним три охотника, которые ждали меня и моего отца. Среди этих трех, как я уже сказал, один был генерал Куприянов, второй – его зять Стасик. Третьим же в этой компании был Виктор Иванович. По воинскому званию он был всего лишь полковник. Однако в нашей компании он оказался не как выдающийся военачальник. На

самом деле Виктор Иванович занимал скромную должность в генштабе и вовсе не претендовал на какой-то особый воинский статус. Нет, просто он был организатором охотничьих мероприятий. Не то чтобы это входило в его служебные обязанности. Нет, конечно. Но он любил охоту, давно ею занимался и был при этом достаточно хорошим охотником. Настолько хорошим, что считал себя вполне вправе всех нас, хоть и вежливо, но поучать, как именно надо себя вести на охоте в той или иной ситуации. Кроме того, он хорошо знал все подмосковные охотничьи хозяйства и к тому же мог договориться об охоте с тем или иным начальником подмосковного военного гарнизона. Что он и сделал в том самом описываемом мною случае.

Его поучениям мы внимали с определенным уважением. Во-первых, он действительно мог кое-чему нас научить. Во-вторых, он был организатором охоты. А значит, лицом, которое формально отвечало за текущие сложные вопросы. Если же ты за что-то отвечаешь, то, конечно же, можешь с других что-то и спросить, а то и потребовать. Никто не пытался оспаривать его полномочия. Наоборот, было выгодно свалить на него организационную часть. Конечно, мой отец и сам мог кого хочешь поучить правилам поведения на охоте. Но и он помалкивал, отдавая должное авторитету Виктора Ивановича. А уж все остальные, включая меня, Стаса и Олега Николаевича, и вовсе слушали его, что называется, открыв рот.

Вида Виктор Иванович был вполне обычного. В свои пятьдесят с небольшим лет он еще не успел как следует растолстеть. Поэтому можно было считать его личностью средней упитанности. На плечах камуфляжная военная куртка, на голове армейская шапка-ушанка. Лицо довольно круглое и, можно сказать, интеллектуальное. Впрочем, по моим наблюдениям, если кто-то в армии не сильно налегал на водку, он уже имел вид достаточно приличного, умного человека. Отсутствие следов деградации от регулярных пьянок – это уже было немало. А Виктор Иванович, хоть и был заядлый охотник, но все-таки знал меру в спиртном, что только делало ему честь.

Вся наша компания была довольно разной по росту. Изо всех выделялся Куприянов – он был просто долговязым. Пожалуй, даже повыше меня. Виктор Иванович и Стасик были пониже меня. Оба средней плотности по своей комплекции. Ну, а самым низкорослым и худым был мой отец, наверное, метр семьдесят, не больше.

И вот наконец мы расселись в нашем газике. Виктор Иванович как организатор и руководитель занял переднее место рядом с водителем. Два генерала раскинулись на заднем сиденье. Ну, а как же я и Стас? Для нас нашлось место только за задними сиденьями. Дело в том, что там, в газике, было багажное отделение, снабженное на всякий случай двумя крайне неудобными откидными сиденьями. Нас и отправили именно туда. Залезть в это отделение можно было только через спинку заднего сиденья. Когда мы с

грехом пополам там разместились, засыпанные к тому же рюкзаками всей честной компании, стало совершенно ясно, что вылезем мы оттуда только в конце путешествия. Санитарные остановки по дороге были явно не для нас.

И вот мы, кое-как рассевшись в армейском газике и растолкавши свои вещи, уже мчимся по темным и пустынным московским улицам. Ведь это раннее утро субботы, все спят после трудовой недели. Петляем-петляем по каким-то переулкам и наконец вырываемся на шоссе Энтузиастов. Машина набирает ход, и за окном замелькали бесконечные дома. Потом город вдруг кончился, уступив место пригородным деревенькам. У нас завязалась беседа. Сначала вяло, потом веселее.

Хоть место, куда мы едем, и называется ближним Подмосковьем, на самом деле это не так уж и близко. Часа полтора езды, тем более на газике. Он особенно не разгонится, как ни старается солдатик-шофер. Он тоже понимает важность мероприятия, в котором участвует. К тому же для него подобная охота – это хорошая возможность сменить довольно однообразные солдатские будни. В гарнизоне, куда мы направляемся, его определят на довольствие, выделят место для сна. Но не нагрузят никакими обычными солдатскими делами типа уборки, строевой подготовки или учебы. Ведь человек находится на мероприятии с генералами. Раз те сказали, что водитель должен отдыхать, значит, так оно и будет. На то и армия с неукоснительной дисциплиной. Знай прогуливайся туда и сюда, беседуй с кем-то из местных служивых. В общем, своеобразные двухдневные солдатские каникулы.

Я не зря отвлекся на эту тему о водителе. Поездка с начальством на субботу – воскресенье на охоту – это, конечно, не элемент воинской службы. Но у меня язык не поворачивается назвать все это злоупотреблением должностным положением. Все довольны, включая водителя. Разве что бензин казенный маленько поистратили. Однако формально, наверное, все-таки злоупотребление.

Ладно, вот мы уже довольно давно катимся по шоссе. По сторонам то лес, то домишки деревенского типа, а то и садовые товарищества с их особой фанерно-дощатой «архитектурой», которые ни с чем не спутаешь. Одно слово – домики из сказки про трех поросят. Чуть дунет ветерок, и такое строение уже чуть ли не сносит с места. Не сносит, ясное дело. Но вид у них явно не слишком капитальный. Дощечки да фанера – вот и все строительные материалы.

Однако наблюдение за придорожными подмосковными красотами прервалось самым неожиданным образом. Уже светало, но была такая рань, что нормальный человек еще десятый сон досматривает и никуда на улицу даже еще близко не собирается выходить. Тем более зимой, на снег и мороз.

А тут на обочине вдруг образовалась парочка девиц. Сразу видно, довольно симпатичные, где-то даже похожие друг на друга. Стоят, не голосуют. Как будто ждут кого-то. Шапок на головах нет, хотя не лето. Картина была, прямо скажем, немного странная. Раннее утро, суббота, пустынное место на шоссе. Хорошее зимнее утро. И вдруг эта парочка. Не успел я как следует удивиться, как поодаль увидел еще пару таких же девиц. Потом еще и еще. Откуда они тут, такие красивые и в таком количестве? Стоят на обочине, а за ними просто лес, никаких строений даже и в помине нет. Может, за лесом какой-нибудь молокозавод или ферма? Кончилась утренняя смена, и девочки голосуют, чтобы уехать домой на попутке? Ей-богу, я не мог придумать никакого разумного объяснения только что увиденному феномену. В целом девицы стояли на протяжении не менее километра. Штук сто, наверное, не меньше. Сначала первая парочка, которую я только что описал. Подальше вторая. Потом пары расположились погуще. Еще гуще, просто одна рядом с другой. А потом все реже, реже. И, наконец, отдаленная парочка, совсем в удалении от всех.

Все, девки кончились! Мы со Стасом сидели с открытыми ртами. Наши старшие товарищи, однако, даже глазом в сторону девиц не повели, а

продолжали говорить о своем. Не заметили? Или знают что-то такое, что я не знаю? И для них это обыденное дело? А мне эти дамочки просто покоя не дают. Откуда же они тут в таком количестве, стоят строго попарно и к тому же в такой ранний час? Ответ пришел неожиданно. Мимо промелькнул километровый столб. На нем было что-то слегка поболее ста километров. Я вдруг враз все сообразил. Девочек сомнительного поведения высылали за сотый километр. Но жить-то им надо как-то! Вот они в субботу в такую рань и выползли на шоссе. Кому надо, тот, конечно, знает про это. Подъедет сюда. Скорее всего, тоже из Москвы, откуда же еще? Но в отличие от нас притормозит, выберет то, что ему понравится, и привет, развлекайся в свое удовольствие. Кстати, когда мы ехали назад, я голову свернул, выглядывая кого-нибудь. Но никого на этот раз на дороге не было. Однако это уже было в достаточно поздний час. Видно, тут было свое особое расписание, которое знали те, кому положено.

Вскоре после этих девочек мы доехали и до мест нашей охоты. Заехали через ворота в гарнизон, где нас уже встречал командир части. Накоротке поговорили с ним, оставили часть вещей в выделенном нам гостевом домике и стали перегружаться в другие машины. Это тоже были армейские газики, один старого, один нового образца. Довольно быстро собрались, завели моторы и сразу – в лес, на охоту.

При рассадке охотников нашим генералам пришлось маленько потесниться. В каждый газик село по шесть человек, не считая водителей. Нас, из Москвы, было пятеро. К нам еще добавились три егеря, а также начальник гарнизона и его три заместителя. Впрочем, когда речь идет об охоте, комфортом подчас приходится жертвовать. Однако наше со Стасом положение все-таки улучшилось. Мы были частью гостевой команды и поэтому могли претендовать на какие-то пусть хоть малые, но поблажки. В результате на задние откидные сиденья забрались заместители местного начальства, а мы, хоть и в тесноте, но разместились уже на заднем сиденье газика.

Для начала стали объезжать по лесу просеки. Эти просеки делили всю территорию леса на большие квадраты. Мы выбирали квадрат и медленно его объезжали. На передней машине сидел егерь, который и руководил всем нашим действием. Он считал входящие в квадрат следы лосей, а также выходящие следы. Задача непростая. Частично следы были просто старые. Тут было надо остановиться и посмотреть. Посмотрели – поехали дальше. Егерь считает следы, мы считаем следы, все считают следы. Эта математика через какое-то время нас окончательно запутала. К тому же, как я подозреваю, мы своей ездой почти по бездорожью, с ревущими двигателями, особенно когда газики хорошо увязали в снегу, спугивали из каждого очередного квадрата всю живность, которая там еще была. В результате мы ехали по одной стороне лесного квадрата, а зверье, я так думаю, во все

лопатки драпало от нас по другой. Через какое-то время мы прибывали к месту их бегства и начинали тщательно считать следы тех, кто на самом деле был уже далеко.

Наверное, более продуктивно было бы обходить эти лесные квадраты на лыжах. Все-таки зима, снег, и лыжи были бы достаточно быстрым и одновременно тихим средством передвижения. А нам предоставили машины, как я полагаю, только потому, что приехали московские генералы. Вроде бы как-то негоже не обеспечить их транспортом. Хотя я должен отметить, что в некоторых случаях при подобных обстоятельствах все-таки можно воспользоваться и машиной. Например, когда егерь объезжает свои угодья на машине. Или когда идет заготовка леса. Или когда охотники используют дорогу, по которой достаточно часто ездят машины. В таких случаях зверь действительно привыкает к шуму машин и никак не ассоциирует его с угрозой для собственной жизни. Но это достаточно редкий случай. Более того, обычно зверь вообще настроен избегать лишних встреч, даже если они заведомо не грозят ему неприятностями. И на всякий случай старается без нужды не приближаться к другим живым существам, сопоставимым с ним самим по размеру. А если такие существа издают достаточно громкий шум, это значит, что они могут быть как раз большими.

Наконец все наши подсчеты входящих и выходящих следов окончательно надоели и егерю, и нам. Машины остановились, народ стал совещаться. Организовать уверенный загон никак не получалось. Загон – это время. За день можно сделать всего три, от силы четыре загона. Отважиться на загон – значит потерять треть дня. А вдруг неудача? Все эти разговоры кончились тем, что егерь окончательно взял власть в свои руки и велел всем собрать ружья и зарядить их. Если с ходу наскочим на лосей – выскакивать из машин и стрелять!

Хорошо другим охотникам, у них двустволки. Поставил на предохранитель, и порядок. Выскочил, приложился, тут же щелкнул предохранителем, и, пожалуйста, стреляй. А у меня уже описанный автомат, МЦ-21-12. Красивый такой аналог американского ремингтона. Досылать патрон в патронник страшновато. Вдруг тряхнет на кочке, да что-нибудь соскочит внутри? Вот уж все бы обрадовались, если бы я затеял стрельбу из автомата внутри машины!

Меня посадили в передний газик, причем на переднее же сиденье. Наверное, это предполагало, что я первый из всей честной компании должен был увидеть дичь и подстрелить ее. И вот мы едем потихоньку, буксуем в глубоком снегу, при этом всюю крутим головами, смотрим на лес, вдоль просек.

Вдруг справа впереди нас среди стволов мелькнуло тело здоровенного лося! Мы его только что спугнули, и он во всю прыть драпал, мелькая между деревьями. В голове у меня вмиг промелькнула вся картина, как надо было бы действовать. До зверя метров пятьдесят, но он быстро уходит, скрываясь за стволами деревьев. Надо еще вылезать, цепляясь за все что ни попадя. Газик-то довольно тесноват. А на мне еще одежды как на капусте. Ружье тоже надо вытаскивать, да так, чтобы никого из охотников не подстрелить сгоряча. После этого приземлиться на ноги, вскинуть ружье, передернув, кстати сказать, затвор, прицелиться и наконец выстрелить. Да лось уже будет к тому времени за километр!

Мы остановились. Кто-то стал меня ругать, что надо было не зевать. Ругали не злобно, а скорее так: «Ну, что же ты? Стрелял бы уж!» – «Ну, а что?» – отвечал я, разводя руками. – «Куда тут стрелять? Если бы хоть какое-то открытое пространство было, еще понятно. А тут густой лес. Да я его вообще почти не видел, только какое-то мелькание!» В общем, поговорили-поговорили и поехали дальше. Теперь я уже ехал где-то сзади, вместе с отцом.

Вдруг передний газик резко остановился. В чем дело? Я закрутил головой во все стороны, но ничего не увидел. Из газика посыпались охотники. Все они как один стали вскидывать ружья и палить почем зря куда-то налево. Мы тоже остановились и выскочили. Правым краем глаза я увидел, как отец поднял свое ружье, прицелился и ударил дуплетом. Я посмотрел, куда он стрелял, но ничего не увидел. Я вообще ничего не видел. Все стреляли куда-то, а я никакой дичи не видел ни в каком виде. Это, конечно, не значило, что я был особо бестолковый. Просто лес перед нами был неоднородный. Его разделяли прогалины, которых сначала было даже и не разглядеть. Судя по всему, именно благодаря им и удалось подъехать к лосям (а это были именно они) на расстояние выстрела. Мы издалека не могли видеть лосей, которые стояли в этих прогалинах. А они не видели нас, хотя наверняка слышали. Когда первый автомобиль попал в створ прогалины, лосей стало видно как на ладони. Причем настолько неожиданно для них самих, что они не успели мгновенно скрыться.

Но все это я осознал чуть позже. А тут не было времени для рассуждений. Надо было стрелять, если будет возможность. Я поднял к плечу свой автомат и стал вглядываться в лес. Наконец я увидел, как вдалеке, между деревьями мелькали лоси. До них было по любой мерке далековато, уже метров двести. И, самое главное, они мелькали как кролики в траве. Прицельно стрелять было совершенно невозможно.

Вдруг намного левее, метрах в ста пятидесяти, я увидел лося, который медленно вышел из кустов. И встал как вкопанный, ко мне правым боком. Я стал прицеливаться. «Что же он не бежит?» – промелькнуло в голове. Эта

мысль чуть-чуть замедлила мои действия. В результате я не выстрелил навскидку, а чуть-чуть промедлил и в результате, видимо, получше выцелил. Наконец мягко нажал спусковой крючок. Грянул выстрел. Лось дернулся (Я что, попал? На такой немислимой дистанции?), тронулся с места и неторопливо побежал в сторону. Так попал или не попал? Я этого никак не мог увидеть. Тот однако проскакал всего метров пятьдесят. Потом приостановился. И вдруг всем телом рухнул на землю. К нему ринулись наши охотники. Побежал и я, хотя не слишком проворно. Быстрее всех, однако, побежал Стасик. Бежал он шустро, вздымая снег, и мне как-то сразу расхотелось с ним соревноваться. Он первый подскочил к лосю, приложился к ружью и с ходу в упор выстрелил ему в голову.

Дальше можно было никуда не бегать. Я тут же перешел на шаг. Кто-то продолжал бежать, другие так же, как и я, спокойно зашагали. Когда наконец мы все подошли, лось неподвижно лежал на земле. Из раны в голове текла густая красная кровь. Чуть-чуть она пульсировала. Неужели сердце еще бьется?

– Надо перерезать горло! Только подходите сзади, а то может лягнуть, осторожнее, – это советовал кто-то из бывалых охотников, ни к кому конкретно не обращаясь. Но сам горло резать не пошел. И не потому, что не мог или не имел ножа. Просто обычно горло перерезает тот, кто застрелил дичь.

Я не удивился, когда свой нож выхватил Стас. После его такой энергичной пробежки и стрельбы по дохлому лосю в упор в голову это было совсем не удивительно. Стас не глядел ни на кого из нас. Хотя, наверное, глянуть следовало. Похоже, он первым стрелял в это животное. Но явно не один. Иначе отчего лось стоял, а не бежал? Видимо, был уже подранен. А теперь кто именно должен горло резать, Стас? Если бы он глянул вокруг, то, скорее всего, именно этот вопрос и прочитал в наших глазах. В моих уж точно. Но вот не глянул. А со своим ножом осторожно обошел лосиную тушу, помедлил и наконец подобрался к шее сзади. Да, тут его уж точно никто не лягнет, можно не опасаться! Особенно с дыркой в голове, проделанной из двенадцатого калибра с расстояния в полметра.

Стас приставил свой ножик к горлу поверженного зверя и начал его пилить. Но не тут-то было. Нож скрипел, но не прорезал горло ни на сантиметр, как будто это была не кожа и мясо, а что-то совсем другое, плотное и исключительно прочное.

– Ты не так режешь! Так ничего не разрежешь!

– Да у меня нож как бритва, сталь Золинген, что хочешь разрежет! – выкрикнул Стас в ответ, не поднимая головы, и продолжал свое пиление, при этом действуя ножиком как ножовкой. Все молчали, а Стасик все пилил и пилил, и все без толку.

– Ты приставь нож острым концом к горлу в районе сонной артерии и ударь по ручке. Тогда проколешь шкуру и перережешь шею!

Наконец Стас понял тщетность своих попыток и всю беспомощность его знаменитой стали. Он перестал пилить, примерился, приставил нож к горлу и ударил по ручке. Вопреки ожиданиям и эти действия не принесли успеха. Стас наконец оторвался от своей жертвы, поднял голову и стал оглядывать нас с неммым вопросом.

– Бей сильнее, со всей силы бей, черт тебя возьми!

Ну, такой совет уже означал, что если и тут наш герой оплошает, его сейчас сменят более опытные и умелые товарищи. Намек был очень ясным. Стас его понял, еще раз приставил нож к горлу и стал дубасить по ручке кулаком как молотком, наращивая силу своих ударов. Эта тактика наконец принесла свои плоды. После очередного удара нож вдруг прошел через шкуру и сразу глубоко вошел в горло. Оттуда по лезвию хлынула кровь. Она стала разливаться по белому снегу вокруг горла, образуя дымящуюся маслянистую и одновременно вязкую лужу.

Стас потащил нож из раны, но тот теперь не очень вылезал обратно. Наконец это удалось. Стас помедлил, потом обтер его о шкуру лося и начал заталкивать в ножны.

На мгновение воцарилась пауза. Надо было решать, кто именно застрелил этого лося. Кто резал горло и стрелял в голову, когда лось уже лежал, было понятно. Но кто попал первый? Точнее, кто нанес действительно смертельное ранение? Стали осматривать тушу. Собственно говоря, осматривать было нечего. Лось упал так, что сторона, которой он стоял к нам при стрельбе, оказалась наверху. И все попадания были хорошо видны невооруженным глазом. Вообще-то, кроме дыры в голове, на туше имелись еще две раны. Обе на правой части груди. Одна дырка повыше, другая пониже. Нижняя какая-то кровавая, разбившая края раны. А верхняя бескровная, как будто проткнутая толстым прутом.

Стали выяснять, кто именно стрелял. Оказалось, что всего два человека – Стас и я. Причем я стрелял по уже стоявшему лосю. Видимо, его уже ранили, но не смертельно. Вот он и остановился. А после второго попадания он уже и упал. То есть оно было смертельное. Кто нанес последний смертельный удар – тому принадлежит и добыча.

Меня спросили, куда именно я целился. Ребята хотели выяснить, какое из попаданий я считаю своим. Конечно, нижнее попадание было более удачным. Но ткнуть в него я не мог, слишком это выглядело бы как притязание на добычу. В результате я положил ладонь точно посередине между дырками. Меня спросили еще раз, пытаюсь заставить сдвинуться с этой середины, но я стоял на своем.

Стали опрашивать других участников эпизода. Кто-то горячо заговорил, что после моего выстрела лось не просто сдвинулся с места, но и захромал. Это тянуло на нижнее попадание, ближе к суставу.

Сам я тоже думал, что нижняя дырка моя. Я целился точно в середину груди. Видимо, из-за значительного расстояния пуля немного отклонилась вниз. Тем более было понятно, что верхняя пуля была медленная. А нижняя – быстрая. Она не проткнула тело, а разбила его. Это явно подходило под мои патроны. У моего автомата ствол был существенно длиннее, чем у обычного ружья. То есть скорость пули – побольше. Более того, я снаряжаю свои патроны сам и не пользуюсь заводскими. При этом кладу побольше пороха на автоматику – так положено. Ведь в автомате часть энергии заряда уходит на перемещение затвора. Значит, надо компенсировать. Мало того, я из своей «пушки» стрелял подкалиберными пулями – шестнадцатым калибром в полиэтиленовом контейнере вместо двенадцатого. Двадцать восемь грамм в пуле вместо тридцати двух – это тоже дополнительная скорость.

Однако я явно молчал и не претендовал на первенство. Охотники еще маленько поговорили и присудили лося моему молодому другу. Что-то в груди у меня шевельнулось, типа чувства несправедливо обиженного, но не сильно. Умом я понимал, что тут правило последнего эффективного выстрела не очень применимо. Важно было остановить лося, серьезно его ранить. Этого удалось добиться первым попаданием. На это попадание я никак не мог претендовать.

Вообще, на охоте существуют свои правила, как определить, кто именно убил дичь. Основной принцип – это последний эффективный (смертельный) выстрел. Например, сбили утку, но не насмерть. Она упала в воду, но еще трепыхается и того и гляди уплывет. Охотник, который ее подбил, стреляет по ней уже на воде, но дистанция великовата, дробь рассеивается, профиль цели минимальный, добить никак не удастся. А утка потихоньку гребет в кусты. Я описываю живую ситуацию, свидетелем которой был сам. На воде на лодке немного в отдалении плавают другие охотники. Стрелок с берега начинает им орать, чтобы они подплыли и подняли утку. Они, однако, не очень-то и торопятся. Дело в том, что ситуация спорная. Охотник на берегу явно считает, что утка уже почти убита. Надо просто подплыть к ней, схватить и положить в лодку. А потом отдать ему. Однако охотники в лодке так не считают. Им надо метров сто пятьдесят, а то и двести еще плыть к утке. А она потихоньку все гребет к кустам. Надо ее вылавливать. Она может начать нырять. И что, вот так бегать за ней на лодке и ловить голыми руками? Это может и не получиться. Надо будет стрелять и добивать. Но в таком случае это уже добыча человека, который стрелял последним.

Именно так в том случае и случилось. Лодка в конце концов подплыла. Но утка стала удирать особо активно. Пришлось выстрелить. А потом завязалась

дискуссия. Люди в лодке резонно указывали, что они могли бы и не подплывать. Иди, вытаскивай свою утку сам. Раздевайся, проплыви свои восемьдесят метров, поймай утку голыми руками, и она твоя. Ах, не хочешь? А нам пришлось не только грести, но и добивать твою дичь. Так чья она в таком случае?

Применительно к нашему лосю такая логика не вполне подходила. Конечно, последним в голову стрелял Стас. Но тут всем было ясно, что это был необязательный выстрел. Лосина так грохнулся оземь, что дальше он явно не собирался бегать. А вот до моего выстрела очень даже мог куда-то удрасть. Выходило, что мой выстрел, по существу, последний. Однако вдруг уже первый выстрел был смертельным? Тогда и первый стрелявший мог претендовать на лося. Вот поэтому и произошло выяснение, кто куда стрелял и кто куда попал.

Я, может быть, в той ситуации слишком деликатничал. Можно было сказать про свои подкалиберные пули и особые патроны. Тогда нижнее попадание было бы признано за мной. И лось был бы мой. Но что это меняло? Слава победителя? Ну это не то, из-за чего следовало напрягаться. В любом случае у нас была коллективная охота. Лося делили поровну, а пальму первенства присваивали только одному охотнику. Конечно, это был повод потом поговорить за столом. Но и только. Еще на шапку можно было приладить ветку – знак, что это именно ты завалил зверя. А тут к тому же был человек, который явно изначально претендовал на то, что именно он подстрелил лося. Стас. И мне совсем не хотелось хоть в какой-то форме вступать с ним в соревнование на этой почве. Именно поэтому я и был осторожен в своих претензиях на окончательный выстрел.

Однако охота еще не закончилась. Кто-то из сопровождавших остался у лося, а мы пробежали по следам остальной лосиной группы. К нашему удивлению, мы вдруг обнаружили следы крови. Стали разбираться, кто тут стрелял. Получилось, что мой отец. Выходит, попал! Один из охотников пробежался по следам этой крови. Однако минут через пять он вернулся разочарованный. Следы крови пропали. А, судя по следам, все лоси бежали одинаково быстро. То есть получалось, что ранение легкое, преследовать не имело смысла.

Тогда егерь предложил разделиться. Два его помощника, плюс один человек из команды местного начальника, должны пойти по следам ушедшей группы лосей. Их задача – толкнуть эту группу дальше. То есть сыграть роль загонщиков. Все же остальные должны были встать в цепь в предполагаемом месте отступления лосиного стада и ждать его там.

План был немедленно одобрен. Да и чего тут спорить? Преследовать неподраненных животных было явно бесперспективно. Конечно, они будут

уходить, не подпуская на выстрел. А вот загон мог оказаться достаточно успешным, если мы угадаем место перехода лосей через просеку.

По команде егеря вся наша оставшаяся группа быстро вскочила назад в машины и мы полетели вперед – обрезать остальных лосей. Через километра три машины повернули налево. Мы почти на ходу соскакивали и становились в цепь. Я в ней оказался первым, ближе всех к перекрестку. Лоси уходили вглубь леса. Поэтому шансов, что они выйдут на меня, почти не было. Это понимали все. Конечно, понимал и я. Меня сюда поставили потому, что я уже стрелял по лосю и уже попал. К тому же я мог в самом начале выскочить из машины и выстрелить по самому первому лосю. Но замешкался и не сделал этого. Ну теперь не жалуйся и стой с самого края цепи охотников. Другой раз будешь поразворотливей!

Наконец все встали в цепь, затихли. Вдали через какое-то время послышался шум, который поднимали загонщики. Я тем временем промерил секторы обстрела, просто прикладываясь к ружью. Не тянет ли одежда, не мешают ли перчатки, удобно ли достать дополнительные патроны из кармана. Все было удобно, и я продолжал стоять на номере, стараясь даже глазами не делать лишних движений.

В это время мне послышался какой-то хлопок в отдалении. Выстрел, что ли? На хороший выстрел это не было похоже. Так, что-то совсем глухое. Как будто резко закрыли крышку на большом погребе. Может, и правда в субботу где-то рядом ведутся строительные работы? Я старательно прислушивался, но больше никаких аномальных звуков не уловил. Лес стоял полностью безмолвный и недвижимый. «Наверное, строительные работы», – наконец решил я сам для себя и выкинул это происшествие из головы. Однако по окончании охоты я его припомнил.

Сейчас же я стоял весь в напряжении и готовился к встрече с нашими лосями. Для себя я, как всегда в подобной ситуации, решил, что если лось выйдет на меня, буду стрелять в упор, на самой минимальной дистанции. Я слышал много рассказов опытных охотников о том, что психологически очень трудно выдержать паузу и открыть стрельбу на минимальном расстоянии. Людям всегда кажется, что зверь подошел уже совсем в упор. Они стреляют и, конечно же, мажут – до цели-то на самом деле еще далеко! А по уму надо было дожидаться, когда лось не только подойдет к линии стрелков, но и начнет ее проходить. Вот тогда самый верный момент для стрельбы – и расстояние невелико, и пули пойдут не в загон.

Все эти рассказы в свое время серьезно на меня повлияли. Для себя я давно твердо решил, что не отношусь к таким слабонервным и буду стрелять на самом минимальном пределе. Что я с переменным успехом на той или иной охоте и делал. А сегодня, может быть даже смогу пропустить лося и ударю чуть в угон, что мне, сказать честно, никогда раньше не удавалось.

Пока я так сам с собой примерялся и сам себя настраивал, вдруг вдали как будто что-то мелькнуло между стволами деревьев. Однако тотчас стало ясно, что это мне просто померещилось. Больше никакого движения видно не было. Весь лес стоял в полной тишине, и никакого движения не было ни видно, ни слышно. На всякий случай я все-таки медленно-медленно поднял ружье и замер. И чтобы не выдать себя, уставился в одну точку где-то вдали. Как это ни странно, но зверь запросто может увидеть движение даже относительно небольших глаз на очень значительном расстоянии. Весь охотник замаскирован как надо, закамуфлирован. Вот только водит глазами слишком активно. И не надо в таком случае удивляться, что дичь обойдет его стороной.

Такое мое замороженное стояние продолжалось, наверное, минут пять, никак не меньше. Рука стала уставать, ствол ружья стал медленно-медленно ползти вниз. Неожиданно я уже ясно расслышал треск сучка. Точно в направлении линии моего прицеливания. Я напрягся как струна. Неужели? Наконец-то! Треск становился все сильнее. На меня явно кто-то шел, даже скорее ломился по лесу. Стали мелькать более ясные тени. Наконец стало понятно, что это два лося. Их было видно, несмотря на достаточно густой лес. Они шли как два стальных тарана. Мелкие деревья как щепки летели в разные стороны. Все ближе и ближе. Эту картину я до сих пор помню исключительно ясно. Звери именно разметывали лес. Как стальной таран.

Наконец из-за ствола здоровенной ели высунулась огромная звериная морда. Лось шел прямо на меня. Я стал выбирать точку и прицеливаться. Возникло чувство, что дистанция настолько коротка, что я могу прицелиться и попасть с точностью до размеров ладони. То есть так можно целиться на расстоянии метров десяти. «Но тут не десять же метров до этого лосины?» - промелькнуло у меня в голове.

Все это на самом деле длилось лишь миг. Я уперся мушкой прямо в ключицу лося и плавно нажал спусковой крючок. Ударил выстрел. Лось вздыбился, резко развернулся и рванул по лесу вправо и вдаль от меня. Я же вел ствол за ним, прицеливаясь в переднюю часть груди, и, невзирая на деревья, методично нажимал спусковой крючок. Куда попадет, туда и попадет! Выбирать просветы между стволами было совершенно невозможно. Какой-нибудь выстрел авось достанет моего лося. Тем более, что у меня в магазине было не два патрона, а целых пять. Экономить было совершенно ни к чему.

После первого выстрела я успел сделать еще три. За это время лось проскакал метров пятьдесят. Вдруг он с размаху всей тушей ударился в здоровенную лесину, остановился, замер, стал валиться на задние ноги и наконец целиком рухнул на землю.

Второго лося видно не видно. Однако вскоре справа от меня достаточно близко послышались выстрелы, крики. Потом еще выстрелы, на этот раз совсем далеко. Подстрелили моего второго лося? Или упустили? Если стреляли далеко, значит ушел. Выходит, следующий за мной охотник промазал. Или лишь слегка подранил.

Я помедлил мгновение и наконец двинулся к своей добыче. Вообще-то в такой ситуации не следует сходить с номера, даже если очень хочется. Вдруг кому-то в цепи придется еще стрелять? Так можно подлезть под чужую пулю. По общему правилу надо дожидаться других охотников и уж после этого добирать зверя.

Но тут я решил сделать исключение. После такой канонады все лоси, если они и было до этого рядом, теперь явно уже были далеко. Мой же лежал передо мной. Второй попал под обстрел соседнего охотника и, похоже, удрал дальше по линии стрелков. Так что дополнительная стрельба не предвиделась.

Я стал пробираться вперед точно по линии своей стрельбы до первого попадания. Одновременно считал шаги. К моему удивлению таких шагов оказалось целых сорок пять. Иным словами я открыл огонь на пределе точного прицеливания. А мне еще казалось, что стреляю я в упор, метров с пятнадцати, не больше. Куда там – не больше! Да, сто раз правы бывалые охотники. С человеческой натурой трудно что-то поделать. Но все-таки я смог удержаться и не выстрелил на более значительном расстоянии.

От места первого попадания вдоль лосиных следов тянулась полоса крови. Похоже, я своей пулей перебил чуть ли не аорту. Из раны, видимо, хлестали просто фонтаны крови, периодически, вместе с сокращением сердца, вылетая веером на несколько метров. Лось делал прыжок, и одновременно из его шеи била струя крови. Как будто кто-то поливал все вокруг, размахивая во все стороны шлангом. Зрелище было необычайное. На белом снегу эти потоки алой крови выглядели вполне в духе Сальвадора Дали.

Наконец я добрался до лежащего лося. С первого взгляда было видно, что его уже можно не добивать. На туше было всего два попадания: одно – в основание шеи, а второе – в правое заднее бедро. Попадание в шею действительно перебило крупный кровеносный сосуд. Кровь в голову перестала поступать. Именно поэтому лось и ударился в ствол дерева – он уже ничего, судя по всему, в этот момент не видел. И лежал он так, что сомнений у меня не возникло – теперь не убежит. Хотя в подобных ситуациях бывают разные случаи.

Второе попадание немного удивило меня. Когда лось удирал, я целился достаточно тщательно. При этом пытался попасть в грудь, но уж никак не в заднюю ногу. Но, надо полагать, в момент выстрела, когда начинал тянуть спусковой крючок, одновременно замедлял движение ружья. Я думаю,

именно этот недостаток в моей стрельбе и вызвал такой промах. В конце концов, лось бежал не так уж и быстро. И дистанция была достаточно разумной. Понятно, когда мажешь по утке, которая летит со скоростью десять, а то и двадцать метров в секунду. Тут немудрено и промахнуться. А в данной ситуации можно было и поточнее попасть.

А где же остальные пули? Я не стал их искать. Хотя сделать это было очень просто – я шел именно там, куда и стрелял. Но и так было ясно, что они в стволах деревьев. Чего себя огорчать? И я просто повернулся и направился назад на свой номер.

Вообще, мое попадание в лося было на редкость удачным. Обычно этот лесной великан даже при самом тяжелом ранении успевает довольно далеко отбежать. Запросто приходится потом его преследовать несколько километров. А тут после моих выстрелов он упал наземь почти на месте. Очень не частый случай.

Итак, расчет егеря был лишь относительно верным. Как ни хорошо знал он лес и своих зверей, однако, несмотря на это, не смог рассчитать место их выхода на охотников. Вообще, эти лоси чуть-чуть не обошли нашу цепь стрелков. Пошли бы метров на сто левее меня, и все. Там уже не было никого. Нам просто повезло, что этого не произошло.

Вскоре подошли и другие охотники. Среди них был и мой отец. Я небрежно показывал каждому на лежавшего лося. Потом и это перестал делать. Все было ясно и так, без слов. Меня хвалили. Кто-то говорил, что когда он услышал мои выстрелы, которые следовали один за другим с хорошей паузой, то сразу понял, что я веду прицельную стрельбу. Значит, есть попадания, есть добыча. Никто не считал моих сорока пяти шагов, не искал попадания в деревья. Хотя существует полушутливое правило, что за каждое испорченное дерево – бутылка водки со стрелка. Но тут даже про это почему-то забыли.

В подошедшей ко мне группе охотников был и Виктор Иванович, наш наиболее опытный охотник, о котором я уже рассказывал. Он был довольно растерян и, рассказывая свою историю, как бы оправдывался. А произошло вот что. После моих выстрелов перед ним слева направо на расстоянии метров шестидесяти промчался лось. Это явно был второй лось из той пары, которая вышла на меня. Поскольку перед этим прозвучали мои выстрелы, Виктор Иванович был уже готов к стрельбе. И начал стрелять на самой минимальной дистанции, когда животное было точно напротив него. Сделал два выстрела, при этом целился, по его словам, в грудь лося. Времени на прицеливание было достаточно. Тем не менее, как выяснилось, никакой крови на следах не было. Виктор Иванович успел пробежать по лосиным следам метров двести и вернулся назад крайне огорченный. По всему выходило, что наш основной охотник достаточно грубо промазал в донельзя

простой ситуации. Ведь условия для него были лучше, чем в тире. Он это и сам понимал, а потому просто не знал, куда деваться и что сказать. У меня возникло смешанное чувство. С одной стороны, жаль было, что мой товарищ по охоте попал в такое положение, а дичь убежала невредимая. С другой стороны, а о чем он думал, когда, пусть и неосознанно, претендовал на роль особо опытного охотника? Чем выше залезешь, тем больше падать – вполне справедливая и хорошо известная пословица. Вел бы себя с запасом, слегка поскромнее, не пришлось бы попадать в столь неловкое положение. Теперь же он превратился в легкую мишень для насмешек. Пусть никто не острил и не насмехался, но все было и так предельно ясно, без каких-либо слов.

Впрочем, и без Виктора Ивановича у нас и так уже были два убитых лося. Куда уж больше! Все остановились, сошлись в кучу, стали обсуждать охоту. Шло время. Появилась бутылка водки, которая тут же была без остатка выпита. Мне налили поменьше, чем полстакана, и я его махнул, что называется, не глядя. Водка оказалась особая. Она обожгла, но не как обычно, а совсем по-другому. Я испытал ясное чувство, что пью кровь только что убитого мной лося. Прямо из перебитой аорты, горячую, даже кипящую. А чего врать? Что почувствовал, то и описываю. Именно такое чувство у меня и возникло. А почему и откуда, этого не знаю. Надо, наверное, покопаться в темных закоулках загадочной человеческой психологии. Хотя у меня на самом деле есть совсем другое объяснение. Это был незримый духовный контакт с миром теней. В котором теперь и гулял мой лось, не опасаясь никаких охотников.

Пока мы безмятежно пьянствовали, другие оказались более деловыми. Стас не стал тратить с нами время на выпивку и болтовню, а вместо этого решил пройти дальше по следам лося, по которому стрелял и не попал Виктор Иванович. Вообще-то, это было очень правильное решение. Тут Стас действовал как настоящий охотник. Попали или не попали, а надо проверить как следует. Двести метров – мало.

Наши разговоры длились достаточно долго. Нашлась и еще водка, которая тоже пошла в дело. Наконец вернулся и Стасик. Он просто сиял. Оказалось, что в нескольких километрах от нас он наконец вышел на лося. Тот лежал на брюхе, поджав ноги, и не шевелился. Один выстрел в голову – и еще один трофеем. Причем Стас, как всегда, стрелял в упор. Поскольку выстрел был направлен сверху вниз, мы его вовсе не услышали. К тому же деревья тоже поглотили звук на таком расстоянии.

Стас рассказал, что у лося уже было два попадания в нижнюю заднюю часть брюха, почти под заднюю ногу. Выходит, Виктор Иванович все-таки не промазал! Просто он не сделал необходимого упреждения при стрельбе (точнее, недооценил дистанцию, как и я). Да еще и занизил. Пули попали в брюхо, в его заднюю часть. Поэтому и не было следов крови. Она вся

выливалась внутрь брюшины. Наконец через несколько километров обессиленный лось лег на брюхо, и тут-то его и достал наш доблестный Стасик. А, каков охотник! Всем нам нос утер.

Вообще-то уже можно было собираться и назад, в гарнизон. Но, как выяснилось, еще не все охотники подошли. Не было одного из замов начальника гарнизона, который пошел с егерями в загон. Сами егеря уже явились и стояли тут как тут. А третьего человека из загона все не было. Не случилось ли что-то? Мы стали беспокоиться. А начальник гарнизона и вовсе заметался. Дело было даже не в том, случилось что-то или нет. Конечно, вряд ли случилось. Просто охотник заблудился, вот и все. Но получалось, что важные генералы должны тратить свое драгоценное время на ожидание, а то и поиски местного вояки, который сам должен был нам помогать.

Конечно, ни я, ни наши генералы так не думали. Потерялся, значит, подождем, а то и пойдем искать. Нет проблем, охота есть охота. Но начальнику гарнизона было явно неприятно. Наступал момент, когда надо было принимать решение бросать товарища в лесу, и пусть сам выходит как может. Или снаряжать экспедицию на его поиски.

Решили для начала стрелять в воздух. Я в этом мероприятии не стал участвовать. Было жалко и своих хороших патронов, и ружья. Нечего его изнашивать без нужды. Но другие стали палить дуплетами без передышки. Всего было сделано не менее двадцати выстрелов. Но в ответ мы не услышали ничего – ни выстрелов, ни криков.

Потом, уже через минуту-другую после окончания стрельбы вдали послышался дуплет. Причем не из загона, куда мы смотрели и палили, а совсем с другой стороны, слева и даже немного сзади. Потом, еще немного погодя появился и потерявшийся охотник. «Во как заблудился, если бы не стрельба, точно потерялся бы», – резонно подумал я.

Однако подошедший не выглядел растерянным или виноватым. Хотя потеря ориентации в лесу характеризовала его не с лучшей стороны. Что же произошло, как так получилось, что он заблудился? Тут потерявшийся хоть немного сбивчиво, но сообщил нам следующее:

– Мы с егерями втроем пошли в загон. Они двинулись прямо на вас, на то место, где должна была стоять цепь. А я пошел по следам группы лосей. Поначалу все было хорошо, лоси шли прямо, и по всему выходило, что они попадут на стрелков. Но потом я вдруг увидел, что один из лосей стал отходить от основной группы. Пригляделся и увидел следы крови. Совсем немного. Но получалось, что это животное было ранено. Тяжело или легко? По следам крови – легко. Ведь ее почти не было. Но тогда почему оно стало отходить от основной группы? Короче, посоветоваться было не с кем, егеря уже ушли довольно далеко. И я принял волевое решение пойти по этим следам. А они стали отклоняться все дальше и дальше вправо. Наконец они

пересекли дорогу, по которой только что прошли газики с охотниками, которые должны были встать на номера. Переходить дорогу или нет? Так можно было уйти довольно далеко. Я все-таки решил пройтись еще немного и посмотреть, как идет кровь из раны. Если ее будет совсем немного, то тогда вернусь. Однако через метров пятьсот следы крови стали заметнее. Делать было нечего, надо было преследовать до победного конца. Что я и сделал. И, представьте себе, достал этого лося! Он был ранен в живот и в конце концов обессилел от потери крови и упал. Мне оставалось только добить его. Так что я не претендую на то, что это мой лось. Я его только добивал. А потом пошел на вас, на ваши выстрелы. И вот я тут!

– Так ты завалил еще одного лося? Ну ты молодец! Вот это охотник! Вот какие у меня заместители! – это завопил начальник гарнизона. Из виноватого тот враз превратился в победителя. У него, как получалось, заместители были и боевые, и самостоятельные, и умные. В общем, все сразу. Не зря, выходит, он их взял с собой на генеральскую охоту.

Так вот что за глухой звук, похожий на выстрел, слышал я! Значит, это действительно был выстрел, которым наш охотник добивал раненного лося. Вообще-то, по правилам загонной охоты, если ты слышишь выстрел, то больше стрелять по дичи нельзя до тех пор, пока не выяснится, убито животное или нет. А иначе возможен перестрел. Простыми словами, браконьерство. Теоретически, когда я услышал этот глухой звук, должен был прекратить охоту. Но на практике ситуация, как мы видим, может сложиться так, что и нарочно не придумаешь. Вот, например, в нашем случае выстрел был неявным. Даже и не поймешь, выстрел это или еще что-то. И неясно, стрелял ли это наш охотник или еще кто-то из другой команды, кто подошел к нам достаточно близко. Как поступать в таком случае? Вообще-то, охотник, который добил этого лося, должен был сделать в воздух несколько ясных выстрелов, лучше дуплетов. Тогда остальным было бы совершенно ясно, что охота завершена. Но он так не сделал. И ясно почему. У нас была, что называется, блатная охота. Сколько застрелите, столько и хорошо. Но в другой ситуации наши действия могли быть запросто квалифицированы как перестрел, браконьерство и все что угодно в таком духе.

Однако нашему торжеству не было предела. Четыре лося! Вот это добыча! Ай да охота! Но нашу радость, как выяснилось, разделяли далеко не все. Егеря стояли чуть в сторонке и выглядели явно недовольными. Хотя они все-таки не осмеливались подойти и сказать нам прямо, что именно их не устраивает. Но это и так было понятно. Лес не резиновый и лосей тут не бесконечное количество. Если за одну охоту заваливать по четыре лося, то скоро тут ничего вообще не останется. Кроме того, по словам егерей, для добычи на мясо было достаточно и одного лося. Остальных придется оформлять как спортивных и просто сдать государству.

Этим последним объяснениям я, конечно, ничуть не поверил. За кого они нас принимали, эти егеря, за полных дураков? Что, мы не понимаем, как такие дела делаются? Никаких особых посторонних свидетелей всей этой нашей охоты не было. Никаких ни милиционеров, ни прокуроров, ни других проверяющих товарищей. Только генералы, их родственники и знакомые, местное гарнизонное начальство и сами егеря. Прямо они так вот и кинутся оформлять всех лосей по полному закону и сдавать, давась слезами, злему государству! Как же, держи карман шире. Конечно, они одного лося поделят на всех, тут деваться некуда. А остальных просто заберут себе, вот и все. И никакой сдачи спортивных лосей в казну никогда не будет. Просто они не хотят делить остальных лосей на всех охотников.

Может быть, я рассуждал слишком цинично. Но эта крестьянская хитроватость местных егерей была как на ладони. Что они нам тут рассказывают сказки! Впрочем, все это было не мое дело. Мы приехали не столько за мясом, сколько за эмоциями. Которых теперь было через край. Черт с ними, с этими егерями и этим злосчастным мясом.

Другие охотники, надо полагать, думали так же, как и я. А может быть и иначе. Но конфликт разрешился самым простым способом. Егерям тут же налили водки и они, удовлетворившись ею, тут же заткнулись. Вопрос был закрыт.

Начальник гарнизона решил взять дальнейший ход событий в свои руки. Охота уже завершилась, а с ней и власть наших егерей.

– Давайте дальше так, – промолвил он. – Лосей бросим тут и не будем сами разделявать. Тем более, что они разбросаны по всему лесу. Едем на базу. А я выделяю людей, они с моим замом поедут в лес с машиной и лебедкой и вытащат всех убитых животных. Погрузят их в грузовик, отвезут куда надо. Одного на кухне разделают на мясо для вас. Вы мне доверяете?

Конечно же, мы очень даже доверяли. Начальник избавлял нас от процедуры разделки мяса и его транспортировки. Его подчиненные брали на себя это тяжелое бремя. А мы тем временем могли спокойно ехать в гарнизон, в наш домик. Где нас, судя по всему, ждал приятный ужин.

Наши предположения в полной мере оправдались. Мы прикатили назад в гарнизон. Заехали внутрь через металлические ворота с красной звездой, немножко поколесили по каким-то внутренним дорожкам, мимо плакатов, статуй и стендов. И наконец заехали в часть гарнизона, полностью заросшую густым лесом. Тем не менее даже зимой было видно, что лес этот не дикий, а очень даже ухоженный. Судя по всему, тут время от времени проводились субботники по уборке упавших веток и спиливанию засохших деревьев.

В глубине этого небольшого леска стояло несколько дощатых домиков, небольших и очень скромных по виду. «Гостевые», – кратко охарактеризовал их кто-то из местных, сидевший в нашей машине. Впрочем, я и сам это уже видел, в самом начале мы уже подъезжали к ним.

Мы довольно лихо подкатили к одному из домиков и начали разгружаться. Вылезли сами, вытащили с грехом пополам свои ружья, стали заталкивать их тут же в чехлы. Было понятно, что охота, а вместе с ней и все тяготы уже кончились. Дальше будет все легко и приятно. И эта мысль расслабляла донельзя. Не хотелось ни собирать ружья, ни даже освобождаться от тяжелой и теплой охотничьей амуниции.

В конце концов, однако, мы все разделись, сложили свои пожитки в небольшой комнатке и прошли дальше, что называется, в горницу. Дом был без печки, но отапливался в лучшем виде. Батареи были как огонь, внутри было тепло и одновременно легко, как бывает только за городом, на самом свежем воздухе.

В комнате было именно то, что мы и предполагали увидеть. Стол, окруженный стульями и заставленный всевозможной снедью. В середине красовалось здоровенное блюдо с хорошо поджаренной картошкой. Я не удержался и попробовал ее, схватив кусок голой рукой. Картошка слегка обожгла пальцы. Но это не помешало мне тотчас же запихать ее в рот. Я оценил талант местного повара. Дело в том, что жареная картошка, это то самое блюдо, готовку которого я освоил почти в совершенстве. Мне в этом искусстве немало помогла моя первая жена. Именно она объяснила мне, что жарить картоху надо не на одном масле, а на их смеси. Основу составляет, конечно, растительное масло, как правило, подсолнечное. А вот дальше можно и нужно добавлять что-то еще: маргарин, но очень в меру, а также сливочное масло. Если есть несколько сортов, то сгодятся все сразу. Жарить надо на очень сильном огне. Тут многое зависит от ловкости повара. При определенном навыке можно даже отходить на время от плиты. Но вообще-то это не очень рекомендуется, так как картошка запросто может сгореть. Потом ее надо еще немного притомить на малом огне. В определенный момент посолить, добавить лука. Да так, чтобы он тоже успел поджариться. Короче, тут много чего надо делать, чтобы было по-настоящему вкусно.

Местная картошка была, без сомнения, хороша. И тут было надо только одно – не тянуть, а садиться за стол, пока она не остыла. Что мы и сделали. Благо два генерала не сочли нужным волынить, соблюдать какой-то политес и ждать командира части. В другой раз не будет опаздывать! Но он, как оказалось, был тут же, в соседней комнате, и незамедлительно присоединился к нашей компании, заняв один из свободных стульев.

Я наконец окинул взглядом весь стол и остался вполне доволен результатом. Местная власть действовала без демонстративного шика,

скромно, но со вкусом. Кроме картошки на столе явно стоял маринованный чеснок. Я его сразу не разглядел, но немедленно ощутил запах, который ни с чем нельзя было спутать. Бывают же такие удачные блюда, которые украшают любой стол! Можете не есть такой чеснок, если есть какие-то предубеждения. Дело даже не в еде. Этот чеснок – источник необычайного аромата, который будит в сознании призраки самых необычайных и экзотических блюд. Он нужен на столе в первую очередь из-за своего бесподобного запаха.

Я все-таки поискал глазами источник чесночного запаха и наконец нашел его на противоположном конце стола. Самому не достать! Тут же рядом с чесноком примостилась и черемша. Да, хозяин наш хорошо подумал об отдыхе, в этом ему было не отказать.

Уже краем глаза я поймал тарелку с квашеными помидорами. Ярко-красные, блестящие, они красовались небольшой пирамидой в глубокой столовой тарелке. Такие будут вкусными уже на вид. Даже не пробуя их, понимаешь, до чего это славное блюдо. Казалось бы, чего проще, квасишь капусту, а вместе с ней кладешь немного вот таких помидоров. Получается такой класс, что просто не опишешь никакими словами.

Кстати, о посуде. Приглядевшись, я понял, что, хотя она и была не из китайского фарфора, но все равно не простая. На тарелках ясно красовалась выведенная золотом надпись «СССР». Тут же таким же золотом был нанесен и государственный герб. Понятно, что это был представительский сервиз, для формальных торжеств. Да и для неформальных, как наше застолье. С одной стороны, вроде бы обычный фаянс. А с другой – знак особого уважения к гостям.

Еще были соленые огурчики. К тому же хозяин где-то раздобыл зелень, зеленый лук, свежие помидоры, огурцы, укроп, кинзу, петрушку, редиску. Они были довольно живописно выложены на нескольких тарелках и служили явным украшением нашего стола. Как потом выяснилось, в гарнизоне было налажено подсобное хозяйство, где все это выращивали в теплицах. Ведь можно же жить по-человечески, если захочешь!

Совсем меня убили на том столе баклажаны. Казалось бы, до чего простое блюдо. Нарезаешь их круглыми дольками. Сверху кладешь маленький кусочек сыра, сверху кусочек же помидорчика. Потом добавляешь поверх всего тертого чесночка. Немного, только для вкуса. И заливаешь сверху сметаной или майонезом. Все, почти готово. Это блюдо ставишь в духовку и запекаешь. Запах совершенно бешеный. Можно просто умереть от предвкушения. Но и на столе это блюдо занимает сильные позиции. Я всегда просто диву давался, как из простых продуктов самым немудреным образом можно создать совершенно божественную еду.

Но мяса на столе не было вовсе. Ни колбасы, ни карбоната или чего-то еще подобного. Меня это не удивило. Я знал охотничьи традиции и с нетерпением ждал королевского блюда. Другие тоже понимали, что нас вскоре ожидает, и не спешили с закуской. Конечно, мы понемножку выпили из рюмочек, украшенных все тем же гербом. Это была только водка.

Наконец дверь распахнулась. Беседа тут же прервалась, все оглянулись на вошедшего. Это, судя по виду, был сам повар. Штаны армейские, но на плечи был накинут белый халат, кое-где попачканный пятнами от приготовленных блюд. Сам повар был хоть и молодой, но явно не призывник, постарше лет на пять. На лице его сияла торжествующая улыбка. В руках он держал здоровенное белое блюдо. На нем лежала целая гора нарезанной большими кусками жареной лосиной печени. Комнату наполнил аромат жареной дичи. Все оживились, зашевелились, заговорили.

Вся печень разошлась буквально за минуту. Мне как одному из виновников торжества дали кусок печени одному из первых. Я уже не обращал внимание ни на остальных охотников, ни на слова поздравления. Весь мир сузился только до этого куска, лежавшего на моей тарелке. И было от чего забыть обо всех или обо всем. Вы никогда не пробовали печень только что убитого лося? Ну так попробуйте! Гарантирую, что такое блюдо запомнится вам надолго. Навсегда. Мягкая и ароматная, печень исчезла с моей тарелки за минуту. Каюсь, грешен, я воспользовался своим положением лица, застрелившего лося, и навалился на печень как следует, попросив себе еще добавки. Потом еще.

Я понимаю, почему раньше существовал обряд поедания печени своего врага. В этом явно есть что-то особенное. Конечно, лось никакой не враг. Но печень-то у него настоящая. И очень вкусная. Так что этот людоедский и довольно жутковатый ритуал принял более цивилизованную форму и успешно перекочевал в современную охоту.

Наконец гуляние закончилось. Назад выехали тем же вечером. Возвращались очень поздно, наверное, ближе к полуночи. Ближе к Москве я обратил внимание, что навстречу нам ехало довольно много машин. Откуда так поздно? Ездили днем в столицу за колбасой? Не знаю. Я с отцом ехал во второй машине. Неожиданно впереди идущий газик как-то резко и неуклюже вильнул вправо. В это время нам навстречу плотным потоком шли машины. В чем дело? Почему он вильнул? Я этого не понял. Какое-то препятствие на дороге? Через мгновение мы выскочили на то же место, где только что прошла наша первая машина. Вдруг из-за конца встречной колонны нам прямо в лоб как-то безумно вывернулся грузовик, ослепив нас своими фарами. Наш водитель сделал совершенно головоломный поворот вправо, потом влево, чтобы не слететь с дорожного полотна. Машина почти встала на два колеса. Мы не ударились о грузовик, но разошлись очень близко. Тут

стало ясно, почему до этого вильнула другая машина – она тоже отчаянно уходила от лобового удара того же водителя.

Как мы не столкнулись или не перевернулись, я не знаю. Но ситуация была очень близкой к тому. По моему мнению, водитель грузовика был просто пьян в стельку. Он нам так вывернул навстречу, как не мог сделать ни один нормальный водитель. Более того, ведь только что он чуть не ударил наш другой газик. Не сделать из этого вывода мог только человек, пребывающий в ненормальном состоянии. Как можно не видеть яркие фары встречного автомобиля, движущегося по достаточно узкой дороге? Я этого совершенно не понимаю.

Судьба или не судьба? Может быть, нас в такие мгновения кто-то сверху предупреждает, что наша жизнь находится в его власти? Я уж даже и не знаю. С одной стороны, вроде неудобно взрослому человеку верить в какую-то мистику. А с другой стороны, я никак не могу подавить чувство соприкосновения с волей высшего существа. Вот что чувствую, то и описываю.

Автомобильные приключения на этом не кончились. Буквально через несколько километров у нас полетел вентиляторный ремень. К этому времени мы уже безнадежно отстали от переднего газика. Что было неудивительно, поскольку мы только что в один голос попросили нашего водителя, молодого солдата, больше не спешить. Вот он и отстал. А тут под капотом вдруг что-то хлопнуло и на щитке приборов загорелась лампочка заряда-разряда аккумулятора. Как говорится, к бабке не ходи, а сразу ясно, что это вентиляторный ремешок.

В результате перед нами замаячила перспектива провести ночь на обочине. Что делать? Мобильных телефонов тогда еще не существовало. Решили так. Разгоняли машину и глушили двигатель. Затем катились по инерции. За счет набегающего ветра двигатель чуть-чуть остывал. Когда скорость падала, двигатель опять запускали и вновь разгонялись. Конечно, так ездить нельзя. Ведь мы смотрели на приборный щиток, на датчик температуры воды. Как стрела сдвигалась вниз, мы заводили двигатель, искренне полагая, что вода остыла. Конечно, она остывала, иначе и стрелка бы не сдвигалась вниз. Только она остывала не в двигателе, а в радиаторе. А в двигателе, непосредственно в области камеры сгорания происходило вот что. Как только мы запускали двигатель, цилиндры жутко раскалялись, а новая холодная вода для их охлаждения не поступала. Да и откуда ей поступать? Вентиляторный ремень был порван, следовательно, водяная помпа не работает. В результате цилиндры перегревались сверх всякой меры.

Так мы проехали километров пятнадцать, до поворота в военную часть. Подошли к дежурному у поворота, позвонили в гараж и через часок, пересев в новый газик, покатали дальше, в Москву. Я, наверное, заснул. Проезда

домой через город просто не помню. Конец охоты потонул в какой-то мгле. Единственно, помню, мне потом сообщили, что тот газик с порвавшимся вентиляторным ремнем пришлось капитально ремонтировать. Кажется, мы сожгли у него и кольца, и цилиндры.

Дачная охота и незапланированное купание

Я уже подзабыл часть своих охотничьих походов. Все это было давно, хотя и правда. Однако до сих пор в памяти остались отдельные охотничьи эпизоды. Сейчас мне даже удивительно, как подобное могло со мной случиться. Какой-то я был, наверное, безрассудный, неосторожный. Впрочем, тогда судьба обошла меня стороной.

Значительная часть моих охотничьих походов приходилась на Волгу, где прямо на берегу находилась дача уже упомянутого мной ранее в этих рассказах моего первого тестя Веселова Анатолия Ивановича. Замечательная это была дача. Располагалась она на сто двадцатом километре Ленинградского шоссе, в районе Завидово. Вообще-то Веселов, как он рассказывал, никогда раньше не проводил свой отпуск на одном и том же месте. Все время путешествовал со своей семьей по разным местам на неизменном «москвиче». Но вот раз выехал он на Волгу в районе Завидово, увидел небольшой, метров в двести, заливчик и вдруг сказал сам себе: «Тут я буду дальше жить, и тут будет моя дача!»

Конечно, если такие слова скажет простой человек, инженер, рабочий, или даже продавец или мелкий бизнесмен, это не значит, что у него тут же появится своя дача на берегу великой русской реки Волги. Но Веселов не был обычным человеком, я об этом уже говорил. Дело даже не в том, что он в свое время состоял в личной охране высокого вождя. Просто он был довольно целеустремленной личностью и хорошо знал, как именно надо ставить себе цель и как надо ее потом добиваться. Не лишним также было то, что он был большим или маленьким, но все-таки милицейским начальником. Так что неудивительно, что через какое-то время он смог приобрести в собственность небольшой, соток в двенадцать, участок на берегу того самого залива.

Вскоре на берегу заливчика выросла двухэтажная дача. С камином, кухней, верандой, выходящей окнами прямо на воду. Все приятное, я бы даже сказал, в чем-то сказочное, происходило именно на этой веранде. Тут стоял здоровенный деревянный стол человек на двенадцать. А вдоль него располагались две такие же длиннющие, из толстенных досок лавки со спинками. И они, и сам стол были выкрашены лаком в светло-коричневый цвет. Сделано это было удачно. Лак как бы подчеркивал текстуру дерева, придавал столу и лавкам законченный художественный вид.

За этим самым столом и происходили все памятные мероприятия, как правило, в форме застолий. Надо сказать, что Анатолий Иванович не только любил эти застолья (мы все их любили). Он умел их еще и должным образом, грамотно организовать. А это непростой дар. У него было тут чему поучиться.

Застолье начиналось так. Женщины суетились на кухне, готовили всякие разные вкусности. Кое-что из разносолов заносили на веранду заранее. Мы же уже были на веранде, вели всякие интересные беседы, но за стол не садились. Единственно, можно было налить немного водочки и закусить ее тем, что уже попало на стол. Впрочем, такое начало тоже было законной частью этого мероприятия.

Потом все рассаживались на свои места. Анатолий Иванович – в середину стола, спиной к стене, а лицом к Волге. Место было не слишком удобное, в случае необходимости оттуда было довольно трудно вылезти, с каждой стороны сидело еще по несколько человек. Но Веселов почему-то предпочитал именно это место. Так вот, заняв его и выдержав небольшую паузу, Анатолий Иванович говорил что-то вроде тоста и затем затевал за столом беседу. Именно беседу. Всякий при этом мог выступить. Даже, скорее, должен был выступить. Рассказать что-то интересное и веселое. Было это чуть напряженно, но в конечном итоге достаточно приятно. Ведь в результате удавалось покрасоваться перед всеми свои несколько минут. Самому трудно таким образом захватить внимание всего стола. А когда это часть традиции, то можно спокойно выступать, не опасаясь, что ведешь себя нескромно.

Помимо беседы были и тосты – как отдельный жанр. Потом под разговоры шли разные блюда. Тут Анатолий Иванович грозно говорил своей жене Дагмаре: «Где лестница?» Все в недоумении замолкали. «Зачем тебе лестница?» – «Я залезу на нее и сверху посмотрю, где на столе соль». Конечно же, соли каждый раз не было, и кто-то, сидевший поближе к выходу, бежал за ней сломя голову. Хотите верьте, хотите нет, но эта история с солью и лестницей повторялась почти каждое застолье. Я не сомневаюсь, что Дагмара не имела никакого умысла прятать соль. Но почему-то каждый раз про нее забывала. Более того, все забывали и эту присказку про лестницу. Поэтому каждый раз не сразу понимали, о чем сейчас пойдет речь. Или Анатолий Иванович нарочно выбирал в беседе такой момент, чтобы сразу не вспомнили про соль? Может быть, может быть!

Подобные застолья устраивались по разным поводам. Именно по этому сценарию была организована и моя первая свадьба. Каждая охота тоже сопровождалась этими пиршествами. Сначала охотники, отправившиеся рано утром за дичью, приезжали назад только к обеду. Коротко обсуждали, что с кем случилось, выпивали, съедали по куску убитой утки – и спать. Потом вечером – уже настоящий стол, без спешки, с подробным разбором полетов. Именно так и завершалась каждая охота.

А начиналась охота так. Из заливчика на моторной лодке мы отправлялись в охотничьи угодья. На Волге была только утиная охота. Это было особое мероприятие и особое место. Дело в том, что недалеко, на другой стороне

Ленинградского шоссе, в поселке Козлово, были охотничье хозяйство самого Брежнева, Генерального секретаря ЦК КПСС. Хотя формально, если не ошибаюсь, это место все-таки считалось государственной дачей в Завидово, а не в Козлово. Наверное, слово «Завидово» было более благозвучно, чем «Козлово», вот его и выбрали.

На этой самой даче генсека для него и для прочих начальников в специальном инкубаторе выводились дикие утки. Как говорили, их там бывало до четырех тысяч штук ежегодно. Были они совсем домашние и становились легкой добычей Леонида Ильича и его друзей. Но часть уток все-таки избегала казни и улетала из охотхозяйства восвояси, на Волгу. Это были уже не совсем домашние утки – они уже знали, что такое ружье и охотник. Но и настоящими дикими утками они тоже еще не успели стать. Летели от охотников далеко, но все-таки подстрелить можно.

Именно на этих инкубаторских уток с барского стола мы и охотились. Заезжали на своей моторке в большой залив на Волге точно напротив Козлово и ждали, когда нам на голову сядут брежневские питомцы. А те, как правило, не заставляли себя долго ждать.

Сам Веселов неизменно становился на берегу залива, а мы на «казанке» заходили в здоровенный травяной остров – не в середине, но и не совсем у берега. Анатолий Иванович стрелял из двустволки и всегда был с трофеями. Стрелок, я думаю, он был отменный. Оно и понятно – уж этому-то в личной охране Сталина вполне можно было научиться. Бывает, за всю охоту разок-другой выстрелит, и все. А мы палим-палим, все никак не подобьем. Потом собираемся, смотрим, а у Анатолия Ивановича две утки. Два раза выстрелил – две штуки есть. И у нас на двоих две.

Дело в том, что мы с Вовкой стреляли из двух ижевских автоматов. Стрелки мы были явно похуже и потому-то вдвоем едва сбивали больше уток, чем сам «шеф». Патронов зато расстреливали страшное количество. Подчас до полутора сотен каждый. Утки вылетали, как всегда, неожиданно и откуда ни попадя. В результате приложить ружье к плечу не всегда удавалось удачно, да и после третьего-четвертого подряд выстрела это в любом случае было сложновато. Ружье лягалось как хороший жеребец, отбивая все плечо. После первой сотни выстрелов на плече стабильно возникал здоровенный синяк, кожа местами лопалась до крови. Вот как охотились! Один раз втроем после подобной охоты мы приволокли с собой на дачу более сорока уток. Но это был исключительный случай, для нас не типичный.

Некоторые из этих охот сопровождались различного рода нештатными ситуациями. То есть приключениями. По счастью, ни одно из них не окончилось плохо.

Однажды я получил хороший урок, как осторожно надо вести себя в лодке и в целом на воде. В тот раз охота уже кончилась, мы с Володькой завели

моторку, подъехали к Веселову, взяли его на борт и отправились домой. Володька предложил на выходе из залива пройти поближе к левому берегу – вдруг поднимем уток. Вообще-то стрелять уток с мотора запрещено, но в этот раз Веселов что-то раздобрился. Я тем более был не против. Еще парочка уток нам совсем не помешала бы.

Мы зарядили ружья. Веселов сидел впереди вместе с Вовкой и рулил (руль был выведен вперед). Я же сидел на заднем сиденье и сжимал в руках свой автомат. Мы уже почти прошли пустые кусты, свешивавшиеся в воду, как из-под них нашим же курсом и параллельно нам взлетели несколько уток. Веселов и Власов выстрелили, но промазали. Что было и неудивительно, лодка уже почти прошла эту стайку, целиться надо было немного назад.

Я же немножко замешкался. Сидя было трудно стрелять, я бы точно промазал, если бы так изогнулся. Поэтому я чуть привстал, развернулся налево и только тогда выстрелил. Конечно, тоже промазал. Но самое ужасное – это то, что точно в момент выстрела Веселов (или Власов) вильнул рулем направо.

Теперь-то, к концу жизни, я уже стреляный воробей и научился бояться совпадений. Именно из-за них и происходят все неприятности. Обычно ведь мы не рассчитываем, что может произойти совпадение нескольких нежелательных обстоятельств. Такая возможность рассматривается каждым нормальным человеком как невероятно малая. Которой можно пренебречь. Но на самом деле пренебрегать не надо, это может оказаться довольно опасно. Конечно, как правило, никаких совпадений не происходит, и все кончается хорошо. Но иногда судьба распоряжается иначе. Человек переходит дорогу где не надо, а тут же вдруг ни с того ни с сего у кого-то отказывают тормоза. И будьте любезны. Или чуть-чуть застудил плечо. Ну что тут такого особенного? Вроде бы никакой угрозы здоровью нет. Но это мы так считаем. Как известно, человек предполагает, а Бог располагает. Конечно же, тут же совершаешь неудачное движение, которое и не должен был делать. В результате чуть воспаленное плечо плюс незапланированный рывок оканчиваются обрывом мышцы.

И тут, на этой охоте все было бы хорошо, если бы я не привстал, если бы утки вылетели не сзади, уже за прошедшей лодкой, а пусть хоть чуть-чуть впереди. Еще было бы хорошо, чтобы Власов сделал маневр рулем за секунду до моего выстрела. Или секундой позже. Видите ли, ему показалось, что мы там во что-то можем врезаться. Все эти и по отдельности не очень вероятные события вместе, в одно мгновение вообще по теории вероятностей никогда не должны были случиться. Но вот случились. Все сошлось в этот раз именно на мне.

От отдачи и этого влияния «казанки» я потерял равновесие и стал съезжать по лодке прямо под мотор. Тот ревел, шум стоял совершенно невыносимый.

Так что моего крика никто бы и не услышал. Более того, кричать вообще не было времени. Все, что я успел сделать, это схватиться за «утку» на борту левой рукой. «Утка» – это такой кронштейн, на который наматывают веревку, когда закрепляют «казанку» на пристани. Очень удобный кронштейн, их обычно на «казанке» четыре, по два на каждом борту. Если за них берутся четыре мужчины, то «казанку» можно поднять и перенести.

За «утку»-то я схватился. Но в правой руке я держал ружье, причем палец со спускового крючка было совершенно невозможно снять. Если бы я стал перехватывать руку, то точно утопил бы ружье.

Все это произошло в доли мгновения. Еще чуть-чуть, и я стал постепенно сползать с лодки и наконец вообще оказался за бортом, в воде. Мелькнула мысль, что меня сейчас рубанет винтом. Однако так получилось, что я сполз в воду по левому борту и до мотора слегка не достал. Еще мгновение мне казалось, что на одной руке удастся удержаться, а мои охотники почувствуют, что лодка сбросила ход, оглянутся, и все будет в порядке. Однако тяга двигателя оказалась очень сильной. Меня буквально через секунду оторвало от лодки и развернуло. По инерции я ушел под воду с

головой. Правая рука сжалась, палец нажал на спусковой крючок. И ружье выстрелило...

Самого выстрела я не услышал, голова была уже под водой, но почувствовал отдачу правой рукой. Тут я ждал сильного удара по голове, но этого почему-то не произошло. На мое счастье, как оказалось, в момент этого случайного выстрела конец ствола еще чуть-чуть торчал над водой. Судьба опять заглянула мне в глаза, но отвернулась и не прихватила меня с собой и в этот раз. Если бы выстрел произошел под водой, меня гарантированно бы оглушило. И я просто пошел бы ко дну как топор.

Я вынырнул и увидел, как мой катер удаляется, а Веселов с Володькой продолжают сидеть ко мне спиной. На мой дикий крик они тоже не среагировали. Было такое чувство, как будто они неживые, ничего не слышат и не видят. А просто сидят в лодке как деревянные истуканы.

Надо было спасаться самому. До берега было, в общем, недалеко, метров восемьдесят или даже поменьше. Но я был в резиновых высоких сапогах, достаточно плотно одет и главное, продолжал держать в руке ружье. Было ясно, что тут еще глубоко. Бросить ружье? Я решил, что это еще успеется, и начал подгребать к берегу. При этом закинул ноги назад как можно дальше, и в результате сапоги превратились как бы в пузыри, которые поддерживали меня на плаву. Но было ясно, что так долго продолжаться не может. Одежда намокнет и потянет меня на дно.

Я сделал осторожное движение рукой, как бы по-собачьи. Все нормально, ко дну пока не иду, ружье держу, и даже потихоньку двигаюсь к берегу. Я немного осмелел и стал грести энергичнее. Проплыл метров двадцать, оглянулся. Мои товарищи по охоте, как оказалось, сделали огромный круг и на полной скорости уже летели ко мне. Я проплыл еще метров пятнадцать-двадцать, и, когда увидел, что катер близко, попытался встать на дно. Теперь уже можно было рискнуть. Если что, все равно вытащат. К счастью, я смог достать до дна. Воды было по грудь. Спасен! Я скорчил постную мину, представляя, как надо мной будут теперь насмехаться до конца моих дней мои товарищи. Поднял над водой ружье и, пытаясь изобразить какой-то юмор, медленно вылил из ствола воду.

Приключение окончилось. Меня затащили на борт. Тут однако заглох двигатель. Его удалось завести чуть ли не через час. Кстати сказать, после этого эпизода он так и работал с перебоями. Лишь потом выяснилось, что пострадал один из конденсаторов. Не захочешь, а поверишь в сверхъестественное. Для себя я объясняю эту поломку тем, что перенапрягся и каким-то сверхъестественным образом пережег конденсатор. Тем более, что подобные истории происходили со мной как до, так и после этого происшествия.

В конце концов мы благополучно доехали до Веселовской дачи. Там нас, как всегда, ждал вышеописанный необычный стол. Но вкуса еды и даже водки я не чувствовал. Наступила разрядка, стало ясно, что уже ничего плохого сегодня со мной не произойдет. И только тут я в полной мере осознал, как недалеко был от перехода в мир иной.

Надо мной все незлобливо подтрунивали, как бы не желая слишком уж задеть. Но это было еще более обидно. И подтрунивают так и до сего дня. Конечно, только те, кто знает о моей стрельбе по уткам из-под воды.

Кстати, Вовка так описывал это событие. Он услышал сзади один выстрел, потом другой. И по звуку понял, что этот второй выстрел был направлен не в сторону уток. «Что, утки еще с какой-то другой стороны?» – именно с этой мыслью он оглянулся назад, чтобы осмотреться. Но вместо уток увидел, что из воды торчит конец ствола ружья, из которого поднимается дымок. А меня самого на заднем сиденье моторки и нету! Только пузыри по воде, да еще этот стреляющий конец ружья. Чтобы не пороть горячку, Веселов и Вовка решили сделать круг побольше и спокойно подойти в тому месту, где я булькнул в Волгу. Наверное, это было очень разумно, так они точно держали в поле зрения место моего невольного ныряния. И даже в самом худшем случае могли попытаться меня спасти. Но я-то увидел только их спины, когда это решение было уже принято. В результате мне показалось, что они вообще не заметили ни моей стрельбы, ни исчезновения.

Сказать честно, я об этом происшествии так легко рассказываю. Но совсем не так легко вспоминаю. Когда вспоминаю, весь содрогаюсь от одной мысли о том, как меня мог бы порубить винт моторки. Или как бы я шел на дно, оглушенный собственным выстрелом. Как только пронесло, до сих пор не пойму. Вот, бывает же, везет.

Незванные гости и сеточка

Там же, в пресловутом заливчике, где летали брежневские дикие утки, с нами происходили и другие приключения. Как-то раз, более двадцати лет назад, мы с Володькой стояли все на том же травяном островке и пытались подстрелить этих самых залетных брежневских уток. Охота что-то не клеилась, утки не летели, мы только понапрасну крутили головами и кормили комаров. Сам Веселов в этот раз с нами на охоту не поехал. Так что мы там действовали совершенно самостоятельно. Конечно, никаких путевок или разрешений на ведение охоты мы не имели. Да никто и не думал у нас их проверять. А если бы проверил, мы бы либо сослались на договоренности Анатолия Ивановича с местным начальством, либо вообще бы ничего не сказали, пусть как хотят, так нас и оформляют. А потом через Веселова решили бы все проблемы должным образом.

Почему утки в тот день не летали, я уж и не знаю. Хотя догадываюсь. В других охотничьих хозяйствах я тоже видел таких диких уток, разведенных в неволе. Это не такой уж и редкий случай. Так вот, эти утки, если их не тревожить, ведут себя в целом как домашние. Плещутся себе в каком-нибудь заливчике, у бережка и ждут корма. Их достаточно регулярно подкармливают, так что голодных там нет. И нужды добывать себе пропитание так же, как это делают все другие по-настоящему дикие утки, у них тоже нет.

Рядом с кормежкой, как правило, имеется прудик побольше размером. Может быть, даже большой пруд или озеро. Туда эти утки тоже заглядывают. Благо все рядом. Там можно вдосталь порезвиться на просторе, полетать немного, понырять. В общем, развлечься и размять себе крылья и лапы.

Однако все это устроено именно таким образом совсем не случайно. Не думаете же вы, что таких уток разводят просто так, чтобы пополнить фауну наших озер и рек. Нет, конечно, никто ни о какой фауне не думает. Дело тут совсем в другом. Уток, в том числе диких, достаточно просто разводить. Один раз наладил, чтобы тут высиживались яйца и вылуплялись птенцы, вот и все. Дальше все просто. Дикая утка – более благодарное существо, чем домашняя. Она не требует к себе какого-то особого отношения. Она и без помощи человека способна выжить в тяжелых природных условиях. А тут и вовсе для нее все просто. Хищников гоняют прочь. И к тому же чем-то еще и кормят. Тут все сойдет – и зерно, и недоеденный хлеб, и прочие пищевые отходы. Главное, чтобы имелось производство, где такие отходы возникают.

Конечно, подобная утка никогда не разьестся так же, как домашняя. И к тому же еще может удрать на соседний пруд или озеро. А там ее запросто либо съедят хищники, либо подстрелят чужие охотники. Но это неизбежный риск и естественная убыль такого особого продукта, как дикая утка.

Наконец утята подросли, оперились, поднабрали веса. Короче, превратились, по крайней мере, по виду, в настоящих диких уток – желанную добычу любого охотника. Но эти утки все еще ведут домашний образ жизни. То есть сидят поближе к тому месту, где их кормят. В лучшем случае перелетают на близлежащий прудик, который я только что описал.

И вот наступает день икс. В этот день запланирована охота. Местным охотникам наши дикие утки задаром не нужны. Чего на них охотиться? В любое время подошел к месту кормежки, схватил любую утку прямо руками, тут же свернул ей шею и отправляй на кухню. Нет, местным такая утка как добыча на охоте ничуть не нужна. Но кроме местных охотников еще бывают и заезжие. Особенно из столицы, всевозможные начальники и их дружки. И вот они заявляются в охотхозяйство со своими ружьями, а также женами (любовницами), детьми и лакеями. Глаза у них горят, они готовы показать все свое охотничье умение. Любого из них спроси, что они знают об известном охотнике Фиделе Кастро. И они знают, не сомневайтесь! Все газеты и журналы в свое время обошла фотография, где известный революционер стоит обвешанный убитыми утками. Ну как не повторить подвиг команданте! Конечно, очень хочется.

Для этого имеются все условия. Надо взять побольше патронов и отправиться к тому самому заветному пруду, в котором уток не кормят. Но который находится недалеко от этого места кормежки. Подойдешь, и глаза разбегаются. Вся поверхность пруда усеяна утками. Они плавают, плещутся, роются в прибрежных кустах, ныряют там и сям. Их тут может быть сотня. Или две сотни. А может быть, и больше. И, что самое главное, эти утки совершенно не обращают внимания на охотника. Для них охотник, ружье, выстрелы – это пока неизвестные величины. Чего бояться охотника, если он так похож на местного дядю Васю, который задает корм каждое утро и каждый вечер?

Что происходит дальше, читатель может домыслить сам. В любом случае понятно, что такой охотник пустым с подобной охоты не уйдет. И можете поверить мне на слово, в таком городе, как Москва, очень даже многие товарищи могут похвалиться фотографиями, на которых они выглядят ничуть не хуже самого Фиделя.

Должен признаться, что я в своей жизни бывал на нескольких таких охотничьих базах, на которых разводили для охоты диких уток. На брежневской не бывал. Туда могли зайти только избранные. А такие, как я, могли только подстреливать уток, которым удалось избежать избиения от рук высокого начальства. Кстати, в литературе хорошо описано, как именно сам Леонид Ильич охотился на этих «диких» уток. Садился в моторку, на самый ее нос. Точнее, в том случае, который был описан, он ложился на живот. И

брал в руки именно автомат, автоматическое ружье. Может быть, даже похожее на то, которым пользовался и я.

И вот моторка, которой управлял надежный человек, с генсеком, разлегшимся во весь рост и высунувшим свое ружье вперед, на полном ходу выскакивала на просторы такого пруда, где гуляли описываемые утки. Те немного пугались мотора, пытались нырнуть, удрать. Или взлетали. Леонид Ильич брал их на мушку и пристреливал тут же на месте, ровно столько, сколько удавалось. По каким-то он, ясное дело, мазал. Но в целом утки были домашние и пытались удрать уже на слишком небольшой дистанции. Тут даже малоопытный охотник не всегда промажет. Насколько я знаю, охота считалась достаточно удачной, если количество подбитых экземпляров переваливало за сотню.

Как-то раз мне удалось побывать в хозяйстве, где охотился сам Подгорный. Современный читатель, наверное, уже и не знает, кто такой был Подгорный. А может быть, и знает. Но нелишне и напомнить. Подгорный был Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Вообще-то это была довольно номинальная должность. Промышленностью или сельским хозяйством, а пуще того обороной тут руководить не приходилось. Но это были все награды, все крупные форумы, в целом партийно-хозяйственная тусовка. То есть Подгорный был не последним человеком в СССР.

Одна из охотничьих баз, куда он, бывало, заезжал, располагалась недалеко от подмосковного города Серпухова. А мой отец и сам был родом из этого городка, точнее, из деревни, которая находилась неподалеку. И вот он как-то договорился заехать в это самое охотхозяйство. Но не на охоту, а просто так, грибов пособирать. Зона там была закрытая, так что грибов было видимо-невидимо.

Там же мне показали и место, где охотился сам Подгорный. К моему удивлению, прудик, где плавали утки, был довольно небольшой, хорошо, если метров сто в длину. А в ширину и вовсе метров пятьдесят. Утки там действительно плавали в изобилии.

– И что же, Подгорный подходит к берегу этого маленького водоема и пристреливает уток прямо на воде? – с недоумением спросил я местного егеря.

– Нет, он так не любит. Он никогда не стреляет в утку, сидящую на воде. Подойдет к пруду, да как засвистит! Прямо как Соловей-разбойник. Откуда только он научился так свистеть?! Утки тотчас же взлетают и начинают кружиться вокруг прудика. Никуда не улетают, как правило, а тут же и вертятся. То отлетят подальше, а то вновь норовят сесть назад. Вот тут-то их Подгорный и бьет, но только влет, никогда по сидячей. Штук десять подстрелит, и хватит, охота закончена.

Я слушал этот рассказ и дивился скромности формально второго или третьего лица в государстве. Маленький прудик, всего десяток уток. Очень скромно, нечего сказать. Слушая рассказ местного егеря, я прихлебывал из бутылки темное чешское пиво. Охотиться на прудике самого Подгорного нам никто не разрешал, да мы и не претендовали. Но вот угостить из его запасов нас угостили. В частности, тем самым пивом. Тогда это был довольно дефицитный товар на советском пространстве. Не просто импортное чешское пиво. Но еще и темное. До чего же оно было вкусное, просто невозможно описать! Такое немножко терпкое и одновременно сладковатое. Но в меру, именно настолько, чтобы не испортить букет.

Хотите верьте, а хотите – нет, но после того я много раз пытался найти такое же пиво. Побывал за свою последующую жизнь в очень разных странах. И во многих случаях покупал темное пиво, для пробы. Но никогда так и не смог найти чего-то похожего. То, из запасов самого Подгорного, было самым бесподобным. А может быть, просто тогда была особая обстановка, потому оно и показалось таким вкусным? Может быть, может быть, этого я тоже не исключаю.

Пришлось мне как-то попасть и еще на один такой прудик, тоже под Москвой, но на этот раз в другом месте. Километров эдак шестьдесят по Ярославскому шоссе, не так далеко от Загорска. И там тоже выращивали диких уток. Пруд там был, однако, огромный. Не до горизонта, но метров там было много, чуть-чуть не километр. А высокие начальники приезжали и стреляли тут уток почему зря. На этот раз у нас был план не только посмотреть на этих уток, но и подстрелить немного. Пусть не на воде, а рядом. Все равно это должна была быть легкая охота. Но, к моему сожалению, она в тот раз сорвалась. Так получилось, что на тот же прудик собрался заехать и поохотиться не кто иной, как Георгадзе. Тоже из Верховного Совета СССР. Но не председатель, а всего лишь секретарь. Однако его фамилия была указана на всех документах, которые подписывал Подгорный. Так и шли они подряд, один за другим: «Подгорный», а чуть ниже «Георгадзе».

По фамилии нетрудно догадаться, что Георгадзе был самым настоящим грузином. И значит, персонажем, который особо следит за всевозможными статусными факторами. Задеть статусные вещи с ним было просто опасно. А неудачная утиная охота была, конечно же, покушением на его особый статус. Короче, нам предложили не пугать уток, которых собирался вскоре пострелять этот самый грузин. Мы не стали спорить. Тем более, что нам объяснили, что Гергадзе любит подстрелить не десяток уток, а не меньше сотни. Для него это тоже был элемент его особого статуса, положения в обществе. Вот так, сам Подгорный обходился десятком уток и небольшим прудиком. А его секретарь охотился на огромном пруду и считал, что его

социальному положению соответствует только сотня убитых невинных птичек. А сам съесть мог только половину одной утки, не больше.

Я, как всегда, отвлекся. И опять прошу читателя мне это простить. Что-то вот накатило, давнее и такое одновременно близкое. Все эти утки, пруды, охоты. Пиво еще! И я не удержался, описал кое-что. Еще раз прошу прощения за несдержанность.

Возвращаясь к нашему повествованию, напомним, что мы с Володькой Власовым стояли на своем плавучем острове и ждали, когда к нам прилетят брежневские утки. Можно было не сомневаться, что в пределах охотничьего хозяйства они имелись в достаточном количестве. Но, видимо, в тот раз на них там никто не охотился. Никто их не тревожил, не сгонял с обжитых мест. Куда же тут улетать, от кормушки и уютного пруда?! И утки никуда не летали. В том числе и в нашем направлении.

Мы же томились без добычи и даже без единого выстрела. Хоть бы вдали увидеть какую-нибудь дичь. Но нет, небо до горизонта было удручающе пустым. Только чайки да вороны. А мы с Володькой злились все больше и больше. Злились на наши обманутые ожидания, потерянное напрасно время. И представляли, как усмехнется Веселов, когда мы пустые заявимся назад на его дачу. Он-то умный, не поехал. «Ну что, съездили сами? Куда же ваши утки подевались? Попрытались от таких известных охотников, как вы?» – скажет с усмешкой он. А мы будем только отворачиваться и стыдливо помалкивать.

Все эти наши невеселые размышления вдруг прервало одно довольно необычное событие. Для начала мы увидели «Москвич», который немного неуверенно двигался по противоположному берегу залива, который был от нас метрах в четырехстах. На крыше «Москвича», на специальном багажнике, красовалась ярко-красная надувная лодка. Прямо напротив нас автомашина остановилась и из нее вылезли двое мужчин среднего роста и возраста. Из-за расстояния мы не слышали их разговора. Но было понятно, что они оглядывали наш заливчик и даже примеривались к нему. Махали то в ту, то в другую сторону рукой и что-то поясняли друг другу.

Беседа кончилась тем, что эти ребята стали отвязывать свою лодочку и в конце концов стащили ее на воду. Потом закрыли машину и, взяв какие-то принадлежности, влезли в свое резиновое судно. Все это происходило, как я уже отметил, довольно далеко от нас и никак ни нас, ни нашей охоты не касалось. Было понятно, что это заявили какие-то рыбаки. Ну и пусть себе ловят, места всем хватит.

Однако наши ребята, забравшись в лодку, начали довольно энергично грести по направлению к центру залива. Это все равно было далеко от нас. Но уже немного нас касалось. Лодка была исключительно яркой. Если такая

встанет в центре заливчика, то те утки, которые до этого собирались тут приземлиться, могут и передумать.

Конечно, залив не был нашей собственностью. Более того, у нас не было никаких путевок или специальных разрешений на эту охоту. Да даже если бы и имелись, мы бы не могли потребовать, чтобы другие люди освободили все водное пространство. Потребовать не могли. Но попросить было вполне возможно. Это было бы в пределах разумных взаимоотношений как охотников между собой, так и охотников с рыбаками.

С другой стороны, до центра залива от нас было не меньше двух сотен метров. Ну что, орать, чтобы кто-то не выезжал и не становился там ловить рыбу? Для такой просьбы было явно далековато. Тем более, что все равно уток не было никаких. И мы продолжали молча наблюдать за пришельцами. Хотя Володька встал на носу лодки во весь рост и тем самым как бы обозначил, что тут тоже имеются люди.

Рыбаки довольно резво доплыли до середины. Но там не остановились, а продолжали энергично грести дальше. А дальше был только наш плавучий остров. Вдруг и мне, и Вовке стало совершенно ясно, что они именно к этому нашему острову и направляются.

Ребята гребли и при этом достаточно весело болтали. События стали приобретать довольно неприятный оборот. Похоже, вся наша охота скоро будет окончательно и бесповоротно испорчена этими товарищами.

Нас взяло зло. Мы тут прячемся-прячемся, маскируемся-маскируемся, а эти деятели со своей рыбалкой нам сейчас весь остаток охоты сорвут! Володя наконец не выдержал, и, когда до лодки осталось метров сто, начал махать рукой и довольно громко объяснять, что тут идет охота и рыбачить не надо. «То есть можете рыбачить, но не надо подплывать к нам слишком близко. Залив огромный, что, тут мало места? Встаньте хотя бы метрах в двухстах от нас, пожалуйста».

Те, однако, как глухие никак не увещевания Володьки не реагировали, а все гребли себе и гребли. Только болтать перестали. То есть они нас хорошо видели и слышали. Но все равно плыли именно к нам. Наконец они и вовсе подплыли и встали с другой стороны нашего травяного острова, метрах в двадцати. Понятно, что с такими соседями об охоте можно было просто забыть.

Вообще-то, действия этих ребят были несомненно аномальными. Что-то тут было явно не так. Обычно так люди себя не ведут. То есть, конечно, в быту довольно часто встречаются наглецы и хамы. Пытаются влезть без очереди, отпихнут вас да еще обложат крепким словом. Но все равно это не бывает просто так. Это либо очередь за водкой, или еще какая-то подобная ситуация. А тут вызывающе наглое поведение имело место без каких-либо видимых

причин. Какая разница, где ловить рыбу? Что, рядом с нашим островком было что-то волшебное? Особое рыбное царство?

Все эти мысли пусть не прямо, но в любом случае косвенно возникли в моей голове. А Володька тем временем, прочно обосновавшись на носу нашего катера, затеял дипломатические переговоры с рыбаками. Со стороны он очень напоминал Ленина, как его обычно изображают скульпторы. С рукой, протянутой к аудитории. И выражением лица человека, взывающего к лучшим человеческим чувствам. Володька явно вошел в образ оратора на комсомольском митинге.

Однако его слова падали в полную пустоту. Он многословно убеждал рыбачков, а они только злобно огрызались и к тому же нецензурно бранились. Ситуация эта возмутила меня до глубины души. Вокруг был залив такого размера, что тут, не мешая друг другу, можно было разместить сотню таких надувных лодок. Нет, этим гражданам понадобилось подплыть именно к нашему острову и встать именно рядом с нами. При том, что других рыбаков на всем обозримом водном пространстве вообще не было. Действия этой пары явно выглядели как вызов, как желание что-то сделать нам назло. Впрочем, в том момент я еще не осознавал, что в их действиях присутствовал точный расчет. Это выяснилось только потом. А тогда я видел только беспредельную и беспричинную наглость. Которую очень хотелось пресечь.

Володька все продолжал свои беседы. Но толку не было никакого. Конечно, читатель может предложить мне десяток вариантов, как тут следовало поступить. Самым простым и вообще-то единственно реальным вариантом было сложить свои пожитки и убраться восвояси, оставив поле боя этим наглым захватчикам. Наверное, именно так и следовало поступить. Более того, скорее всего, именно это мы через несколько минут и сделали бы. Просто Володьке надо было убедиться, что на этих наглецов никакие уговоры и воззвания к их совести не действуют.

В общем, пока шла вся эта дискуссия, я сделал следующее: потихоньку приложил ружье к плечу. И выстрелил над головами наших оппонентов. Вообще-то, их голов я не видел за травой и выстрелил приблизительно. Думаю, дробь пролетела над их головами если и не в двух метрах, то все равно достаточно близко, чтобы понять что к чему.

Можете меня осуждать за этот неразумный поступок в полной мере. Хотя у меня была и другая логика. Вот мы стоим и ждем тут уток. А к нам подплыли на расстояние нескольких десятков метров рыбаки и намерены тут остаться. Их ясно предупредили, что мы охотники. То есть будем стрелять по уткам. А они все равно не отплыли на разумное расстояние. Выходит, они понимают, что мы сейчас начнем стрелять. И их это никак не беспокоит.

Конечно, скорее всего, утки не прилетят к нам, поскольку наша позиция украшена яркой резиновой лодкой. А если все-таки прилетят? Все-таки

рыбаки – это не просто туристы на пикнике. Они более или менее должны понимать, что такое охота и стрельба по уткам. Однако все равно не считают нужным отплыть на какое-то расстояние.

Может быть, с точки зрения безопасности охоты мы не должны были стрелять, когда рядом посторонние люди? Должен признаться, что я такого правила не знаю. Например, два охотника идут рядом. Вылетает утка. Могут оба стрелять? Конечно, могут, хотя расстояние между ними совсем никакое. А могут охотники на перелете встать друг от друга на расстоянии двадцати метров? Конечно, могут. Хотя не будут этого делать, чтобы не стрелять вдвоем в одну и ту же цель. А если в охотничьих угодьях рыбаки подплывают к охотникам, то как, те могут стрелять по уткам или нет?

Существует правило, что, когда охота окончена, ружья должны быть разряжены. А когда приближаешься к другим охотникам или просто к людям, то желательно еще и переломить ружье. Но это правило касается случая, когда охота окончена. А когда еще нет?

Для юридической чистоты этого моего выстрела скажем так: мне показалось, что в той стороне летит утка. Я по ней выстрелил. Но потом выяснилось, что никакой утки не было, а мне просто померещилось. Однако в результате этого моего выстрела рыбаки вдруг ясно поняли, что будет, если охотники действительно начнут стрелять по своим уткам. Будет по крайней мере морально неприятно. Даже если тебя и не подстрелят.

Володька, услышав за спиной выстрел, как-то дико повернулся и глянул на меня с немым вопросом. А я скорчил такую морду, что это вроде получилось чуть ли не случайно. В резиновой лодке, однако, произошли изменения. Один из рыбаков стал жутко ругаться и явно рвался подойти к нам и как следует разобраться. Его же приятель стал с ним громко спорить и предлагал убраться восвояси. Видимо, ему совсем не понравилось, когда над головой что-то летело с неприятным свистом.

Рыбаки продолжали яростно спорить между собой. Тем временем их лодка сорвалась с якоря и по ветру потихонечку выплыла из-за островка на открытую воду. Один с очевидным вызовом говорил, что сейчас подплывет к нам, и тогда мы пожалеем. Второй же уговаривал его не связываться с идиотами. Наблюдать за ними было довольно забавно. Володя продолжал стоять на носу и уговаривал их уплыть, хотя и в более миролюбивом тоне.

Чувствуя, что внимание мне больше не уделяется, я тихонько переключил на ружье отсекабель. Это такое устройство, которое позволяет в автоматическом ружье поменять один последний патрон в патроннике на другой. Например, охотишься на зайца и в магазине пять патронов с дробью. Вдруг появилась крупная дичь. Если просто вытащить последний патрон, то затвор автоматически дошлет в патронник следующий патрон из магазина, тоже с дробью. А тебе надо выстрелить картечью или пулей. Вот для этого и

придумали отсекаТЕЛЬ. Он отсекает патроны из магазина. Вытаскиваешь патрон с дробью из патронника и вместо него заряжаешь то, что надо, а отсекаТЕЛЬ не пускает остальные патроны.

Короче, я переключил отсекаТЕЛЬ, что можно было сделать очень тихо. Потом также очень остороженько стал передергивать затвор, чтобы освободить патронник от патрона с дробью. Затвор, однако, несмотря на все мои потуги, шелкнул довольно громко. Володька услышал этот звук, на мгновение замер и, обернувшись, поглядел на меня очень пристально. Потом вдруг кинулся ко мне с диким криком: «Володя, не стреляй, пожалуйста!»

Вообще-то, я и не собирался ни в кого стрелять. Ну, шелкнул затвором, поменял патроны! Даже еще и поменять-то не успел. Никакими своими действиями я не обозначил, что собираюсь в кого-то стрелять. Да это и было совершенно невозможно. Мы все-таки находились не в тайге и не на необитаемом острове. А рядом со столицей СССР Москвой. Тут никто не мог безнаказанно открыть стрельбу по живым людям. Даже если они мешали его охоте. Так что стрелять я, конечно, ни в кого не стал бы ни при каких обстоятельствах. Просто передернул затвор. Хотя не исключаю, что при подобных обстоятельствах другой на моем месте мог бы поступить иначе. Положил бы в патронник вместо дроби, например, пулю. И выстрелил бы ею в воду. Вы никогда не сидели в резиновой лодке, когда недалеко от вас в воду на скорости в несколько сотен метров в секунду попадает пуля весом в тридцать грамм? Ну и не пробуйте. Я думаю, не понравится. А если и после такого предупреждения все равно полезете драться со стрелком, то запросто можете заработать по горячей башке если не прикладом, то уж веслом, это точно.

То, как именно Володька заорал и кинулся ко мне, оказалось для наших рыбаков убедительнее всех дипломатических увещаний. Что-то, надо полагать, вмиг перешелкнуло в их головах. Что именно, я не могу сказать. Но догадываюсь. Мне в моей жизни приходилось попадать под обстрел снайперов, а также находиться почти совсем под колесами бронетранспортера, за рулем которого сидел недружественный ко мне человек. Опишем эту ситуацию именно так, предельно мягко, кому надо, тот поймет. Но мои ощущения в эти моменты были не самыми приятными, можете поверить на слово. Очень живо себе представляешь, как вылезут под этими колесами твои кишки и затрещат кости.

Короче, спор мгновенно стих и оба бойца, не мешкая не секунды, стали бешено грести к своему берегу, где стояла их машина. Гребли они действительно очень быстро. Я поначалу думал, что ребята просто отплывут подальше и все равно будут рыбачить. Все-таки приехали, лодку спустили на воду,плыли столько. Но, кажется, охота ловить рыбу у них совсем пропала. Они быстро подплыли к берегу, выхватили свою лодку из воды, кое-как

приладили кверху своей машины и полетели восвояси. Только пыль взвилась. Надо ли говорить, с каким злорадством наблюдал я за этим бегством с поля боя?!

Володя, однако, мне не сказал ни слова. Он даже не попытался ничего со мной обсудить. Да о чем тут говорить? Так и в жизни, без ружья, сплошь и рядом бывает. Кто-то слишком обнаглеет или полностью потеряет совесть. Его увещевают да уговаривают, но ничего не помогает. Наконец находится кто-то, который понял, что наглеца разговорами не окоротить. И просто дает тому по морде.

Конечно, по морде бить нехорошо, а то и противозаконно. Но, с другой стороны, что мы с вами никогда не встречали такой ситуации? Причем нередко никто из участников подобного конфликта потом ни к какой милиции не обращается. Если, конечно, травмы вписываются в пределы разумной нормы.

Я описал этот случай не зря. Все-таки мы говорим об охоте. А охота – это далеко не только стрельба по дичи. Это еще и безопасность. Но и этого мало. Охотник – это человек, вооруженный огнестрельным оружием. Которое, кстати, является источником повышенной опасности. С юридической точки зрения это означает, что во всех спорных ситуациях вина охотника предполагается, если он не сможет доказать обратное. Это довольно необычный юридический случай. Как правило, ответственность не возникает без вины. Если гражданин не действует умышленно с целью причинить вред или если он хотя бы не должен предполагать, что его действия нанесут вред, то никакой ответственности быть не должно. Но только не тогда, когда речь идет об источнике повышенной опасности. В том числе об автомобиле или ружье. Тут его владелец всегда априори виноват. Если не докажет, что не виноват. То есть никакой презумпции невиновности, зафиксированной, кстати, в конституции. Как правило, в любой конституции.

Но вот вы вооружены ружьем и вдруг попадаете в ситуацию, где совершается что-то не то. Если преступление, то тут попроще. Просто не надо забывать про пределы необходимой обороны. Если у вашего противника нож, то еще надо сначала подумать, стрелять или нет. Только если вы сможете доказать потом, что была реальна угроза вашей жизни.

А если просто происходит какая-то ерунда, вроде только что описанной мной ситуации, когда кто-то ведет себя явно аморально, но не противоправно? Ну, тут уж сами решайте, что делать. Чаще всего разумно ни с кем не связываться. А можно ли поугагать? В этом случае вы должны сначала четко оценить ситуацию – насколько можно вас потом обвинить в умышленных действиях. И доказать это. Например, в моем случае я утверждаю, что видел утку и по ней и стрелял. А никаких людей и не думал пугать. Я ведь им никакими словами угрозы не высказывал? Нет, не

высказывал. Ну, а если испугались сами, то винить некого. Подъехали к охотникам. Значит, должны быть готовы, что те будут стрелять по уткам. А потом передернул затвор? Но не выстрелил же в воду. А если бы и выстрелил, что с того? В людей ведь не целился? Нет, не целился. Грозил? Нет. А зачем в воду стрелял? А там утка была, ныряла-ныряла, да так и уплыла.

Но, подводя итог вышеизложенному, я все-таки рекомендую людям, которые вышли на охоту, осторожнее применять оружие. Или даже просто им грозить. Могут быть неприятности. В нашей стране не очень поощряется, когда граждане защищают свои права с помощью оружия, даже если владеют им на законном основании и даже если существует реальная угроза противоправных в отношении них действий. Наверное, власть думает, что если такое разрешить, то люди в один прекрасный момент могут и ее, эту власть, погнать под зад куда подальше. Иного объяснения этому феномену у меня просто нет. Кстати, в конституции США есть положение о возможности применения оружия населением против собственной власти. И ничего, живы-здоровы. Значит, можно такое право записать.

Однако эта история на бегстве наших рыбаков не окончилась. Хотя казалось, что все уже позади и никакие новые происшествия нам не грозят. А дальше было вот что.

Мы еще постояли часок-другой. И наконец в полной мере убедились, что никакой охоты в этот день не будет. Ну, не будет значит не будет. Бывает и такая охота, когда ни разу выстрелить и не удастся. Тогда приходится довольствоваться тем, что вы вышли на свежий воздух, хорошо размялись и отвлеклись от городских забот. Мы стали собираться домой. Я взял весло и стал выталкивать нашу моторку на чистую воду. А Володька взялся за мотор, стал подкачивать бензин и примеряться, как его поудобнее дернуть и завести.

Лодка в конце концов, хотя и не без труда, выползла на чистую воду. Я последний раз оглядел окрестности. Уток все не было. Надо было убираться восвояси. Мотор завелся довольно легко. Володька перебрался на руль, который располагался впереди, а я разлегся сзади, готовясь к довольно длинному переезду. До нашей дачи было не меньше часа пути.

Мы дали газ, мотор заревел и катер легко, за несколько секунд вышел на глиссирующий режим. Выход из залива был ясно виден, и нас от него отделяло всего несколько сотен метров совершенно чистой воды. Однако Володька по какой-то причине направил лодку не туда. Я не знаю, что им руководило. И он тоже не думал пускаться ни в какие объяснения. Просто воспользовался тем, что за рулем именно он, и решил проплыть к выходу из залива не по прямой, как обычно, а по кривой. Вообще-то, в центре нашего залива не было никаких кустов. Так, отдельные листья водорослей. Могла там быть утка? Теоретически, конечно, могла. Но практически трудно было

предположить, что она там скрывалась в течение нескольких часов, практически у нас на глазах.

Тем не менее лодка описала довольно большую дугу. Я молча наблюдал за этой эволюцией, даже не напрягая свою голову, зачем это и почему. Просто разлегся на заднем сиденье и наслаждался жизнью, размышляя обо всем приятном.

Эти мои неторопливые мысли были прерваны тем, что звук мотора вдруг изменился. Не то чтобы он изменился сильно. Нет. Но достаточно для привычного уха, чтобы понять, что что-то произошло. Я дернулся и инстинктивно обернулся к мотору. Частой проблемой бывала сорванная шпонка. На ней крепился гребной вал. И если он налетал на жесткое препятствие, то шпонка ломалась, предотвращая разрушение деталей мотора. Тогда надо было вытаскивать мотор из воды, брать плоскогубцы, молоток, выколачивать срезанную шпонку и вставлять новую. Операция частая, хорошо освоенная. Но все равно неприятная.

Но это была не шпонка. Когда ее срезает, мотор сразу резко набирает обороты, ревет на холостом ходу. Ведь сопротивление воды исчезает. А тут происходило что-то иное. Мотор просто стал работать намного натуженнее. И лодка к тому же стала сбрасывать скорость, наконец и вовсе ушла с глиссирующего режима. Может, мы что-то намотали на вал? Это тоже довольно часто случалось. И ремонт был посложнее, чем смена шпонки. Надо было полностью снимать гребной винт и срезать то, что намоталось.

Володька тоже в недоумении оглянулся и одновременно сбросил газ. Лодка, однако, продолжала двигаться дальше, хотя намного медленнее, чем это должно было быть. Тут я обратил внимание, что за нами вдали тащились какие-то листья водорослей. Но не просто тащились. Они двигались вместе с нами и одновременно сходились между собой. Что еще за новость? Не могли же мы намотать такие длинные водоросли, чтобы они тянулись за нами на несколько десятков метров?

Володька наконец совсем заглушил двигатель и перебрался ко мне на корму. Мы только молча переглянулись и, не сговариваясь, вдвоем подняли мотор из воды. Нашим изумленным взглядам предстал тонкий шнур, который тянулся в две стороны от гребного вала. Он этот шнур не намотал и не перебил. А просто зацепил и потащил за собой.

– Сеточка! – почти одновременно вырвалось у меня и у Володьки.

Да, это действительно была самая настоящая рыболовная сетка. Мы стали вдвоем осторожно затаскивать ее в лодку. За капроновой нитью потянулось и все остальное. На самом деле первое, что мы увидели, была рыба. Это была довольно крупная плотва, в полкило весом, никак не меньше. Потом показалась и все сеть, которую мы с особыми предосторожностями погрузили в катер.

В сетке трепетало еще не менее десятка рыбок. Но это тоже была плотва, и тоже примерно такого же размера, как и первая. «Как будто из магазина, одна к одной», – невольно подумал я.

Однако что же это за такая сетка нам попалась? Сначала все это выглядело как беспорядочное сплетение толстых и тонких капроновых нитей, в которых и запуталась наша плотвица. Однако потом мы начали потихоньку распутывать сетку, вытаскивали рыбин одну за другой. И наконец сложили сетку как следует на дно лодки.

Сетка была что надо, очень недешевая. Грузы были аккуратно зашиты в чехол нижнего шнура. Делать это обычно довольно трудно. Но зато сетка намного меньше путается в этих самых грузах. Поплавки тоже были особые. Собственно говоря, поплавков и не было. А был верхний шнур, набитый чем-то плавучим, наверное, мелкой пробкой. Главное же – это то, что сетка была трехслойная. Так называемая «трехстенка». Средняя сетка была из довольно толстой капроновой нити и со средней по размеру ячейей. По обе стороны от нее были две сеточки из тонкой нити, уже с более крупной ячейкой. Смысл сетки заключался в следующем. Рыба попадала в среднюю сетку, тыкалась в нее мордой, но еще не застревала. А лишь останавливалась и пыталась отступить задним ходом. Не тут-то было! Она попадала плавниками в дополнительную тонкую сетку и вот тут-то уж точно запутывалась как следует. Вытаскивать рыбу из такой сетки было довольно трудно, она сильно перекручивалась. Но это было уже второе дело. Главное, что рыба попалась, а уж выпутать как-нибудь ее сможем.

Обычная рыболовная сетка работает иначе. У нее есть своя ячей. Если рыба мельче этой ячей, она проскочит через сетку. А если намного крупнее, то ткнется мордой, но не зацепится и отступит назад. Но такой фокус не проходил с нашей трехстенкой. Неважно было, мелкая подошла к ней рыба или крупная. И та, и другая успешно запутывалась и превращалась в нашу добычу.

Итак, в тот раз мы не подстрелили никаких уток. Но все равно не остались без трофеев. Сетка была очень ценным приобретением. Это сейчас можно купить такую сетку на любом углу. А тогда это был особый дефицит. Владелец сетки обеспечивал себя гарантированной рыбной добычей. В любую погоду и почти в любом месте. Причем относительно без труда. Не надо сидеть под дождем с удочкой и пытаться выловить хоть что-то. Надо просто забросить сеточку и пойти спать. А с утра выйти и вытащить с сеткой еще полведра замечательной рыбы.

Конечно, сетка, это заведомое браконьерство, незаконный лов рыбы. Но мы и не ловили никакой рыбы. Наоборот, мы фактически конфисковали браконьерскую сеть. Конечно, мы не рыбнадзор. И забрав сетку, мы ее не понесли куда надо, и не сдали. Но это было уже совсем другое. Все-таки

иметь сетку – это еще не совсем браконьерство. Вот пользоваться ею – это иногда именно браконьерство. И то зависит от места.

Наша лодка летела на всех парах назад, на дачу, а я предавался интересным размышлениям. А, собственно говоря, чья это сеточка? На ней ничего не написано. Может быть чьей угодно. Но не за ней ли приезжали мнимые рыбаки, с которыми у нас только что вышел конфликт? Если это была их сетка, то тогда все становилось на свои места. Они ее забросили на ночь, выбрав залив, где никого не было. Потом приехали снять. А тут мы со своими ружьями. Вытаскивать сетку при нас? Рискованно, все-таки речь идет о явном браконьерстве. И возможно, что эти ребята решили действовать иначе – сначала выжить нас из залива, а потом уж и сетку снимать.

Все их действия действительно выглядели скорее как попытка нас выдавить, а не как желание провести хорошую рыбалку. И они почти преуспели. Конечно же, скорее всего, любой охотник в подобной ситуации махнул бы рукой и уехал восвояси. И мы бы уехали. Единственно, я повел себя не совсем так, как должен был бы. И в результате первыми сдались эти «рыбаки». Видимо, решили не связываться, а приехать чуть попозже и вытащить свою сетку с двойной добычей. Больше постоит – больше рыбы попадет.

Но вышло иначе. Мое плохое поведение было неожиданным образом вознаграждено. Почему-то я восстал против рыбаков и сам выпер их из залива. Почему-то Володька против обыкновения сделал на моторке круг и в результате подцепил эту сетку. Не захочешь, а поверишь в перст судьбы. В результате мы стали обладателями замечательного орудия лова. Которым в дальнейшем не раз, хоть и с переменным успехом, пользовались.

Хотя сетка была явно на двоих, но как-то так само получилось, что Володька взял ее себе как бы на хранение. И потом все больше и больше обозначал свои особые на нее права. Кончилось тем, что так она и перекочевала к нему до конца. Но я не сильно и возражал. Не тот это был, по моим моральным меркам, случай, чтобы лезть в бутылку.

Подмосковный гарнизон

Кстати, на охоте бывали и такие случаи, когда я и сам становился жертвой чужой стрельбы. Один из таких случаев вполне можно пересказать нашему читателю. Помимо чисто развлекательной стороны такой читатель, как я надеюсь, сможет и в этом случае извлечь для себя какие-то полезные выводы относительно организации охоты, а также соблюдения правил безопасности.

Дело было в конце семидесятых. Я уже и тогда считал себя достаточно опытным охотником. Мой охотничий билет был выдан в 1970 году, то есть к тому моменту у меня было уже даже только официального стажа чуть не десять лет. Но стаж стажем, а возраст возрастом. Он был у меня почти детским, до тридцати. Поэтому остальными охотниками, особенно теми, кто меня не знал, я воспринимался как начинающий.

Лето выдалось достаточно жарким. А для охотника это значило, что открытие охоты переноситься не будет. Если лето холодное, то утята растут медленно и к середине августа еще не могут как следует встать на крыло. Тогда открытие охоты могут и перенести на неделю, а то и на две.

Открытие – это очень важное мероприятие. Каждый уважающий себя охотник старается в этот день оказаться в тех местах, где имеется утка. Понятно, что до этого момента дичь никто не пугает и она немного теряет бдительность. Это значит, что на открытии можно подстрелить хоть что-то. А потом, позже, в конце августа, в сентябре, уже запросто можно остаться без трофеев, сколько ни старайся. Часть уток уже убита. А остальные напуганы настолько, что летают только на большой высоте, где с земли они видны как небольшие черные точки. На ночевку они прилетают уже тогда, когда солнце полностью село и на воде совершенно темно. Куда уж тут стрелять, хорошо бы хотя бы не заблудиться и найти дорогу домой.

И вот к такому открытию охоты выяснилось, что нас приглашает командир одного подмосковного гарнизона. Речь шла о Кубинке. Это поселок по Минскому шоссе в нескольких десятках километров от Москвы. Там помимо прочего есть и военная часть, летчики. Отсюда и охота.

Вообще-то, были и другие варианты выехать на охоту. Нас звали в хозяйство, которое выращивало щук. Но оно было расположено довольно далеко, километров за двести с хвостом по Ленинградскому шоссе. А Кубинка – всего в шестидесяти. И Кубинка перевесила.

– А зачем выращивать щук? – как-то наивно спросил я у местного охотника.

– Без наших щук никакое разведение рыбы в прудах было бы совершенно невозможно. Щуки – это очень важный товар. Например, собрались вы разводить рыбу, карпа, карася, еще что-то. Выкопали пруд, все приготовили. Однако очень часто в таком пруду, помимо воли его хозяина, заводится

мелкая сорная рыба. Я уж даже и не знаю, откуда она возникает. В новом пруду, может быть, ее и не будет. А в старых прудах от нее невозможно избавиться. Это ерши, другие подобные мелкие рыбки. Они поедают икру карпа и карася, норовят сожрать мальков других рыб, которых вы решили разводить. Вот для борьбы с этими сорными рыбками и покупают щук. Платят за них хорошие деньги и пускают в свой пруд, где уже подросли ваши карпы. Их маленькие щурята сожрать уже не могут. А вот окунькам, ершам от них пощады нет. В конце же лета, когда спускают воду в пруду, чтобы выловить всю рыбу, заодно вытаскивают и щук. Они к этому времени уже толстые, поднагулявшие вес. И очень хорошо распродаются среди тех, кто понимает толк в этой рыбе и умеет ее правильно готовить.

Я внимательно выслушал это объяснение и, что называется, намотал себе на ус. А с тех пор уже не задавал вопросов, зачем и кому нужны щуки.

Но, повторюсь, в этот раз мы не поехали в щучий заповедник. Хотя там довольно неплохие места, приятная охота. И вполне гостеприимные хозяева. В чем мы уже к тому времени не раз убеждались. Они заинтересованы в том, чтобы привлечь охотников для отстрела уток, которые не прочь слопать всю щучью молодежь.

Итак, мы отправилось в это самое Кубинское хозяйство. Понятно, что местное начальство приглашало нас не зря. Хотело, наверное, наладить контакт получше, а потом, глядишь, и обратиться с какой-нибудь просьбой. На самом деле они совершенно напрасно шли таким сложным путем. К моему отцу можно было обратиться с любыми разумными просьбами и безо всяких охот. Он и так славился особой отзывчивостью и помогал каждому, кто в этом нуждался. Но раз уж пригласили на охоту, что теперь, отказываться? И мы решили нанести дружеский визит в этот самый гарнизон.

Собрались довольно быстро и на машине, прихватив с собой еще несколько знакомых генералов, тоже охотников, полетели по Минскому шоссе в эту самую Кубинку. Погода была замечательная, солнечная, середина августа. Самое время пострелять уток! Доехали за час, если не быстрее. Подкатили к воротам воинской части и после коротких переговоров с дежурным офицером заехали внутрь. Как нам объяснил дежурный, надо было проехать дальше, до большого пруда, и там на дамбе ждать местное руководство. А дальше действовать уже по его программе. Но начальство пока еще не подошло. Но должно было прибыть с минуты на минуту, дежурный уже позвонил и сообщил о нашем приезде. Охотники вышли из машин, закурили, о чем-то стали беседовать.

Ожидание затягивалось. Но никто не волновался, на отдыхе спешить некуда. Среди охотников мой отец был самый старший и по званию, и по должности. Но одет был довольно просто: спортивная курточка, простые серые брючки. Худощавый, невысокого роста. Разве генералы имеют такой

вид? Они согласно распространенному стереотипу довольно крупные особи, очень важные, вид имеют грозный. Собственно говоря, другие наши генералы именно так и выглядели. Да еще кто-то из них поехал прямо с работы и был в генеральской форме. Они стояли небольшой группой и о чем-то лениво спорили. А отец отошел в сторонку, сел на бережку и закурил, глядя на воду.

Тут к нашей компании довольно небрежной походочкой неожиданно, откуда ни возмись, вдруг подошел какой-то солдатик, судя по всему, из местного гарнизона. Вида он был довольно растрепанного. Явно гулял в свободное время. Вообще-то, такого с солдатами срочной службы быть не должно. Даже в выходные дни они не должны без дела шляться по гарнизону, тем более в расхристанном виде. Но вот этот как-то загулялся. Похоже, это была самая настоящая самоволка.

Солдатик подобрался к нам хоть и небрежно, но все-таки сторонкой, по бережку, и при этом с настороженностью поглядывал на генералов. Те тоже его заметили, но не подали вида и продолжали беседовать. Никто его не окликнул, никак не выразил своего удивления. Я однако стоял довольно близко и ясно уловил, как все из нашей компании как бы случайно, но глянули на эту местную достопримечательность.

Если бы на нашем месте были воинские чины попроще, майор, лейтенант, то солдату точно в этот же момент досталось бы на орехи. Но полковник, а тем более генерал, конечно же, с уважением относятся к своему воинскому званию. И, скорее всего, не будут снисходить до того, чтобы гонять одинокого заблудившегося военнослужащего. На это есть старшина, другие руководители. Есть, наконец, командир, в ведении которого и находится этот гарнизон.

Солдатик тем временем внимательно оглядел всех присутствующих. Однако, судя по всему, не счел, что ситуация опасная. Более того, он явно полагал, что остался совершенно незамеченным. Его взгляд в конце концов остановился на моем отце. Тут боец, видимо, решил, что вот это и есть подходящий объект для попрошайничества. Он подошел к отцу и довольно решительно присел рядом. Помолчал, потом просто сказал: «Закурим, дед?» Отец из себя никогда не строил важной птицы. Он просто вытащил пачку сигарет, дал пареньку одну и к тому же щелкнул зажигалкой. Тот с удовольствием затянулся.

Я стоял за спиной, в нескольких метрах и понимал всю комичность ситуации. Сейчас должен был подойти местный начальник, который нас пригласил на охоту. Понятное дело, он рассчитывал, что произведет хорошее впечатление на гостей. Но хорошее впечатление теперь могло не получиться. По гарнизону шлялись без дела беспризорные солдаты, к тому же довольно неопрятного вида. Они при этом приставали к генералам и попрошайничали у

них сигареты. В общем, отец незаметно хмыкнул и покрутил головой. Я внимательно наблюдал за этой сценкой и ждал, что будет дальше.

Солдат же затягивался своей сигареткой и явно наслаждался жизнью.

– Дед, ты что, с этой компанией приехал?

– Ну, да, вместе.

– Это что, генералы?

Отец повернул голову, посмотрел на своих товарищей по охоте как будто видел их в первый раз. Пригляделся, подумал секунду, потом скривил губу, как будто не признавал в них никаких генералов. И наконец вымолвил: «Да ну!» Это «Да ну!» могло обозначать что угодно. Что это хоть и генералы, но так себе, не особо важные птицы. Или что это вовсе и не генералы, а так, не пойми что, просто форма похожая на генеральскую.

– Что, на рыбалку приехали?

Отец утвердительно кивнул головой.

– Тут рыбалка ничего. Но только не на этом пруду. На этом всю рыбу давно выловили. Надо идти туда, где карпы. Там карпов запускают, подкармливают, а потом осенью всех вытащат и на рынок. Ух, как там клюет! Можно забросить даже просто крючок на леске с хлебом, вообще без удочки. Три минуты – и карп!

По всему выходило, что солдатик не только вольно гулял по гарнизону, но еще и промышлял рыбалкой в пруду, где разводили рыбу.

– Ты что, тоже с ними? Тебя-то зачем взяли? Помогать, что ли, будешь?

Надо отдать должное молодому парню, в его словах была своя логика. Если приехал вместе, почему не стоишь рядом с генералами? По чину не положено? Но, раз взяли, должен же ты какую-то пользу приносить! Ну, поднести сумки, развести костерок, сварганить уху. Помочь наладить удочки, наконец.

– Помогу, если смогу.

Такое объяснение удовлетворило собеседника, и он счел возможным поговорить на другую тему.

– Как думаешь, дедок, много порядка в авиации? Э, вам, гражданским, откуда чего знать! Так вот, запомни: там, где начинается авиация, кончается порядок!

Отец никак не среагировал на это высказывание. Хотя сам был не последним летчиком. Надо отметить, что я сам нередко слышал от летчиков эту поговорку про авиацию и порядок. Не думаю, что там нет порядка. Поговорка, скорее, отражает ситуацию, когда многие проблемы приходится решать не по стандарту.

Солдатик тем временем не унимался. Он взялся рассказывать про то, как много керосина уходит на военную авиацию, как все там дорого стоит. Как эти самолеты ломаются в одно мгновение, а строятся годами. Досталось и

пьяницам-пилотам, и жуликам-техникам. Только по поводу руководства военной части ничего молодой боец не сказал. Видимо, ничего не знал, не по чину было.

Я продолжал с интересом слушать беседу, точнее, монолог местного военнотружущего. Ничего такого кривоногого он, конечно, не говорил. Но сама по себе ситуация была интересной. Я каждую секунду ждал, что рядовой что-то отмочит, либо скажет, либо сделает. И напряжение этого ожидания увлекало само по себе.

Солдат совсем увлекся рассказом про авиацию и авиаторов. Его высказывания показались интересными не только мне. Наши охотники потихоньку-потихоньку тоже подошли ко мне и стали внимательно прислушиваться. Но оратор уже не видел никого и ничего, а только увлеченно рассказывал секреты местного гарнизона и его обитателей. Вся наша группа стояла у него за спиной и была вне поля его зрения.

В самый разгар выступления наконец появился командир части. Это по виду был настоящий матерый вояка, «полкаш», как таких нередко называют. Возраста лет под пятьдесят, в вылизанной форме, весь такой целеустремленный и решительный. Не послушаться его приказов было, наверное, совершенно невозможно. Он бодрим шагом направился к нам, видимо, готовый произнести хорошую приветственную речь. Но по мере того, как он подходил, выражение его лица начало меняться. Сначала это была радостная улыбка во все лицо и самые приветливые глаза на всю округу. Потом там появилась какая-то тень недоумения. Он, видимо, уже заметил, что наша компания не просто стоит, а чем-то таким особым занята. Потом он подошел совсем поближе и увидел, хоть и со спины, своего солдата, ораторствовавшего во всю ивановскую. Не ускользнуло от его внимания и то, что мы все с особым вниманием слушали его подчиненного, а тот этого не замечал.

В это последнее мгновение по лицу полковника пробежала такая гамма чувств, что мне его вдруг стало искренне жаль. Он открыл рот, но поначалу сам растерялся и как-то не сразу сказал даже простое слово «здравствуйте». Наши с ним тоже поздоровались. Но в этом ответном «здрате» явно читалась скрытая усмешка. Мол, ну что, интересно, что тут про тебя и твой гарнизон рассказывают простые солдаты из самоволки?

Мой отец тоже шевельнулся, но не спешил вставать. А как бы дал понять солдату, что теперь занят и уже не может слушать. Тот понял намек, оглянулся и только тут увидел всю компанию. Надо отдать ему должное, он, видимо, просто не знал своего начальника в лицо. Во всяком случае он не слишком-то и стусевался. А просто встал и достаточно неспешно отправился дальше по бережку, показав нам свою спину. Его выдавшая виды гимнастерка

была выгоревшей и потертой. Что говорило о том, что мы только что поимели счастье пообщаться со старослужащим.

Начальник части тут сделал то, что и надо было сделать. Он прикинулся, что в упор не видит никакого солдата. А если и видит, то солдат не его, а вовсе даже какой-то чужой. Приблудился из другого гарнизона, наверное. Или вообще уже давно на дембеле, а делает вид, что все еще служит.

Никто из нашей компании также ни словом, ни жестом не показал, что что-то тут такое услышал, тем более компрометирующее местного командира. Все повели себя так, как будто ничего не случилось. Задали ему какие-то малозначащие вопросы и пошли к машине. Если бы я не знал эту публику как облупленных, я бы, может быть, не оценил бы всей анекдотичности этого момента. Конечно, каждый из нашей группы прекрасно понимал, в какое довольно глупое положение попал командир части. И всячески не подавал вида, хотя в душе, несомненно, как минимум потешался над ним. Впрочем, я не разделял таких чувств, даже если они и были, а скорее сочувствовал несчастному полковнику. Тут готовишься-готовишься, стараешься-стараешься, а потом вот так вылезет какой-то балбес, наболтает с три короба, и все усилия – насмарку!

Однако наш командир части не был бы командиром, если бы не умел находить достойный выход из трудных ситуаций. Я ожидал, что он предложит пройти в гостевой домик переодеться. При этом организует какое-то застолье. Но «полкаш» оказался более изобретательным, чем я думал.

– Нас ждут гуси, давайте пройдем со мной, – сказал полковник и довольно хитро улыбнулся. Он уже отходил от шока после того, как увидел в генеральском окружении собственного беспризорного солдата. И начал брать инициативу в свои руки.

Какие еще гуси? Мы же приехали охотиться на уток. Я был в полном недоумении. Как, впрочем, и другие члены нашей команды. Понятно, что на утиную охоту иногда залетают и гуси. Но это редкая и трудная добыча. Летят они обычно высоко и, как правило, красивым клином. Тут их достать из ружья непросто. Некоторые стреляют картечью наудачу. Но обычно гуси становятся добычей, когда вечером снижаются и пытаются найти место для ночевки. Однако что же на самом деле имел в виду наш хозяин?

– Тут недалеко, я думаю, можно обойтись без машин.

И, как бы отвечая на наши удивленные взгляды, добавил:

– Сейчас сами увидите, какие тут гуси!

Через пару минут мы смогли сами убедиться, что действительно нас ждали гуси. Только не дикие, а домашние. Местное начальство не без оснований полагало, что мы совсем не обязательно сможем что-то подстрелить. Запросто можем остаться без какой-либо добычи. Потому начальник части решил, что лучше начать мероприятие с домашней птицы. И предложил нам

за довольно символическую плату купить несколько домашних гусей. Ясное дело, все тут же согласились, а неловкость с гулявшим без дела солдатом довольно-таки сгладилась.

Мы все прошли пешком метров двести и оказались сзади какого-то бревенчатого строения. Там в импровизированном садке сидело с десяток белоснежных гусей, которые при нашем приближении тревожно загоготали. И как же их забрать? В живом виде, чтобы вот так всю дорогу гоготали и высовывали свои головы из рюкзаков? Это было невозможно. Получалось, что тут же, на месте, гусям надо было устроить казнь.

Тут выяснилось, что охотники, которые могли хоть кого запросто застрелить из ружья, не очень-то могут это сделать голыми руками, с помощью топора и колоды. Все мялись, отказывались. Вышло, что местный начальник и тут оказался не на высоте, не смог все как надо организовать. Возникла даже не просто пауза. Довольно продолжительное время все ходили вокруг гусей кругами, не зная, что делать. Начальник гарнизона также как-то сослался на свой миролюбивый характер. Хотя тут уж точно именно он должен был найти какое-то решение. Сам предложил – сам

и руби гусям головы! Но он вместо этого и вовсе стушевался и как бы даже уменьшился в размерах. Или мне это только показалось?

Вообще-то я был на грани того, чтобы вызваться в палачи. Однако при этом тоже испытывал какой-то душевный трепет, не позволявший мне это сделать. Все-таки я был младшим в этой компании и в подавляющем числе случаев предпочитал отмалчиваться и не вылезать на первый план. Тут вдруг вызвался мой отец. Сказалась деревенская натура? Там гусей и уток в первую очередь считают едой, а не животным. Он попросил меня помочь, а сам взял в руки топор. Я схватил гуся за бока и повернул его так, чтобы шея оказалась над колодой. Наверное, отец тоже испытывал какое-то волнение, но не слишком сильное, это уж точно. Просто он проделал всю процедуру немного напряженно, что не ускользнуло от моего внимания. А может быть, и не сильно он напрягался. Может быть, я подсознательно приписывал ему что-то сходное со своим состоянием. Мне просто казалось, что действует он слишком сосредоточенно. В общем, он махнул топориком и у меня в руках затрепетало умирающее тело гуся. Я прямо пальцами ощутил, как из этого тельца вылетела вон жизнь. Чувство возникло очень яркое и запоминающееся. Даже чересчур. Сказать по-честности, мне в этот момент даже пришлось сделать над собой какое-то усилие, чтобы согласиться дальше участвовать в экзекуции.

Наконец казнь окончилась, гуси расстались со своими головами и успешно перекочевали в охотничьи рюкзаки. Теперь с пустыми руками уже никто не вернется! Однако целью поездки была все-таки не столько добыча, сколько охота. Домашние гуси – это хорошо. Но неплохо было бы еще и уток пострелять.

Решили, что никуда больше заходить и заезжать мы не будем, обойдемся без застолий, а прямо отправимся на место охоты. И вправду, солнце уже давно клонилось к горизонту. Так можно было и упустить вечернюю зорьку. Мы тут же, у машин, переоделись в охотничье обмундирование и забрались в лодки, стоявшие неподалеку. Нам предстояло встать на «номера» где-то в середине огромного пруда, покрытого бесчисленными островами высокого камыша.

Этот пруд был намного больше того, у которого мы беседовали с местным солдатом. И внешне это место намного больше подходило для утиной охоты. Меня, как выяснилось, решили поставить на одно из самых привилегированных мест, в один из таких островов, в центре пруда. А отец предпочел остаться на берегу.

Я забрался в лодку и мы легко и быстро заскользили по водной глади. Лодкой управлял местный житель, который довольно ловко действовал шестом. Похоже, что пруд был довольно мелким, хотя и широким. В лодке было еще несколько наших охотников. Меня наконец высадили на одном из

таких камышовых островов. Место было действительно очень удобное. Высокий камыш, почти мне в рост, и в середине острова – дощатый щит два на два. Я перескочил на него и стал готовиться к охоте. Уток пока не было, я зарядил ружье и присел, чтобы налетающая дичь меня раньше времени не заметила. Охотников вокруг было много, и я решил действовать так: наверняка при таком изобилии стволов ни одна птица не сможет подобраться ко мне без выстрелов. Значит, надо ждать, когда пальба приблизится, и только тут вскакивать и стрелять. Если еще будет, что стрелять!

Сказано – сделано. Сижу, жду. Вдруг вдали действительно послышалась пальба. Она явно перемещалась в мою сторону. Все, сейчас подстрелю, если до меня не собьют! Когда выстрелы раздалась совсем рядом, я вскочил как подброшенный пружиной и приложил ружье к плечу... Стрелять было не во что. Уток никаких поблизости не было. Я покрутил головой и только через секунду понял, что именно произошло. Утки на самом деле были. Только летели они на высоте метров двухсот. Поэтому я их сразу и не заметил, просто в голову не пришло смотреть так высоко, под облака.

Охотники яростно палили по этой дичи, а она, естественно, невредимая, летела себе дальше. Вот так охота, давно такой не видел! Я поставил ружье на предохранитель и повесил его на плечо. Был бы курильщиком, закурил бы. Стало понятно, зачем перед охотой нам давали домашних гусей.

Пальба по высотным уткам тем временем продолжалась. Вдруг одна из них, кувыркаясь, полетела вниз. Похоже, кто-то из охотников (а может, все?) лупил по ним картечью. Иначе никак нельзя было объяснить столь дальнее попадание. Утка падала, а по ней все стреляли. Полагаю, что она точно приземлилась на воду дырявая, как решето.

Забавы в том же духе продолжались и дальше, а я довольно лениво поглядывал на все эти приключения. Мыслями же я уже был за вечерним охотничьим столом. Там-то дичь от меня не убежит! В это время надо мной пролетала очередная стая уток. Вдруг одна из них закружилась штопором и стала падать. Значит, задела крыло. Если попадание в шею или в голову, то утка летит вниз почти колом и не вращается. А вот перебитое крыло вызывает подобное характерное вращение.

По несчастной подбитой утке стреляли из чего-то, похожего на мой автомат. Но стрельба эта была особая. Такого я раньше никогда не выдел и не слышал. Все пять выстрелов следовали один за другим без малейшей задержки, одной короткой очередью. Пальцем невозможно так подряд нажать на спусковой крючок. Это была самая настоящая очередь из автоматического оружия, только охотничьими патронами.

Потом уже охотники мне объяснили, что если в ружье немного подпилить такую деталь, как шептало, то тогда и получится стрельба очередями, как из автомата Калашникова. Шептало не будет задерживать стрельбу. Никогда, ни

до того, ни после, я еще не встречал подобной стрельбы по уткам очередями из дробовика.

Подбитая утка снижалась, а в нее все стреляли и стреляли, причем со всех сторон. Однако явно мазали. Я даже смог разглядеть, как утка крутила головой, разглядывая место для приземления. Вдруг я сообразил, что человек, который стреляет в утку точно с противоположной от меня стороны, скоро выпалит на уровне человеческого роста. И весь заряд будет точно мой! А вдруг картечь? Я тут же мгновенно присел на корточки и загородил лицо прикладом. Было понятно, что на этом щите мне негде спрятаться от чужих пуль. Разве что только залечь в полный рост на щит. Да и то не гарантия. Но самое главное, как я полагал, это как-нибудь защитить лицо и голову в целом. Как? Дробь или картечь могут прилететь ко мне только после выстрела по утке. Значит, если загоразиваться от утки, то тем самым в какой-то мере загородишься и от чужого заряда. В целом же ситуация эта меня довольно позабавила. Мало того, что палят по уткам картечью автоматными очередями. Так мне еще в довершение всего на этой охоте вместо стрельбы по уткам приходится прятаться от них, загоразиваясь прикладом!

Как я и предполагал, в конце концов по утке выстрелили и тогда, когда она была уже на уровне человеческого роста. Понятно, что в таком случае какую-либо стрельбу по любым правилам вести было совершенно нельзя. Дробь хлестанула по кусту прямо вокруг меня. В приклад дробины не попали, но удар по воротнику я почувствовал. Тут же вскочил и заорал во все горло, используя в основном непарламентские выражения. Я спасал свою шкуру и подобное было, наверное, в такой ситуации простительно. В ответ на мои вопли я услышал, как кто-то довольно спокойно, но громко произнес своему товарищу: «Опять в кого-то попали...» Ничего себе реакция! Но больше я орать не стал. Просто пару раз, когда вдалеке сбивали еще таких уток, я опять загоразивался прикладом. Чем черт не шутит, картечь могла достать меня и на большом расстоянии.

Охота кончилась, меня сняли с острова и отвезли в домик, где уже был накрыт стол. Там закусили, начались охотничьи рассказы. Сказать честно, я не удивился, что никто из наших охотников ничего не подстрелил. Через какое-то время я улучил момент и тоже попытался похвалиться своей байкой – о том, как от уток пришлось прятаться за приклад собственного ружья. В доказательство я продемонстрировал свою стройотрядовскую куртку. Именно она и была надета на мне на этой охоте. Ткань у куртки была довольно плотная. А на воротнике она и вовсе была многослойной. В результате дробь его не смогла пробить. Но все-таки оставила глубокую четкую вмятину. Это была не картечь, но не меньше единицы, а то и нулевки, это уж точно. То есть очень крупная дробь, на грани картечи. Незащищенное горло было всего в нескольких сантиметрах от места попадания, и судя по энергии удара, дробь

наверняка пробила бы кожу. Конечно, только в крайне неблагоприятном случае это могло быть тяжелое ранение. Хотя чем черт не шутит, дробина могла перебить и крупный сосуд. В любом случае ранение в горло было бы неприятным инцидентом.

Мой рассказ вопреки моим ожиданиям вызвал молчание за столом. Я решил, что оказался плохим рассказчиком и неумело изложил столь забавную историю. Реакция была явно не такой, на которую я рассчитывал, и которая бывает после обычной охотничьей сказки. Меня ни о чем никто не спросил, а тема вообще не получила продолжения. Хотя, как правило, охотничьи истории, точно так же, как анекдоты, цепляются одна за другую. Просто после паузы охотники за столом заговорили о чем-то другом. Как будто вообще не услышали мое повествование. И я для себя решил, что они просто не оценили моего рассказа. Сами такие важные, свои генеральские рассказы излагают с пафосом! А поскольку я был никакой не генерал, а просто малолетка до тридцати лет, то мой рассказ сочли малоинтересным. А может быть, я просто не умею рассказывать? Я сидел совсем огорченный и больше выступать даже и не пытался.

Однако, как потом выяснилось, я был вполне умелым рассказчиком. Просто моя история вызвала эффект несколько иного свойства. Когда я вскочил с утра, готовый вновь отправиться на охоту, все охотники почему-то продолжали сладко спать. В ответ на мои расспросы кто-то сквозь сон пробормотал, что все решили больше не ходить на охоту, а вместо этого отправиться на рыбалку, но попозже. Надо полагать, дело было даже не только во мне. Конечно, и меня никто больше не хотел подвергать опасности. Но и себя тоже. Если тут стреляли по уткам картечью, причем даже на уровне человеческого роста, к тому же чуть ли не очередями, неприцельно, то это в любом случае было предельно опасно. Действительно, такую охоту можно было и пропустить, невелика потеря.

Рыбалка получилась неплохая. Даже просто замечательная. Мы ловили карпов в том самом пруду, о котором рассказывал солдатик. Тут их разводили либо для последующей продажи, либо для солдатской столовой. Клевали карпы, понятное дело, довольно активно. Солдат не соврал, можно было ловить такую рыбу и без удочки.

Однако наш командир части и тут постарался организовать не просто вылов рыбы, а все-таки интересное мероприятие. Казалось бы, подманили бы карпов кормом, почерпнули бы большим сачком, и за один-два раза все были бы обеспечены уловом. Нет, полковник предложил иной план действий. Он принес с собой четыре бамбуковые удочки. Причем с довольно тонкой леской и обычным перьевым поплавком. На такие ловят пескарей, в лучшем случае карасей.

Смысл его затеи был в следующем – создать максимально спортивные условия рыбной ловли. Насаживаешь на крючок хлеб и забрасываешь удочку. Понятно, что через минуту будет поклевка. Но именно тут-то и начиналось самое интересное. Если бы мы просто подсекали карпа и тащили его к берегу, леска, точнее, тонкий поводок точно бы оборвался. Именно это сразу же и произошло.

А как же тогда ловить? Полковник взялся объяснять и показывать. Он забросил одну из удочек, дождался поклевки и ловко подсек рыбку. Та бешено ударила хвостом и попыталась сорваться с крючка. Но полковник сделал удочкой сложное движение: с одной стороны, он слегка плавно отпустил удочку, не давая оборвать леску. А с другой – повел ею вслед за карпом, но затем направил его вдоль берега. Карп активно поплыл в этом направлении, явно намереваясь освободиться. Но полковник дождался, когда леска натянулась, и движением конца удилица развернул карпа в противоположном направлении. Тот забил хвостом и поплыл опять вдоль берега, но уже в другую сторону. Так его пришлось разворачивать раз двадцать, никак не меньше. Наконец рыбка выбилась из сил. И торжествующий командир части подтянул ее, совершенно недвижимую, прямо к берегу, где легко подхватил свободной рукой. Почин был сделан.

Мы схватили удочки и попытались проделать ту же процедуру. Но фокус требовал определенной сноровки, которой пока ни у кого не было. В результате на трех из четырех удочек поводки были тут же успешно оборваны. Только одному из нас (но, к сожалению, не мне) с первого раза удалось вытащить добычу. Однако у полковника, как выяснилось, имелся и запас поводков с крючками. Которые мы тут же наперебой стали цеплять к оборванной леске.

Вся эта забава продолжалась часа два, часть из которых ушла на оборванные поводки, а часть – на выводку карпов. Некоторые были на удивление упорными. Одного, как я заметил по часам, пришлось выводить почти пятнадцать минут. Ровно столько огромная рыбка сопротивлялась, плавая туда и сюда вдоль берега.

Наконец запасные поводки, а вместе с ними и рыбалка окончились. Мы довольно сердечно распрощались с нашим хозяином и поехали назад в Москву. Я сидел, разглядывая через окно пробегающие мимо пейзажи и думал себе: «Уток видели, но только издалека. Их сбивали другие охотники. Никто из наших даже не выстрелил. Но у каждого в рюкзаке по одному или даже по два здоровенных белых гуся. На рыбалку тоже не собирались. А в результате ловили искусственно разводимого карпа. И у каждого в том же рюкзаке еще по три-четыре хорошие рыбки. Так удалась охота или нет? Или это вообще была не охота, а что-то другое?»

Дипломатическая охота

В моем понимании, дипломатическая охота – это не только обычное протокольное мероприятие с участием либо иностранных дипломатов в России, либо наших дипломатов за рубежом. Ведь если участвуют генералы, значит, охота генеральская. А если дипломаты – значит, дипломатическая. Причем, по моим наблюдениям, где присутствуют дипломаты, там ничуть не меньше приключений, чем в любых других случаях. Из-за пьянства? Может быть.

Вот как-то раз, опять-таки в середине восьмидесятых годов, решили мы организовать утиную охоту на вышеописанной даче моего тестя по первой жене Веселова Анатолия Ивановича. Дача стояла на берегу Волги. Охота была задумана с подхалимскими целями – чтобы помочь мне в продвижении по службе в Министерстве иностранных дел. Меня в те времена там изрядно затирали. Во всяком случае, мне так тогда казалось. Поэтому я как-то изловчился и пригласил на охоту моего непосредственного начальника по договорно-правовому отделу Рыбакова Юрия Михайловича, а в дополнение к нему еще и заместителя министра Капицу Михаила Степановича. Легко сказать, изловчился. Это была целая дипломатическая операция. И, раз она мне удалась, значит, не такой уж я был, видимо, и плохой дипломат.

Кто они были такие, эти Рыбаков с Капицей? Про Рыбакова, сказать честно, даже и рассказывать не очень хочется. Он того не стоит, поскольку был самый обычный заурядный сотрудник министерства, которому в силу обстоятельств немного повезло. А вот Капица был особым кадром. Я бы даже сказал – легендарным. Вы думаете, кто в нашей стране затеял стройку Байкало-Амурской магистрали, большей известной по сокращению БАМ? Какой-нибудь важный министр путей сообщения? Или сам Центральный Комитет партии большевиков? Вот сели так, задумались, покумекали и вдруг решили, что без железной дороги от Москвы до Владивостока нам совсем никуда нельзя? Держите карман шире. Никто там по поводу этой магистрали не задумывался. А если и задумывался, то до строительства дело в любом случае не доходило. Там занимались другими делами, наверное, тоже важными, но только не железнодорожной магистралью через всю страну. Хотя, согласитесь, такая дорога просилась, чтобы ее построили. Что это еще за страна такая, которая раскинулась на тысячи километров, а нет никакой дороги, чтобы ее проехать из одного конца в другой?!

Даже сейчас мне ситуация с этой железной дорогой кажется парадоксальной, если не дикой. Мы с вами вообще-то понимаем, что огромную часть страны с ее другой, точно такой же огромной частью соединяет всего одна тонюсенькая железная дорога? И больше никаких дорог. Это значит, что если на Россию нападет, например, взвод иностранных

солдат, он запросто может перерезать всю транспортную связь между этими двумя частями и разделить тем самым нашу отчизну на две штуки.

Я как-то ездил по этой дороге. В том числе в пределах Западно-Сибирской низменности. Летим себе на своем поезде по просторам необъятной нашей родины. Я высунулся в окно, наблюдаю. Вот наконец после Урала и Западно-Сибирская низменность показалась. В окне, должен сказать, довольно однообразная картина. До горизонта ничего, никаких объектов. Вообще никаких. Просто равнина. Но если быть точным, вовсе не равнина, а совершенно непроходимое болото. Просто до горизонта. Перехожу на другую сторону поезда. Там тоже до горизонта то же самое болото. Едем час, другой, третий. Еще много часов. Только болото, болото и еще раз болото. То есть если тут дорога сломается и не починится, сразу возникнут две России – западная и восточная. Ни по какому другому месту не проехать вовек – там только непроходимое болото. Я тут, может быть, слегка драматизирую. Но чувства у меня тогда были именно такие.

Эту самую магистраль, впоследствии нареченную БАМом, вообще-то, пытались строить сразу после Октябрьской революции. Но идеи – это одно. А реальная работа – это, как всегда, другое. Короче, попробовали, маленько построили. Даже не маленько. Но в конце концов успешно забросили на многие годы. И точно так же успешно забыли.

И вот, как рассказывает сам Михаил Степанович, который в это время в нашем героическом МИДе занимался Китаем, сидит он как-то раз в своем кабинете и думает думу. Ту самую, которую вообще-то должны думать, скорее, в Кремле. Но там не думают. А вот он думает. И приходит ему на ум, что негоже вдоль границы с Китаем не иметь железной дороги. Как-то это не по-людски. И не по-стратегически одновременно. «А что, если построить такую дорогу? Железную? – думает наш известный китаист. – Было бы неплохо. Хороша была бы дорога. По ней можно было бы даже что-то перевезти, полезное и важное. Но как строить?»

Я все это рассказываю, что называется, из первоисточника. Со слов самого Михаила Степановича. Не думаю, что он что-то такое насочинял спьяну. По всему характеру беседы и по соответствующим ее деталям мне было понятно, что все именно так и было, и никак иначе. Впрочем, за что купил, за то и продаю.

Так вот, поскольку Капица в то время возглавлял отдел министерства, то есть самостоятельную структурную единицу, то он мог и подписать нужную бумажку, никого не спрашивая. Что в конце концов и сделал. Сел и сочинил на две странички, как было бы полезно построить такую железную дорогу. И, никого не спрашивая, отослал это письмо прямо в Кремль, в ЦК все той же партии большевиков.

Вообще-то в Министерстве иностранных дел так было не положено, через голову начальства, что-то писать на Старую площадь (так иными словами назывался ЦК КПСС). Но Капица как-то там изловчился, нашел повод. И написал. И его за это не уволили. Хотя могли, такая бумажка без санкции начальства была серьезным проступком.

Самое удивительное, что идею подхватили. Она показалась интересной целой группе людей. Если строить, то это общесоюзное мероприятие. Значит, комсомол в передних рядах! Тут же и романтика в полной мере. И строителям интересно: дадут денег без меры, все-таки стратегический объект. И с точки стратегии и взаимоотношений с Китаем действительно есть какой-то смысл. Про военных и говорить нечего. Им сразу захотелось возить свои танки и пушки по этой дороге, туда и обратно. В общем, колесо завертелось. Но инициатора всего этого дела за суматохой вовсе забыли, как будто его никогда и не было. Капица на эту забывчивость нашей Родины немного обижался. И рассказывал мне, сопливному молодому дипломату, всю эту историю, наверное, с тем самым дальним прицелом, чтобы я когда-нибудь попытался восстановить справедливость и написал бы всю правду о БАМе нашему славному русскому народу. Что я теперь и делаю...

Капица был славен не только подобными историями. Вот еще эпизод. Расскажу его словами, предельно близко к первоисточнику: «Сижу я как-то, смотрю в окно и думаю. И мысли у меня самые разные. Что вот жизнь идет, все проходит и следа не остается. Так и на погост не долго ждать, как придется отправиться. Но одновременно в голове бегут мысли, которые я не могу остановить как профессиональный дипломат. Если я умру, значит, и другие умрут. Не только тут, но и там, в Китае. А в Китае в это время в полной мере еще жив Мао Цзэдун. И никто его пока хоронить не собирается. Но ведь когда-нибудь он умрет, это уж точно! И вот я начинаю прикидывать, что надо будет делать нашей стране, когда он умрет. Сразу не сообразишь. Но постепенно вырисовывается определенная картина. Нужно сделать такое-то заявление. Нужно выразить соболезнования. Нужно посетить посольство Китая и сказать такие-то слова. Надо кого-то отправить в КНР на похороны. Нужно сформулировать позицию страны в отношении Китая после Мао.

Короче, в перспективе видна большая дипломатическая работа. И я потихоньку, неспешно, за несколько дней кладу все свои мысли на бумагу. Пишу соответствующие речи. Планирую, кого и куда из руководства страны послать. А Мао Цзэдун-то в это время жив-здоров, даже и не подозревает, что я готовлю государственные мероприятия по поводу его кончины!

Наконец многостраничная бумага готова, я ее надежно прячу в свой служебный сейф. Пусть лежит до хороших времен. Прошел год, другой. Я время от времени вытаскиваю эту бумагу, слегка ее подправляю, изменяю те

или иные фамилии, у нас ведь тоже люди то на пенсию уходят, а то и вовсе умирают. И опять отправляю свое сочинение в сейф.

Наконец случилось то, что и должно было случиться: в один прекрасный день Мао отправился в лучший мир. Звонят мне со Старой площади и говорят, чтобы я срочно готовил план мероприятий, посоветовался бы при этом с таким-то специалистом да с другим. А я и отвечаю: «Все давно готово!» – «Как готово, так быстро, откуда?» – «А я заранее написал, все уже предусмотрел». – «Ай да молодец, ну, шли скорее сюда!» Я все немедленно выслал. Там кое-что по мелочи поправили. Но главное, что все было быстро организовано. Все мероприятия в результате прошли без срывов. А меня похвалило самое высшее руководство страны. За профессионализм».

Были в жизни у Михаила Степановича и другие истории, которые тоже вполне можно упомянуть. Поехал послом за границу. Там якобы вышел какой-то конфликт с участием женщин. Я не буду тут уточнять детали, хотя хорошо их знаю. В общем, Капицу из послов за эту историю вмиг разжаловали до простых советников. Хотя могли и вовсе выгнать из МИДа. Но кадр-то он бесценный! И постепенно он вновь сделал карьеру и вновь выбрался на вершину дипломатической лестницы. Дорос до заместителя министра. Вот такие тогда в МИДе работали дипломаты, не чета, наверное, нынешним.

Итак, Капица и Рыбаков согласились съездить к нам на дачу, чтобы поучаствовать в хорошей охоте. Прикатали на служебной «Волге». Михаилу Степановичу «Волга» была положена как замминистра. Обычная, черная, немного дребезжащая. В целом довольно опрятная. В те годы подобный лимузин, тем более со своим шофером, был символом очень высокого статуса.

Михаил Степанович взял к себе в машину и Рыбакова. Надо полагать, они всю дорогу проговорили о чем-то хорошем. Хотя Юрий Михайлович Рыбаков был довольно неинтересной личностью в жизни. Просто на удивление.

Казенного водителя мы, конечно, отпустили сразу же. Слегка чем-то угостили на дорожку. И отпустили. Он с большой радостью отправился восвояси. И то сказать, дача была от Москвы за сто двадцать километров. Это хороших два часа в пути, а то и больше. Целое автомобильное путешествие.

Дорогих гостей тем временем стали с комфортом размещать да обхаживать. Сплошной подхалимаж, одно слово. По нынешним меркам вся эта дача была просто смешным сарайчиком. Но тогда, в те годы, это было совсем не хило! Все-таки дача, а не домик в садовом товариществе. На берегу великой русской реки Волги. Несколько комнат, два этажа.

В общем, нашли отдельную комнату и для Капицы, и для Рыбакова. Размещение закончилось. Начали определяться с программой. Понятное дело, она у нас уже имелась. Утром, пораньше – на охоту на моторной лодке в

заливчик, где летают брежневские утки. Напомню, это были те утки, которых разводили в специальном охотхозяйстве персонально для Леонида Ильича. Если какие-то из них смогли избежать гибели от руки всемогущего генсека, тех в заливчике со своими ружьями поджидали уже мы. То есть три человека: я, сам владелец дачи Веселов, а также Володька Власов, муж сестры моей первой жены, мой ровесник.

Вот на этих уток и предстояло выехать с утра. Но до утра еще вагон времени! Оно отводилось на вечернее застолье. Вообще-то, было уже холодновато, и мы решили проводить мероприятие не на веранде, как обычно, а внутри дома. Там тоже была достаточно хорошая для гулянья комната. Метров пятнадцать площадью, никак не меньше. Вдоль стены с окном располагался длинный стол, за который могли запросто усесться человек десять. То есть возможности устроить застолье тут явно имелись.

Был в той комнате и камин. Причем действующий камин, заметим себе. Сложенный из кирпичей, скрепленных специальным раствором на глине. Цемент для таких сооружений не идет, как известно. Этот камин строил один не то чтобы дружок, но как бы младший приятель самого Анатолия Ивановича – Сергей Семенович. В равноправные товарищи он ему никак не годился по своему интеллектуальному статусу. Но сам Веселов всячески пытался подчеркнуть равное к нему отношение. Приглашал к себе на дачу вместе с женой. Те приезжали с большой охотой.

Я подозреваю, что смысл этой неравноправной дружбы был в своей основе корыстный. Сергей Семенович был отличным строителем. Мог сложить печку, камин. Мог построить даже целый дом. И вот он приезжал как бы отдыхать на равных. Одновременно время от времени что-то помогал строить. Так появились баня, камины, шикарное патио перед дачей.

Камин в той самой комнате сложил тот же Сергей Семенович. Но сложил неудачно. Камин располагался на длинной стороне комнаты. Которая была не квадратной, а сильно продолговатой. В результате камином, в сущности, было нельзя пользоваться. Если вы его разводили, сидеть рядом было совершенно невозможно – слишком небольшим было расстояние до стола. Камин жег немилосердно. Но в таком случае получалось, что либо стол, либо камин. А если все-таки растапливали камин, то за столом могло уместиться не десять человек, а только пять или шесть.

Но тут-то, из-за приезда высоких дипломатических гостей, пришлось пожертвовать комфортом. Моим комфортом. Гости-то были приглашены ради меня. Поскольку камин придавал особый шик всему мероприятию, его, конечно же, растопили. И посадили спиной к нему именно меня. В результате вечер для меня превратился не только в дипломатическое мероприятие, где надо было думать, что кому и как сказать. Но и в испытание на устойчивость

к перегреву и ожогам. Камин жег меня отчаянно. А я только улыбался и делал вид, что мне все нипочем.

Но, как известно, голь на выдумки хитра. И я придумал, как мне выкрутиться из этой неприятной ситуации. Собственно говоря, идея мне явилась еще заранее, за день до того, как приехали дорогие гости. Когда отдых, по мнению хозяев, удался в полной мере? Правильно, тогда, когда гости упились в стельку. Если упились, значит, все было хорошо. И они смогли позволить себе расслабиться, не опасаясь проблем.

Но как подпойть? Был хороший вариант с тостами и застольными речами. Этим оружием Анатолий Иванович владел в совершенстве. Но тут-то речь шла о многоопытных дипломатах! Такие и сами могли сказать в ответ. Не только сказать, но как-нибудь так сделать, чтобы и тосты послушать, и водку не выпить. И что тогда делать?

Мой коварный план был таков. Я решил использовать слабости человеческой души. Какие именно? Сейчас узнаете. Допустим, на столе лежат всевозможные закуски. Выпивка всех видов и в полном достатке. Что при этом ощущает важный гость? Он чувствует, что если захочет выпить, то может выпить столько, сколько влезет. И может съесть столько, сколько вместится в его начальственное брюхо. Более того, он ясно ощущает, что все это изобилие никуда от него уже не убежит. Никуда. Оно вот тут, рядом, стоит на столе. И никто его раньше времени не посмеет убрать.

В подобной ситуации не факт, что высокий начальник вознамерится напиться. С какой стати? Наоборот, он может начать капризничать. Не будет пить, а будет только кривить губы. Вот вы меня поуговаривайте как следует. Тогда я может быть одну-другую рюмашку и пропущу.

Мне такое возможное развитие событий совсем не нравилось. А еще больше мне не нравилось, что именно так все и могло получиться. Какой-то младший дипломатический чин пригласил само божество. Самого Капицу! Негоже тому напиваться рядом с таким маленьким человечком.

Я стал напрягать свою голову и придумал вот что. Надо создать на столе не изобилие спиртных напитков, а наоборот – видимость их недостатка. Причем в дефиците должны быть наиболее коварные напитки. В первую очередь – пиво. А еды пусть будет как обычно. Одно блюдо принесут, другое, третье. Тут дефицита быть не должно.

Итак, согласно моему плану на столе должна была стоять в достаточном количестве водка, а также коньяк и виски. Все-таки речь шла о дипломатах. Они привыкли к виски. А вот пива должно быть всего две бутылки. Но пиво хорошее, дефицитное. Чтобы его хотелось выпить.

Вскоре мне представилась возможность попытаться реализовать этот план на практике. В конце концов все отправились за стол. Расселись. Капице и Рыбакову выделили места у стенки. Самые удобные, лицом к камину. А

спиной к огню посадили меня. Что я воспринял стоически, как неизбежное и заранее запланированное зло.

На столе стояла приличная закуска и крепкие напитки. А также те самые пресловутые две бутылки хорошего чешского пива. Сказали первый формальный тост. При этом налили кому водочки, а кому виски или коньячка. Рюмашки были микроскопические, доза совсем никакая. Поэтому никто ломаться не стал. Хотя Рыбаков что-то там лопотал про то, что не пьет, что он замечательный спортсмен. Но выпил, деваться было некуда.

Иными словами, внешне сложилась обстановка, когда никто никого не собирался подпаивать. А только всяческие разговоры да дипломатические тосты. Внимание гостей было усыплено, их бдительность тоже. Если они поначалу и думали покапризничать и поломаться, изображая из себя трезвенников, то возможностей к тому им не представилось.

Выпив коньячка, Капица оглядел орлиным взглядом весь стол и быстро запеленговал две бутылки пива. Это на восемь-то человек! Понятно, что сейчас их кто-то схватит и тут же выпьет! А Михаил Степанович останется ни с чем. Я думаю, что-то подобное должно было промелькнуть в пока не замутненном алкоголем уме великого дипломата. Во всяком случае он сразу же после коньяка, закончив свой осмотр, протянул руку и очень твердо схватил одну из бутылок пива. Никто никак не обозначил, что обратил внимание на это действие. Просто подали Капице открывашку, вот и все. Тот лихо открыл бутылку и тут же перелил ее в близстоящий стакан. Бутылка, ясное дело, влезла не вся. Тогда Капица, не долго думая, поднял стакан и тут же до конца выпил. Не останавливаясь, он перелил остатки пива в тот же стакан. Потом подождал для приличия и через минуту-другую выпил и его.

Я искоса наблюдал за этим процессом. Но внешне никак не реагировал. Пока было рано реагировать. Как настоящий охотник я выжидал, полагая, что мой час еще наступит. Камин жег мне бок. Что-то надо было уместное говорить. Я говорил, но в меру. А Рыбаков, наоборот, что-то такое сказал даже положительное в мою сторону. Я изобразил благодарность. Но в душе хорошо понимал, что доверять этим словам не следует ни в какой мере. За столом будут хвалить, это понятно. А потом забудут напрочь все то, что говорили.

Однако время шло. Тогда Капица сцапал и второе пиво. Но для того, чтобы не выглядеть полным жлобом, он не стал его выпивать единолично. А вполголоса, обращаясь к Рыбакову, произнес: «Юра, смотри, отличное пиво. Попробуй, не пожалеешь. Чехи хоть что-то научились делать».

Юра, хоть и декларировал свой трезвый образ жизни, однако слов заместителя министра игнорировать не стал. А просто подставил свой стакан. Куда половина бутылки тут же и перекочевала. Юра и Миша чокнулись пивными стаканчиками и тут же их и проглотили.

Тут пробил и мой час. Больше пива на столе не было. Но оно было у меня в загашнике. Целый ящик! Я предусмотрительно закупил это пиво в изобилии. Воспользовался добротой Веселова, подъехал к его магазинным друзьям. И затоварился по полной катушке.

Ящик стоял довольно близко, в соседней комнате. Можно было, конечно, тут же взять из него бутылок пять, а то и десять. И все их выставить на праздничный стол. Но это никак не входило в мои коварные планы. Если сразу все выставить, будет понятно, что пива у меня море. И тогда никто не будет беспокоиться, что не успел напиться хорошего пивка. А скорее озаботится тем, чтобы не свалиться под стол.

Именно поэтому я действовал не так прямолинейно. А потихонечку встал со своего стула. Вроде мне куда-то надо отлучиться. И сразу, кстати, почувствовал облегчение – камин больше не жег мой многострадальный бок. Была бы моя воля, я бы вообще не возвращался на это место у очага. Но нельзя, прием таких гостей – это не развлечение, а работа.

Встав, я так же потихоньку вышел в соседнее помещение. Ящик был на месте. Оставалось взять пиво и выставить его на стол. Что я и сделал. Однако выставил согласно своему хитроумному плану опять всего две бутылки. Незаметненько так выставил. Сел на свой стульчик, помедлил, выждал, когда ораторы особо увлеклись своими речами и отвлеклись от стола. И тихонько поставил на стол эти самые бутылки.

Мои действия остались поначалу незамеченными. Вдруг Капица, еще раз окинув весь стол своим орлиным взглядом, засек новые пивные бутылки. Надо было видеть его лицо! Он был просто как ребенок. С его недоумения можно было писать картину маслом. Известный дипломат сначала решил, что пиво и раньше стояло на столе, а он его просто не заметил. Его губы как бы неслышно произносили следующие слова: «А откуда тут пиво? Я его, что, не заметил?» Потом первое удивление прошло. И Михаил Степанович окинул взглядом сидевших за столом, пытаясь, видимо, угадать, кто принес этот напиток. Я сделал незаинтересованное лицо и попытался изобразить, что вроде как ни при чем. Но Капица остановился именно на мне, секунду помедлил, но ничего в результате не сказал. А только вздохнул. И взял пивную бутылку.

Я уж не знаю, как именно бежали мысли в Капицевой голове. Неужели он не мог догадаться, что пива у нас полно, целое море? Скорее всего, тогда он себя не утруждал такими рассуждениями. А действовал в соответствии с простейшими человеческими реакциями. Если всего две бутылки на столе, значит, пива мало. Значит, надо его скорее выпить. Когда на столе опять появились две бутылки, ход мыслей великого дипломата, надо полагать, просто повторился.

Эти вторые две бутылки Михаил Степанович выпил единолично. Он уже не делал реверансов в сторону Рыбакова. А просто, рассказывая какую-то байку про китайцев, одновременно открыл бутылку, перелил в стакан и тут же выпил. Потом еще раз перелил и еще раз выпил. Потом еще одну открыл, перелил и выпил.

Пиво опять кончилось. Я опять тихонько встал и пошел за добавкой. При этом решил в этом важном вопросе проявлять твердость и принципиальность. И принес опять только две бутылки. На этот раз Капица уже следил за мной. И прибытие пива было зафиксировано как надо.

Несмотря на это, Михаил Степанович не изменил свое отношение к этому напитку. То есть в течение минут десяти выхлебал и новую порцию. Единственно, ему еще немного помог мой Рыбаков. Все остальные были заняты беседой, водкой. И не пытались претендовать на пивную порцию. Впрочем, как я полагал, ящика хватило бы на всех. Все-таки двадцать четыре бутылки по пол-литра, всего аж двенадцать литров. Не так уж и мало.

Самое удивительное – это то, что Капица налегал не только на пиво. Он потихоньку приложился и к коньяку (тот был отменного качества), и к виски. Да и к водке. То есть смесь выходила просто гремучая. Когда я осознал, то в общем-то даже испугался. Ничего себе будет история, если этот деятель международного движения помрет от перепоя на моей же даче.

Одновременно меня посетило и иное соображение. А что, если Капица раскусил мою хитрость с пивом и решил меня перепить? То есть собрался пить до тех пор, пока у меня не кончится пиво? Чтобы поставить меня в неудобное положение и чтобы отучить от подобных деревенских уловок? А что, очень даже может быть! Такой вариант я очень даже не исключал. Но мне было интересно, как это можно выпить вместе с коньяком и виски еще и десяток литров пива? Нет, дорогой Михаил Степанович, в этом соревновании вам не победить!

К сожалению, оказался прав именно я. Нет, «скорую помощь» вызывать не пришлось. Но дипломат и китаевед в одном лице вдруг на каком-то этапе замедлил свою речь. Потом вовсе замолчал. Все это через какое-то время заметили и остальные участники трапезы, и за столом повисла тишина. Наконец Капица с трудом поднял свою буйную голову и, не глядя ни на кого, пробормотал что-то себе под нос. У него даже не было сил, чтобы ясно сказать, что именно он имел в виду.

Впрочем, и без слов было ясно, что гостям пора бай-бай. Гулянка враз закончилась. Я, а также сам Веселов кинулись к Капице, чтобы перетащить его в кровать. Это было очень своевременно. Силы оставили бойца, и он был готов рухнуть на пол и заснуть тут же, на месте, прямо под праздничным столом.

Но я не мог допустить такого безобразия. Мы вцепились в грузное тело и поволокли его в постель. Голова нашего гостя висела, ноги безвольно волочились по полу. Он был просто труп, только что дышал. И то с трудом.

Оказалось, что и мой Рыбаков нализался в полной мере. Его, правда, тащить не пришлось. Но вид у этого деятеля тоже был под стать хорошему вытрезвителю. Я тут же некстати припомнил фразу из кинофильма: «На халяву пьют даже язвенники и трезвенники! Ха-ха-ха!» Интересно, как мы завтра поедим на охоту? Ведь дорогие гости совсем лыка не вяжут. Им отсыпаться придется до следующего вечера, не то что стрелять по уткам. Впрочем, как говорят, утро вечера мудренее. И я не стал грузить себя сложными расчетами на следующий день. Проснемся и посмотрим, что будет.

Я улегся на свою подушку. Перед глазами стояли сценки только что прошедшей пьянки-гулянки. Рассказы приехавших дипломатов были, надо сказать, на редкость неинтересными. Какая-то беспрерывная попытка себя похвалить. Но, в конце же концов, они приехали не совсем к деревенским жителям. Мой Веселов, слава богу, рядом со Сталиным кое-что успел в жизни увидеть. Что и Капица, я думаю, не видал. Да и я все-таки тоже работал в том же внешнеполитическом ведомстве, хоть и на младших должностях. И тоже кое-что знал как о дипломатической службе, так и о личной и служебной жизни обоих дипломатов, почтивших нас своим присутствием. Врала бы, да не завиралась.

Неожиданно еще одна мысль проникла в мою голову. А может быть, напрасно я хитрил с этим пивом? Сколько, кстати, осталось невыпитого пива? Кажется, бутылок восемь-десять? Может быть, наш уважаемый Капица при любом раскладе насосался бы до зеленых чертиков? Не зря ведь говорят, что дипломаты почти все – просто записные алкоголики. Такая уж специфика работы. Может, наш Михаил Степанович по-любому был намерен назюкаться в стельку, а все мои хитрости были излишней суетой? С этой крамольной мыслью я и заснул в ту ночь.

К моему удивлению утром на охоту смогли встать все, в том числе и ответственные дипломаты. Хотя было совсем рано, чуть не в четыре утра. Вообще-то, по всем признакам это было никакое не утро, а самая что ни на есть ночь. Но уж так принято говорить, что раннее утро.

На свежий воздух постепенно выползли все. Среди них были и Капица с Рыбаковым. Вид у них был довольно помятый. Но ведь встали, смогли! Я не мог сдержать ни удивления, ни радости. Радости, потому что выходило, что мероприятие не срывается. Значит, дипломатическая охота сегодня состоится.

В наш залив надо было ехать на катере. Обычно мы его спускали из эллинга по специальным рельсам. Это была довольно длительная процедура. Катер лежал в специальной тележке, называемой кильблок. А тележка двигалась на колесиках по двум рельсам. Протяженность всего пути от эллинга до воды

составляла метров десять. Но вся конструкция весила довольно много, на руках эту операцию было не проделать никак. Нужна была специальная лебедка, которая сматывала или наматывала трос, прикрепленный к кильблоку. Эта лебедка была самодельной и работала с черепашьей скоростью. Весь спуск лодки занимал полчаса, не меньше. Это всего десять метров!

Учитывая все эти штучки, мы спустили катер заранее, еще вечером. Это было, в общем-то, рискованное дело. Ночью, особенно в субботу или в воскресенье, по Волге всюду рыскали ворюги. Подплывали тихонько, перекусывали цепь и утаскивали лодку восвояси. Так что мы своим катером рисковали. Проснулись бы утром, а катерка-то и нет! Однако в тот раз обошлось. То ли мы шумели слишком, поглощая водку с пивом. То ли просто у ворюг руки до нас не дошли. Но катерок наш они не решились стырить.

Быстрый завтрак – перекус, и все со своими ружьями и рюкзаками пошли забираться в катер. Оказалось, что нас было пятеро. Причем не самого маленького веса. Я весил свои семьдесят килограмм. Сам Веселов был где-то за девяносто. И Капица был не меньше по весу, если не больше. Еще Рыбаков, да и Вовка Власов. Короче, явно выходил перегруз. Но кто мог это предвидеть?! Катер-то у нас был всего один. Так что уж сколько весили, столько и весили. Не высаживать же кого-то на берег!

Этот самый перегруз грозил одной простой проблемой. Катер мог не выйти на глиссирующий режим. А это значило, что наша скорость передвижения резко снижалась. И это было очень нежелательно. Дело в том, что обычно такие катера быстро перемещаются по воде. Настолько быстро, что можно игнорировать скорость других больших судов. Просто принимать их как стоящее на месте, то есть просто как неподвижное препятствие. И соответственно передвигаться, на учитывая возможность столкновения. А если не глиссировать по воде, а тащиться потихоньку, разрезая толщу воды всей тяжестью катера, то это уже совсем другое плавание. По совсем другим правилам.

Перегруз, к сожалению, не замедлил сказаться. Как только все забрались в катер, я сел на мотор, рванул за трос, маленько прогрел. И наконец включил передачу. Сначала заднюю. Мы медленно отошли от причала кормой вперед. Потом чуть прибавил газа и врубил переднюю. Катер вздрогнул, замер и пополз вперед. Я вывернул руль и направил катер на выход из нашего маленького заливчика.

Итак, вся наша компания двинулась навстречу приключениям. Которые не заставили себя долго ждать. Как только мы выровнялись и пошли вдоль берега, я дал полный газ. Мотор взревел. Катер стал набирать скорость. Он все набирал и набирал ее. Но на глиссирующий режим все не выходил и не выходил. Мы, конечно, все равно плыли, и довольно быстро, но раза в три

медленнее, чем надо. При этом не надо забывать, что все эти события происходили даже не ранним утром, а все еще глубокой ночью. Темень была полная, не видно ничего. Волгу однако на нашем участке я знал неплохо и катер вел уверенно, хоть и в темноте. Проплыть предстояло километров пять.

Не успели мы выйти из своего заливчика, как произошло вот что – небольшой инцидент. Сам по себе он ничего не значил. Однако, как потом оказалось, на него надо было обратить особое внимание. Судьба подавала мне знак. А я его не увидел.

Из нашего заливчика надо было поворачивать налево. Я сто раз плавал через горло залива и знал его вдоль и поперек. В том числе, как я полагал, мне были известны и глубины в этом месте. Поэтому в этот раз я вышел на Волгу не через центр горла залива, а немного левее и ближе к берегу. Сказать «ближе» означало, что наша моторка проходила от берега метрах в десяти. И вдруг, к моему удивлению, винт мотора задел дно. То есть мы все ощутили довольно сильный удар, мотор вскинулся и заревел на больших оборотах. Эти обороты означали только одно – была сорвана шпонка винта. В результате винт перестал передавать усилие мотора на воду, а сам мотор без нагрузки, что было вполне естественно, набрал немыслимые обороты.

Лодка мгновенно потеряла ход. Я заглушил двигатель, попросил подсветить мне фонариком и довольно быстро заменил шпонку. Вообще-то это была отнюдь не простая, а сложная операция. Надо было поднять двигатель из воды, дотянуться до винта, развернуть его в положение, когда была видна дырка, в которую вставлялась шпонка. После этого в дырку надо было вставить специальную выколотку, в другую руку взять молоток и несколькими точными ударами вышибить остатки срезанной шпонки. После этого надо было вытащить новую шпонку, повернуть винт так, чтобы отверстия на нем и на валу двигателя совпали, и вставить туда шпонку, при необходимости пристукнув ее все тем же молотком. Теперь оставалось только разжать ножом торчащие ножки шпонки, чтобы она не вывалилась, опустить двигатель в воду, завести его и продолжить путешествие.

Это описание довольно точно отражает процедуру замены срезанной шпонки. Некоторые люди вообще могут совершить эту операцию, только пристав к берегу и ремонтируя мотор с суши. Но вот я так много раз в своей жизни срезал о различные препятствия эту злополучную шпонку, что наловчился довольно быстро менять ее на воде, перегнувшись к винту с кормы моторки.

И в этот раз операция была завершена буквально в считанные минуты. Я дернул шнур стартера, и наша компания двинулась дальше к месту охоты. Но у меня в голове застряло странное ощущение. Лодка не должна была в этом месте доставать до дна. А она достала. Вообще-то это было на самом деле нехорошее предзнаменование. Как бы предупреждение судьбы. Я его

почувствовал, это точно. Но к сожалению не понял. Последующие события показали, в чем был зловещий смысл этого происшествия.

Поскольку на этом участке Волга делает изгиб, я поплыл к заливчику по прямой, но при этом дважды пересекая фарватер. Ночью на Волге тоже ходили суда, но они меня не очень волновали – моторка летела обычно намного быстрее, и их скоростью можно было просто пренебречь.

Однако в этот раз, как я уже сказал, лодка плыла намного медленнее, и на это надо было делать поправку. Но что значит, делать поправку? Вообще не плыть? А если плыть, то как?

Короче, никаких таких специальных поправок я делать не стал. Не увидел никакой особой необходимости. Просто поплыл по прямой к охотничьим угодьям. Для этого, как я уже отметил, требовалось пересечь фарватер. Что я и сделал. Долго ли, медленно ли, но реку мы наконец пересекли и оказались у противоположного берега. Теперь Волгу надо было пересекать по косо́й в противоположном направлении. Тут я вдруг услышал вдали шум винтов какого-то крупного судна, которое нас догоняло. Что было делать, ждать, когда оно пройдет? Но на носу начало охоты, а в лодке мои начальники. Пока будем ждать, рассветет, и охота пропала. Куда уж тут ждать! Конечно же, я направил моторку на противоположный берег. Но предпочел сделать это не по косо́й, в направлении залива, где планировалась охота, а перпендикулярно течению. В таком случае мы бы пересекли Волгу побыстрее. А там, на противоположной стороне можно было бы уже и проплыть немного вдоль береговой линии.

К сожалению, самого судна видно не было, а в сигнальных огнях я тогда еще не разбирался. Огни я видел. Но трудно было сказать, как далеко до них. Вроде бы, они были довольно далеко и времени было более чем достаточно для нашего маневра.

В общем, получилось, что называется, на авось. Я начал свой рейд поперек русла реки, моторка однако еле ползла, а шум приближающегося корабля становился все сильнее. Может быть, мы плыли и не так уж и медленно. Но ситуация складывалась не сильно приятная, в таких случаях каждая секунда тянется по часу. Я нервничал все больше и больше, но ничего поделать уже не мог. Корабля я по-прежнему не видел и поэтому не мог принять обоснованного решения – продолжать плыть дальше или от греха повернуть, пока не поздно, назад. Охотники же в моей лодке, похоже, были заняты своими мыслями. Никто никак не проявлял беспокойства, видимо, в полной мере полагаясь на меня. Нашли на кого положиться!

В общем, я продолжал пересекать Волгу, уже ясно представляя, что дальше может случиться. Мы в полной тьме сталкиваемся посередине широченной реки с баржей, переворачиваемся вместе со всеми своими заместителями министров иностранных дел. И барахтаемся в самой середине фарватера. При

этом народ в лодке был еще хорошо подвыпившим с вечера, а я сам не слишком хорошо плавал. Короче, всем – полный каюк. И всех утопил я, выдающийся мореход и охотник.

На мое счастье, нас заметили на барже и так же, как и я, решили, что ситуация достаточно опасная. На рубке вдруг вспыхнул прожектор. Его луч прорезал кромешную темноту и протянулся поперек курса самого судна, но параллельно нашему курсу. Я это понял как сигнал продолжать плыть в том же направлении, чтобы избежать столкновения. Что я и сделал. Баржа в конце концов прошла у нас за спиной. Когда вспыхнул прожектор, у меня сжалось сердце – до рубки было метров двести. Значит, нос баржи был от нас совсем близко. Опять, что ли, я искушал судьбу? Как я вообще со всеми этими историями дожил до своих лет? Вот уж была бы забава утопить собственное начальство по дипломатической линии! Но судьба и в этот раз распорядилась почему-то иначе. Наверное, игра высших сил еще не была со мной закончена.

Наконец мы вошли в наш охотничий залив и стали расставлять стрелков. Сначала Капицу, на островке в дальнем конце залива. Потом на таком же островке и Рыбакова. Сами встали в свое насиженное место. Ну, а Веселов не стал изменять своим привычкам и направился на берег, где он обычно и стоял. И откуда никогда не уходил без добычи.

Стало светать, и начался лет. По счастью, утки немного летали. А то ведь бывало и так, что ни одной не увидишь! Однако в этот раз было хоть что-то. Я не столько думал, как самому подстрелить, как беспокоился о своем дипломатическом начальстве. Однако вскоре послышались и выстрелы. Значит, там если и не подстрелили, то по крайней мере видели дичь на нормальном расстоянии. У меня отлегло. Выходит, мероприятие получалось.

Потом выстрелы стали раздаваться чаще. А потом произошло вот что. Со стороны нашего заместителя министра стала раздаваться просто непрерывная стрельба. Палил Капица немилосердно. Но стоял он от нас далековато, и оценить результаты пальбы на глаз было никак невозможно.

Однако когда стреляют, тогда имеются утки. Где же они? Не может быть, чтобы Михаил Степанович со всем пивом, которое он бессовестно выдул вечером, теперь бил без промаха. Однако если мазал, то должны были быть неубитые утки. Если они до этого сидели на воде, то должны были взлететь. А если уже летели, то должны были продолжать лететь. И хоть бы какие, но полетели бы если уж не совсем прямо к нам, то хотя бы оказались в пределах видимости.

Но никаких уток, поспешно удирающих от отца всех китаистов, видно не было никак. Мое недоумение все возрастало. А пальба все не утихала. Мое сознание уже рисовало трагическую картину: утки из брежневского питомника вдруг осознали все коварство вырастивших их людей. Те их кормили и поили только для того, чтобы потом генсек мог их безжалостно убить. Утки возмутились таким вероломством, улетели из питомника. И тут увидели цель, достойную своей мести. Известного дипломата, писателя и ученого в одном лице. Михаила Степановича Капицу. Утиный предводитель принял решение: смерть другу Брежнева! И спикировал на дядю Мишу. За ним на еще не протрезвевшего охотника набросилась вся оставшаяся стая. И наш Степанович был вынужден защищаться с помощью оружия, отстреливаясь от взбесившегося утинового племени.

А что еще я мог в этой ситуации подумать? Никакое другое разумное объяснение мне в голову в тот момент не приходило. Но охота еще не закончилась. И мне оставалось только ждать, чтобы выяснить причины этой бешеной пальбы без видимых целей.

Наконец все разумные сроки для пролета уток прошли. Они могли летать так целый день. Но нам надо было и честь знать. На даче ждал стол, на котором томилась выпивка. Мы с Володькой стали крутить головами,

пытаясь услышать команду от самого Веселова. И наконец услышали, что надо собирать людей и идти домой. Что мы с удовольствием и сделали.

Собирать наших стрелков мы стали в обратном порядке. Сначала подобрали самого Веселова. У него в руках были заметны три утки. Хорошие, жирные. Просто одно удовольствие. К нашим двум, сбитым мной и Володькой, это уже составляло приличную добычу. Пошли дальше к Рыбакову. Он скромненько стоял на своем островке, с ружьем за плечами. Влез в катер, разместился. «Ну что, есть добыча?» – Рыбаков как бы нехотя показал одну утку. Я ей обрадовался как своей. Получалось, что охота удалась. Мало того, мой непосредственный начальник даже что-то такое еще и подстрелил. То есть продемонстрировал свое умение. Я бы рад как ребенок.

Но где же наш Капица? Я наконец направил нос моторки в его сторону. Когда мы подошли поближе, я ожидал увидеть что угодно. В том числе и гладь залива, полностью покрытую убитыми утками. Мы подошли поближе, но уток видно не было. Однако из островка камыша вдруг появилась голова

Михаила Степановича. «Жив!» – только эта одна мысль и возникла у меня в голове. От души отлегло.

Однако Капица как будто не видел нас. Он вдруг вскинул ружье и тут же дуплетом ударил по близлежащим кустам. Дробь со свистом посекала зелень. Но никакие утки оттуда не вылетели. «Куда он стреляет? Убил, что ли? А я не вижу кого?» – я не мог прийти в себя от изумления.

Вдруг стало понятно, что наш гость в дугу пьян. И когда же он успел опять нализаться? Мало было вчерашнего запоя? Видимо, опытный деятель прятал под одеждой еще одну бутылку. Которую здесь втихую сам и выхлебал.

С короткой дистанции можно было определить и степень опьянения. Нет, Капица еще был в сознании. Но уже давно, судя по всему, за пределами разумного поведения. Получалось, что он напился в одиночку. И стал палить во все стороны просто для развлечения. Выстрелил даже тогда, когда мы уже подъезжали к нему. То есть вовсе без нужды. Ну и охотничек!

Самое же удивительно произошло потом. Капица каким-то образом смог самостоятельно сделать несколько шагов и наконец забрался в лодку. Но в руке он при этом держал утку! Я после увиденного ожидал чего угодно, но только не подстреленную утку. Как он ее подбил? В таком невменяемом состоянии? И как ее достал? Она что, упала ему прямо на голову? Я попытался задать какие-то вопросы. Но сразу же понял, что разговора не получится. Капица рухнул на лавку в катере, сделав при этом попытку завалиться прямо на дно. И выпустил утку из рук. Потом уперся взглядом в борт лодки и надолго задумался. На мой вопрос он что-то попытался сказать. Но не смог. Вряд ли не захотел. Именно не смог.

Ну и черт с ним. Главное, что он подстрелил свою утку. Значит, все было не зря. Я оставил со своими расспросами бедного Михаила Степановича и направил лодку в сторону дачи. Было светло и спокойно. Я бы даже сказал: природа демонстрировала полную безмятежность. Ничто не напоминало о том, что только что, несколько часов назад, я чуть не отправил всю честную компанию на дно великой русской реки.

То охотничье мероприятие дальше прошло без каких-либо осложнений. Опять было застолье. Опять дорогие гости слегка перебрали. Но в этот раз уже не до смертельного состояния. До машины дошли. Интересно, что Капица отказался забрать с собой свою добычу. Сказал, что якобы у него дома ненавидят все подобные трофеи. И просто отправляют их в мусорное ведро. Мне это было довольно удивительно. В моей семье все, что было добыто на охоте, только приветствовалось и съедалось с особым удовольствием.

Эта «дипломатическая охота» вопреки ожиданиям никак не сказалась на моей дальнейшей карьере. Никуда меня особенно не продвинули, не послали и не назначили. Хотя не исключено, что охота все-таки сказалась. Могли,

например, прижать, чего-нибудь лишить, в чем-то ограничить. Но не прижали, не лишили, не ограничили. И то слава богу!

Охота – пуще неволи

Охотничье мероприятие с известными дипломатами почему-то напомнило мне и другие охотничьи приключения. Почему, не могу понять. Но связь именно такая – дипломатическая. Спишем это на особенности нашего мозга. То по непонятным причинам мы что-то забываем. А то вдруг что-то вдруг всплывет в памяти, и не поймешь, почему и отчего.

Так вот, где-то еще в начале семидесятых годов я охотился вместе с отцом на все ту же неизменную дичь – диких уток. Дело было под Минском, в одном рыбхозе. То есть там, где разводят рыбу, и где много прудов. А на них, как известно, любят садиться утки. Рыбхоз действительно состоял из множества довольно больших прямоугольных прудов, разделенных высокими дамбами. Пруды заросли осокой и служили прекрасным прибежищем для уток. Наверное, они тут не только прятались, но и добывали себе достаточно легкое пропитание. Сюда мы в тот раз и приехали на охоту. Конечно же, это считалась настоящей генеральской охотой. Посторонних лиц на охраняемых прудах не было. Места было много, уток тоже хватало.

Старшие охотники куда-то отправились, а я пошел бродить по дамбам в надежде подстрелить либо с подъема, либо на перелете. В это время я охотился еще не с автоматом, а с ружьем, которое отец привез из Китая. Это было вообще-то неплохое ружье. С гравировкой, буковым прикладом. Но 16-й калибр. То есть стрелять-то оно стреляло. Но заряд был поменьше и расстояние уверенного выстрела существенно покороче. Вообще, дробовики стреляют недалеко, особенно мелкой дробью. А тут тем более. Если же еще умножить на мое неумение точно стрелять навскидку, то получалось совсем не очень хорошо. Получалось плохо. Я мог подстрелить только случайно. Или в том случае, если утка делала попытку сесть прямо мне на голову. Но последнего не происходило почти никогда. В результате я если и стрелял, то на слишком большом расстоянии и, конечно же, не мог убить никакую пристойную дичь.

Уток я видел, но достать никак не мог. Что было довольно обидно. Другие охотники приходили с добычей, да еще по несколько штук. Я же брел к привалу, как правило, пустой. Хотя на каждую охоту тщательно готовил удавку, на которую предполагал за шею подвесить убитую утку. Ох, как же редко в то время оказывалась нужна та удавка!

Кстати, отец был в Китае не просто так. Это была командировка, покрытая государственной тайной. Наше правительство подслало своих наиболее опытных летчиков для того, чтобы они помогли Северной Корее отбиться от американцев. Вообще-то, это были не просто американцы, а американцы в голубых касках. Попросту говоря, войска ООН. А мой отец помогал воевать против этих самых войск Организации Объединенных Наций, направленных

туда по резолюции Совбеза ООН для поддержания международного мира и безопасности. Потому его миссия представляла тогда большую государственную тайну.

Кстати, уже в наше время я как-то смотрел передачу по National Geographic о той самой войне в Корее. Передача была довольно интересной. Американцы пытались расхваливать свои самолеты и одновременно оправдывались, почему они ту войну проиграли. Поначалу все складывалось хорошо. Американские пилоты сбивали корейцев на советских самолетах в неисчислимом количестве. Соответственно, наземные войска (то есть формально – «голубые каски», войска ООН) наступали без каких-либо препятствий. Однако в какой-то момент все вдруг изменилось. Корейские самолеты вдруг перестали сбиваться. А стали сбиваться американские самолеты. В результате прикрытия наземных войск с воздуха не стало, там возросли потери. И американцы остановились в середине Корейского полуострова по линии, которая теперь и является государственной границей между Южной Кореей и КНДР.

Так вот, американские эксперты в той кинопередаче вот как объяснили этот неожиданный перелом в войне. Со стороны СССР в помощь корейцам

прибыли военные летчики, прошедшие школу Второй мировой войны. И эти самые советские летчики стали поступать, по словам экспертов, «нечестно». Эта самая «нечестность» заключалась в следующем. Они стали встречать американские самолеты не абы где, а там, где у тех уже почти кончалось горючее на обратную дорогу. В результате американские пилоты не могли «плести» сложных воздушных маневров в воздухе – на это у них просто не было времени. А как только они разворачивались домой (читай: начинали драпать во все лопатки), их тут же и сбивали.

Слушая эти неуклюжие рассуждения американских военспецов, я только ухмылялся. Ведь именно таким способом в свое время английские пилоты смогли переломить битву в воздухе с фашистами и именно поэтому Великобритания избежала немецкого вторжения. При этом никто из англичан не считал и не считает, что кто-то поступал «нечестно».

В этот самый момент передачи вдруг возникло изображение, которое заставило меня просто подскочить на месте. Когда по National Geographic рассказывалось о прибытии опытных советских пилотов и об их «нечестности», на экране в качестве подтверждения возникла картинка двух человек. Они стояли на чем-то вроде трибуны Мавзолея Ленина, беседовали между собой и при этом довольно-таки насмешливо ухмылялись. Узнать их было совсем несложно. Одним был известный советский летчик-истребитель, трижды Герой Советского Союза Покрышкин Александр Иванович. А вторым был мой отец! Как мне показалось, он ухмылялся особо издевательски. Кинорежиссеры действительно нашли удачный кадр. Из их сюжета как бы следовало, что корейская война против войск Организации Объединенных Наций была выиграна в силу значительного вклада именно моего отца. Я не знаю, что могло бы в тот момент доставить мне большее удовлетворение.

Я опять отвлекся. Впрочем, война в Корее – это интересный эпизод, согласитесь. Итак вернемся к ружью. Именно с той войны отец и привез мне упомянутое ружье, Иж-17, кажется. Это был экспортный вариант, особо высокое качество. Да еще с такой особо секретной войны. То есть, с одной стороны, почти боевое оружие. А, с другой стороны, попасть во что-либо из него было очень непросто, особенно для восемнадцатилетнего подростка.

В этот раз прогулка продолжалась особо долго. Я крутил головой во все стороны, ожидая, что может налететь утиная стайка. Одновременно осторожно обходил травяные заросли, кусты. Я даже крался. Тихо-тихо почти переползал, стараясь оставаться незаметным. Я думал, что если я не вижу утку, то, скорее всего, и она меня не видит. Вот я сейчас так остороженько обойду куст, потом гляну на воду, а там утка! Но никакой утки все не попадалось. То ли их просто в таких местах не было. То ли я крался

недостаточно аккуратно. Можно ведь совсем немного подшуметь, и осторожная дичь просто зайдет в камыш. Такую ни за что не заметишь!

В общем, все мои попытки были тщетными. Уток видно не было. Скорее всего, они все попрятались в гуще осоки поближе к середине пруда. А может, сидели под берегом и не вылетали, несмотря на мое приближение и топтание вокруг и рядом.

Наконец сквозь несколько кустов осоки я разглядел одинокую утку, которая неторопливо плыла справа налево. Видимо, она не замечала меня сквозь траву, тем более что расстояние между нами было не менее сорока метров. Я не верил своему счастью. Потихоньку поднял ружье, снял с предохранителя, тщательно прицелился и наконец ударил. Тотчас вскочил в полный рост, ожидая, что утка будет пытаться улететь, и я ее тут же добыю из второго ствола. Однако, на удивление, выстрел оказался удачным, утка тут же перевернулась кверху лапами.

Что-то надо было делать. Как достать желанную добычу? Лодки нет, ветер не к берегу, ее не прибьет. По всему выходило, что надо лезть в воду. А дело было уже в конце октября. Холодно. В такое время даже спяну в воду не лезят. Но известное дело, охота пуще неволи. А для меня,

восемнадцатилетнего мальчишки – тем более. Я вообще как сумасшедший был, так любил охотиться. В общем, я разделся, снял все свои многочисленные одежды и поплыл. Вода, ясное дело, просто обжигала. Но по большому счету терпеть все-таки было можно. Уже метров с двадцати я увидел, что ноги у моей утки какие-то не такие, куриные. Еще миг, и стало ясно, что я шлепнул не утку, а чайку. Спутал на расстоянии, да сквозь траву ее силуэт с уткой.

Тут надо было просто повернуться и плыть назад. Но я почему-то по инерции догреб до своей «добычи» и, схватив ее, поплыл назад. Вышел на дамбу и бросил чайку в траву, рядом с одеждой. Но тут вдруг с другой стороны дамбы подплыла лодка с двумя охотниками. Один из них вылез и встал рядом со мной, оглядываясь по сторонам. Вообще-то подстрелить чайку вместо утки – позор для нормального охотника. А лазить за ней в воду в октябре – это еще хуже. Я ногой пнул свою одежду на чайку. Дядька все стоял. Мне было холодно и надо было одеваться. Так я и поступил, но одежду натягивал очень медленно, тянул время. Сейчас охотник уйдет, и я спокойно выкину свою чайку. Но он как нарочно не уходил, все стоял и оглядывался. Деваться было некуда. Медленно-медленно я поднял куртку, которая последней лежала на несчастной птице. Потом наклонился, поднял ее и кинул в воду. С каким же отвращением я ее кинул, это не описать никакими словами! Дядька вроде бы даже не смотрел на мои телодвижения. Но вскоре повернулся и ушел. А я остался. Да, по-всякому бывает на охоте. Некоторые истории расскажешь только лет через двадцать, а то и вовсе промолчишь.

В воду приходилось лазить не только по своей воле. Однажды на тех же самых прудах рыбхоза я вновь охотился на утку на перелете. У меня к этому времени уже был автомат. Понятное дело, к нему я брал чуть не сотню патронов. Вдруг налетит масса уток, а у меня кончились патроны? Мальчишество, конечно, но я не видел никакого вреда в количестве. Ну, немножко тяжело, что тут такого плохого? Оказывается, судьба, если захочет, может так ловко спрятаться в каких-то внешне малозначительных деталях, что в жизни не предугадаешь...

Пытаясь добыть уток, я в конце концов сошел с дамбы на узкую полоску земли, вдающуюся в воду. С одной стороны вода утекала под дамбу в перепускную трубу. Там был своеобразный канал. Воду из пруда через такую трубу в конце лета постепенно спускают. Рыбе деваться некуда, она переплывает в более глубокое место. То есть шаг за шагом приближается к перепускной трубе. Наконец вся вода спущена, а вся рыба из пруда оказывается в этом глубоком канале перед трубой. Тут ее прямо ковшом вычерпывают и грузят в машину.

Именно тут я и стоял, разглядывая окрестные кустики, торчащие из воды. Что-то показалось мне достойным внимания. Однако для того, чтобы

разглядеть сомнительный куст, надо было пройти немного прямо по откосу над каналом. Откос был, в сущности, не крутой, достаточно ровный, поросший травой. Иначе говоря, искусственного происхождения. На него-то я и ступил.

Была осень, часто шел дождь, трава была мокрая. В общем, со всей своей амуницией вместе с болотными сапогами я вдруг стал медленно сползать к воде. Попытался судорожно схватиться за что-нибудь левой рукой. Не получилось. Рука скользнула по траве и мокрой вязкой земле. Сапоги ушли в воду. Однако дна я не достал. Оказывается, под откосом в воде был крутой глубокий обрыв!

В конце концов я доскользил до того, что вода стала мне по грудь. Сапоги так и не доставали до дна, весь я держался, что называется, ни на чем.левой рукой вцепился кое-как в какой-то клочок земли, вот и все. Патроны тянули вниз, причем так нешуточно, что стало ясно – ухни я сейчас весь в воду, и пойду со своими сапогами и патронами прямо на дно, в ледяную воду. Пора было бросать ружье. Жалко. А что делать? Потом его и не выловишь из этой канавы.

Все-таки я помедлил и как-то добился стабильности своего положения. Хотя и по горло в ледяной воде, но дальше не скользил. Кое-как, перебирая руками, в одной из которых сжимал ружье, я пополз к той части полуострова, где скат был не такой крутой. Медленно, но это мне все-таки удалось. Ни холода, ни воды я не чувствовал. Только бешеное напряжение в пальцах, которыми царапался по мокрой почве. Наконец я зацепился попрочнее и мало-помалу выбрался на берег. Надо было выжимать одежду. Только тут я почувствовал, как замерз. Меня трясло. Снял сапоги, куртку, брюки. Ледяной ветер просто пронизывал. Самое же ужасное было вновь одеваться в свою амуницию, пусть отжатую, но смертельно холодную.

Самое забавное, что хоть и мокрый, но я продолжал в тот день охотиться. И не простудился. Правду говорят, охота пуще неволи. А ведь на самом деле я почти чудом в тот раз избежал гибели.

Припятъ

Однажды мой друг, бывший одноклассник Борис Золотоверхий пригласил меня на охоту в Белоруссию. Я с радостью согласился. Моя жена Вера тоже вызвалась меня сопровождать. Мы еще мало к этому моменту прожили вместе, и ей было интересно посмотреть на меня в новой ситуации.

Быстро собрались, подъехали на Белорусский вокзал и утром следующего дня были уже в Минске. Борис нас встретил на вокзале. На его машине мы доехали до Борькиной квартиры. Там довольно быстро окончательно собрались. И сразу же выехали на охоту.

Вообще-то, я уже в Москве знал, куда именно мы едем. На Припятъ! То есть на ту самую реку, на которой находится аварийный ядерный реактор в Чернобыле. И именно в тот самый район в Белоруссии, который пострадал от радиоактивного загрязнения. Конечно, с момента аварии прошли уже годы. Считается, что за год тяжелые радиоактивные элементы погружаются в почву сантиметров на двадцать. То есть за четыре года большинство радионуклидов должны были быть на глубине одного метра. Но это в теории. На практике, конечно же, все происходило не так. Часть радиации попала в природный круговорот. То она находилась в листьях, то в тех насекомых или животных, которые съели эти листья. А потом могла попасть и на стол жителям пораженного района. Рыба могла съесть что-то со дна. А потом кто-то эту рыбу поймал и зажарил...

Кроме того, в некоторых местах почва была не такая уж и мягкая. Если каменистая, то радионуклиды, понятное дело, уходили вглубь намного медленнее. А еще радиацией могли быть заражены такие предметы, которые никуда не девались со временем. Древесина, гравий, металлические изделия. Да мало ли что еще!

Я сегодня с удивлением смотрю на того Володю Трофимова, который согласился на подобную поездку. Ведь ясно было, что это довольно опасное мероприятие. Но вот согласился. А почему? Во-первых, не мог отказать себе в удовольствии пообщаться со своим другом. Уж очень это было приятное общение. Во-вторых, нельзя сбрасывать со счетов то, что я по своей сути, может быть, немного авантюрист. Особенно в те, молодые годы. Кроме того, мне было просто любопытно. Что это за места такие? И насколько правда все то, что нам рассказывали про радиацию и саму аварию?

В общем, было принято решение поехать. Единственно, я взял с собой хороший дозиметр. Решил им мерить все и вся. Чтобы сразу выявить источник радиации и избежать радиоактивного облучения. Звучит по-детски. Но приборчик надо было взять по-любому. Тут и спорить было не о чем.

И вот мы уже сидим в Борькином автомобиле, «жигульке», называемом в простонародье «зубилом». И летим по шоссе в сторону Припяти и всей этой

треклятой радиации. За окном мелькают осины да березы. А также хвойная растительность. Обычный для Белоруссии ландшафт. Что-то нас там впереди ждет?

По дороге Борис произнес речь. Понятно, что Припять была в полной мере в зоне радиоактивного поражения. Но Борис уверил, что жизнь наша будет вне опасности. А ехали мы к каким-то чуть ли не родственникам Бориса. Не к родственникам, конечно. Но к очень близким и надежным знакомым. Настолько надежным, что те гарантировали полную безопасность на любых стадиях охоты.

Вообще-то, вся эта речь была вполне излишней. Я и так был уже достаточно взрослым человеком. И с самого первого момента понимал, что такое Припять, и что такое зона радиоактивного заражения. Я ехал туда вполне осознанно. И рассчитывал, что буду вести себя там достаточно разумно. Настолько разумно, чтобы не поставить под угрозу свое здоровье. Хотя надо согласиться, что ссылки на уверения местных жителей добавили мне спокойствия. Конечно, люди в подобной ситуации склонны приукрашивать свое положение. Потому что иначе непонятно, зачем они там вообще живут.

Но одновременно было также ясно, что не настолько там плохо, чтобы совсем уж шарахаться и бояться.

Компания у нас на самом деле подобралась не такая уж и маленькая. Я и Вера. Сам Борис, а также его жена Лена. А еще их приятель Жорка. Он был сербом по национальности, но жил в Белоруссии. Худой такой, высокий. И довольно веселый. В чем-то, наверное, похожий на меня.

Доехали мы довольно быстро. И первое, что сделали, – это вооружились моим дозиметром и пошли внимательно обследовать окрестности. Приехали мы в самую обычную белорусскую деревню. Но тут были уже не хаты, а все-таки дома. В том числе и каменные. То есть это был почти поселок. А значит, достаточно цивилизованное место и достаточно грамотные люди, а не просто деревенские «лапти».

Поселили нас в одноэтажном каменном домике, не то чтобы в середине поселка. Но и не совсем на отшибе. А так, просто немного с краю. Хозяева были предельно радушны. Они были искренне рады нашему приезду. Мы почувствовали себя важными гостями из каких-то далеких и очень цивилизованных столиц. Однако хозяйство было довольно бедным. Можно сказать, почти обычная белорусская семья.

Во дворе хозяйского дома дозиметр сразу показал около двадцати миллирентген в час. Это совсем не смертельный уровень, но фон все-таки слегка повышенный. Это значило только одно – в нашем дворе присутствовали радиоактивные изотопы. Пусть немного. Но присутствовали. В любом случае ничего хорошего в этом не было. От радиации можно ведь пострадать по-разному. Одно дело попасть под излучение внешнего источника. Неприятно, но далеко не всегда по-настоящему опасно. Совсем другое дело – вдохнуть или съесть с пищей микроскопический кусочек изотопа. Именно такие кусочки-песчинки в совокупности и создают повышенный фон на почве. Кусочек прилипнет где-нибудь к кишечнику, создаст там на небольшом участке очень высокий фон, и привет, пиши пропало.

Помимо двора другие места у нас беспокойства не вызвали. Единственно, внутри печки был совсем высокий фон, почти сто миллирентген. Но туда ведь никто кроме нас, любопытных приезжих, не пытался залезть. А откуда он взялся, этот фон, было понятно. В печке жгут дрова. А дрова берут из леса. Лес же тот – зараженный. Может быть, в целом в нем не так уж и много радиоактивных источников. Но если сжечь много дров, что-то из радиации обязательно зацепится за печку. Вот потому-то и возник такой фон.

Особо неприятный момент возник, однако, когда мы стали тыкать дозиметром вообще направо и налево и наконец наткнулись на местного жителя, очень симпатичного молодого парня. Я повел дозиметром вдоль него, наверное, пытаясь на всякий случай померить радиоактивность на одежде. Но

дозиметр вдруг показал высокие цифры. Я вздрогнул, глянул на парня. Однако для него, похоже, это не было новостью. Что, носит радиоактивную одежду? Я включил режим измерения еще раз и наконец понял, в чем дело. У парня был высокий фон у щитовидной железы. Он сам об этом знал и как-то виновато улыбался, как будто доставил нам какое-то неудобство. Нам действительно стало неудобно. Мы тут балуемся со своим приборчиком, а перед нами стоит человек, который фактически обречен на гибель. Что случилось с ним, было тоже вполне понятно. Один из источников радиации – изотоп йода. И он имеет обыкновение застревать в щитовидной железе. В этой связи в случае попадания в зону поражения было необходимо глотать какие-то препараты, содержащие йод. Этот йод оседал в щитовидной железе. И занимал в ней место, которое мог бы занять уже радиоактивный йод. В результате тот не задерживался в организме и попросту выходил вон. Но в этом нашем случае парень в силу каких-то причин не съел вовремя нужный препарат (да откуда они, это препараты, в такой глубинке). И нахватался радиации в полной мере. Собственно говоря, мы не особенно в него и тыкали своим дозиметром. Тот показал излишний уровень уже на расстоянии почти в метр.

На следующий же день мы отправились на охоту, за утками. Для начала за нами утром зашел местный егерь. Это был молодой парень, лет двадцати пяти, не более, худой, но не высокий. Одет он был предельно просто – штаны, которые когда-то были джинсами, да свитерок серо-зеленого цвета, как раз под болото. На ногах его были простые кроссовки. Я бы не сказал, что он был какого-то особо интеллектуального вида. Но в любом случае ум на его лице читался. Он предложил для начала просто побродить по окрестностям, где пруды и протоки перемежались с сухими местами. Мы согласились. Несомненно, в таких местах могли быть утки.

Вера вызывалась сходить на эту охоту вместе с нами. Так сказать, своими глазами посмотреть, что это за штука такая – охота. Тем более охота на уток. Для этой цели она выпросила у Лены сапожки, белые такие, но уже не новые. Я же напялил болотные сапоги, высокие, во всю длину ноги. Были они немножко тяжеловаты, зато я рассчитывал получить больше свободы маневра на воде. При этом я с видом превосходства поглядывал на обувь нашего егеря. «Ну, – решил я, – вы, господа, видимо, планируете вообще ходить только по сухому. А я буду заходить в воду и в результате настроляю полную сумку дичи. Кто ленится и не хочет носить тяжелые болотные сапоги, тот окажется без добычи». Вот именно так я тогда и подумал, и никак иначе. Потом, однако, выяснилось, что кроссовки на ногах нашего егеря, а по совместительству гида, были одеты не совсем случайно.

Сначала мы пошли влево, по дороге. Справа была какая-то канава, заполненная водой, а слева широкая, метров в триста шириной низина,

заросшая невысокой осокой. Неожиданно сзади, тоже слева от нас выскочила стайка уток. Шли они параллельно нам, но далеко, метрах в ста, поэтому я даже не стал сдергивать ружье с плеча. Жора же решил иначе. Он снял свое ружье, стал прицеливаться, повел им. И вдруг выстрелил. К моему удивлению одна из уток перестала махать крыльями и по крутой траектории спикировала вниз. Через пару секунд она плюхнулась на лужок с осокой.

Меня удивила вся эта стрельба. У Жорки патроны были заряжены мелкой дробью. Видимо он каким-то чудом попал утке в голову или шею. Именно так ведет себя утка, когда ей попадают в голову. Она перестает хлопать крыльями. Вообще перестает совершать какие-либо движения. И просто падает вниз.

В любом случае трудно было рассчитывать найти добычу, упавшую так далеко. Тем более там кругом была осока. Хорошо еще, если утка действительно была бита насмерть. Она в таком случае хотя бы останется на месте своего падения. А если нет? Тогда она очухается и начнет либо убегать, либо просто прятаться. Пойди найди ее такую!

Тем не менее Жорка полез ее искать. Проискал минут пятнадцать, ходил и туда, и сюда. Может быть, нам следовало ему помочь. Однако поначалу

казалось, что он просто сходит и подберет ее. А потом мы уже просто утратили любые ориентиры, чтобы искать там, где надо. В конце концов Жорик вернулся не солоно хлебавши. Все равно он чувствовал себя как герой и навряд ли павлина прогуливался взад и вперед перед моей Верой.

По поводу этой ситуации я смеялся уже только на следующий день. Когда мы обсуждали выстрел, кто-то заговорил о мелкой дробь. Тут моя Вера призналась, что она не знала, что по утке стреляют дробью. Она искренне полагала, что Жорка на таком расстоянии подстрелил утку пулей, как американский ковбой из кинофильма. Сказала она это столь наивно и растерянно, что мы хохотали просто до упада.

Тогда же мы продолжили свой путь, пересекли протоку справа и углубились в бескрайние просторы небольших озер, соединенных то ли каналами, то ли ручьями. Прошли, наверное, не меньше километра. Никаких уток не было и в помине. Что было удивительно. В такой местности, по моим меркам, утки должны были сидеть на каждом метре. Удобнее условий не придумаешь. Кругом небольшие озерца, протоки, заводи, окруженные кустами и высокой осокой. Но уток почему-то не было.

Наконец подошли к протоке, довольно неглубокой, судя по всему. Но тем не менее метров в пять шириной, никак не меньше. Наш егерь, что называется, ничтоже сумняшеся, прямо в своих кроссовках полез в воду. Ну, если надо ее пересечь, значит надо! Егерю виднее. Может быть, дальше будет больше дичи. И я без лишних вопросов направился прямо за ним. Однако в результате сразу же набрал полные сапоги. Протока оказалась не такой мелкой, как я поначалу считал. Я присел на другом берегу, разулся, вылил воду, выжал носки и вновь надел свои сапоги. Все меня подождали. В любом случае процедура заняла минут пять, не больше. Кроме меня никто никаких сапог не снимал и ничего не выжимал. По очень простой причине. Обувь других членов нашей команды была вообще не приспособлена для плавания по воде. У всех были ботинки. А у моей Веры, как я уже упоминал, сапожки, которые обычно носят в не слишком холодную погоду. Все просто набрали полные ботинки воды и дальше с такой обувью продолжили наш путь.

Вся группа пошла дальше. Через некоторое время пришлось форсировать еще одну протоку. Там тоже было глубоко и вся процедура повторилась от начала до конца, включая выжимание носок. На третьем переходе через воду я наконец все понял. Похоже, таких проток впереди было несчетное количество. Егерь это знал и даже не пытался сохранить ноги сухими. Мои ноги теперь тоже были мокрые. Только в отличие от нашего егеря я на этих мокрых ногах был еще вынужден тащить тяжеленные сапоги с водой внутри. Правда, после очередного брода я наловчился и прыгая на одной ноге, так сгибал другую, что часть воды из сапога выливалась. Но не до конца. Все равно идти было довольно тяжело. На каждую ногу я заполучил по хорошему

килограмму дополнительного веса. Это не считая веса самих резиновых сапог.

Так мы брели, наверное, часа два. Уток по-прежнему не было. Наконец вдали взлетела стайка чирков. Они так завертелись между кустами, что стрелять было почти безнадежно. Тем не менее все стали бабахать. Все мимо, чирки благополучно улетели. Перед Верой хвалиться было нечем. А она и так стала поглядывать на нас со все большим сомнением. Во взгляде ее явно читалось: «И что же вы за такие знаменитые охотники, если до сих пор без добычи?» Возразить ей было совсем нечем.

Наши хождения продолжались уже совсем долго. Уток не было напрочь, мы порядком устали и окончательно промокли. Надо было поворачивать назад. Так мы в конце концов и сделали. На подходе к машинам опять подняли стайку чирков и кто-то из нас одного подстрелил. Кто – убейте, не помню. Слишком, видимо, я подустал. Вера тоже выбилась из сил, но молчала. Наконец мы подошли к своим машинам. Я с облегчением снял свои треклятые сапоги. Вера стянула с ног то, что еще за несколько часов до этого было вполне приличными женскими сапожками. Лена вздохнула и тут же на месте их и выкинула. Первая часть охоты завершилась.

Продолжение состоялось вечером. Мы успели отдохнуть и опять рвались в бой. Местные товарищи предложили поехать на место охоты за несколько километров. Из разговора я понял, что нам на этот раз предложат стрелять по уткам на перелете. Что ж, затея наших хозяев была понятна. Ходить мы уже вряд ли сможем, да и смеркалось. А вот пострелять на вечерней зорьке было вполне по силам.

Мы заехали на какую-то длиннющую дамбу. Слева были видны озерца, утопавшие в осоке. Справа – сплошная вода. Она была полностью покрыта отдельными зелеными стеблями осоки. Видимо, глубина была везде по колено. Вскоре меня высадили и порекомендовали зайти в воду именно справа, подальше от берега.

Наконец-тогодились мои болотные сапоги! Я поднял их и смело двинулся по осоке. Действительно, глубина была по колено, дно не сильно вязкое. Я зашел в глубину пруда метров на триста от берега и остановился у какого-то куста. Место мне показалось вполне удобным для засидки. Снял с плеча ружье, зарядил, стал оглядываться, ожидая, что с минуты на минуту на меня налетит дичь. Время для этого было самое подходящее: солнце уже зашло за линию горизонта, кругом опустилась какая-то мгла, предметы у поверхности воды стали терять свои очертания.

Время шло, но лета не было никакого. Изредка то справа, то слева, но неизменно далеко, слышались отдельные выстрелы, но сколько я ни вглядывался, ничего разглядеть не мог. Становилось совсем темно.

Наконец я увидел стайку уток. Стрелять по ней было бессмысленно. Летели они на очень большой высоте, «с кислородом», как говорил в таких случаях мой отец, имея в виду, что летчики, когда летают на большой высоте, одевают кислородную маску. Потом появились еще стайки, но также очень далеко. По ним, однако, все равно кто-то стрелял.

Темнота уже в полной мере опустилась на землю. У поверхности просто ничего не было видно. На лицо мне сел комар. Я его согнал, но вслед за ним появился еще один, потом еще и еще. С воды и травы поднялось просто облако комаров. Такого их количества я не видел никогда в своей жизни. «Сколько же надо крови, чтобы прокормить эту ненасытную тучу?» – эта мысль привязалась ко мне совершенно неотступно. Мало того, что комары норовили меня ужалить. Они не позволяли разглядеть уток, если бы те вдруг появились. Комар невелик, но когда он движется близко к лицу, да еще в темноте, но на фоне еще светлого неба, то в первое мгновение глаз воспринимает его как утку, летящую на каком-то расстоянии.

Размахивая руками и отгоняя от себя комариную орду, я одновременно силился разглядеть и дичь, если таковая ко мне вдруг приблизилась бы. Но лета не было. Стало уже совсем темно и поверхность воды было совершенно невозможно разглядеть. Я был совсем измучен комарами, шея болела от непрерывного кручения головой, а в глазах плясали какие-то немислимые чертики, похожие на комаров и уток одновременно.

Неожиданно сзади на меня налетела пара уток. Шли они высокомерно, метрах на пятидесяти, но зато прямо над головой. Как я только успел их вовремя разглядеть?! Я вскинул ружье, повел, выстрелил. Мимо. Еще выстрел и вдруг одна из уток, сложив крылья, полетела вниз. Попал! Я аж подскочил от радости.

Но мало не прозевать летящую утку. Мало также ее подстрелить. Надо еще ее найти! Моя же красавица плюхнулась в воду метрах в ста от меня. К моменту удара я уже успел пробежать в направлении падения не меньше двадцати-тридцати метров. Бежать было трудно, от брызг я стал весь насквозь мокрый, зачерпнул сапогом, но все это было неважно. Надо было добежать до утки как можно скорее. Даже если она была бита насмерть, все равно потерять ее было в таких условиях проще простого.

Наконец я замедлил свой дикий бег и стал оглядываться. У меня, кстати, был фонарик, выданный хозяевами, но он еле светил. Я оглянулся и не увидел никакой утки. Сделал несколько шагов вперед и еще раз огляделся. Вот она! Утка лежала впереди, еще в нескольких метрах, скрытая осокой. Я вцепился в нее так, как будто ее могли у меня отобрать.

Сердце прыгало от радости, вода, комары и прочие невзгоды сразу стали мне нипочем. Есть добыча! Теперь не стыдно будет появиться перед своими. Все увидят, что я настоящий охотник. Подгоняемый этими радостными

мыслями, я вернулся к своему кустику. Стало совсем темно. Но вот теперь утки появились! Свист от их крыльев ясно слышался то справа, то слева. Более того, несколько раз я явственно слышал, как они шлепались в воду и перелетали с места на место, хлопая по поверхности крыльями. Но видно ничего уже не было. Я просто разрядил ружье и повесил его на плечо. Охота на вечернем перелете закончилась.

Стоять на номере пришлось, однако, еще довольно долго. Я уже начал сомневаться, не забыли ли про меня вовсе. Вот была бы потеха – провести ночь на берегу этой лужи в окружении комарья. Наконец ждать надоело, и я просто пошел в направлении дамбы. Видно ее не было, но я надеялся, что ориентируюсь хорошо и после всех своих пробежек-перебежек не окончательно запутался, где север, а где юг. А то была бы веселенькая история, если бы я куда-нибудь ушел в такую темень и потом всю ночь стоял бы по колено в воде, ожидая спасения. Вообще-то, по уму организаторы охоты должны были в этой ситуации идти по дамбе и подавать сигнал фонарем.

Мой фонарь тем временем стал быстро садиться. Я же прошел, как казалось, уже намного больше трех сотен метров. Но мои инстинкты меня тем не менее не подвели. Вдали вдруг замаячили огоньки и даже послышалась речь. «Вдали» оказалось совсем близко, просто метрах в семидесяти. Настолько была обманчива вся окружающая обстановка, что даже такое короткое расстояние не позволяло разглядеть все должным образом.

Наконец я выбрался на дамбу. Машины уже не было, она уехала, видимо, собирать других охотников. Тут же оказались другие стрелки, которых я раньше не видел. Однако это не помешало нам поговорить и об охоте, и об обстановке в целом. Я, однако, не решился заводить речь о радиации. Ведь это были, скорее всего, местные жители. Мои «радиационные» вопросы могли показаться некорректными. Они ведь, в отличие от меня, постоянно жили в окружении изотопов.

Беседа беседой, но я при этом не показывал свою утку. Дело даже было не в том, что я не хотел хвалиться. Как раз наоборот, я хотел похвалиться по максимуму. Но если сразу станешь совать в нос свою добычу, всякий поймет, что для тебя это большое достижение. Именно поэтому я выжидал. Было ясно, что в конце концов кто-нибудь спросит про результаты охоты. И вот только тогда я как бы небрежно покажу свою птичку.

Так оно и вышло. Подъехали мои, утка была должным образом продемонстрирована, и мы покатали назад, на свою базу. Там нас уже ждал хорошо накрытый стол. Опять водка, разносолы, рассказы про охоту вообще и про сегодняшние приключения в частности. Дали выступить и мне. Я рассказал о своей стрельбе и только тут почувствовал, что окончательно

счастлив. Охота удалась даже только из-за одного добытого мной трофея. Вскоре мы нырнули в постели и забылись коротким, но крепким сном. Утром нам предстояло идти на новую охоту.

С утра встали очень рано. В сущности, в эту ночь мы проспали всего три-четыре часа. Вышли на двор. Было зябко, даже просто холодно. Ведь был уже октябрь.

Оказалось, что в этот раз мы поедем на лодке на самую Припять, охотиться в плавнях. Надо же, каждый день новый вид охоты! Вот это хозяева нам попались! Какие молодцы. Устроили такую охоту, что каждый раз мы попадали в новую обстановку. Все это мне нравилось все больше и больше.

Местные хитрецы наловчились очень изящно выплывать к реке. Домик стоял на довольно большом расстоянии от нее. Но от дома к большой воде вился ручей. Местные жители не поленились и хорошо углубили его. В результате получился небольшой канал чуть ли не в километр длиной. Лодку можно было спокойно держать дома. Молодцы, одно слово.

Мы забрались в «казанку», хозяин стал толкать ее шестом, и мы двинулись в сторону реки. Поначалу лодка часто цепляла за дно. Один раз даже пришлось из нее вылезать. Наконец дернули за шнур, мотор заревел и мы полетели. Должен сказать, что «казанка» шла по извилистой протоке, которая была не намного шире ее самой. Все время казалось, что сейчас мы на полном ходу вылетим на берег. Этого однако так и не произошло. Хозяева знали каждый изгиб своего ручья и каждый раз ловким маневром сворачивали куда надо. Все это напоминало спуск на горных лыжах в условиях плохой видимости. Резкие повороты направо и налево чередовались с калейдоскопической скоростью. Однако все в конце концов окончилось успешно, и наша «казанка» вырвалась на самую Припять. Я не исключаю, что, когда наши хозяева плавали тут без гостей, они проходили ручей не на такой бешеной скорости. А тут, похоже, решили показать столичным гостям настоящий класс. И показали, без сомнений. Одно это уже тянуло на хорошее приключение.

Шикарная река эта Припять! Я в своей жизни видел разные реки, но эта была особой. Она довольно широкая, метров двести. Течение быстрое, даже стремительное. А берега песчаные, высокие. На них зелень, но немного. В отдельных местах встречаются густые заросли. Извилиста Припять до невозможности. Виляет и виляет, а песчаные косы тут же сменяются обрывистым берегом. Совсем неожиданно было увидеть на этой быстрой реке самоходную баржу. Я поначалу совершенно точно осознал, что вот сейчас эта баржа на полном ходу выскочит на берег. Этого однако не произошло. Баржа плыла по реке еще быстрее, чем течение, и очень ловко маневрировала. Пируэты тысячетонного гиганта выглядели совершенно сюрреалистичными. Тут я ощутил Припять во всем ее величии. Хотел бы я тут жить! Правда,

тотчас на ум пришла и другая мысль: «Такие сказочные места, а их загадили радиацией!»

Вскоре по реке нам навстречу прошел и корабль на подводных крыльях. Одно слово, оживленная судоходная магистраль. Рулевой на моторе направил нашу лодку против течения. Через какое-то время меня с Борисом высадили на правом берегу и сказали, что придут через несколько часов. Мы дождались, когда лодка отойдет, и зарядили свои ружья. Предполагалось, что мы будем тут стоять и ждать, когда на нас что-нибудь налетит.

Стояние наше на берегу продолжалось довольно долго, но уток не было видно и в помине. Наконец эта история нам надоела. Решили пройти немного в сторону от реки. Вдруг утки сидят в каких-то лужах или просто в траве? Поднимем их на крыло и тут-то и ударим! Но уток не было видно и там. Мы с Борей расслабились, просто шли дальше и мирно между собой беседовали на какую-то отвлеченную тему. Справа от нас тянулась заросшая травой канава метров пятнадцать шириной. Вдруг на той стороне громко взлетела утка и, оглушительно хлопая крыльями, потянулась прямо над канавой вдоль кустов, вперед от нас. И я, и Борис вскинули свои ружья и выстрелили почти одновременно. Утка замертво упала на ту сторону канавы.

Вообще-то мне показалось, что я выстрелил пораньше и попал. Но тут во мне стали играть всякие посторонние чувства: «Борис только что купил ружье, еще не успел стать настоящим охотником, эта утка будет ему приятна!» И я стал твердо настаивать, что это именно он попал. Сделал я это видимо довольно топорно – Борис чуть скривился, не желая получать подачки. Хотя какая подачка? Даже если я выстрелил на долю мгновения раньше, он тоже попал по этой утке. В общем, я продолжал настаивать, и Боря наконец сдался. Он разделся и поплыл через канаву. Через несколько минут он вернулся с уткой в руке. На спине у него однако расплылось огромное черное пятно, похожее на нефтяное. Он взялся его оттирать, а я почувствовал себя вдвойне неудобно. Мало того, что грубо всучил утку. Теперь еще получается, что я не захотел лезть в грязную воду. Впрочем, через несколько минут все забылось, а трофей был при нас. Все-таки мы настоящие охотники!

Кстати, мы не преминули померить у этой утки уровень радиации. Когда я сюда ехал, то предполагал, что именно утки могут быть радиоактивными. А как же иначе? Они едят рыбу, которую смогли схватить. То есть полудохлая от облучения рыба – самая их добыча. Кроме того эти утки щиплют разную травку. А она тоже носитель радиации. Так что уток я мерил, что называется, дрожащей рукой. Но к моему удивлению дозиметр не показал никакого превышения уровней радиоактивности. Более того, у уток вообще почти не было радиоактивного фона. Что меня, с одной стороны, немало порадовало. А с другой стороны, я так и не понял, как такое получилось: все вокруг радиоактивное, а утки – первоначально чистые.

Прицепив добычу, Борис и я пошли опять к реке. Моторки не было, мы разлеглись на берегу и стали любоваться окрестностями. Вокруг было просто прекрасно. Ясно светило солнце, по Припяти время от времени проходили разные суда. Спешить было решительно некуда.

Наконец появилась и наша «казанка». Мы сели и отправились вниз по реке, не преминув при этом похвалиться добычей. Когда уже подъехали к нашей протоке, хозяин вдруг предложил заскочить на моторке в еще один небольшой заливчик. Борис отказался, он, кажется, уже наелся досыта этой охотой на сегодня. Да к тому же, видимо, не было у него в крови той сумасшедшей охотничьей заядлости, как у меня. Мы расстались – Боря пошел берегом к нашим, а мы вдвоем рванули на другую сторону.

Зашли с ходу в заливчик, но там дичи не было. Моторка быстро летела вглубь и вошла в извилистую, достаточно глубокую протоку, скрытую издали от глаз. Хозяин предупредил, чтобы я был наготове, и на полной скорости мы полетели вглубь. Головоломный слалом продолжался довольно долго. Наконец мы выскочили на более или менее открытое пространство. Вдали, метрах в шестидесяти поднялась стайка чирков. Я приложился и ударил раз,

другой, третий. Все мимо! Чирки полетели, я все давил на курок, но ружье не стреляло. «Что же ты?» - оглянулся хозяин. Я что-то буркнул, что было далековато. На самом деле меня подвело собственное жлобство. У меня помимо хороших импортных патронов в пластиковых гильзах было также много картонных, доставшихся мне «на халяву». Их же тоже надо было использовать! Однако эти патроны были стендовыми, снаряженными ослабленным зарядом пороха. В моем автомате их отдачи подчас не хватало, чтобы передернуть затвор. Именно это произошло и сейчас. Третьим в магазине лежал именно такой картонный патрон. Сам-то он выстрелил, но энергии отдачи на перезарядку не хватило. Я с отвращением вытащил из патронника стреляную картонную гильзу и кинул ее в воду. Учит нас жизнь, учит, что фраера губит жадность, а мы все никак не усвоим этот урок.

Пока мы тут крутились, кувыркались да стреляли, мотор наш заглох. Хозяин начал его вертеть. Все без толку. Осмотр показал, что почему-то вдруг лопнул короткий шланг бензопровода. Начался ремонт. Я понимал, что без запчастей можно так ковыряться довольно долго, и все равно ничего не выйдет. А запасного шланга как раз и не было. Поэтому я взял шест, лежавший внутри, и стал им толкать лодку. Та неспешно двинулась назад по протоке.

Толкая «казанку» шестом, я вдруг почувствовал особое удовольствие. Так водить лодку в свое время научил меня еще отец. Мы вдвоем с ним плавали на плоскодонке. Он стоял на носу с ружьем, а я потихоньку толкал нашу посудину с помощью длиннущего шеста. Это довольно непростое дело. Шестом надо упереться в дно водоема почти вертикально, а потом толкать его назад постепенно и как бы уводя под дно лодки. Только тогда она будет идти прямо.

Именно так я и стал толкать нашу «казанку». Поначалу она норовила развернуться и зацепить носом берег. Тогда я стал толкать помедленнее, и поаккуратнее. Хотелось показать хозяину, что я тоже не лыком шит. Он однако не обращал на меня внимания и довольно озлобленно возился со своей поломкой. Несколько раз он пытался завести мотор, но безуспешно.

Так это плавание продолжалось часа два. Расстояние, которое мы пролетели на моторе в одно мгновение, оказалось очень длинным для плавания на шесте. Впрочем, я и не спешил. Наконец вдали показалась сама Припять. Я вышел из протоки. Одновременно хозяин опять стал остервенело рвать стартовый шнур. Мотор вдруг завелся, заревел. Я даже расстроился. Хотелось дойти на шесте до самого дома. Вот бы все увидели, какой я герой. Мальчишка во мне буйствовал в полной мере. Но мой партнер по охоте был другого мнения. Он направил наш корабль поперек Припяти, мы заскочили в знакомый мне узенький каналчик и вскоре были уже дома.

Оказалось, что наших на месте нет – куда-то они отъехали. Пришлось перейти в один из соседних дворов, куда и предполагался приезд всей нашей шатии-братии. Это был особый двор. Особенность его заключалась в том, что он был засыпан хорошим белым гравием. Мы в предыдущий день уже заходили сюда, и наш дозиметр показал на этом гравии фон до тридцати миллирентген в час. Хозяева дома среагировали на это очень спокойно. Они все знали про гравий и его радиацию. Но уж очень он где-то заманчиво лежал без присмотра. Вот они и покусились на него, невзирая ни на какие рентгены.

Я зашел во двор и сел на лавочку, стоявшую рядом с домом. Надо было переобуться. Где-то я успел опять зачерпнуть воды в свои сапоги. Неторопливо снял их, содрал мокрые носки и тщательно их отжал. Но одевать их и засовывать мокрые ноги назад в сапоги совсем не хотелось. Я решил дождаться нашей машины и залезть в нее босиком, прямо с лавки.

Через какое-то время подошла и моя Вера. Мы разговорились с хозяевами. Они стали хвалиться своим хозяйством. Рассказали о своих кроликах, которые бегали туда и сюда прямо под ногами. Женщина для убедительности даже схватила одного здорового кроля, чтобы показать нам. Он видимо решил, что пришел его последний час, и отчаянно и очень резко заорал. Мы с Верой просто подскочили на месте – никто из нас раньше не слышал, чтобы кролики так пронзительно верещали.

Потом хозяева наперебой стали нас угощать местными овощами и просто стали навязывать нам авоську с огурцами. Мы отбивались как могли. Ясно, что мне не хотелось рисковать. Съел лишний огурчик с таких грядок, а потом будешь думать, отчего вдруг что-то заболело! Хозяева продолжали настаивать, и я понял, что для них навязать эту авоську означало, что мы как бы признаем, что и тут можно жить, что огурцы не радиоактивные. Несмотря на неловкость всей этой ситуации мы все-таки как-то отбоярились от всех этих огурцов с помидорами.

Наконец подъехал и Боря. Мы стали прощаться с хозяевами этого дома. Ребята погрузили вещи в машину, и в конце концов я решил, что пора грузиться и мне. Однако наш «Жигули» стоял далековато от моей лавочки, метрах в двух. Я для начала с размаху забросил в открытую заднюю дверь свои сапоги с носками, а сам осторожненько шагнул босиком по гравию и успешно забрался на заднее сидение. Мы простились с кролиководами и поехали опять к прежним хозяевам – пировать. Тут же машине я вытащил дозиметр и приложил к своим голым подошвам. Тридцать пять микрорентген! Я аж подскочил. Ничего себе – сделал всего два шага босиком по белому гравию! Радиоактивному.

Все вошли в дом и уселись за накрытый стол обедать. Я же рысью кинулся в ванную комнату. До этого я заходил туда мало, только руки вымыть. Вода из крана текла только ледяная, плескаться в ней совсем не хотелось. Теперь

же, хочешь не хочешь, а надо было смывать подхваченную радиацию. Я схватился за мыло. Дело однако оказалось совсем не простым. Я уже намыливал ступни ног наверное двадцатый раз, а дозиметр упорно показывал свое. Всего два шага по чертовому гравиию!

В целом пришлось так мылиться и купаться в ледяной воде более часа. Замерз я смертельно. Наконец прибор стал показывать где-то в районе восемнадцати. Я не выдержал, махнул на все рукой и пошел к столу. Водка оказалась как нельзя кстати. Говорят, что она тоже помогает против радиации. Неясно только как. Будем считать, что помогает.

Поездка на Припять особенно запомнилась мне именно этим гравием. Стрельба и в целом охота были, конечно, приятным занятием, но не самым ярким. Рассеянная же по земле и по людям радиация впечатляла посильнее. Как они тут живут? Неужели все или почти все смертники? Тогда мне именно так и показалось, хотя из научных источников я знаю, что угроза погибнуть была все-таки не стопроцентная, хотя и достаточно высокая.

Ахтуба. И автомобильные приключения

– А не поехать ли нам на Ахтубу? – с этими словами Володька Власов вдруг обратился ко мне. Произнося эти слова, он одновременно поднял со стола рюмку с водкой, сделал ею в воздухе жест в мою сторону и, слегка пригубив, вновь поставил назад.

– Это куда-куда? – от неожиданности я даже слегка опешил. Вообще-то, мы устроили это застолье вовсе без повода. Просто решили пообщаться семьями. И вот я заехал к нему в гости посидеть и между делом поговорить о жизни. Никаких планов договариваться о выезде куда-то на охоту или рыбалку у меня вовсе не было. Так что заданный мне вопрос точно застал меня врасплох.

– На Ахтубу! Так называется один из рукавов Волги ниже Волгограда. Если река впадает в Волгу, то это приток Волги. А если сама Волга разделяется на несколько рек, то это рукава.

– Не нужно ликбеза. Я не малограмотный, знаю, чем отличаются притоки от рукавов. Представь себе, также знаю, что существует такой рукав Волги Ахтуба. И даже знаю, где он расположен. Я спрашиваю, почему именно туда? Это ведь далеко. Значит, в отпуск?

– Объясняю, – тут Володька воспользовался моим собственным любимым ораторским приемом. Именно я люблю использовать слово «объясняю», которое косвенно предполагает, что мой собеседник не понимает чего-то очевидного. В общем, это скрытый намек на то, что я – умный, а собеседник – недостаточно умный.

– Есть несколько причин, – продолжил Власов. – Во-первых, я туда уже ездил и знаю, куда и как надо заезжать. Во-вторых, это богатейший район для охоты и рыбалки. Рядом сама Волга со всей ее рыбой. Мало того. Надо ехать не просто на берег Волги. А на один из так называемых заливных островов. Весной, когда река разливается, такой остров полностью покрыт водой. А потом уровень воды спадает, и остров вновь доступен для посещений. Но из-за этих регулярных заливов-разливов никто на таких островах на постоянной основе не живет. Поэтому там богатейшая фауна и флора.

– Возможна охота?

– Еще как возможна! Внутри островов много маленьких самостоятельных озер. Они полным-полны рыбой. Утка ее жрет в три горла и при этом просто непуганая.

– Да сейчас не охотничий сезон, только начало июля!

– Какое дело! У меня есть одностволка, нигде не числится. Отберут – не очень-то и жалко. Да там некому и отбирать!

Вообще-то, я до этого действительно немало был наслышан относительно этой самой Ахтубы. Так называют не только рукав великой русской реки, но

и довольно обширные степные пространства по левому берегу. А вся немудреная местная цивилизация в виде деревень и мелких поселков располагается по правому берегу, вдоль дороги от Волгограда до Астрахани. Но левый берег пуст не только поэтому. Там располагался, да и сейчас, наверное, все еще располагается огромный военный полигон под названием Капустин Яр. Этот полигон известен не только запусками ракет. Именно там происходили довольно необычные события с участием чего-то, очень похожего на НЛО. В результате, как известно, расплавился стальной военный радиолокатор, произошли другие не менее значительные странности. В общем, место было не только пустынным, но и таинственным.

Володька Власов все-таки предлагал ехать не на левый берег, не на территорию, занятую военными, а только на острова. Но близость военного полигона означала, что там никто понапрасну не пугал дичь и она могла беспрепятственно летать туда и обратно. Впрочем, как потом выяснилось, там и без полигона этих уток было некуда девать.

В общем, меня не пришлось долго уговаривать. Доводов хватало на десять положительных решений. Тем более, что я в любом случае уходил в отпуск. И я согласился с легкой душой, предвкушая хорошие приключения. Которые, как вскоре выяснилось, не заставили себя долго ждать. И оказались вовсе не всегда достаточно приятными.

Вовкин план был следующим. Едем на двух «жигулях» – Вовкиных и Лешкиных. Едем поначалу втроем – я, Володька Власов и его дружок Лешка. Потом к нам присоединится какая-то подружка Лешки. Я этого Лешку знал, но не слишком хорошо. Впрочем, и то, что мне было известно, меня очень устраивало. Лешка был одного с нами возраста, полный, довольно высокий. С приятным интеллигентным лицом. И, самое главное, он действительно был интеллигентным парнем, не наглецом или хамом. А, как раз наоборот, был покладист и вежлив. Вот уж какой девице достался такой муженек, наверное, до сих пор не нахвалится.

Мне же эти Лешкины качества были небезразличны потому, что в подобной поездке обязательно будут возникать если и не конфликты, то спорные ситуации, это уж точно. И от того, насколько спокойны по своей природе твои спутники, зависит качество всего мероприятия. В общем, наличие Лешки, да еще его машины, окончательно склонило меня в пользу этой поездки. А что, проветрюсь, погуляю! Десяток деньков вне Москвы, конечно же, мог пойти мне только на пользу. А тут еще охота, рыбалка!

Стартовали через несколько дней, рано утром, когда было совсем темно. Ехали медленно, не быстрее восьмидесяти километров в час. Таково было Вовкино условие, он не хотел разбалтывать автомобиль быстрой ездой по плохой дороге. Я же горячился, хотел быстрее. Но нельзя, не моя машина. Тем более, что автомобиль Алексея все время дурил – на скорости больше

восьмидесяти он начинал дергаться. Что делать? В Москве Леха ничего нам не сказал по этому поводу. Почему? Загадка. Заехали бы на сервис, заранее все исправили.

Короче, когда мы отъехали от Москвы так далеко, что возвращаться было уже совершенно невозможно, стало понятно, что без ремонта в дороге не обойтись никак. То есть приключения уже начались. Только совсем не там, где я предполагал. Наконец мы встали на обочину и открыли капот Лешкиной машины.

Ну что ж, автомобильные приключения – это тоже приключения. Особенно когда они хорошо заканчиваются... Тут придется сделать некоторое отступление на автомобильную тему, чтобы читателю было все было более или менее понятно и про меня, и про мою роль во всех этих автозаключениях. Конечно же, и Володька, и Лешка – оба вполне прилично разбирались в ремонте автомобилей. В советское время большинство водителей понимали в этом деле. Иначе было никак нельзя. Отдельные детали могли не то, чтобы сразу выйти из строя. Но запросто могли начать дурить. Искра могла куда-то подеваться. Бензин мог перестать поступать. Опережение зажигания могло «уйти». Могла ослабнуть цепь и сбить успокоитель. В результате же машина могла и встать посередине дороги. И если водитель не мог тут же, на месте провести элементарную проверку и устранить неисправность, он рисковал продолжить путь домой уже пешком.

После первых попыток наладить Лешкин автомобиль простейшими методами стало понятно, что оба моих дружка не в силах определить неисправность. Они покопались-покопались под капотом и наконец обратили свои взоры ко мне. Я же до этого не лез со своими советами, лишь скептически прогуливаясь туда-сюда и поглядывая на сгорбленные спины моих попутчиков. Все-таки у меня был серьезный опыт ремонта подобной техники, и не следовало его девальвировать ненужной поспешностью. Тем более если неисправность – пустяковая. Пусть сами устраняют, если уж взялись.

Надо признаться, я сам не без основания полагал, что хорошо разбираюсь в «жигулях». Как это получилось – долго рассказывать. Наверное, тому способствовали и склонность к железякам, и соответствующие обстоятельства моей сложной жизни. Но к какому-то моменту я стал уже совсем большим «докой». Вплоть до того, что в одиночку, без каких-либо помощников, мог поменять прокладку головки блока цилиндров часа эдак за два. Кто понимает в железках, тот оценит, что именно я тут сказал.

Кстати, как-то так получилось, что мои коллеги по министерской дипломатической работе прознали про мои особые способности в области ремонта машин. Собственно говоря, не всегда можно такие знания и скрыть.

Тут нередко слава бежит вперед человека. А происходило это, например, вот так.

Как-то раз, в один хороший зимний день прихожу я на свою работу и вдруг вижу в коридоре нашего отдела совершенно сизое лицо моего коллеги Андрюшки Терехова. Он был старше меня лет на пять. А по дипломатической должности и вовсе значительно опережал.

– Что случилось, друг? Отчего у тебя такой сизый нос? Разве можно так злоупотреблять горячительными напитками?!

Как нередко бывало, я шутил на работе явно невпопад, без должного уважения к возрасту и должности. За что время от времени имел соответствующие неприятности. Вот и в этот раз Андрюшка явно не оценил мой топорный юмор. Но почему-то и не обиделся на мою дерзость.

– Какая там пьянка! Сломалась печка в машине. Но не пешком же ходить на работу?! И вот я уже целый месяц езжу в машине без обогрева. А за бортом, между прочим, минус двадцать с хвостом! – эти слова Андрей произнес с каким-то особым душевным жаром. Видно, его так достала эта печка, что надо было немедленно пожаловаться хоть кому-то.

За бортом было действительно холодно. Я живо представил, как Андрей каждое утро едет на работу. Пар от дыхания оседает на лобовом стекле. Андрей одной рукой рулит, другой судорожно пытается на ходу протереть стекло. Процарапывает дырку, одну, другую. Те быстро замерзают, куда едешь – не видно. Жуть!

– Где у тебя машина? Давай сходим, я посмотрю что к чему. Может, что посоветую.

Андрюшка был готов уцепиться за соломинку. Вдруг я действительно что-то дельное подскажу? И через минуту он уже стоял в куртке у моего кабинета. Мы вышли наружу, обошли Смоленский гастроном и в переулке в сторону метро обнаружили и его машину. Сели. Он за руль. А я на переднее сиденье рядом.

– Ну, заводи.

Андрей завел.

– Теперь давай подождем, когда мотор прогреется.

Андрей настроился на долгое ожидание. В мороз мотор должен был греться довольно долго. А я тем временем как бы невзначай опустил руку вниз. Дело в том, что, судя по всему, никакой особой поломки в машине и не было. Если бы подтекала трубка, по которой течет охлаждающая жидкость, это было бы сразу заметно: в салоне под моими ногами было бы озерцо из тосола. Нет, его на полу видно не было. Значит, что-то другое. «Другое» могло заключаться вот в чем. Трубка, по которой текла эта жидкость, перекрывалась специальным краником. Если его перекрыть, то жидкость не попадет в маленький радиатор, и воздух, проходящий через него, не нагреется. И

наоборот, если краник открыть, то и радиатор будет горячий, и воздух, который через него попадает в салон.

Этот проклятый краник был запрятан итальянскими конструкторами не под капотом, а в салоне автомобиля, внизу, прямо напротив пассажирского кресла. Однако его совсем не было видно. Но кто знал, мог до него дотянуться, хоть и с определенным усилием. Надо было просто засунуть руку подальше под бардачок. Что я незаметно и сделал. Наконец нащупал краник. Так и есть! С него просто соскочил тросик. Дурацкая система, но этот краник должен был открываться и закрываться тросиком, который был прикреплен к рычажку на панели приборов. Этот тросик был сделан так некачественно, что запросто соскакивал с краника по поводу и без повода.

Тросик я на место ставить не стал. В этом не было никакой нужды. К тому же это была довольно-таки сложная процедура. А просто рукой, на ощупь, открыл краник, повернув его по часовой стрелке. Если знать, как это сделать, то операция была совсем пустяковая.

В конце концов мотор достаточно прогрелся. Андрей сидел со своим сизым носом и норовил чихнуть. Что было немудрено, в салоне была вполне отрицательная температура. То есть хорошие минус двадцать. Даже я в своей теплой куртке стал потихоньку подмерзать.

– Ну, включай печку!

Андрей посмотрел на меня с вопросом. Я бы даже сказал – с большим вопросом. Ведь никакого видимого ремонта я не делал. Зачем включать? Чтобы убедиться, что снаружи жуткий холод? Но, поколебавшись, он все-таки протянул руку к переключателю вентилятора и щелкнул им. Вентилятор громко зажужжал. Из дефлектора вдруг хлынул поток горячего воздуха!

Ах, если бы возможно было сфотографировать Андрюшкино лицо в этот момент! Какая это была смесь чувств! Сначала удивление, граничащее с ошарашиванием. Откуда взялось тепло? Потом восторг: «Теперь не буду мерзнуть!» И потом нескрываемое восхищение. Последнее было адресовано уже непосредственно мне. Ведь я вроде бы ничего не чинил! И вдруг все оказалось исправно. Вообще-то я в этот момент выглядел, наверное, как сам бог. Ну, если не сам бог, то по крайней мере как автомобильный бог. Ничего не делал, а все вдруг починилось!

И таких историй было не так мало. Как-то у моего партнера по теннису Димы Ежова вдруг перестала закрываться дверка. Что, бросать машину незапертой? Привязывать дверку изнутри веревкой? Дима уже начал самостоятельно разбирать эту самую дверь. При этом непрерывно дергал за ручку, которой она открывается, однако ничего не помогало. А надо было за эту ручку не дергать. А наоборот, пристукнуть ее, чтобы движение было направлено в противоположную сторону. Замок сразу становился на место и дверь тут же оказывалась заперта. Просто. Если знаешь как.

Самое же смешное во всех этих автомобильных делах заключалось вот в чем. Точно так же, как и в автомобиле, я вникал и в свою дипломатическую работу. Изучал там все, выписывал, заводил досье. И знал все нюансы довольно хорошо. Но коллеги ко мне практически никогда не обращались со служебными вопросами. Или мне казалось, что не обращались? Но зато почти каждый день дверь моего кабинета открывалась, на пороге стоял какой-то нередко незнакомый мне сотрудник министерства, который жалобным тоном рассказывал, что именно сломалось в его «тачке». Редко, когда я не давал дельного совета на месте, даже не выходя к его машине. То есть к кандидату юридических наук за консультациями в области права никто не обращался. А вот по линии автомобилей просто отбою не было. Меня это и забавляло, и немного злило.

Пока мы ковырялись на обочине с Лешкиной машиной, я вдруг почему-то вспомнил еще одну историю, связанную с ремонтом автомобилей, которая приключилась со мной за некоторое время до этого. Тогда мне пришлось изрядно понервничать и поволноваться. А дело было вот как. Первый автомобиль у меня появился после приезда из Индии, «Жигули» одиннадцатой модели ярко-красного цвета. Километров на нем было пройдено немало, однако как и все на этом свете, ресурс этого замечательного транспортного средства стал подходить к концу. На машине появились вмятины и царапины, ржавые места. Состоятельные люди в такой ситуации старую машину продают, а новую покупают. Я, к сожалению, к состоятельным не принадлежал. Какой-то период времени, пока не было заграничных командировок, жить приходилось исключительно на зарплату. Которая, учитывая купленный в рассрочку телевизор, была вообще почти никакой. Первая жена не работала, а училась на юрфаке МГУ. Но на вышеуказанном «жигуле» раскатывала во все стороны. В результате зарплата шла в основном не на еду, а на бензин и ремонт. Нормальное же питание мы позволяли себе только раз в две недели, чтобы вообще не забыть вкус пищи. Впрочем, может быть, умеренность в питании была только на пользу. Неоднократно в своей жизни я убеждался, что человеку кажется и хочется одно, а лучше и правильнее делать совсем другое.

Итак, безденежье и постоянное катание на «жигульке» неизбежно привели к тому, что передние тормозные колодки совсем износились, а на новые денег не было. Что делать? Я стал изобретать. В конце концов придумал следующее. Надо вставить между тормозными колодками что-то твердое, типа гайки. При нажатии на педаль колодки упрутся друг в друга (так устроена тормозная система ВАЗа), но не коснутся тормозного диска. Машина же будет тормозить (притормаживать) задними колесами. Так можно некоторое время осторожно ездить, а тем временем подойдет очередная зарплата, и я куплю новые колодки.

Сказано – сделано. Я прямо перед своим домом приступил к реализации этого плана. Снял передние колеса. Однако только успел вставить подходящую гайку, как подошла жена и попросила подвезти ее к родителям, которые жили совсем рядом – в полукилометре, может, или чуть больше. Подъехать было надо, чтобы забрать назад к себе хранившиеся у них все наши дубленки и зимние шубки. Именно у них эти предметы зимней одежды и лежали летом. Поехали мы вместе. Погрузили все эти вещи на заднее сиденье, забив его доверху. Я тронулся домой, а супруга решила, не помню уж почему, дойти до дома пешком. Благо, что было недалеко.

И вот я отъехал от тещино дома. Надо было просто добраться к себе и выгрузить все эти шмотки, вот и все. Но что-то нами руководит в критические ситуации нашей жизни, что может коренным образом ее поменять. Короче, мне пришла в голову «умная» мысль попробовать мое изобретение с тормозами на практике, причем на некоторой скорости. Вдруг не будет работать? На улице Трифоновской, по которой я ехал, попробовать было никак невозможно – там трамвайные пути и довольно-таки интенсивное движение. А ведь мне надо было разогнаться до какой-то скорости, и потом затормозить, причем достаточно резко. А иначе какое же это испытание? А что, если свернуть на Олимпийский проспект? Он широкий, машин мало. В общем, так я и поступил. Ну что такого, если я на несколько минут отклонюсь от своего маршрута ради важного испытания моего «изобретения»?

Уже темнело. Я свернул. Машин рядом не было никаких. Я тут же разогнался и резко затормозил. Машина в результате клюнула носом и притормозила. Но не слишком. Что-то не так? Я разогнался еще раз и опять затормозил. Эту процедуру я проделал несколько раз. Окончилось именно тем, чем и было должно закончиться. Вставленная гайка вдруг выскочила, сношенные тормозные колодки достали до диска, и хотя и затормозили так, как надо, однако при этом нещадно заскрежетали.

Тут в зеркало заднего вида я вдруг увидел сзади на некотором от себя расстоянии гаишника на мотоцикле. Только еще этого мне не хватало! Конечно же, он по свету моих фар мог легко заметить, что машина тормозила, причем неоднократно, что называется, на ровном месте, в отсутствие каких-либо видимых причин. Ясно, что сейчас он ко мне привяжется, начнет докапываться. И в результате выяснится, что тормоза не в порядке, машина битая, вмятина на переднем крыле выправлена кое-как, подкрашена другой, более яркой красной краской. В общем – штраф, а то и вовсе техпаспорт заберут. Что я тогда буду делать, пешком, что ли, ходить?

Потихоньку набирая скорость, чтобы не вызвать подозрений, я свернул с Олимпийского проспекта налево – в проулок мимо бассейна. Однако, судя по

всему, этот мой маневр породил у милиционера еще больше подозрений. На его глазах какой-то преступник пытался тихо от него смыться.

Я увидел в зеркало, что мотоцикл также свернул за мной в проулок. Но не догонял, держался на расстоянии. Ах так? Тогда я чуть прибавил и уже собрался еще раз повернуть налево. Еще метров триста, а там и дом тестя, между прочим, сотрудника милиции. Доеду до подъезда, он спустится и «отмажет» меня. Однако, видимо, гаишник почувствовал, что у меня есть план побега. Он перестал ползти за мной, а нажал на газ и, почти догнав меня, но находясь все еще сзади, помахал рукой, чтобы я остановился.

Ему было ясно, что я слежу за ним в зеркало и хорошо вижу его жест. Но я-то изображал из себя честного человека, который не оглядывается назад на всякого милиционера. И я продолжал ползти налево, к заветному дому тестя. Тут «мусор» даванул на газ, мотоцикл взревел, обогнал меня и встал поперек дороги. Мотоцикл был с коляской, надо сказать. Маневр был рискованный, хотя милиционер этого вовсе не осознавал. Он ведь думал, что у меня исправная машина. А сильно давить на педаль мне было никак нельзя – сразу будет слышен скрежет неисправных тормозов. Но тормозить потихоньку – значит наехать на милицейский мотоцикл. Еще только этого мне не хватало! Кое-как я все-таки притормозил и остановился, чуть-чуть не перевернув транспортное средство моего преследователя. Я думаю, гаишник почувствовал, что я останавливался как-то неестественно. В общем, подозрительнее ситуации нельзя было себе даже нарочно придумать.

Деваться было некуда. Я неохотно вылез из машины и полез в карман за документами. Но гаишник не подошел ко мне. Он некоторое время постоял в отдалении. А потом стал приближаться ко мне как бы крадучись, осторожно озираясь. Место, действительно, было довольно уединенное. Наконец он добрался до меня и взял документы. Помолчал, покрутил их в руках. А потом пошел вокруг машины, заглядывая внутрь. Я понуро плелся вслед за ним. Как бы случайно инспектор провел пальцем по моему правому переднему крылу.

Надо сказать, это было выдающееся крыло. Я его слегка в свое время помял, потом выправил, причем, сам, а значит, довольно неаккуратно. Но выправить мало, надо было еще подкрасить. И вот я поехал к одному знакомому автомобилисту и объяснил, в чем дело. Тот взял у меня из багажника жестяную баночку с запасной краской, аккуратно ее развел и предложил мне самому покрасить крыло с помощью компрессора. Что я и сделал. Получилось просто здорово. Краска легла лучше заводской. То ли развели ее удачно, то ли компрессор был качественный.

Крыло было покрашено ровно. Но одна беда – запасная краска, хотя она и была красной, как и сама машина, однако оказалась другого оттенка, какого-то кровавого отлива. Так я после этого и ездил с этим крылом, пугая честных людей.

Именно по этому крылу и провел пальцем инспектор ГАИ. Мысли его были понятны за километр – сбил человека, все крыло в крови, труп положил на заднее сидение и забросал одеждой. Теперь везет закапывать. Одним словом, очень опасный преступник.

– Что-то тут темно, не могу разглядеть вашей машины! – промолвил наконец гаишник. – Тут недалеко двадцать восьмое отделение милиции, там фонарь хороший, проедем туда, осмотрим ваш автомобиль, – и он с большим вопросом поглядел на меня.

Я согласился, а что было делать? Вариант показался мне длинным, но приемлемым. Если начать спорить тут, на месте, то гаишник может докопаться до причин моего аномального поведения. Тогда штраф, а то и отобранный техпаспорт. А техосмотр мне никогда не пройти без существенных материальных затрат. Этого допустить было никак нельзя. А в двадцать восьмом отделении разберутся, хотя скорее всего это займет время. Но штрафовать не будут и техпаспорт тоже не заберут – это ведь не ГАИ, а просто районное отделение милиции.

Это отделение я хорошо знал. Оно находилось совсем рядом с Олимпийским проспектом. Мой домашний телефон отличался от номера

этого отделения всего на одну цифру. Это была пятерка в середине номера вместо четверки. Мне по письму Александра Покрышкина, к тому времени, кажется, уже маршала, экстренно выделили этот телефон к окончанию какого-то крупного мероприятия в Олимпийском комплексе.

Звонившие в милицию нередко ошибались, перепутав четверку с пятеркой, и попадали вместо отделения ко мне домой. К чему я со временем даже привык. Часто звонивший вместо «здравствуй» на мое «алле» в ответ грубо кричал: «Кто?». Ведь дежурный по отделению, сняв трубку, должен был отвечать не «алле», а «дежурный слушает», и при этом называть свое имя. Не услышав этого, разъяренное милицейское начальство и ревело: «Кто?»

На этот вопрос я отвечал по-разному. Иногда сразу говорил, что это не милиция. Был случай, когда ко мне по ошибке, судя по всему, позвонил какой-то тайный агент и сбивающимся голосом стал сразу докладывать, как он где-то стоит, за кем-то следит, а тот что-то делает. Пришлось его прервать, хотя слушать было интересно. Агент хрякнул трубкой о рычаг. В общем, по крайней мере в силу этих телефонных звонков двадцать восьмое отделение мне заочно было хорошо знакомо.

Мы тронулись, милиционер впереди на своем мотоцикле, а я сзади. Гнать было никак нельзя по уже изложенным причинам. Сильно разгонишься, значит, придется резко тормозить. Тормоза заскрипят – и я пропал. Гаишник чувствовал, что я еле плетусь за ним, и он часто оборачивался. Наверное, думал, что я выбираю момент, чтобы дать по газам и удрать.

И так он доглядывался, что допустил ошибку, когда выехал на улицу, которая вела к двадцать восьмому. Эта улица посередине была разделена высоким бордюрным камнем. Милиционер поехал слева от этого камня, навстречу движению, но по более близкому к отделению пути. Я же подумал: «Зачем мне лишний раз нарушать правила дорожного движения?» И поехал справа от разделительной полосы. Инспектор не сразу, но вдруг сообразил, что между нами бордюры, через который ему не перескочить. Он было рванул назад, но понял, что не успевает. Тогда он опять полетел вперед, обогнал меня, выскочил на середину перекрестка у Уголка Дурова, соскочил с мотоцикла и, растопырив руки, перекрыл все движение. Несколько машин остановилось. Я же торжественно и медленно развернулся и подъехал к отделению.

Наконец мы заехали внутрь, на стоянку отделения. Гаишник о чем-то долго шептался с местными ментами. Потом на какое-то время ушел, пришел, наконец вскочил на своей мотоцикл и укатил. Слава богу, что и требовалось! Оставалось дожидаться окончания разбирательства.

Меня повели внутрь и посадили на лавку напротив дежурного, где уже сидели какие-то подозрительные типы. И оставили так сидеть на лавке на долгие два часа. Я сел и стал терпеливо ждать, когда обо мне вспомнят. Про эти два часа я к тому времени уже хорошо знал. В милиции, как выяснилось, было, как и сейчас, принято бросить задержанного на эти два часа, не предпринимая никаких видимых действий. С позиции милиции это в любом случае было полезно. Хотя бы для того, чтобы «размягчить» клиента. И в любом случае поставить на место. Если про этот трюк знаешь, то не будешь ни кипятиться, ни кричать. Более правильно просто тихо отсидеть эти два (или четыре) часа. Если, конечно, у тебя нет какого-то убойного козыря типа телефонного звонка милиционерскому начальству. Потом милиция начнет разбираться. Выяснится, что задержали приличного человека. Извиняться не будут, а просто отпустят.

Итак, я сидел и ждал. Конечно, хорошо было бы позвонить жене домой. Я ведь пропал на пустом месте. Меня уже явно там хватились. И обыскались. Но бросаться к дежурному милиционеру и что-то доказывать было совершенно невозможно. Ведь меня задержали по подозрению в каком-то неясном пока, но серьезном преступлении. Оставалось только сидеть и ждать.

Наконец меня позвали к этому самому дежурному. Он стал медленно изучать мои права, техпаспорт. Видимо, ждал, что уж тут-то я точно начну гоношиться и метаться. Но я молчал, понимая всю контрпродуктивность такого поведения. В конце концов ему надоело крутить мои документы, и он спросил, где я работаю и живу. Должность моя в то время называлась атташе. Это самая младшая дипломатическая должность. Не путать с военным атташе или пресс-атташе! Но звучала она, конечно же, достаточно солидно.

Все-таки я колебался: называть эту должность или сказать как-то иначе. Однако деваться было явно некуда. Надо было говорить, где я на самом деле работаю, и кем. Было понятно, что мои слова будут перепроверять, а без этого никуда не отпустят.

Услышав про атташе, милитон неловко заерзал и уставился на меня. Я же был в той одежде, в которой снимал колеса и менял тормозные колодки. То есть был одет как последний бродяга. Не то чтобы мне явно не поверили, но тень сомнения явно проскочила. Меня опять посадили на лавку в компанию к задержанным алкашам и стали перепроверять мои слова.

Понятное дело, через полчаса все сказанное мной подтвердилось. Но теперь на физиономиях мусоров было явно написано: «Ишь ты, атташе, а уже человека живого задавил и вез закапывать!» Так что вместо того, чтобы отпустить, меня торжественно повели во двор. К моей машине вышло человек десять, никак не меньше. Наверное, даже понятия. Предложили открыть дверцы. Я открыл. Один из милиционеров сунул руку под одежду, сначала с краю, потом поглубже. Труп там не обнаружилось...

На мгновение сыщик задумался, даже быть может немного смутился. Но не надолго. На заднем сиденье лежал ворох дубленок и шуб. А на дворе был конец лета. Явно что-то не то! Либо краденые, либо результат спекуляций. Знаем мы этих атташе! Опер еще раз окинул взглядом мою фигуру. Дранные кроссовки без шнурков, замызганные и с дырками на коленях джинсы, потертая и замасленная майка. «Нет, люди, у которых столько дубленок, так не одеваются!» – явно подумал человек в фуражке. И меня торжественно повели назад, на этот раз уже к настоящему следователю.

Следователь оказался мальчишкой примерно моего же возраста. «Надо же, какой молодой, а уже атташе», – совершенно отчетливо пробормотал он. И стал, как ему казалось, умно и осторожно выводить меня на чистую воду. С одной стороны, говорил достаточно предупредительно и вежливо. Но, с другой стороны, в каждом его слове и жесте сквозило, что он поймал крупную уголовную птицу.

Я же про себя думал, что счастливая развязка уже недалеко и никто у меня теперь не посмеет отнять мой техпаспорт. В какой-то мере я, наверное, даже упивался ситуацией, предвкушая, как все должно было разрешиться. Сейчас, когда я стал постарше, я бы так не стал себя вести. Теперь-то я – скромный. А тогда мне было совсем мало лет и я еще не нахвалился в достаточной мере.

Наконец он спросил:

– Что у вас в машине?

– Дубленки, шубы.

– А поподробнее?

– Не знаю поподробнее, взял, да и положил ворохом на сиденье.

А что я еще мог ответить? Я действительно не знал. Я тормозными колодками занимался и совсем не был склонен вникать в суть этой затеи жены с перевозкой одежды. Действительно, что мне дали, то я взял и положил на сиденье. Зачем мне было разглядывать и рассматривать детали? Ясно, что это была зимняя одежда. Была там моя дубленка, парочка супружеских, еще какие-то шубы.

«Ага! – явно подумал «следак». – Не знает! Значит, что-то тут не так. Как можно не знать, сколько у тебя дубленок?!»

Можно было, конечно, подсказать ему, чтобы он позвонил тестю и все выяснил. Но тут тоже надо было соблюдать осторожность. Если бы я сам в такой шаткой ситуации начал настаивать на подобном варианте, то не исключено, что сомнения рассеять не удалось бы. Меня бы отпустили, а предмет предполагаемых спекуляций задержали бы для разбирательства, как улики. Мне это было надо? И я молчал. Пусть лучше сам своим умом дойдет. Разница будет в одну минуту.

Хоть и не через минуту, но следователь действительно дошел до всего своим умом и наконец спросил:

– А откуда это у вас шубы и дубленки?

– У тестя взял, – наигранно простодушно ответил я.

– Наверное, теперь не найти этого тестя? Может быть, ему и позвонить можно? – спросил юный следопыт. Вот именно такими словами и спросил. Я ничего не привираю и не утрирую.

– Можно, – еще более простодушно ответил я. И назвал номер телефона.

Дальше последовало следующее. Парень быстро набрал этот номер. Трубку взяла моя теща.

– Вас беспокоят из милиции (тут следователь назвал номер отделения и свою фамилию). У вас есть зять? Трофимов Владимир Николаевич?

Теща это подтвердила, добавив, что я недавно ушел из дома.

– А какие с ним были вещи?

Надо же было задать такой идиотский вопрос! Я этого совершенно не ожидал. Ведь ясно, что моя жена уже несколько часов меня разыскивает. Ну что в такой ситуации может подумать теща? Ясно что: «Володю убили (или разбился на машине). А теперь милиция исследует его кровавый труп и пытается по вещам и документам установить его личность». И теща тут же умрет от сердечного приступа.

Но надо отдать должное теще, она не дрогнула. И минут пять подробно описывала все вещи, включая заплатки и цвет пуговиц. Наконец, трубку взял сам тесть, который был по званию полковник милиции. Беседа на этот раз была совсем непродолжительной. Я увидел, как поползла по столу следовательская рука. Так тянут к себе руки, когда готовятся встать по стойке смирно. Никаких «смирно», конечно, не последовало. Но по физиономии своего визави я понял, что мои приключения идут к благополучному окончанию.

Выходило следующее. Ответственный сотрудник Министерства иностранных дел СССР едет себе домой, никого при этом не трогает. Такой молодой, а уже атташе. Тесть у него – большой милицейский начальник. Этого атташе хватают на улице ни за что ни про что и держат в околотеке полночи. При этом подозревают, что он – особо опасный уголовник. Все это явно тянуло по крайней мере на неприятное объяснение с руководством. Получалось, что милиция не может отличить очень приличного человека от матерого преступника.

Пока шла беседа, я положил ногу на ногу и потихоньку попытался изобразить из себя действительно ответственного сотрудника. Может быть,

даже пресс-атташе или военного атташе. Однако это получалось не очень убедительно, одежда была явно не та, и я оставил подобные попытки.

Все равно ситуация была довольно смешная. Только что меня выводили на чистую воду, гордясь своей поимкой. А теперь получалось, что я мог на них пожаловаться, и совершенно справедливо, надо сказать! Короче, этот следователь резко поменял тон беседы. Он вдруг стал подробно рассказывать про свою работу, про отделение, про разные проблемы. А потом взял да и просто предложил мне дружить. Я не стал резко отказываться, но все-таки замялся в достаточной степени для того, чтобы вопрос о дружбе был исчерпан.

Не успел я отъехать от отделения, как столкнулся с «жигулями», в которых сидела моя жена. Конечно, она быстро меня спохватилась. Было совершенно непонятно, куда я делся. В конце концов у них победила версия, что я кого-то подсадил, чтобы подвезти. Пассажир увидел дублики и во дворе треснул мне по голове. Жена позвонила приятельнице, та подъехала, и они вдвоем все это время объезжали ближайшие дворы в поисках моего бездыханного трупа.

Надо отметить, что родственники восприняли это происшествие с достаточной степенью юмора и не очень меня ругали. Хотя долго мне его припоминали. Действительно, так сошлись обстоятельства, что я по-другому вряд ли мог поступить. Однако и тогда я еще не понял, что судьба в очередной раз подсказывает мне мое будущее. Но в тот раз я не понял этого намека. А жаль. В последующем в моей жизни обстоятельства еще не раз вопреки всякой логике и теории вероятностей сходились самым невероятным образом. А пару раз так сошлись, что дальше ехать было совсем некуда. Впрочем, может быть, не надо все сваливать на судьбу? Может быть, в чем-то мы сами ведем себя немного аномально? Немного? Но на самом деле, похоже, вполне достаточно, чтобы вляпаться по самое не балуй.

Вернемся, однако, к нашей поездке на все ту же Ахтубу, а то я совсем отвлекся на посторонние темы. Ребята смотрели на меня. А я предложил не тратить время и еще проехать какое-то расстояние. Вдруг само починится? В общем, это предложение я выдвинул с умыслом. Все было похоже на плохую подачу топлива. Но если это засор, то ситуация скорее всего усугубится. И будет понятно, в чем дело.

Мы поехали. Однако машина Лешки продолжала дергаться, когда скорость чуть переваливала за восемьдесят километров в час. Но медленнее ехала вполне удовлетворительно. В чем же дело? Я полагал, что что-то попало в жиклер карбюратора. Там была такая довольно маленькая дырка, любая грязь в бензине норовила там притормозить. Наконец мы остановились. Я быстренько проверил жиклеры. Ничего, никакой грязи! Может, вода в поплавковой камере карбюратора? Нет, и там все оказалось в порядке. Ну, тогда, наверное, плохо качает бензонасос? Обороты со скоростью растут, а он

не успевают, подает недостаточно бензина? Разобрали и собрали бензонасос. И тут вроде все было в порядке. Может, электричество? Например, при быстрой езде крышка трамблера, если в ней есть какой-то дефект, деформируется. И в результате – проблемы с искрой. Заменяли крышку, по счастью, одна имелась в запасе. Все равно машина продолжала дергаться.

Количество остановок уже превысило все разумные пределы. Но не возвращаться же назад с полдороги! Тем более, что чуть медленнее восьмидесяти километров в час, но машина все-таки ехала. Лишний бензин не ела. Что же за черт? Мы стали даже грешить на бензофильтр, который находится в баке. А вдруг он засорился? На маленькой скорости еще пропускает бензин. А потом уже все, топлива не хватает. Но проверить эту деталь в походных условиях было довольно сложно. В общем, мы отступили, и никакой мой автослесарный талант тут так и не помог. Мы поехали дальше так, как могли. То есть как черепахи.

Я не зря описал все эти технические мытарства. «Жигули» были особой машиной. С одной стороны, ее сконструировали в Италии, на заводах ФИАТ. Вроде бы такие машины не должны ломаться каждые сто метров. Но, с другой стороны, производили эти автомобили уже не в Италии. А в СССР. Это значило многое. Все запчасти изготавливались тоже в Советском Союзе. И вот, например, приходит деталь на сборочный завод. Но она немного отходит по размерам от изначальных стандартов. По уму ее надо отправить производителю назад как брак, вот и все. Но тогда встанет весь конвейер. И такую деталь ставили на машину, если та хоть как-то, но могла с ней ехать. Конечно, владелец машины потом мучился с этим дефектом в полной мере.

В нашем же случае, как потом выяснилось, был вообще особый брак, нестандартный. Как правило, автолюбители уже знали, какие именно детали – недоброкачественные. И если что, проверяли именно их. Что сделал и я в том случае. Но кто же знал, что тут был особый дефект! Шток, который приводил мембрану бензонасоса в действие, оказался короче, чем требовалось. Поначалу машина ездилась как надо. Потом этот шток немножко поизносился, стал еще на пару миллиметров короче. И все! Машина стала ездить не быстрее 80 километров в час. Черт бы побрал этих бракоделов. Ну как можно было на таких машинах ездить в путешествия, подобные нашему? Такой дефект было почти невозможно обнаружить в пути.

Ехали мы целый день. Впрочем, на такой скорости, с частыми остановками и с постоянными сменами за рулем это было совсем несложно. Наоборот, немного тяготило, что наши машины ползли со скоростью улитки. Я обычно катался на своем автомобиле немного иначе.

Наконец въехали в Волгоград. Я там был впервые. Говорят об этом городе много, особенно упоминая события Великой Отечественной войны. Поэтому у меня заранее сложился образ очень большого города. Уж даже не знаю, почему именно. На самом деле Волгоград оказался вовсе не большим. Вытянут вдоль Волги, это да. Есть какие-то дороги, но машин довольно немного. Мы проскочили город довольно быстро, хотя и не торопились. Может быть, надо было там остановиться, что-то посмотреть? Может быть. Я, правда, знал лишь об одной достопримечательности – Мамаевом кургане. Но это все-таки не столько туристическая, сколько политическая достопримечательность. К тому же нам надо было еще доехать до места и разместиться. До темноты. Так что туризм пришлось отложить до лучших времен.

За Волгоград надо было заехать дальше еще почти на двести километров. Дорога была довольно скучная, вдоль Волги. Это были поселки, городки, которые сменяли пейзажи почти нетронутой природы. Или тронутой – в виде каких-то сельскохозяйственных посадок. В какой-то момент вдоль дороги потянулись бахчи. Арбузы – до горизонта! «Значит, мы въехали в иную климатическую зону», – отметил я про себя. Арбузы радовали глаз. Но никто их не продавал вдоль дороги. Почему-то такая торговля тут не практиковалась. Еще не созрели? Или местные не покупали арбузы в такой форме? Действительно, что тут напрягаться? У всех есть какие-то местные знакомые. Подъехал и набрал сколько надо. Мы еще в этот момент не знали, что нам самим вскоре придется столкнуться с этой арбузной проблемой, причем во вполне нештучной форме.

Слева от нашей дороги вдали время от времени блестела водная гладь Волги. На самом деле это была не сама Волга, только ее часть – тот самый рукав, который называется Ахтубой. И когда же мы наконец доберемся до цели нашего путешествия? Раньше тут уже успел побывать Володька Власов. Именно он теперь и принимал окончательное решение. Однако он все не давал и не давал нам команды съехать к воде.

Наконец какое-то место ему понравилось. Было оно ничем не примечательное. Какой-то почти поселок. От шоссе налево к нему тянулась обычная грунтовая проселочная дорожка. Что, мы будем раскидывать свои палатки рядом с деревенскими избами?

Тем не менее мы свернули именно тут. Грунтовая дорога сначала шла перпендикулярно к шоссе. Затем она раздвоилась. Направо побежала дорога непосредственно к деревенским домам. А налево дорога изгибалась и шла уже параллельно реке. Именно туда мы и свернули. Прямо как в сказке: направо пойдешь – в деревню попадешь. Налево пойдешь: на рыбалку и охоту попадешь.

Я тем временем отметил про себя, что Власов явно видел эту дорогу в первый раз в своей жизни. Он напряженно вглядывался вперед и не отвечал ни на какие мои вопросы. Верный признак того, что сказать было совсем нечего. Значит, в этом месте он и сам в первый раз. Однако через некоторое время пыльная и неровная дорожка вдруг довольно резко свернула направо, к воде. И метров через двести оборвалась прямо у берега. Что за чудо? Если есть дорога, значит, по ней кто-то достаточно часто ездит. Но куда же он ездит, прямо в воду? Никакого моста видно не было.

Когда мы подъехали поближе, загадка разгадалась сама собой. У берега стоял паром. Это было плавучее средство размером метров десять на десять. Этаким ржавый и помятый железный короб, покрытый сверху досками. Перемещался он с помощью веревки, которая была перекинута на другой берег. Свалиться с него в воду было, что называется, нечего делать.

Действительно, другой берег был совсем рядом, метрах в ста, не более. Но куда же делась вся ширь могучей русской реки? И что это за берег такой так близко от нас? Похоже, все это были еще более мелкие рукава Волги. Скорее всего, без каких-либо названий. И они образовывали целую сеть островов, которые и были нашей целью.

Паром стоял совершенно без присмотра. Мы остановились чуть поодаль, заглушили моторы и вышли посоветоваться. Надо было решать, что делать дальше. Судя по всему, остров, который мы видели с той стороны рукава, был просто огромный. Ни влево, ни вправо не было видно его конца. Да и сама паромная переправа говорила о многом. Значит, для местных жителей был какой-то интерес туда ездить, причем достаточно часто, и, судя по состоянию дороги, даже на грузовых автомобилях.

Мы коротко обсудили ситуацию и пришли к выводу, что такой остров нам подойдет. Даже если там и были какие-то деревенские строения, скорее всего, народу там жило достаточно мало. Значит, остальной остров должен был быть достаточно пустынным. То есть именно то, что нам и было надо.

Пока мы топтались да обсуждали, что делать дальше, вдруг из ниоткуда появился местный житель. Вида он был достаточно живописного. Худой, даже изможденный, весь какой-то скрюченный. Смотрел он на нас тоже необычно. Как-то ему удавалось заглядывать нам в глаза снизу вверх, как это делают собаки. Хотя мы уж точно не претендовали ни на какой особый королевский статус.

Одежка на незнакомце тоже была вполне подходящая, цвета землистого, засаленная и явно давно не стиранный. Если вообще когда-либо стиранный. Я думаю, что если регулярно ночевать под кустом, то любая одежда через некоторое время приобретет именно такой и цвет, и вид.

Обладатель столь примечательной одежды приближался к нам как бы по кривой. То есть было понятно, что он идет к нам. Но он при этом как бы не

хотел обозначать, что идет именно к нашей группе. И шел немного в сторону, как бы мимо. Хотя мимо нас можно было идти только в кусты, а там дальше – прямо в воду.

Мы поздоровались с незнакомцем. Тогда он сменил траекторию своего движения и подошел к нам. А у нас была куча вопросов об острове. Какой он, большой, маленький, много ли там жителей, можно ли туда перебраться? И вскоре мы получили все ответы. Хотя незнакомец был, как я уже отметил, вида скорее бомжиного, тем не менее он достаточно складно излагал свои мысли:

– Да, это остров. Там никто не живет, только временный сторож, на лето. Картошку стеречь. Туда грузовик ходит. Иногда за сеном, иногда к сторожу. Туристы, как вы, тоже приезжают, но редко. Сейчас никого нет. Места тут хорошие. Это я на пароме перевозжу. А сигареты у вас есть?

Закурив и получив пару сигарет в запас, наш собеседник немного расслабился. Из дальнейшей беседы выяснилось, что именно он заведует паромом. Когда есть колхозные машины, обеспечивает их переправу. А так просто стережет, чтобы никто этот паром, грубо говоря, не спер.

Собственно говоря, дальнейшая линия наших действий вырисовывалась довольно определенно. Воспользоваться паромом и переехать на остров. Найти там подходящее место и обосноваться.

– А можно нам переехать на ту сторону на вашем пароме?

Человек бомжиного вида помолчал. Но было заметно, что он очень даже согласен. Только набивает цену. И не знает, сколько надо попросить, чтобы не продешевить. Наконец он пришел к какому-то выводу:

– Да, я вас перевезу. Бесплатно.

Такого оборота мы никак не ожидали. Как это бесплатно? Все-таки речь шла об использовании колхозного парома не по назначению. Может быть, тут что-то не так? Какая-то ловушка? Но никакой ловушки на самом деле не было. Просто мы столкнулись с необычной для нас психологией сельского жителя. Который, в отличие от горожанина, очень даже запросто может помочь бесплатно. Именно так сельчане чаще всего друг другу и помогают. Другое дело, что в нашей ситуации паромщик явно имел дело с особой категорией граждан – с туристами. Причем с такими, которые будут какое-то время жить совсем рядом. К ним можно будет подойти поговорить, попросить сигаретку. Глядишь, и нальют раз-другой. А деньги что? Потратил, и нет их. Тем более, что много за перевоз тоже не попросишь.

Тут я поймал себя на мысли, что приписывал этому деревенскому простаку слишком сложные рассуждения и расчеты. Скорее всего он действовал и говорил в первую очередь интуитивно. Откуда ему было тут, в такой глуши, научиться сложным межчеловеческим отношениям? Забегая вперед, сообщу, что вот именно тут мы и ошибались. На самом деле перед нами стоял вовсе

не деревенский дурак, а очень даже повидавший виды персонаж. Но это выяснилось только потом, через несколько дней.

Переезд занял не более получаса. Володька Власов сам сел за руль своего автомобиля и довольно легко закатился на паром. Там же поместилась и машина Лешки. Паромщик отвязал свое транспортное средство и начал переправу. Действовал он довольно незатейливо – тянул руками металлический трос, который был закреплен как на нашем, так и на том берегу. Трос был довольно гладкий, но для порядка паромщик надел холщовые перчатки. Через пару минут мы поняли, что скорость нашего переезда напрямую зависит от того, как сильно тянуть за трос. И все вместе, не сговариваясь, вцепились в него. Дело сразу пошло намного лучше. Наш паром сразу побежал повеселее и наконец ткнулся в другой берег.

Обе машины съехали на землю без проблем. Перед нами расстился довольно большой луг. На нем находилось несколько стогов сена, а на другой стороне были видны вполне высокие и густые деревья. Со слов паромщика выходило, что частично колхозные машины перевозили сено именно отсюда. А когда созревала картошка, то и ее. По лугу вилась довольно накатанная грунтовая дорога, что меня немного удивило. Как часто можно было ездить сюда за сеном? Ну, раз в две недели, в лучшем случае. А за картошкой и вовсе сезон еще не подошел. А дорога была накатана так, как будто по ней разъезжали чуть ли не каждый божий день.

Впрочем, я не стал грузить себя этой загадкой. Мы просто покатали по этой дорожке – куда приведет, туда и хорошо. Поначалу она петляла между стогов. Потом стала заметно менее накатанной. В конце концов превратилась в две едва заметные промятины в траве. Все, стоп, дальше дороги не было. Мы уперлись в небольшой лесок на другой стороне луга. Надо было решать, что делать дальше.

Короткий осмотр показал, что впереди, немного справа, находится картофельное поле, о котором упоминал и паромщик. Судя по всему, прямо по его левому краю можно было осторожно проехать на наших машинах. Явной дороги тут не было. Однако было достаточно места для проезда по относительно узкой полоске заросшей травой земли. Полоска была, судя по всему, относительно ровной. А за полем и перелеском, насколько мы поняли со слов паромщика, уже было недалеко и до большой воды.

Мы топтались у края поля и обсуждали, что делать дальше. Наши переговоры были прерваны однако появлением еще одного местного персонажа – сторожа картофельного поля. Он действительно должен был находиться где-то здесь. Но его шалаша с нашей позиции видно не было. Однако он сам первый нас увидел и направился прямо в нашу сторону.

По виду он не сильно отличался от паромщика. Тоже довольно затрепанная одежда. Разве что был он не таким изможденно худым. А может быть, его худоба не была так заметна из-за невысокого роста. К тому же возрастом он явно превосходил паромщика. Я бы дал ему хорошие лет пятьдесят, никак не меньше.

Обратился он к нам одновременно и просто, и с какой-то непосредственностью. Ей-богу, мне даже на миг почудилось, что это был какой-то ребенок, а не пожилой уже человек. Его разговор по характеру подходил скорее подростку. Впрочем, такой разговор без каких-либо обиняков нас вполне устраивал.

Мы честно и прямо сказали, что хотим остановиться на берегу и намерены заняться ловом рыбы. Где тут подходящее место и как туда проехать? Сторож повернулся и махнул рукой вдоль своего поля. Получалось, что мы верно присматривались к той самой полоске земли вдоль посадок. По его словам, именно по ней и можно было проехать на другую сторону острова. Именно там можно было найти и подходящее место для нашего лагеря.

Хотя мы и получили исчерпывающее описание, как проехать дальше, однако не спешили к своим машинам. Володька Власов совершенно правильно завел со сторожем общий разговор о жизни, о работе, о картошке и колхозе. На острове этот самый сторож был, что называется, полноправным представителем своего колхоза. То есть своеобразной властью, если выражаться официальным языком. Видимо, с ним было полезно наладить неформальные отношения. На всякий случай. Дальнейшие события показали, что вообще-то это было совсем излишним. Мы приехали не браконьерничать, а просто отдыхать. Местных властей нам бояться было совсем незачем. А вот навязчивых друзей мы могли обрести очень даже запросто.

Картофельное поле осталось сзади. Перед нами не было даже намека на какую-либо дорогу. Но оказалось, что земля тут была по всем направлениям довольно ровной. Высокая трава скрадывала поверхность земли. И поначалу нам казалось, что тут можно запросто въехать в какую-нибудь яму. Но ям никаких не было. А если раньше и были, то их, похоже, полностью затянуло илом после весеннего паводка. Ехать можно было в любом направлении.

Еще метров восемьсот, и мы проехали очередную группу старых деревьев. Видимо, они как-то ухитрялись пережить каждое ежегодное затопление, если уж стояли тут хороших лет пятьдесят. В результате образовалась вереница довольно живописных полян, украшенных этими деревьями с раскидистыми кронами.

За деревьями мы почти сразу выскочили на берег Волги. Володька притормозил, и нашим глазам открылась величественная картина. Водная гладь простиралась почти до горизонта. Волга медленно, но уверенно катила свои воды к Каспийскому морю. С того места, где мы стояли, открывался

почти весь берег нашего острова. Места тут были действительно самые туристские. Берег был частично высоким, а частично низким, в виде широкого песчаного пляжа. То есть на песке можно было загорать и купаться. Левее, вдали виднелся еще один остров, весь заросший лесом и расположенный параллельно нашему. Похоже, он был повыше и его не заливала весенняя вода. Получалось, что сначала широкий песчаный пляж находился на краю относительно узкой протоки, разделявшей наш остров с этим лесистым. А потом, уже ближе к нам, пляж превращался в место, откуда была видна вся необъятная ширь нижнего течения Волги.

Мы еще раз огляделись. Где же разбить лагерь, может, прямо на пляже? Но где тогда ставить машины? Получалось, что высокая часть берега все-таки удобнее. И вид отсюда открывался знатный. Кроме того, сюда могли легко заехать наши «Жигули». К тому же здесь сразу за спиной начинался довольно густой пролесок. Уютнее места было, наверное, и не придумать.

У высокой части берега, где мы остановились, обрыв был не таким уж и большим, метра три. А внизу – узкая полоска песчаного пляжа. Довольно быстро мы проложили что-то вроде ступенек вниз. Спуститься к воде оказалось довольно легко. Впрочем, и назад можно было подняться без особых проблем.

Поставили палатку. В ней собирались спать Лешка и Володька. А мне они выделили машину. Нельзя сказать, чтобы это было уж очень удобно. Конечно, я опустил спинки сидений, затащил внутрь надувной матрас. Чуть-чуть приоткрыл окна. В общем, место для сна для одного человека имелось. Но я понимал, что такая ночевка в чем-то предполагала и охрану машин. Я был чем-то вроде двуногой собаки, которая должна была отпугивать бандитов от автотранспорта. Мне такая роль совсем не нравилась. Но возражать не хотелось. В результате сон внутри машины был психологически слегка некомфортным.

Разбив лагерь, мы решили не откладывая, отправиться на осмотр ближайших окрестностей нашего острова. Как потом выяснилось, он оказался совсем не маленьким, не менее трех километров в длину. И километр в ширину, никак не меньше. Как мы и предполагали, внутри острова было немало заливных озер. И, конечно же, судя по всему, они кишмя кишели всевозможной волжской рыбой. Над островом всю летали чайки. Но ближе к вечеру вдали в воздухе появились и утки. Это нас особо порадовало – значит, может состояться и охота.

Вечерний костерок трещал и обдавал нас волнами тепла. Вдали терялась в темноте блестящая гладь Волги. За спиной темной стеной стоял невысокий, но исключительно густой, почти непроходимый лес. Все было хорошо. Мы доехали до нашей цели. Пора было ложиться спать. Завтра пойдем навстречу приключениям.

Ночь прошла без проблем. Утро было ярким и теплым. Ощущение отрыва от цивилизации было полным. Мы планировали поступить так – пожить на острове дней десять, ну не более двух недель. Порыбачить и поохотиться. Для этих целей у нас, как я уже упомянул, была «левая», нигде не зарегистрированная одностволка. Заберут – не жалко. Имелась также резиновая надувная лодка. И сеточка. Эту сетку, как я уже рассказывал, мы с Володькой нашли случайно. На охоте зацепили моторкой. Сетка была знатная – трехстенка. Это значит, что помимо основной сетки, достаточно мелкой, с двух сторон было по дополнительной сетке, уже с довольно крупной ячейей. В результате сетка ловила рыбу любого размера. Попадались даже большая рыба. Она тыкалась мордой в основную мелкую ячейку, потом давала задний ход. Но в результате цеплялась за боковую крупноячеистую сетку и в конце концов запутывалась. Единственный недостаток этой сетки, это то, что из нее было трудно выпутывать добычу. Да и саму ее распутать было довольно трудно.

Пока мы завтракали, потом собирались, прятали ружьецо, прошло время. Ружье, кстати, мы решили убрать подальше. Вдруг зайвится какая-то проверка, милиция? Получится, что мы незаконно храним огнестрельное оружие. К чему проблемы? И мы затащили ружьецо глубоко-глубоко в чащу. Там повесили высоко на одно из деревьев, поближе к стволу. Постороннему найти его можно было только, если очень-очень постараться.

Спрятав нелегальное оружие и взяв с собой сеточку, мы наконец собрались выйти на наше первое дело. Однако пока суть да дело, время уже пробежало. Было уже ближе к двенадцати, никак не меньше. Первой была задумана рыбалка. Мы решили заняться ею в одном из внутренних прудиков, который проезжали накануне. Он был относительно небольшим, метров восемьдесят шириной и длиной. Но, похоже, довольно глубоким. А не забросить ли тут нашу сеточку? Мы примерились, подумали. И решили, что сетку лучше не оставлять. Вместо этого можно было просто пройти с ней вдоль берега как с бреднем.

Кто полезет в воду? Уж так вышло, что мне выпало сидеть на берегу. Очень хорошо, не надо будет мокнуть! Я нашел подходящее деревце, срубил его и изготовил длинный заостренный шест. Привязал к нему сетку и воткнул прямо у берега, в дно. Лешка же взялся залезть в воду и протянуть другой конец сетки. К этому другому концу мы тоже привязали такой же шест, только покороче и не заостренный. В общем, вышел настоящий бредень, по всем рыболовным правилам.

Лешка ежился и корчился. Хотя вода была вполне теплая. Потом отважился, схватил шест и поплыл вдоль берега, настолько далеко, насколько позволяла сетка. Плескался он нещадно. Я стал сильно сомневаться, что мы

вообще что-нибудь поймает. От такого шума вся рыба, конечно же, удерет куда подальше.

Наконец Лешка проплыл по кругу и вышел на берег. Сетка полукругом охватила довольно значительную площадь прудика. Что-то нам попадется? Я продолжал держать свой край сетки, а Володька стал активно помогать Лешке вытаскивать ее другой край. Пространство внутри сетки неуклонно сокращалось.

Наконец наступил момент, когда мы почти вытащили сетку. Она находилась всего в метре от берега. Если уж что попало, то теперь не уйдет. Но тут я был, как выяснилось, совсем не прав. Вдруг прямо рядом с Лешкой вода просто вскипела. Какая-то здоровенная рыбина стала яростно лупить хвостом. Это было совсем неожиданно. Лешка и Володька кинулись вытаскивать сетку на сушу. Но момент был упущен. Рыбина, судя по всему, проскочила в небольшую щель между сеткой и берегом, именно там, где ребята и стояли. И прямо перед их носом уплыла восояси.

Оба моих товарища стояли с совершенно растерянными лицами. Мы чуть-чуть не выловили какого-то местного монстра. Если бы были порасторопнее, то сейчас сидели бы с необыкновенным трофеем. Но вот упустили. Впрочем, я никого ругать не стал. Это было только начало. И самое главное, мы увидели, что тут есть, что вылавливать.

Однако надо было вытаскивать сетку до конца. Пусть здоровенная рыба ушла. Однако в сеть могли попасться и другие озерные обитатели. Я вытащил свой кол, а Лешка налег на другой край. Еще мгновение, и вся сетка оказалась полностью на берегу.

Ее содержимое нас немного удивило. В сетке запутались несколько небольших рыбок типа плотвы. Конечно, и таких пускают на уху или жаренку. Но они явно не шли ни в какое сравнение с упущенной добычей. Кроме рыбок, однако, в сетке запутались две черепахи. Они были каждая размером с обычную столовую тарелку. Зеленовато-серого цвета. Обычные речные черепахи. Для москвича было конечно немного удивительно видеть подобного зверя. Рядом со столицей такие не водятся. Но тут, похоже, они были полностью в своей стихии и размножались без проблем.

Черепаш мы, понятное дело, отпустили. А что еще в сетке? Она была сильно перепутана. Как будто в ней застряла куча сучков и каких-то палок. При ближайшем рассмотрении однако оказалось, что это были никакие не палки и не сучки. А самые настоящие раки! Это сильно меняло дело. Получилось, что с первого же заброса мы поймали ценный продукт. Более того – деликатес. Где раки, там и пиво!

Мы все уселись и начали старательно выпутывать раков. Те яростно сопротивлялись, размахивали клешнями, норовили куда-то задом уползти.

Никуда они конечно не уползали. Но прямо на глазах запутывали сеть все сильнее и сильнее.

Битва с раками продолжалась, наверное, не меньше пары часов. Рвать сетку не хотелось. А аккуратно их выпутывать было и сложно, и долго. Но делать было нечего. Мы молча пыхтели над сеткой, утешая себя лишь мыслью о королевском ужине, который нас теперь ждал.

Вся эта возня в конце концов закончилась. Можно было подвести итог. Раков набралось почти целое ведро. На такое мы изначально ни в каком виде не рассчитывали. Так много, и всего с одного захода! Что же будет дальше?

Однако получалось, что рыбалка в этот день закончилась. Слопать целое ведро раков даже вдвоем было не так просто. После такого улова не было смысла дальше забрасывать нашу сетку. К тому же возня с этим распутыванием нам всем изрядно поднадоела. Мы не сговариваясь собрали свои пожитки, взяли ведро и сетку, не забыв прихватить и вырезанные для нее кольца, и быстрым шагом направились к нашему бивуаку.

Пока разводили костер, да собирали вещи, время все шло. И к моменту, когда вода в ведре закипела, солнце уже было совсем близко к горизонту. Но нам было не до солнца. Дело в том, что мы взяли с собой из Москвы кое-какое спиртное. Во-первых, это был чистый медицинский спирт. Четырнадцать литров! В переводе на поллитры это составляло в районе шестидесяти, а то и семидесяти бутылок. На троих, заметим себе. На десять дней. Теоретически – по две поллитры на человека в день.

Однако помимо такого тяжелого пошла мы захватили с собой и еще кое-что. Ящик пива, вот что! Когда мы поймали своих раков, этот ящик пива приобрел особое значение. Одно дело просто попивать пиво в жару. И совсем другое дело навалиться на пиво, когда у тебя под рукой целое ведро свежайших, только что выловленных раков.

Короче, вечер оказался посвящен пиву и ракам. Мы раскинулись около костра, постаравшись создать себе наибольшие удобства перед предстоящей трапезой. Наверное, надо было предварительно вытащить пиво и положить его в воду. Оно было бы похолодней, а значит и поприятней. Но эта простая мысль никому почему-то не пришла в голову. Просто было не до того. Впрочем, даже не слишком охлажденное пиво нас не смущало.

Раков мы разделили на три кучи. К чему варить всех сразу? Лучше мы сварим только одну треть. Если не хватит, сварим вторую часть. Ну, а уж третья была и вовсе про запас. Так мы и сделали. Бросили своих раков в кипящую воду, добавили какие-то специи и соль. Ждать было недолго. Обычно раков до готовности варят всего несколько минут. Мы не стали отступать от этого рецепта.

Как это ни странно, но желательно раков не бросать в кипящую воду кое-как. Их надо опускать по одному, причем ногами вниз. Знатоки мне как-то

объясняли, зачем это нужно. Якобы внутри панциря имеется специфический жир. И от положения рака зависит, в какой части панциря он затвердеет.

Скажу честно, часть раков мы действительно опустили именно так. Но потом терпение кончилось, и остаток полетел в ведро одной небольшой кучей. Мы уселись вокруг ведра и начали ждать. Через некоторое время раки покраснели. Значит готовы! Пора вытаскивать. Что мы и сделали.

Раки на тарелке, лежат такие красивые, ароматные и дымящиеся. Пиво рядом в ящике. Тоже ждет-поджидает своего часа. Все подготовительные процедуры закончились, и трапеза наконец началась. По первой бутылке пива мы выпили в одно мгновение. Проглотили почти залпом. И взялись за раков. Тут темп наших действий как бы замедлился. И наконец завязалась совсем неторопливая беседа. Все высказались по кругу. Получалось, что начало поездки вполне удалось. Даже если тут будут одни только раки, и то это будут незабываемые десять дней. Если есть раки в одном пруду, то они наверняка водятся и в других.

Вспомнили другие случаи, когда нам попадались раки. Я рассказал, как отец впервые взял меня на ловлю раков. Было это еще в конце пятидесятых годов. Мне тогда было лет пять, никак не больше. Жили мы в то время в Москве, в Черемушках. Это была окраина города! Станции метро «Академическая» еще не было. Ее строительство началось прямо на моих глазах. Отец учился тогда в академии Генерального штаба. Только что получил генерала. В общем, жизнь тогда казалась бесконечной и исключительно приятной.

В один прекрасный день мои родители, а также приятели отца по академии собрались на ловлю этих самых раков. Вышли из дома утром. Машина уже стояла у дома. Но отец направился не к ней, а в ближайший гастроном. Уж не знаю зачем, но он взял туда и меня.

Хоть я был и мал, но как сейчас помню эту картину. Мы подошли к мясному отделу. Народа в магазине с утра было мало. Отец был в форме. Наверное, на рыбалку можно было поехать и в простой одежде. Но, видно, он еще не наигрался тогда в генерала, потому и предпочел именно такое одеяние.

И вот молодой генерал с сыном подходит к мясному отделу. Продавцы изображают из себя максимальное внимание. Смотрят на нас с немым вопросом. И ожидают, надо полагать, что их попросят дать мясо к шашлычку, да посвежее.

– Доброе утро. А мясо у вас можно купить? Килограмма два можно? Только мне нужно особое мясо. Потухлее. Есть у вас тухлое мясо?

– Может, вам посвежее? Зачем потухлее?

Надо было видеть физиономии этих продавцов! Они продолжали улыбаться. Но одновременно на лицах появилось недоумение. Это что,

провокация? Почему в хорошем гастрономе должно быть тухлое мясо? Сейчас скажем «да», а вдруг это проверка? Но на проверку генералы наверное не ходят?

Продавцы продолжали стоять с предельно недоуменными лицами. Пришлось объяснить, что тухлое мясо необходимо для рыбалки. Раки любят именно тухлятину. Лица торгашей прояснились. Оказалось, что такого мяса в магазине предостаточно.

Сама та рыбалка выглядела предельно просто. Мы обосновались около какого-то более или менее широкого ручья. Но все-таки не речки. Рыбаки вытащили свою снасть. Это были как бы здоровенные сачки. Длинная палка, на конце которой была закреплена довольно большая, метр на метр, наверное, квадратная петля из толстой проволоки. На петле была натянута веревочная сетка со средней ячейей.

Рыбалка проходила так. В середину этой самой сетки было положено то самое тухлое мясо. Кусок в полкилограмма, не меньше. Потом рыбак брал свой «сачок» за палку и опускал его с мясом на дно ручья. Все, на этом подготовительная часть заканчивалась.

Все уселись на берегу ручья. Я – в первом ряду. С берега опущенное в воду мясо просматривалось, но с некоторым трудом. Все-таки глубина в этом месте была не менее метра, если не больше. Время шло. Мы сидели на берегу, взрослые разговаривали, слегка закусывали. Наконец что-то стало происходить. Все бросили свои разговоры и столпились у края ручья.

– Вот, вот, смотри! Вот ползет один!

Эти слова были обращены, конечно же, ко мне. Я стал всматриваться. И действительно заметил какое-то темное пятно на краю сетки. Приглядевшись, я понял, что это и был рак. Откуда он вылез, неизвестно. Но его приманил вкус тухлого мяса. Вот он и пополз к нему. В результате выполз на нашу ловушку. Мгновение, и она была поднята вверх вместе с раком. Тот зашевелился, растопырил свои клешни. Но было уже поздно – его быстро отправили в пустое ведро. А сетку вновь опустили в воду.

После первого трофея рыбалка продолжалась не столь драматично. Меня отвлекли какой-то игрой, потом закуской. Взрослые тоже занялись другими делами, развели костер, разложили одеяло. Дальше то один, то другой время от времени подходили к нашей снасти. Раки в конце концов оправдали наши ожидания. Они сползлись, кажется, со всей округи. И в «сачке» бывало уже то два, а то и три рака. В общем, рыбалка в тот раз выдалась замечательная и очень мне запомнилась.

Я рассказал эту историю. Володька не остался в долгу и пространно описал традиционные методы ловли раков. Бредень, правда, он не включил в этот список. Лешка пил пиво, вставлял свои реплики в наши басни, но своих историй что-то не спешил рассказывать.

Довольно скоро первая партия раков закончилась. Без вопросов поставили новое ведро с подсоленной водой. В прежней воде варить креветок и раков не следует – качество будет не то. Водичка на костерке закипела довольно быстро. И в нее была отправлена вторая порция нашего улова.

Нетрудно догадаться, чем в конце концов кончился тот день. За второй порцией после непродолжительного перерыва последовала и третья. Мы разгулялись, уже не говорили, а, скорее, даже кричали, перебивая друг друга и похваляясь своими рыболовными и охотничьими подвигами. Пиво, что называется, текло рекой. Однако, когда поднялась Луна, выяснилось, что наше изобилие закончилось. Как-то одновременно иссякли и раки, и пиво. Кругом лежали пустые бутылки. Сиротливо стоял перевернутый на бок пустой ящик. Шелуха от раков устилала часть нашей стоянки. Поначалу мы бросали ее в костер, а потом и вовсе перестали себя утруждать. Огонь стал затухать. Пора было отправляться в постель. На следующий день нас ждали новые похождения.

Ночь прошла довольно спокойно. Сказались свежий воздух и море положительных эмоций. Утром мы, отдохнувшие и полные сил, вознамерились приступить к дальнейшему обследованию острова. На этот раз мы решили пойти не по той дороге, по которой сюда заехали и где мы вчера ловили раков, а намного левее от нашей стоянки. Там, как раз за леском, который отделял нас от остальной, южной, части острова и где мы прятали свое нелегальное ружье, оставалось огромное необследованное пространство. Издалека мы видели, что там росли отдельные, довольно большие деревья. А что еще? Просто полянки между ними? Все это надо было выяснить, проведя разведку на месте.

И вот после короткого и достаточно поверхностного завтрака наша компания в полном составе выступила в поход. С собой мы взяли лишь свою сетку, которая так хорошо себя зарекомендовала в предыдущий день. Вдруг еще встретятся какие-то интересные озерца? Хотя по уму было понятно, что все это уже блажь. Если нам надо было наловить рыбы, было достаточно вернуться к первому пруду с раками. Там явно было полным-полно рыбы. Просто мы ее неправильно ловили. Либо надо было более четко действовать сеткой как бреднем и стараться не упустить рыбу. Либо можно было пойти вовсе по лентяйскому варианту: забросить поперек этого самого прудика свою сетку и отдохнуть прямо на берегу часика два. Потом вытащить сетку, в которой к этому моменту уже наверняка был бы хороший улов.

Но понятно, что молодежь не очень приемлет подобные стариковские методы развлечений. Нет, нам надо было что-то делать активно. Именно активно. А иначе не было чувства, что мы правильно отдыхаем. Итак, вперед, к правильному активному отдыху. Скажем «нет» лени и неповоротливости!

Зайти за лесок можно было двумя способами. Первый – короткий: прорываться сквозь густые заросли. Второй – длинный: пойти по дорожке, по которой мы сюда заехали, а потом свернуть налево, когда лесок кончится. Маленько подумав и посоветовавшись, мы предпочли длинный вариант. Все-таки не хотелось подвергать себя явно ненужным испытаниям, рвать на себе одежду, выкалывать глаза ветками. Нет, лучше мы пойдем по более длинной дороге, но зато с определенным комфортом.

Достаточно быстро мы обошли этот свой дремучий лесок и направились вглубь острова. Поначалу действительно нам на пути встречались только красивые лужки, которые украшали отдельные довольно высокие и корявые деревья. Все это было очень живописно: довольно невысокая зелененькая травка, как будто кем-то подстриженная. И эти деревья, с могучей зеленой кроной, увенчанные толстыми изогнутыми суками. То там, то сям встречались также и отдельные заросли кустов. Но были они именно что отдельными. Сплошного массива кустов не получалось никак. Скорее всего, в разлив их сносило течением или льдом. Или были еще какие-то причины, по которым кусты не смогли захватить все это пространство.

Однако через полкилометра картина поменялась. Мы вдруг вышли на берег озера. Это было уже не озерцо. Но видно его издали не было – мешали то кустики, то высокая трава на берегу. Только когда мы подошли совсем близко, стало ясно, что озеро довольно-таки большое. Впрочем, точно так же было понятно, что оно совсем мелкое. Повсюду по поверхности торчали островерхие листья водных растений. То ли осока, то ли разновидность камыша, я уж не скажу точно. Однако довольно значительная часть озера была свободной от камыша. К тому же вдаль на поверхности были видны как бы обломанные стволы небольших деревьев. К тому же без веток и листвы. Немного странно. Но в тот момент это не вызвало у нас каких-то вопросов.

Что будем делать? Как тут рыбачить? Опять бредень? Нет, это мы уже пробовали. К тому же тут было явно намного мельче вчерашнего прудика. Таскать нашу сетку по глубине в полметра по топкому дну? Нет, это нам делать тоже не хотелось.

А может удочки? У нас имелись и удочки. Но дело было даже не в том, что за ними надо было возвращаться к машинам. А просто на второй день нашего путешествия мы еще не были готовы ловить рыбу столь пассивно. Нет, тут надо было делать что-то другое. А что, если сплавать вглубь озерца на лодке? Конечно, за ней тоже надо было возвращаться в лагерь. А потом тащить ее сюда на себе по суше. Потом надувать. И лишь после этого плыть.

А куда плыть? И зачем? Что мы там такое можем увидеть, что не видно отсюда, с самого берега? Наверное, в нас в тот момент победило чувство необходимости путешествовать. Надо было куда-то девать энергию, которая

нас просто распирали. Надо было что-то тащить, куда-то идти, где-то пробираться.

Путь назад занял не так много времени. Кстати, как отметил Володька, вернуться по-любому следовало. Мы должны были проверить свои машины. А вдруг они кому-то приглянулись? В первый-то день мы хотя их и бросали, но находились на единственной дороге, по которой можно было уехать с острова. А теперь-то мы ушли в другую сторону и не видели не только машин, но и эту самую дорогу.

С машинами было все в порядке. Никто ими не заинтересовался. Наш лагерь стоял совершенно нетронутый, именно в том виде, как мы его оставили полтора часа назад. Ну так что, все-таки надувная лодка? Мы начали ее вытаскивать из багажника. Когда я глянул на насос, то вдруг очень сильно засомневался в правильности нашего решения. Лодка была не моя, и про насос до этого речь как-то не заходила.

Это был довольно небольшой насос, резиновый, в форме половинки шара. На него надо было нажимать ногой, и в результате он посылал в лодку некоторую порцию сжатого воздуха. Но как же хорошо я знал эти насосы! Такая дрянь, что просто не описать. Для того, чтобы надуть лодку, на этой штуковине надо было прыгать хороший час. И кто только придумал такую неэффективную конструкцию?!

Я решил проявить инициативу и предложил следующее. Конечно, лодку в сложенном виде тащить вроде бы полегче. Ну а если надуть? Вес оставался все тот же. А размеры побольше. В результате лодка будет цепляться за любые препятствия. Но зато легче взять за ручки всем вместе. А тут, у машин, эту лодку можно было надуть нормальным автомобильным насосом. И это было совсем другое дело.

Наверное, я действительно говорил дело. Во всяком случае со мной спорить никто не стал. Мы по очереди начали накачивать свое резиновое плавсредство. И худо-бедно, но минут за двадцать надули его почти до предела. Лодка расправилась, приняла нужную форму. Темно-зеленая, она была тем самым наиболее подходящим вариантом для осуществления наших афер на воде.

Тащили ее, меняясь ручками. Все-таки килограмм пятьдесят в ней точно было. И одну руку наша резиновая ноша все-таки отматывала. Но если менять руки, тащить было вполне терпимо. На каком-то этапе мы даже настолько разленились, что опустили лодку и просто поволокли ее по траве. Вообще-то, так делать обычно не нужно, можно прорезать о сучок или камень. Но у нас обошлось, никакие острые предметы нам по счастью не встретились.

Быстро спустили лодку на воду и все трое забрались в нее. Конечно, три человека для такой лодки был немного перебор. На воде она нас, конечно,

держала. Но мы в ней теснились, немного толкались и в результате нарушали баланс. При неловком движении можно было запросто оказаться в воде. Впрочем, тут было везде достаточно мелко.

Передвигались мы с помощью двух шестов. Отвязали их от нашей сетки, вот вам и средство привести всю конструкцию в движение. Не успели мы отплыть и ста метров от берега, как сделали первое открытие. Стволы небольших деревьев, которые торчали в пруду то тут, то там, на самом деле были вовсе никакие не деревья. Это были довольно толстые колья, воткнутые в дно. А к ним к нашему удивлению были привязаны рыболовные сетки.

Сетками эти штуки, однако, можно было назвать только с некоторой натяжкой. Они были довольно крупноячеистые. В такую ячею мог, по нашим меркам, застрять только крупный карп. Самое же главное, это то, что сетки были не капроновые. Они были сплетены из обычной веревки типа шпагата. Единственно, что она не размокала в воде, судя по всему. А так это была самая настоящая бечевка.

И что же можно было наловить такими сетками? Судя по количеству колея, их было тут не меньше семи штук. На какую рыбу рассчитывали те, кто их поставил? И вообще попадается в них хоть что-то? Внешне было очень непохоже, чтобы в них сидела запутавшаяся рыба. Сетка в таком случае осела бы, сдвинулась. Конечно, никакая рыба в такую сеть не пойдет! Веревку наверняка было видно за километр даже самой глупой рыбине.

А вот рыбу в пруду мы смогли обнаружить невооруженным глазом. Немного приглядевшись, мы заметили, что у самого дна снуют довольно большие тени. Это были, несомненно, рыбины. Но какие, что за порода? По размеры они действительно были с хорошего карпа. Неужели тут, в середине острова в этом пруду водились карпы? А может быть их тут разводили? А мы забрались, что называется, в чужой огород?

Рыбин, кстати, дальше от берега меньше не становилось. А как раз даже наоборот. Они все активнее сновали под нашей лодкой, не особенно-то и пугаясь нашей экспедиции. По виду какие-то зеленоватые. Может, сазаны? Их тут было просто много.

Когда показался другой берег, стало ясно, что дальше плыть незачем. Надо было останавливаться и начинать рыбалку прямо здесь. Что мы и сделали. Вновь привязали к нашей сетке колья и воткнули один из них в дно. Оно оказалось довольно мягким, и кол вошел глубоко в озерный ил. А как же второй кол? Воткнуть-то мы его воткнем! А как же толкаться? Он же служил нам в качестве шеста. Лезть в воду и тащить лодку руками?

В общем, как говорится, дурная голова ногам покоя не дает. Мы отвязали второй кол и Володька стал толкать лодку. Одновременно мы с Лешкой держали другой конец сетки. У Лешки в руках был трос с поплавками, а у меня – с грузилами. Было важно не сводить их вместе и не запутать. Что было

не совсем просто. Одним шестом толкать лодку было тяжело. Она так и норовила развернуться. К тому же шест увязал в донном иле.

Худо-бедно, но, немного помучившись, мы наконец поставили нашу сетку. Натянули ее и привязали ко второму шесту. Теперь оставалось только ждать. По нашим меркам, на рыбалку не должно было уйти много времени. Обычно сетку ставят на ночь. Но тут рыба так и сновала под ногами. Авось часа-другого хватит?

И что, теперь два часа ждать в тесной лодке? Не слишком ли? Зачем нам такое тяжелое испытание? Однако уже через несколько минут сетка задвигалась. Стало ясно, что кто-то уже попался нам на ужин. Потом сетка просто провисла, осела, и было уже трудно понять, много в ней сидит рыбы или мало.

В общем, нашего терпения хватило лишь минут на двадцать. Действительно, чего дальше ждать? В сетку уже явно что-то попало. Много или мало, это уже другой вопрос. Рыба снует, что называется, прямо под ногами. И не маленькая, даже если сделать скидку на увеличение размеров за счет преломления света в воде. Так, может быть, взять да и вытащить?

Мы кое-как подгребли к одному из кольев, воткнутому в дно, и стали его вытаскивать. Кол застрял довольно капитально. Пришлось его раскачивать. При этом наше утлое судно моталось во все стороны. Даже удивительно, как нам удалось не перевернуться.

Наконец шест был вытащен, отвязан и использован для передвижения к другой части сетки. Володька правил лодкой, толкая ее шестом, а мы вдвоем с Лешкой вытаскивали сетку. На самом деле править было вовсе не нужно. И так лодка довольно быстро и успешно передвигалась к намеченной цели. Ведь мы тянули сетку и тем самым придавали необходимый импульс нашему незаменимому плавсредству.

Как выяснилось, улов был не таким уж и большим, как мы поначалу по самонадеянности полагали. В сетку попало всего три рыбы. При ближайшем изучении мы пришли к выводу, что это были лини. Зеленые такие, с мелкой-мелкой чешуей. На вид довольно аппетитные. И не такие уж и маленькие. Пожалуй, побольше килограмма каждый.

Слегка подумав, мы решили, что на этом наше сегодняшнее приключение надо заканчивать. Три рыбины – это тоже не так уж и мало. Тем более, что у нас в машине имелись и еще кое-какие продукты. Было решено идти домой. Именно идти. Этим словом мореходы обозначают передвижение их судов. А у нас тоже было своеобразное судно.

Путь назад занял совсем мало времени. Точнее сказать, формально он занял ровно столько же времени, сколько нам понадобилось, чтобы заплыть в середину озера. Однако домой было плыть намного веселее. Да и по суше мы свою лодку потащили тоже довольно бодро.

А что готовить из линей? Решили попробовать уху. Я взялся чистить линей. На самом деле, как я теперь думаю, это делать было совсем не обязательно. Чешуя у них была совсем мелкая и никак не счищалась, сколько я ни старался. Забегая вперед, скажу, что в последующие дни, когда мы готовили уху из таких линей, я уже не морочил себе голову, а только потрошил рыбу, не пытаясь что-то сделать с чешуей. И ничего. Уха выходила замечательная.

В этот раз уха тоже получилась. Может быть, особо вкусной она показалась и потому, что по первому разу мы старались, заправляли ее всевозможными специями, добавляли все, что только можно было добавить. К тому же подобное блюдо особо вкусное, если его готовить на костре и на свежем воздухе. Аппетит и предвкушение деликатеса добавляют очень много к качеству продукта.

Оказалось, что три подобные рыбы – это совсем не мало для хорошего ужина. Если поначалу мы еще сомневались, хватит ли нам этой добычи на вечернюю трапезу, то под конец все сомнения рассеялись. Уха уже не лезла в горло. Мы ее уж и закусывали, и запивали приятно чем. В конце концов часть ухи осталась на дне, а мы просто повалились и отрубались до следующего утра. И до следующих приключений.

– Хватит линей и раков, – решили мы на следующее утро. – Надо заняться настоящим делом.

То есть, выражаясь не столь пафосно, пойти на охоту. Сменить рацион, а заодно и вид отдыха. Для этого Власов залез в чашу и через какое-то время выволок спрятанное там ружье. По его недовольному, я бы даже сказал, взбешенному виду, а также по времени, сколько он отсутствовал, стало ясно, что он это наше ружье еле-еле нашел. В волосах у него торчали какие-то обрывки листьев и мелких веток. Одежда тоже слегка съехала и даже была испачкана на боку глиной. Упал, что ли, с дерева? Я не стал расспрашивать. Можно было попасть под горячую руку. Конечно же, спрятал так, чтобы никто не нашел. Но в результате, похоже, сам еле разыскал.

Итак, в руках была заветная нелегальная одностволка. Патроны были только у Власова. Но, пользуясь случаем, Лешка тоже залез в его запасы и тоже поднатолкал себе в карманы часть боеприпасов. Тем самым он как бы обозначил, что тоже претендует на то, чтобы пострелять. Я на патроны не претендовал. Почему, даже не знаю. Наверное, для этого надо было просто проявить нахальство, ведь ружье было все-таки не мое. Но я не стал этого делать.

Решили пойти сначала к пруду, где мы ловили раков. А оттуда отправиться направо, в дальнюю часть острова, где мы еще не успели побывать. Конечно, в озере с линиями тоже были утки. Но то ли мы слишком шумно себя вели, то ли что-то другое тут было не так, но они были относительно малочисленны и сидели очень далеко. Впрочем, если не найдем

уток в другом месте, заявимся и сюда. Особого выбора у нас не было. Где хоть какой-то шанс пострелять будет, туда и направимся.

В озере с раками уток не было. Хотя мы на всякий случай подкрадывались со всеми предосторожностями. Прятались, сгибались, ползли почти на четвереньках. Конечно же, не разговаривали и не топали. Все без толку! Даже если тут и были утки, в этот день мы не встретили ничего. Хотя я в своей практике уже не раз сталкивался с тем, что утки, которые постоянно обитали в каком-то водоеме, исключительно хорошо прятались. Они крутились рядом с кустами и высокой осокой. И при малейших признаках опасности просто в пару движений скрывались в траве. Если просто проходить мимо такого пруда, в жизни не поверишь, что тут сидят утки. Но есть другой способ: остановиться где-нибудь в укрытии, хорошо замаскироваться и ждать. Через какое-то время есть шанс познакомиться с тайной жизнью этого места.

По этой части я получил урок в еще совсем юношеские годы. Я вот так однажды встал со своим шестнадцатым калибром около довольно большого пруда в рыбхозе. Другие наши охотники ушли подальше, а я решил поискать счастья именно здесь. Сначала я стоял и постоянно крутил головой, чтобы не пропустить налетающих откуда-нибудь уток. Наверное, я так крутил не меньше часа. Уток не было, шея устала. Наконец я замер и стал просто сидеть и ждать: вдруг какая-нибудь шальная утка решит приземлиться прямо в мою часть пруда.

К моему удивлению через полчаса передо мной, на расстоянии метров шестидесяти из кустов слева направо вдруг проплыла утка. Стрелять было далеко. К тому же утка, наверное, видела меня. Она как бы старалась прижаться к воде, пригнала голову и вся просто вжималась в воду. Уж как это ей удавалось, я даже и не знаю.

Я просто замер. Ничего себе! Оказывается, тут есть утки прямо перед моим носом! Дальше уже я весь просто сжался и замер. Мое терпение было вознаграждено уже через несколько минут. Точно там же проплыла еще одна утка. Потом еще. Причем эти две уже не прятались, а плыли довольно открыто. Но стрелять все равно было явно далековато.

Дальше я сделал то, что казалось по здравому разумению излишним. Я перестал двигать глазами. Уставился в одну точку на воде, вот и все. Сидеть так долго было совсем трудно. Однако минут через пятнадцать слева направо проплыла еще одна утка. На этот раз намного ближе, метрах в тридцати. Вот это да! Я вскочил, приложился. И промазал. Точнее, утка быстро нырнула, пока я поднимался да пристраивал к плечу ружье. Однако этот случай меня кое-чему научил. Выходит, животные замечают даже такие движения, которые по человеческим меркам совершенно незначительны.

На этом нашем волжском острове тоже можно было спрятаться у прудика и выжидать, пока кто-нибудь не высунется из кустов. Но нас было все-таки трое. А ружье – только одно. И что, двое будут сидеть недвижимо, а третий – охотиться? Да и вообще мы были не склонны к пассивным действиям. Молодые, агрессивные, мы хотели жить активно.

Кроме того, северная часть нашего острова оставалась совсем неисследованной. А вдруг там есть что-то такое необыкновенное, необычное и потому особо привлекательное? Нетрудно догадаться, что мы в конце концов решили двинуться дальше. Тем более, именно там в день приезда мы, хоть и издалека, но все-таки видели уток.

Поход получился довольно длинный. Мы все шли и шли. Никаких озер, даже самых небольших, нам не встречалось. Зато было полно живописных полян, высоких красивых деревьев. Встречались и кое-какие перелески. Вообще, есть тут утки или нет? Может, ружье так и не пригодится? Только одну рыбу будем есть да раками закусывать?

Через полчаса, то есть километра через два мы наконец заметили уток. О, это здорово, наконец-то! Они время от времени перелетали по кругу над дальней частью острова. Это было верным признаком, что там имелся какой-то подходящий пруд. Мы подходили все ближе и ближе, разговоры стихли. Мы начали пригибаться, как-то прятаться. Хотя это было явно бессмысленно. Местность была совершенно открытая. Наши эти пригибания никак нас не маскировали. Однако утки продолжали время от времени взлетать впереди по одной или даже по две. Взлетали они довольно неторопливо, разворачивались и, отлетев немного вдаль, летели назад. Потом снижались, расставляли крылья и куда-то приземлялись.

Мы крались все медленней и медленней. По нашим московским меркам дальше должно было случиться вот что. Утки должны были нас заметить и распознать в нас угрозу. Сразу после этого они должны были дружно взлететь, и ищи ветра в поле! Ну не будешь же стрелять за двести метров! Хорошего выбора у нас явно не было. Можно было, конечно, остановиться там, где мы уже стояли. И ждать, пока на нас не налетит какая-нибудь шальная птица. Но что, опять ждать? И мы продолжали красться вперед.

Наконец нашим глазам открылось зрелище, которое просто потрясло воображение. Такого мы не видели нигде и никогда в Москве и ее окрестностях. Что-то похожее я видел только в Гималаях, в индийских штатах Трипура и Манипур. То есть в полной горной глуши, какую только может себе представить цивилизованный человек.

Увидели же мы вот что. Перед нами находился тот самый прудик, который облюбовали наши утки. Он был довольно небольшой. Даже поменьше, чем тот, где мы ловили раков. Но на нем сидела целая стая уток! Штук сто, наверное, никак не меньше. Что они тут нашли интересного, было

совершенно непонятно. Но факт оставался фактом. Утки плавали по поверхности этого прудика, ныряли, чистили себе перышки. Вылезали на бережок. Время от времени, громко хлопая крыльями, взлетали, делали круг и плюхались назад в воду. Подчас казалось, что они почти полностью закрывают собой водную гладь.

Совершенно очевидно они нас видели. Но не улетали! Происходило что-то похожее на то, что обычно случается в зоопарке. Там утки тоже не боятся людей. Но тут-то не зоопарк! Оставалось предположить, что мы нашли место, куда люди вообще не заходили уже давно. Перед нами были самые настоящие, еще не напуганные человеком дикие утки.

Как говорится, диво дивное. Вообще-то, я как-то видел таких непуганых уток в Западной Сибири. Мы плыли на туристическом пароходе в Дудинку и на Диксон. А по дороге останавливались и выходили на берег, где тоже не было никаких людей. Там я тоже видел, как довольно близко от нас в воде плескались утки. Тоже непуганые. Но не в таком количестве, а всего две-три. А тут не меньше сотни!

Шаг за шагом, но в конце концов мы подошли практически к берегу этого пруда. Стрелять по сидящим? Тут все-таки надо немного отвлечься и сказать пару слов о моих спутниках. Вообще-то, Лешка был кандидат в мастера спорта по стендовой стрельбе, а Вовка – перворазрядник. То есть стрелки – что надо. Они переглянулись и, кажется, поняли друг друга без слов. Стрельба по сидящей утке была по их меркам ниже их достоинства. Однако кто в таком случае стреляет первым? Не исключено, что после первого же выстрела вся эта утинная компания отчалит, и мы их больше никогда не увидим.

Сначала тихо, вполголоса, потом все громче и громче, но Лешка и Володька стали препираться, кто должен стрелять первый. И тот и другой никак не хотели уступать друг другу. Я же в их глазах, надо понимать, был просто никто. Я это понимал, никаких разрядов по стрельбе у меня не было. Поэтому просто стоял молча и наблюдал за борьбой титанов.

Наконец победил Володька. Во-первых, это было его ружье. Во-вторых, он его тащил. В-третьих, именно Володька был самый нахальный и дерзкий из нас. А как известно, кто смел, тот и съел. И Володька с видом чуть оскорбленного достоинства (как же, кто-то посмел оспаривать его права!) повернулся к пруду. Выдержал паузу. Потом громко засвистел.

Вода покрылась пеной. Утки все разом захлопали крыльями, заторопились. Они разгонялись по воде, оставляя за собой пенные дорожки, и одна за другой взмывали в воздух. Вокруг нас были только кричающие утки и хлопающие крылья.

Володька выбрал жертву, приложился, повел ружьем, выцелил. И наконец выстрелил. Ничего не произошло... Никто ни на какую землю не рухнул.

Утки даже и не думали попадать к нам на ужин. Наоборот, они разогнались и помчались от нас вдаль. Выстрел, однако, грохнул во всю мочь. Мы трусливо озирались, инстинктивно ожидая, наверное, увидеть егерей вместе с милиционерами. Но те не появлялись.

А Володька стоял совершенно обескураженный. Промах! По уткам, которые только что на голову не садились. Это была минута настоящего позора. В глазах Лешки промелькнула искра злорадства: «Ага, вырвал себе право на первый выстрел, а сам промазал!»

Володька, как и мы, провожал глазами наших уток. Ружье безвольно висело у него в руках. Фиаско было полным. Он уже, наверное, представлял, как мы будем насмехаться над ним всю оставшуюся поездку. Да и было за что насмехаться. Оставил товарищей без законной добычи на ужин. Без фантастической закуски к выпивке. Опозорил всю нашу экспедицию перед животными и людьми.

Дальше однако произошло то, что никак не укладывалось в наши столичные головы. Утки никуда не улетели. Они похлопали-похлопали крыльями, сделали кто большой круг, а кто поменьше. И одна за другой потихоньку вернулись все назад. Они круто заходили на этот наш прудик и, совершенно не обращая на нас внимания, со всего маху плюхались обратно в воду. Получалось, что выстрел их вовсе и не испугал. Такого я вообще никогда не видел. Что за странные утки? Прямо как домашние. Наверное, такого поведения можно было ожидать только от домашних уток. Но никак не от их диких собратьев.

Да, много удивительного бывает на свете. Однако надо было что-то делать. Лешка знал, что именно. Он довольно решительно двинулся к Власову. И требовательно протянул к нему руку. Власов без споров, отведя глаза в сторону, отдал ему свою одностволку. Лешка вытащил патрон из кармана, загнал его в патронник и стал по-хозяйски оглядывать прудик. Утки не подозревали, что решается их судьба, и как ни в чем не бывало продолжали плескаться дальше.

Лешке с его высокими стендовыми регалиями и вовсе было не с руки стрелять по уткам, сидящим от него в двадцати шагах. Да я и не думаю, что Лешка сомневался в своих способностях. Для него, нет никакого сомнения, подстрелить летящую утку было проще простого. Ведь на стенде тарелочки вылетают с бешеной скоростью да еще по немислимым траекториям, и то их мастера разбивают без промаха. А тут какие-то разленившиеся жирные утки, еле-еле хлопающие крыльями на расстоянии в десять метров!

В общем, Лешка тоже засвистел. Я всегда завидовал тем, кто умеет свистеть. Особенно столь громко и пронзительно. Свистуны как-то ловко поджимают губы и по-особому продувают через них воздух. Я сколько в

своей жизни ни старался научиться этому, так и не смог. До сих пор не могу. Тихо-тихо могу, а по-настоящему – никак.

От Лешкиного свиста утки опять поднялись в воздух. Но на этот раз более лениво. Видно привыкли с первого раза. И не сочли, что свист предвещает какую-то настоящую опасность. Они висели почти неподвижно в воздухе, прямо напротив нас, хлопая своими крыльями и недовольно крякая. Лешка как настоящий мастер вскинул ружье. Выстрел бабахнул, кажется, даже громче, чем в первый раз. Было видно, как сноп сгоревших пороховых газов, а значит, и дробь, протянулся от ружья прямо в самую гущу утиной стаи. Наверное, я ожидал, что если не все, то уж часть уток точно рухнет поверженными на землю.

Никто никуда, однако, не рухнул. Я уж не знаю, в чем тут была проблема, если такие мастера мазали при стрельбе в упор. То ли ружье было кривое. То ли они брали слишком большое упреждение для цели, которая почти висела на месте. Может быть, если бы это была двустволка, из второго ствола мои товарищи точно сбили бы свою утку. Но второго ствола у нашей одностволки не было. И результат их «работы» был налицо. Утки все до одной успешно удрали от незадачливых стрелков. Наверное, в этот раз я очень неприятно ухмыльнулся. Во всяком случае и Власов, и Лешка, оба как по команде отвернулись от меня.

Дальше я опять удивился. Но уже не так, как в первый раз. А только наши утки, полетав-полетав вдали, вновь направились к нам. Они опять собирались сесть на заветный прудик. Ей-богу, я никак не мог взять в толк, что они нашли в нем особо привлекательного. Пруд как пруд. Кругом полно свободной воды. Но вот факт оставался фактом, утки опять вознамерились сесть именно к нам, прямо под наши ноги.

Однако Володька, судя по всему, не желал оставаться презренным мазилой. Он почти выхватил ружье из рук Лешки и в одно движение зарядил. Он, как я сразу же понял, решил сбить утку опять в воздухе, но уже не дожидаясь, когда она сядет. Это было нетрудно. Утки одна за другой пикировали прямо на нас, причем со всех сторон.

Прогремел выстрел. Опять ничего не случилось. Нет, конечно, случилось. Но не совсем то, чего хотел Володька. Утки вскинулись и опять погнались по кругу над нашим островом. Но ни одна из них не пожелала расстаться со своей никчемной жизнью. А может, в патронах вообще не было дроби? Такая крамольная мысль закралась в мою голову после этого, уже третьего подряд промаха.

Самое интересное, что ни Власов, ни Лешка даже не думали дать мне пострелять. Как будто меня и вовсе тут не было. Объяснение могло быть только одно: ни тот, ни другой вообще не считали меня за хорошего стрелка.

Это было обидно. Наверное, уже в этот момент я подсознательно решил им обоим доказать обратное.

Володька опять отдал ружье Лешке. Ну уж теперь-то у нас будет утка на ужин! Не может же кандидат в мастера спорта по стендовой стрельбе два раза подряд промазать по утке, которая только что не садится ему на голову. Но, как выяснилось, на голову нашего мастера пала не утка, а очередная порция позора. Лешка тоже промазал. Два раза подряд! Это было не менее удивительно, чем утки, которые никак не желали улетать от своих убийц.

После четырех промахов подряд мои товарищи выглядели так, что мне их стало почти жалко. Но, однако, надо было положить конец этому свинскому отношению ко мне. И я довольно решительным тоном попросил дать и мне выстрелить. Хоть разок. Надо было видеть, с какой неохотой отдал мне ружье Власов, который к этому моменту уже успел в очередной раз забрать его у Лешки. Но все-таки отдал. «Как не треснул!» – только и подумал я.

Вслед за ружьем Власов дал мне и один патрон. Я не стал спорить. Один так один. Они тоже по разу стреляли. Так что тут хотя бы внешне, но равенство более или менее сохранялось. Однако надо было как-то так сделать, чтобы я все-таки подстрелил утку. В общем, простое решение было очевидным. Выстрелить по сидящей утке. И вся недолга! Но, с другой стороны, это было слишком просто. Так я им ничего не доказал бы. На воде хоть кто подстрелит, тем более с десяти метров.

И я избрал иной план. Для начала зарядил ружье. Потом не стал суетиться и подошел к берегу поближе. Там прямо вдоль пруда лежало толстенное поваленное дерево. Я присел прямо за ним и положил на этот ствол свое ружье. То есть, как уже догадался читатель, я принял решение стрелять не только по сидящей утке, но еще и с упора. Но и этого мало. Я стал ждать, когда утки сплывутся вместе. Подстрелить сразу несколько одним выстрелом – вот что я задумал!

По две утки сходились довольно часто. Но я почувствовал, что тут можно добиться большего. Чего там две! Сейчас я вам покажу, дорогие вы мои горе-стрелки! Наконец минут через пять я подловил хороший момент. В одно место одновременно сплылись целых три утки. Я выстрелил. Две были убиты насмерть. Третью, подранка, удалось поймать голыми руками.

Да, такого выстрела у меня не было никогда ни до того, ни после за всю мою бестолковую жизнь! В тот же момент мне казалось, что я доказал своим товарищам, что тоже на что-то гожусь. Но они не смотрели на меня. То есть как будто и не замечали, что я только что с одного патрона настролял целую кучу уток. Единственно, Вовка решил попробовать выстрелить еще раз влет. На этот раз наконец и он попал. То есть у нас вдруг стало четыре убитые утки. Больше не съест! Это значило, что охота окончена.

Мы шли со своими утками к нашему лагерю. Володька тащил свое одноствольное браконьерское ружье и утку. Я же нес свою добычу. Лешка вообще ничего не нес. Мы молчали. Ребятам было обидно, что они не подтвердили свой особый статус стендовых стрелков. Я же раздумывал совсем о другом. А вообще в этой жизни можно кому-то что-то доказать? Вот я только что подстрелил трех уток с одного выстрела. И что? Разве меня после этого стали считать хорошим охотником? Что-то я в этом сомневаюсь. По лицам моих товарищей было видно, что они были просто недовольны несправедливостью, допущенной самой судьбой. Но, конечно же, не изменили своего мнения и не считали меня особым мастером по стрельбе. То есть все равно себя считали мастерами, а меня – не пойми кем. И к тому же теперь еще были недовольны своей судьбой.

Ну а если бы я подстрелил утку влет? В конце концов я все-таки имею не такой уж и плохой охотничий опыт. И запросто могу и попасть на таком расстоянии. Не думаю, однако, что и в этом случае я что-то доказал бы своим товарищам. «Ну повезло, – сказали бы они, – дуракам всегда везет». Вряд ли можно было рассчитывать на большую степень признания моих заслуг.

Еще я думал вот о чем. Мы приехали в самый настоящий рай для рыбака и охотника. Рыбу можно ловить чуть ли не голыми руками. Утки норовили сесть на голову. Чего еще надо? Два первых дня мы действительно упивались всем этим изобилием. А вот теперь идем чуть ли не с недовольными лицами. Чего-то еще не хватает? Похоже, мы уже привыкли к райской жизни. И теперь имели претензии еще к чему-то: к судьбе, к кривому ружью, к плохим патронам и невоспитанным уткам.

Уток мы в тот же вечер зажарили на костре. Вкус у них был отменный, особенно под спирт и на свежем воздухе. Однако мясо показалось мне жестковатым. То ли я уже разбаловался изобилием рыбы и дичи. То ли мы не дали уткам протухнуть. Я от опытных охотников слышал, что уток нельзя есть сразу. То есть, конечно, и сразу они вполне съедобные. Но не такие мягкие и вкусные. Лучше дать им немного протухнуть. В мясе идут естественные процессы разложения. И если не переборщить, через сутки утка будет что надо, мягкая и аппетитная. На практике так нередко и случалось. Обычно подстреленных уток трудно было зажарить и съесть сразу. Всегда они успевали где-нибудь повалиться. Но в результате были только вкуснее.

У меня дома в морозилке одно время довольно долго лежала одна подстреленная дикая утка. Ощипать я ее, конечно, ощипал. А потом заморозил. И все как-то руки не доходили ее приготовить. К тому же она имела довольно неприглядный вид. Какая-то вся помятая, сморщенная, смерзшаяся. Так и валялась себе без дела, только место занимала. Наконец я решил с ней покончить. Дай, думаю, зажарю-ка я ее! Так и поступил. Нашел у жены подходящую сковородку, разогрел ее, разморозил птицу, разрезал ее на

части и стал жарить на сильном огне. Причем для себя решил, что если утка окажется протухшей, невкусной, в общем – плоховатой, то тут же ее и выкину. Но, к моему удивлению, эта неказистая на вид утка оказалась исключительно вкусной. Просто пальчики оближешь! Вот как бывает.

Следующее утро ознаменовалось приходом картофельного сторожа и пропажей части посуды. Впрочем, обо всем по порядку. Как я уже упоминал, недалеко от нас было картофельное поле. Его сторожил один человек, местный житель. И вот на следующее утро я проснулся от того, что кто-то ходил по нашему лагерю. Я высунулся в окно машины и увидел какого-то товарища довольно потрепанного вида. Я немного напряг тяжелую спронею голову и наконец сообразил, что это был тот самый сторож с расположенного неподалеку картофельного поля, которого мы видели сразу по приезде на остров.

«Чего он приперся в такую рань? И что с ним теперь делать?» – я завозился в машине, вылез наружу, поежился, напялил свои штаны и рубашку. Сторож остановился и внимательно наблюдал за моими движениями. Но ни слова не говорил. Просто стоял поодаль.

Выполз из своей палатки и Володька Власов. Тоже огляделся, понял, что у нас гости, и начал одеваться. Мы с ним вдвоем наконец подошли к нашему незваному пришельцу. Я глянул на часы. Было чуть раньше семи часов утра. Ничего себе визитик!

Но мы с Володькой были тертые калачи. И, не сговариваясь, быстро сообразили, какие причины привели сюда этого деятеля. До этого наша компания вела себя довольно тихо. А вчера мы палили из своей одностволки по полной программе. Конечно же, нас было прекрасно слышно на картофельном поле. А может быть, и в деревне на берегу Волги. Запросто можно было накликать гостей.

Точно так же было понятно, что сейчас еще не сезон охоты. В любом случае, из любого ружья наша «охота» тянула на полноценное браконьерство. А с нелегальным оружием я уж и не знаю, на что все это тянуло. Точнее, знаю, но нет желания уточнять.

А тут гость, который по долгу службы несет функции охраны. Пусть охраны картофеля от грабителей. Но он может и в милицию на нас доложить. По всему выходило, что нам надо как-то этого сторожа задобрить.

– Доброе утро! Что-то вы рано встаете! – я не посмел сказать, что он рано заявился. Это было бы невежливым намеком. А злить сторожа никак не хотелось. – Кстати, как вас звать-то? А то мы в первый раз с вами толком и не познакомились.

Оказалось, что нашего товарища звали Семеном. Он увидел, что мы выбрали вежливую линию поведения, и сразу приободрился. Задал пару ничего не значащих вопросов о том, как у нас тут дела. Мы отвечали тоже

предельно вежливо и в целом протокольно. Вдаваться в детали совсем не хотелось. Как это ни странно, но Семен ничего не спросил про стрельбу. Не может быть, чтобы не слышал. Но факт оставался фактом – не спросил.

– Семен, а как вы относитесь к спиртному? – это повел дипломатическую атаку Володька Власов. Как я уже упоминал, спирта у нас было четырнадцать литров. На троих. Так что можно было угощать гостей без каких-либо ограничений.

У меня Вовкин вопрос не вызвал сомнений. Ну а что, действительно надо было бы этому Семе просто налить. Если выпьет, значит, уже почти друг. Значит, не будет никакого желания нам тут что-то поднапортить.

Семен выразил свое согласие даже не словами. Он просто кивнул. Но сделал это исключительно выразительно. В этом кивке совместились не только согласие, но и удовлетворение, а также еще и одобрение наших слов. И даже, наверное, там содержался какой-то знак, что Сема теперь очень к нам подобрел.

Но не будешь же предлагать такому гостю, от которого мы всецело зависели, просто стакан разбавленного спирта! Это было бы явно невежливо. Так наливают людям второго сорта, из низшей касты. А нам вовсе не хотелось противопоставлять себя местному жителю. Это означало, что мы должны были организовать что-то вроде застолья с тостами и какой-то приличествующей случаю беседой.

Семен повел себя дальше достаточно непринужденно. От его былой настороженности и следа не осталось. Он удобно расположился прямо на земле, на раскинутой куртке и сжал в ладошке граненый стакан, который ему услужливо притащил Володька. К этому времени к нашей компании присоединился и Леша. Он был совсем заспанный и не до конца понимал, зачем в семь утра устраивать застолье. Володька начал ему говорить про дорогого гостя, про охрану картофельного поля. А сам тем временем незаметно корчил Лешке рожи, намекая, что тут особая ситуация. Леша никакой такой особой ситуации, видимо, не усмотрел. Но не стал спорить, а просто присел, увеличив нашу компанию до четырех человек.

Для себя мы до этого разбавляли спирт довольно прилично. Получалось, судя по расчетам, да и по вкусу, существенно поменьше сорока градусов. Пить было полегче. Да и чего себя обжигать слишком крепким пойлом! Но тут перед нами был местный гость. И мы подошли к разбавлению спирта чуть иначе. Володька добавил явно меньше воды, чем обычно. Значит, градус выходил побольше.

– Семен, для нас, городских жителей, посещение ваших мест, Волги, этого острова – это настоящее событие. Тут такая рыбалка! Это что-то просто необыкновенное. Мы наловили линей и сварили из них необычайную уху.

Такую уху ни в какой Москве не найдешь. Давай, Сема, выпьем за твое здоровье, а также за успех нашего путешествия!

Мы чокнулись. Надо отдать должное Семену, слушал он этот короткий тост очень внимательно. Даже, наверное, слишком внимательно. Но я этому не придавал в тот момент никакого значения. Обычная протокольная речь. Какой может быть в ней особый смысл? Но тут я, как показали дальнейшие события, сильно ошибался.

Наш гость пригубил свой стакан. Немного подумал, оценил. И не сильно торопясь, этот стакан тут же, на месте полностью и выпил. У нас порции были поменьше. Себя мы предусмотрительно пожалели. И налили поменьше половины. Тут же нашлась и какая-то закуска.

И что дальше? По нашим меркам, такого стакана в семь утра было вполне достаточно для первого знакомства и дальнейших хороших отношений. Видимо, еще минут пять-десять, короткий обмен любезностями, и на этом мероприятие закончится. Но, похоже, Семен подходил к этому вопросу иначе.

Сразу после поглощения своей порции Семен замер и глубоко задумался. Оценивает качество продукта? Сочиняет ответный тост? Если так, то напрасно. Больше стакана мы не нальем. Но, как оказалось, мысли картофельного сторожа бежали в ином направлении.

– Вы линей ловили? А где? Вот в том озере? Сетки там видели? Это мои сетки, я там ловлю. И уха вам понравилась? Еще линей хотите?

На эту тираду ответил я. Пришлось признать, что линии действительно были замечательные. Поймали мы их совсем легко. И еще собираемся ловить. А сетки мы трогать не будем. Мы понимаем, что это имущество Семена.

Тут на лице нашего гостя начали проявляться признаки алкогольного опьянения. Видимо, спиртное оказывало на него особо тлетворное влияние. Речь стала слегка бессвязной. Но все-таки мы успели понять, что Семен не просто так ловит этих линей. А в запас. У него есть бочка. И в ней он этих линей то ли солит, то ли квасит. Но в результате на зиму у него получается замечательный запас этого необычного провианта.

Дальше произошло вот что. Сема стал говорить все более и более бессвязно. И я вдруг понял, что уследить за ходом его мыслей стало совершенно невозможно. Но точно так же невозможно было и остановить его. И я, и Володька предприняли по одной попытке его перебить и как-то если не завершить встречу, то хотя бы направить общение в иное русло. Но из этого ровно ничего не вышло. Семен говорил себе свое, при этом размахивал руками и никак не желал замолкать.

Все это продолжалось, наверное, не меньше часа. Наконец Сема начал выбиваться из сил. Речь его стала медленней. Но все равно оставалась непонятной. Он явно говорил на русском языке. И слова были тоже русские.

Даже можно было понять, что эти слова складываются во что-то, похожее на фразы. Но понять их смысл было никак нельзя. В конце концов, как говорится, фонтан иссяк. Семен окончательно выбился из сил. Он замолк, потом довольно неожиданно поднялся и что-то буркнув себе под нос, неуверенной походкой отправился восвояси, показав нам свою спину.

Мы облегченно вздохнули. Я устал не столько от раннего приема водки или от недосыпа. А от того, что все время невольно напрягался, пытаюсь расшифровать смысл произносимой сторожем речи. Надо было срочно досыпать недоспанное. Лешка и Володька были того же мнения и незамедлительно отправились к себе в палатку.

Казалось бы, в этом эпизоде мы все делали правильно. Уважили гостя. Налили ему. Дали закуски. Произнесли речь. Наконец, слушали его бессмысленное пьяное бормотание. Что не так? Оказалось, что все не так! Следующее утро показало, в чем именно мы ошибались. Опять Семен заявился к нам в гости. Опять в семь утра. Но при этом он тащил с собой какой-то мешок. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это лини.

То есть получалось, что наш Сема заявился предыдущим утром не просто так, чтобы выпить и закусить на халяву. Он в ходе этого своего дипломатического визита пытался выяснить, чем может быть нам полезен. И в конце концов намотал себе на ус, что мы ловим линей и варим из них уху. Вот он и пришел на следующий день с линиями. Он нам линей. А мы ему что? Понятно что. Выпивку.

Дальше все пошло по Семиному плану. Он вывалил из мешка дюжину здоровенных линей. Прямо на землю. Те недовольно захлопали хвостами. То есть свежей некуда. А наш Семен ничего не попросил. И ни на что не стал намекать. Он просто стоял и почти безразлично поглядывал то на нас, то на реку, то на небо. Но не уходил. И что было нам делать? Делать было нечего. Пришлось налить...

Дальше повторилась история предыдущего дня. Семен враз захмелел. И начал безостановочно молоть всякий вздор. Выпроводить его не было никакой возможности. Только грубостью. Но так себя вести мы вовсе не хотели. Пришлось его слушать. И только через час наш Семен ушел.

Короче, как нетрудно догадаться, процедура стала повторяться до мельчайших деталей каждое последующее утро. Мало того, что товарищ пил наш спирт. В конце концов его у нас было море, и даже несколько литров можно было позволить потратить не на себя. Но этот черт будил нас каждый раз ни свет ни заря. А что может быть приятнее глубокого утреннего сна! Да еще эти лини. Мы его выпроваживали и пытались после еще часок – другой доспать. Но все равно сон был бестолковый. В голове крутилась бессмысленная болтовня нашего незваного гостя.

В общем, я в результате стал делать вот что. Как только сторож уходил, я брал тех линей, которые еще шевелились, и отпускал их в Волгу. За пару часов пребывания в мешке и на берегу некоторые из них еще не успевали сдохнуть. Но и после этой гуманной акции у нас еще оставалось около десятка линей, каждый не меньше, чем в килограмм. Их девять было совершенно некуда. Для начала мы ложились досыпать прерванный утренний сон. Потом часов в десять утра просыпались и садились готовить уху. Точнее, уху варил я один. Мои друзья оценили мою инициативу и не мешали мне. Они просто наблюдали за моими действиями и терпеливо ждали.

Я же набирал довольно приличный по размеру казан воды и совал туда головами вниз несколько нечищенных линей, которых было уже поздно выпускать на волю. Вообще нечищенных, а в первой порции даже не потрошенных. Как правило трех, больше в наш казан не влезало. Какое-то время я варил их. Потом самих линей просто вытаскивал из казана и выкидывал в реку. Потом совал трех новых линей и их тоже варил. Только третью порцию линей я потрошил и оставлял в казане. В результате уха получалась довольно-таки наваристая и вкусная.

Все бы хорошо, но этот треклятый сторож лишал нас развлечения. Мы же приехали половить рыбки. А тут всякая ловля теряла смысл. Куда нам еще налавливать рыбы в дополнение к этим бесконечным линиям? Но и прогнать этого чистосердечного местного жителя мы никак не могли. Одно слово, интеллигенция. Дело даже не в тактичности и не в воспитании. Нам его было предельно жалко. Даже прерывать его пьяную болтовню мы не хотели. К тому же из-за своего браконьерского ружья и такой же сетки мы чувствовали определенную зависимость от этого нашего гостя. Вдруг все-таки сообщит куда надо?

Он, кстати, как вскоре выяснилось, успел многократно посидеть в тюрьме. Однако ничуть этого не стыдился. Был он телосложения крайне плюгавого и в своей жизни мог чего-то добиться только за счет ловкости. Вот про эти свои ловкие похождения в тюрьме он в основном и рассказывал, когда еще не успевал окончательно окосеть. По его словам выходило, что он в конечном итоге стал на зоне собаководом и его подопечные псы очень успешно ловили таких же зеков, как и он сам.

Охота и рыбалка – это все хорошо. Но на четвертый день нашего путешествия мы неожиданно для себя обнаружили, что в нашем лагере кто-то без нас побывал. Как это произошло и когда именно, было совершенно непонятно. Но результат имелся налицо. У нас пропала кое-какая посуда.

На душе стало как-то сильно тревожно. То есть мы тут себе спокойно живем, уходим куда-то, оставляем все барахло без присмотра! А оказывается, рядом находится кто-то незаметный для нас. И очевидно недоброжелательный. При этом довольно незатейливый, судя по вкусам.

Было бы понятно, если бы у нас украли что-то ценное, залезли бы в машину. А тут трехкопеечная посуда. Было также понятно, что заявиться в лагерь незаметно можно было только одним способом: надо было за нами следить.

Мои товарищи, однако, не смогли предложить ничего дельного. Дежурить, оставлять кого-то в лагере? Спросить картофельного сторожа? Может, он кого-то видел? В общем, ясности не было никакой. Тема как-то постепенно ушла на второй план. Но что-то, видимо, зацепилось подсознательно у меня в голове. И через некоторое время я разоблачил вора.

Действовал я довольно просто. Стал регулярно присматривать за посудой. Где какая валяется. Примечал это, когда мы уходили и когда приходили. Действительно, если вор пробирался через лес, тогда должны были остаться следы. И тогда будут пропадать предметы, которые лежат у леса.

Но следы воровства мне через какое-то время удалось обнаружить вовсе не у леса. А у кромки воды. Часть посуды действительно валялась именно там. Мы там бросали ее для того, чтобы потом помыть. А после мытья далеко не всегда переносили назад в лагерь, на высокий берег. И вот именно на берегу я и заметил интересные изменения.

Мое внимание привлекла палка, которую мы воткнули по какому-то поводу в дно реки прямо у берега. Я вдруг понял, что палка воткнута далековато от берега. Что-то я никак не мог припомнить, чтобы кто-то из нас заходил так далеко и так глубоко, чтобы ее воткнуть. Но тогда как палка могла там оказаться?

Вообще-то для того, чтобы найти правильный ответ, надо было просто отказаться от одного из стереотипов, который незаметно проник к нам в головы. А стереотип заключался в том, что объекты, которые мы наблюдали вокруг нас, казались нам совершенно неизменными. Мы полагали, что лес, который был рядом с лагерем, не мог никуда убежать. И точно так же мы подсознательно полагали, что река течет постоянно и незыблемо именно там, где мы ее видим. Однако это оказалось не так.

Судя по всему, в Волгограде, который был выше нас по течению Волги километров на двести, пик промышленной активности приходился на середину недели. Для промышленности необходимо электричество. Для этого Волгоградскую ГЭС открывают на полную катушку. Вода всю крутила турбины. Те вырабатывали энергию. А сброшенная таким образом вода только к субботе доходила до нас. Уровень воды поднимался на короткое время не меньше, чем на полметра, причем довольно незаметно. Но этого хватало, чтобы слизнуть часть нашей посуды, которая валялась на берегу. Сама река и была нашим незаметным воров.

Итак, дармовые линии, непуганные утки, раки – все это было хорошо. Но мы жаждали новых приключений. Ну, что еще тут такое выловить или подстрелить? После недолгого вечернего совещания было решено попробовать ловить судака на перemet.

Перemet – это такая длинная леска, на которой крепятся через примерно равные расстояния несколько десятков крючков. Леска натягивается поперек реки, чаще всего на ночь. Вообще-то, это браконьерская снасть. Однако это не такой уж и легкий способ ловить рыбу. Я даже и не знаю, что в нем такого неспортивного и браконьерского. Леска у нас, конечно, была. Были и крючки, причем в изобилии. Оставалось вязать поводков и прикрепить их к основной леске. Однако это было легко сказать, да трудно сделать. Работа оказалась довольно кропотливой, требующей внимания. В общем, целый вечер наша веселая компания занималась сооружением этого самого перemета.

Мало связать перemet. Его еще надо так сложить, чтобы не запутать. Все-таки это по своей сути мesиво из толстой лески, к которой привязано множество кусков более тонкой лески, да еще с острыми крючками на конце,

которые так и норовят во что-то впиться и за что-то зацепиться. Но в конце концов и эта проблема была успешно разрешена.

Однако на крючки надо насадить наживку, лучше всего мальков. Где их взять, да еще в таком количестве? Здоровенных линей было множество. Но не будешь же насаживать в качестве живца такого линя! И резать его на куски не хотелось. Мальки все-таки были бы явно более привлекательными для такого речного хищника, как судак.

Пока мои товарищи с важным видом раздумывали, где добыть мальков, я отправился к реке мыть посуду. И тут же заметил интересное явление. Мытье посуды предполагало, что часть несъеденной пищи попадала прямо в волжскую воду. И тут же нашлись те, кто эту пищу подхватывал и съедал. Мальки! Поскольку посуду мы мыли уже несколько дней, за это время к месту мытья подтянулись мальки со всей округи. Когда я пригляделся, то обнаружил там целое стадо мальков, ждавших своей заслуженной кормежки.

Оставалось их только выловить. Но опять проблема – сетки с мелкой ячейкой у нас, понятное дело, не имелось. Сачка – тоже. Не ехать же за ними на материк! Впрочем, пожив на свежем воздухе, мы стали проявлять определенную изобретательность. В дело пошла рубашка Лешки. Она была модная, из толстой, красиво переплетенной нитки. Почти сетка, как раз то, что надо. У рубашки мы завязали рукава. И Власов вызвался выловить рыбную молодежь. Взял рубашку, зашел в воду ниже по течению и медленно стал приближаться к месту обитания мальковой стаи. Потому опустил рубашку в воду, расправил ее. И резким движением провел под водой. Когда мы заглянули в нее, там трепыхалось не менее полусотни замечательных мальков. Вполне достаточно для успешной ловли на перемет. А мне почему-то стало их жалко. Ведь они проявили такую предприимчивость, нашли себе место для пропитания. И могли бы вырасти в больших рыб. А мы, пьяницы и баламуты, одним движением оборвали их жизни ради собственной сомнительной прихоти.

Перемет решили закинуть подальше от своей стоянки. Мало ли что! В общем, мы отправились на отдаленную косу, вверх по течению, не меньше километра от лагеря. Пляж там был совершенно шикарный. Растянули свою снасть вдоль воды и стали насаживать мальков. Только завершили, глядь – со стороны нашей базы – рыбнадзор! Инспекторскую лодку к этому времени мы уже узнавали издали. Она шла довольно медленно метрах в восьмидесяти от противоположного берега протоки и волокла за собой якорь. С его помощью инспекторы цепляли браконьерскую снасть. Как правило, такой снастью была веревка с частыми острыми крючьями, лежащая на дне. Осетры – донная рыба. Они ползут по поверхности дна и могут зацепиться брюхом за эти крючки.

Завидев вдаль рыбнадзор, который медленно двигался в нашу сторону, мы мгновенно подвинули нашу снасть к реке так, чтобы ее слегка накрыла вода. Инспекторы осматривали окрестности в бинокль и с небольшого расстояния вполне могли рассмотреть наши импровизированные рыболовные принадлежности. Сами же мы разлеглись на пляже, изображая из себя что-то типа загорающих туристов. Лодка близилась, а мы незаметно за ней наблюдали.

Неожиданно появились чайки. Много чаек. Откуда только они взялись! Чайки стали яростно пикировать на наших мальков, насаженных на крючки. Нас они не боялись абсолютно. Мальков было жалко. Нам они дались нелегко. Сначала выловить, потом насадить! Кроме того, какая-нибудь чайка сама могла попасться на крючок и выдала бы все наши браконьерские приготовления. Представляю, как бы она тут билась, запутавшись в крючках и лесках. Нет, лов чаек на перемет на глазах рыбнадзора вовсе не входил в наши планы.

В конце концов я изловчился и схватил ветку длиной метра в три, которая валялась неподалеку, и лежа на спине, стал со всей силы размахивать ею над собой, пытаясь отогнать чаек. Те уворачивались и все равно норовили в крутом пике схватить наших мальков. Вовка тоже подобрал какую-то палку и пытался отогнать наглых птиц.

Со стороны картина выглядела, надо полагать, совершенно дико. Несколько туристов безмятежно загорают на пляже. Но на них вдруг напала стая чаек. Туристы отгоняют птиц здоровенными дрынами, а те все равно кидаются и норовят тяпнуть. Прямо сцена из фильма Альфреда Хичкока.

Рыбные инспекторы, видимо, оценили всю прелесть ситуации. Краем глаза я видел, что они уставились из своей лодки на нас, просто разинув рты. Но подходить к нам все-таки не стали и на малой скорости в конце концов удалились восвояси. Испугались, что птички и их заодно с нами заклюют?

Когда рыбнадзор уплыл, мы выждали еще минут десять и наконец забросили злополучный перемет. До другого берега было далеко. И мы предпочли натянуть снасть иначе. Лешка взял с собой длинный кол и поплыл с ним подальше от берега. На расстоянии метров тридцати он с некоторым трудом, но смог воткнуть кол в дно. Потом еще раз сплавал назад к нам и потащил до кола конец перемета. После того как перемет был привязан к колу, мы сочли, что выполнили на сегодня свою программу по приключениям. И предпочли вернуться в лагерь.

На следующее утро опять притащился сторож. Как всегда, он болтал всякую чушь. Потом я отпускал линею, а из оставшихся варил уху. В конце концов мы закончили все эти дела и направились проверить наш перемет. А что, если на каждом крючке будет по судаку?

Перемет был на месте. Если бы попало много судаков, они его, скорее всего, сорвали бы. Но леска была хоть и натянута, но в меру. И поначалу вообще показалось, что никакого улова у нас не будет. Однако для того, чтобы достать перемет, надо было опять плыть к колу. Лешка не очень-то хотел это делать, но тут мы с Власовым так на него насели, что он быстро сдался. Вскоре он вернулся, держа в одной руке шест. Пока он плыл назад, мы с Володькой быстро вытягивали перемет. И вскоре леска затрепетала. Это был явный признак удачи. Действительно, на одном из крючков извивалась довольно-таки большая продолговатая рыба, похожая на щуку. Это был самый настоящий судак. Однако кроме него, на перемет не попало больше ничего.

И что мы будем теперь делать с этим судаком? Варить уху? Маловато, по нашим меркам. Жарить? Без сковороды? В конце концов решили почистить его и добавить в уху из линей. Для вкуса. Что и было сделано. Однако должен признать, что на вкус этот судак был ничем не примечательный. Не хуже и не лучше линей. И стоило так стараться, чтобы в этом убедиться!

Казалось, что после пойманного судака нас уже никакая рыбалка не должна была удивить. Однако это было не так. В тот же день, после поимки судака, где-то пополудни я заметил, как Леша довольно задумчиво прогуливается по краю нашего высокого берега и осматривает прилежащие воды. Вид у него было определенно профессорский, так решают только вселенские научные задачи.

– Не кажется ли вам, господа, что как раз напротив нашего лагеря дно Волги становится глубже? Что тут на дне яма? – спросил нас наконец Лешка.

Вопрос был сложный. Как можно тут определить глубину дна? Да и зачем это понадобилось нашему компаньону по приключениям? Лешка, однако, не ограничился своим вопросом и начал рассуждать вслух. Получалось, что в протоке между нашим островом и параллельно лежащим чуть дальше лесистым островком вода должна была течь быстрее. Русло ведь сжималось, значит, по законам физики там и скорость течения должна была возрастать. А там, где лесистый остров кончался, река резко расширялась и скорость течения должна была существенно упасть. Но тогда там получалась подводная отмель. Даже, как дальше рассуждал Лешка, не отмель, а своеобразный пережат. А что бывает за пережатом? Какая-то яма. И кто в такой яме сидит?

Последний вопрос поставил нас с Володькой в полный тупик. Мне на ум только пришло, что в тихом омуте черти водятся. Но эту свою мысль я воздержался высказывать вслух.

Лешка не стал нам дальше ничего объяснять, а просто полез в багажник своей машины. В начале путешествия там лежал ящик пива. Но к этому моменту мы даже его вкус забыли. Там же, в багажнике, находились и запасы

спирта. Но зачем он сейчас нужен? Однако, как выяснилось, Леха искал вовсе не пиво и не спирт. Он какое-то время порылся и в конце концов выволок наружу довольно объемистый сверток. Торжественно взял его и потащил к костру. Я молча наблюдал за всеми этими манипуляциями. Неужели, в свертке лежит какая-то еда, какой-то деликатес, о котором мы все забыли?

Однако, как вскоре выяснилось, никакого деликатеса там не было. Там вообще не было еды. А был только моток толстой лески, скрученный довольно хаотично. Однако это только поначалу мне казалось, что там царит полный хаос. Леха придерживался иного мнения. И стал медленно и аккуратно разбирать моток. Вскоре тот разделился на три самостоятельных мотка поменьше размером, накрученных на какие-то подобия рогулек. Донки! Все стало ясно. Предстояла ловля рыбы на донки.

Этот вид ловли хорошо знаком почти любому рыболову. В общем, ничего особенно сложного. Длинная леска. На конце – тяжелое грузило, чтобы можно было подальше забросить. Поводок с крючком, на котором полагалось находиться наживке. В зависимости от рыбы это может быть либо размятая картошка, либо еще что-то подобное. Или живец. Вот раскручиваешь леску и забрасываешь подальше. И все, дальше надо только ждать. На леске у рогульки иногда вешают колокольчик. Если рыба схватила наживку, колокольчик зазвенит. Значит, пора вытаскивать улов.

Наконец Лешка снизошел до того, чтобы растолковать нам свой гениальный замысел. В общем, он считал, что в яме за перекатом мог находиться сом. Вот оно что – сом! Я представил себе здоровенную рыбину, которая между делом проглатывает уток и прочую живность, которая зазевалась на поверхности. Однако откуда взяться сому непосредственно в Волге? Сом любит не слишком большие речки, глубокие заводи. А тут – огромная река.

Впрочем, вступать в теоретический спор о нравах и повадках сомов было совсем ни к чему. Даже если я докажу, что сомов бесполезно ловить в Волге, мы что, откажемся от попытки забросить донки? Поэтому я помалкивал и наблюдал дальше за Лешкиными приготовлениями.

Собственно говоря, как мне кажется, в ловле на донку есть две тонкости. Если их освоил, то будет и улов. Во-первых, надо найти место, где водится искомая рыба. В нашем случае речь шла о яме и соме. В других случаях это может быть карп, сазан. Как-то я сам поймал на донку окуня. Так что искомая добыча может быть самая разная.

Во-вторых, нужно наладить снасть таким образом, чтобы рыба польстилась на наживку. То есть второй важнейший вопрос – что именно насадить на крючок. В нашем случае мы задумали поймать сома. Но это – хищная рыба. Она глотает других рыб. Сидит себе в темной глубокой яме и ждет, когда туда забредет что-то подходящее. Потом – ам! Разевает всю свою пасть и втягивает туда добычу. Вот и все, завтрак проглочен.

Получалось, что надо ловить сома на какую-то небольшую рыбку. Была рыбка и альтернатива. Считается, что сомы любят также лягушек. Значит, если мы хотели поймать сома, надо было предварительно поймать либо рыбку, либо лягушку. Именно такую задачу перед нами и поставил Лешка. Распутав свои донки, он взялся налаживать удочку, на которую планировал выловить будущую наживку. Нам же он довольно небрежным тоном предложил наловить лягушек.

Может быть, мы с Володькой действительно ни на что лучшее не годились, кроме как ловить жаб и лягушек. Хотя в любом случае ловить сома придумал все-таки Леха, а не мы. Значит, уже в силу только одного этого факта он стал руководителем проекта и имел право раздавать поручения менее инициативным членам нашей команды.

И где же нам этих лягушек ловить? И как? Вообще-то их было немало вокруг. К вечеру они оглашали все окрестности своим радостным кваканьем. Но одно дело – слушать кваканье. И другое – поймать исполнителя этого кваканья.

Если бы у нас имелся сачок с длинной ручкой, проблем было бы наверняка поменьше. Подкрадываешься к пруду, выбираешь жертву, накрываешь ее сачком. Потом переворачиваешь сачок, лягушка запутывается внутри. И она – вся твоя.

Но сачка у нас не было. Как быть? Мастерить для этого случая отдельную снасть? Это казалось и сложным, и излишним. И мы с Володькой решили попытаться удачи иным образом: просто идти по берегу пруда, а когда лягушка будет выпрыгивать из-под ног – стараться ее тут же и накрыть.

Легко сказать. Да трудно выполнить. В общем, мы потратили на эту забаву хорошие полчаса, никак не меньше. Для начала оказалось, что лягушек на берегу вообще не было. Они все сидели в воде. А когда мы приближались, они довольно спокойно погружались с головой в воду. И уплывали в неизвестном направлении. Ну как тут ее выловишь?!

В конце концов ползание на четвереньках по берегу увенчалось поимкой двух подходящих особей. Я был менее удачлив, обеих поймал Володька. Но чтобы я не расстраивался, он разрешил мне тащить его добычу. Видимо, надо было быть признательным за такую честь. Но я не оценил доверия и с явной неохотой взялся за перевозку зеленых красавиц. Но отказаться не посмел – надо было быть порасторопнее на ловле будущей наживки.

Пока мы занимались выловом рептилий, Лешка как-то изловчился и выудил целых три рыбки. Все они были размеров с чайную ложку. То есть для приготовления еды не годились. А вот в качестве наживки – в самый раз. Тут завязалась небольшая дискуссия. Что все-таки лучше насаживать, рыбку или лягушку? В общем-то, решал, понятное дело, Лешка. Мы только

демонстрировали эрудицию. В конце концов решили использовать две рыбки и одну лягушку.

Лешка по очереди раскрутил свои донки и забросил их довольно далеко. Рогульки же воткнул поглубже в песчаный берег. И поставил под леску палочки. Такие палочки называются сторожками, и они в чем-то заменяют колокольчик. Если рыба заглотила наживку и потянула леску, сторожок упадет. Если время от времени проверять донки, то можно будет с определенной долей уверенности утверждать, имела место поклевка или нет.

Донки были заброшены. А мы расселись вокруг костра. Время шло, никакая рыба на донки ловиться не желала. Дело кончилось тем, что мы все просто улеглись спать. Утром посмотрим, что попало. Если попало.

Утром нас, как всегда, разбудил картофельный сторож. Он явился точно по расписанию. И претендовал на свой стакан спиртного напитка. При себе, как всегда, он имел мешок лией. Однако, продрвав глаза, мы первым делом бросились проверять донки.

Сторожки упали под всеми тремя заброшенными нами снастями. Однако лески у всех трех донок безвольно лежали на песке. Так попало что-то или нет? Леха стал одну за другой вытаскивать свои снасти. На первой донке не было ни рыбы, ни наживки. Однако когда Алексей стал вытягивать вторую донку, леска натянулась и затрепетала. Есть! Что-то попало!

Однако я сразу заметил, что рыбина на крючке была не гигантского размера. Не было никакой титанической борьбы. Просто Леша вытягивал, хотя и с некоторым усилием, свою леску. Та ему руки не резала. А рыба просто слегка упрямилась, но не выделяла каких-то особых пируэтов.

Борьба продолжалась в лучшем случае минуты полторы. Наконец недалеко от берега вода запенилась. И мы увидели свою добычу. Это действительно был сом. А я похвалил себя за то, что накануне не стал настаивать на своей точке зрения, что тут сомы водиться не должны. Выходило, что очень даже водятся.

Рыбка, однако, была совсем небольшая. Чуть поменьше трех килограммов. Конечно, по московским меркам и это был крупный экземпляр. Но вовсе не гигант. Ведь сомы живут довольно долго и при благоприятных обстоятельствах вырастают чуть ли не до сотни килограммов. Нет, этот из-за Лешки не успел ни до каких таких килограммов дорасти.

Мы выбрались наверх, на свою площадку, где был оборудован лагерь. Сторож с интересом разглядывал нашу добычу. Впрочем, особой радости он не демонстрировал. Ведь в руках у него были лии. Которые должны были конвертироваться в устойчивую алкогольную валюту. А тут вроде как конкурент. Вдруг эти москвичи откажутся от лией, сославшись на уже пойманную рыбу?

Основания отказаться, конечно же, были. Даже очень. Одного этого сома нам троим за глаза хватило бы на день, а то и на два. Но мы были не столь бессердечны. В результате очередная порция линей переключалась к нам. А сторож получил свое вознаграждение и потом битый час рассказывал нам что-то из своей непутевой жизни.

Однако что делать с этим сомом? Зажарить? Сковороды у нас как раз и не было. Оставались только казан и возможность разнообразить содержание ухи. Один раз мы уже добавили в нее судака. Теперь наступила очередь сома. Должен честно признаться, что в результате лини показались нам вкуснее. Хотя сома мы тоже поели. Все-таки свежая рыба. Но никаким особым рыбным вкусом он нас не поразил. Впрочем, я не сомневаюсь, что в руках умелого кулинара, к тому же имеющего все необходимые ингредиенты, сом превратился бы во что-то особо вкусное.

Наступил день, когда к нам присоединилась дама. Вот как это произошло. Она была приятельницей Лешки. И он как-то ухитрился уговорить ее подъехать к нам на Ахтубу. На самом деле, как мне показалось, она просто планировала выйти за Лешку замуж. И только с этой целью покинула комфортную жизнь и присоединилась к нашей сомнительной компании. Чтобы наладить контакт с Алексеем. По всем своим повадкам она явно не была любительницей экзотики, а тем более рыбалки и охоты.

В общем, за четыре дня до окончания нашего срока я и Володька съездили за Лешкиной девушкой в Волгоград. А сам он остался в лагере. Сторожить. Девушка приезжала в субботу. То есть мы должны были переехать на материк в пятницу. Но мы уже знали, что на выходные дни понтон убирают, и назад на остров в это время было не попасть. То есть мы оказались как бы в ловушке – если уедем с острова и встретим мадмуазель, то потом назад не попадем и будем ждать два дня на берегу. Ждать не хотелось, и мы придумали спецоперацию. Дело в том, что этот понтон убирал уже упомянутый мной сторож. Но при участии еще одного местного жителя. Все наши уговоры не трогать понтон на выходные не подействовали. Ребята уперлись намертво: «Начальство не велит!»

Тогда мы решили их «вырубить». Конечно, мы не собирались бить их по голове поленом или устраивать что-либо подобное. План был иной. Коварный. Затеять с ними дружескую беседу, при этом потихоньку подливать спиртное. Сделать так, как поступают опытные шпионы или дипломаты – за беседой льстить человеку, всячески ему поддакивать, не забывая подливать. И в результате создать такую психологическую атмосферу, когда человек пропускает свой физиологический край и напивается сверх меры.

Наверное, мы с Вовкой были особыми мастаками по части выпить и других напоить. Я – дипломат, хоть и молодой. Он – ответственный комсомольский работник. До сих пор помню, что беседа, которую мы затеяли с этими двумя

местными жителями, была действительно интересной. Сторож рассказывал какие-то потрясающие истории с уголовным оттенком. Жаль, что я их не запомнил. Мы подливали собеседникам, но осторожно. Для прикрытия приходилось пить и самим.

Развязка наступила достаточно неожиданно. Оба товарища к этому моменту уже выпили дикое количество нашего пойла, но внешне еще держались. Первым сдал сторож. Он достаточно вежливо извинился, отошел в сторону, остановился и вдруг стал отчаянно блевать. Его просто выворачивало наизнанку. Еще не окончив, он как бы пошатнулся и вдруг упал как подкошенный. Говоря простым языком, вырубился начисто.

На второго парня вся эта жуткая сценка не произвела особого впечатления. Глянув искоса на своего поверженного друга, он опять принял участие в нашей беседе. Был он телосложением крепче, потому, видимо, еще и держался. Он давал нам понять, что слушает нас, и при этом не возражал, если мы еще подливали ему в чашку наш дьявольский продукт. Только стал немного молчаливее. Неужели не сдастся? Наконец прямо на полуслове он встал и ни слова не говоря зашагал в сторону. Казалось, он просто направлялся к себе домой. Мы только провожали его взглядами. Отойдя от нас метров на двадцать, он неожиданно остановился и на мгновение помедлил. Решил вернуться? Как оказалось, нет. Наш товарищ по попойке вдруг как столб упал на землю. Навзничь. И больше он не шевелился. Я никогда в своей жизни не видел, чтобы люди так падали. Он был прямой как палка и со всего маха ударился затылком о землю. Если бы там был камень, череп точно расколосся бы напополам. Но, по счастью, камня там не оказалось. Надо отметить, что этот случай серьезно на меня повлиял. С тех пор я пью спиртное намного более осторожно. Падающий навзничь человек до сих пор стоит у меня перед глазами.

В общем, понтон мы заполучили и на другой берег переехали. Теперь надо было где-то заночевать. Почему-то нам место непосредственно у переправы не понравилось. Кажется, оно показалось нам небезопасным. Решили проехать немного по шоссе. За руль сел я. Поехали для начала налево, в сторону Астрахани. Минут через десять я решил поискать стоянку. Впереди как раз показался какой-то освещенный домик. Я лихо к нему подкатил. Глянул, ба, да это же ГАИ! На наше счастье, инспектор занимался какой-то другой машиной и на нас не обратил внимания. Наверное, это произошло еще и потому, что я затормозил прямо у поста. Если бы попытался проехать мимо, то наверняка остановили. Машин мало, на дворе уже около часа ночи. А раз наша машина остановилась, значит, мы не избегаем встречи с гаишниками, а наоборот, хотим к ним подойти и, может быть, что-нибудь спросить. Или, например, сообщить об аварии.

Но ведь до поста ГАИ, как нам говорили местные, было больше двадцати километров. Как же мы так быстро до него добрались? Видимо, я здорово надавил на газ, хотя субъективно мне не казалось, что я превышал допустимую скорость.

В общем, все обошлось. Пока гаишники крутили головами, я довольно резко развернулся и был таков. Кстати, я тот случай тоже сильно запомнил и с тех пор твердо не пью за рулем.

В тот уик-энд понтон между островом и берегом так и не был убран. Наша затея достигла искомой цели. Хотя надо признать, что мы создали рискованную ситуацию для здоровья двух местных жителей. Они могли разбить себе головы, могли просто умереть от алкогольного отравления, от инсульта или инфаркта. По счастью, ничего подобного в тот раз не произошло, и нам с Вовкой не пришлось брать грех на душу.

По дороге назад случилось еще одно приключение. За которое Володька довольно-таки прилично взъелся на меня. А случилось вот что. После Волгограда, уже с новым пассажиром, мы отправились назад. Звали девушку Олей. Была она довольно хрупкой комплекции и невысокая. Не могу сказать, что она выглядела уж слишком какой-то снобкой или эстеткой. Одетая была в

обычный спортивный костюмчик с курточкой. Как обычно и одеваются на загородные пикники. Но в лице ее, тонком и как бы заостренном, проглядывало что-то такое, что заставляло меня немного напрячься.

Нет, она ничего такого колкого не говорила. И вроде бы никак явно не демонстрировала своего к нам отношения. Но вела себя как бы слегка отстраненно. Можно же было бы порасспрашивать нас о том, где остановились, что делали эти дни. Это было бы вполне понятной и объяснимой реакцией. Однако Оля всеми подобными расспросами пренебрегла. На наши слова отвечала вяло и односложно, больше поглядывая в окно и явно занимаясь какими-то своими собственными размышлениями, а, может быть, даже и расчетами.

Понаблюдав за ней некоторое время, я пришел к следующим выводам. Оля любила город и приличное общество. Наверное, предпочитала одеваться изысканно. И вести беседы скорее на светские городские темы. А вся эта страсть к экзотике, к единению с природой была ей не очень близка. И с нашей сомнительной компанией она связалась исключительно из-за Лешки. На которого, надо полагать, имела серьезные или почти серьезные виды. Как потом выяснилось, она была слегка старше Лешки.

Так за полусветской беседой за пару часов мы и докатили до нашего парома. Он стоял на берегу, никем никуда не убраный. Оно и понятно – паромные соглядатаи из-за неразумной дружбы с нами теперь лежали где-то с серьезной головной болью. А может быть, уже пришли в себя и отправились искать, чем похмелиться. В любом случае ни до нас, ни до парома им никакого дела уже не было.

Впрочем, отсутствие паромщиков нас ничуть не смутило. К этому моменту мы в переправном деле уже вполне освоились. И искренне считали, что справимся с паромом и сами, без местных помощников. Володька лихо закатил на паром, встав примерно в середине. Я отвязал плавсредство от берега. И мы вдвоем начали его довольно-таки усердно тянуть. Ольга вышла из машины и наблюдала за нашими действиями со стороны. При этом и ее поза, и выражение лица отражали как сомнения в нашей квалификации, так и серьезные опасения за свою жизнь. Наверное, городская дамочка сомневалась в том, что мы – настоящие герои.

Такое отношение вызвало у меня предсказуемую ответную реакцию. Я отвернулся и нарочито активно стал тянуть трос. Впрочем, можно было не усердствовать. Ширина протоки была невелика. И за считанные минуты мы доплыли до противоположного берега. Володька залез в машину. А я ловким прыжком отправился на берег. При этом я всем своим видом пытался продемонстрировать, какой я умелый и как у меня все легко получается. Ольга довольно-таки осторожно, но тоже перебралась на берег.

Конечно, в тот момент я не сознавал эволюции сложных переплетений моего внутреннего мира. Это уже потом, на «разборе полетов» я стал копаться в своем сознании и попытался выяснить, что же такое в тот момент притупило мою бдительность. Получалось, что именно дама Лешкиного сердца. Именно на нее я тогда и отвлекся.

Так вот, выскочив на берег, я схватил веревку и быстро привязал понтон к берегу. Тут надо уточнить. Понтон привязывался не одной веревкой, а целой парой. Что было неудивительно, ведь на нем переезжали довольно тяжелые грузовые автомобили, не то что наш «Жигули». Для привязывания веревок на берегу были вкопаны два невысоких столба.

Для начала я привязал веревку к тому столбу, который был ниже по течению. А потом вернулся на паром, взял вторую веревку и привязал ее ко второму столбу. Девица девицей, но у меня хватило ума натянуть обе веревки и довольно плотно замотать их вокруг столбов. На это – хватило. Но не хватило на другое. Дело в том, что расстояние между столбами было поменьше, чем ширина парома. Поэтому веревки с краев парома тянулись к ним не перпендикулярно к берегу. А немного по косою, образуя своеобразную трапецию. А трапеция, как известно из школьной геометрии, в отличие от треугольника, жесткой конструкцией не является.

Конечно, если бы я не отвлекался, а чуть-чуть задумался, то привязал бы веревки немного иначе. Начал бы с веревки, которая находилась выше по течению. И натянул бы ее до предела, чтобы она тянулась к парому по самому короткому пути. То есть перпендикулярно к берегу. А уж нижнюю веревку натягивал бы по остаточному принципу, просто плотно, но по тому направлению, которое само бы получилось.

Я же по своему недоумию и невниманию поступил иначе. Нижнюю веревку завязал посильнее. А потом уже начал завязывать верхнюю. В результате последняя оказалась натянута не по кратчайшему расстоянию. Край понтона, который был выше по течению, оказался и выше столба. В результате веревка протянулась по косою.

Поначалу все эти мои манипуляции никаких серьезных последствий не повлекли. Понтон стоял у берега совершенно недвижимо. Ничто не предвещало никаких неприятностей. Володька смело завел мотор и поехал на берег.

Дальше, как всегда в этой жизни, начались плохие совпадения. Если бы Володька не осторожничал и просто на скорости выскочил бы на берег, ничего плохого бы ни произошло. Но он стал осторожничать. Подъехал к краю понтона, притормозил. Потом немножко дал газка и выехал передними колесами на берег. Я молча наблюдал за его маневрами.

Тут Володька еще раз притормозил. Суть его манипуляций была понятна. Встать передними колесами понадежнее на твердый берег. А потом

осторожненько переехать с понтона, не допуская никаких прыжков задними колесами. Но, как известно, человек предполагает. А Бог располагает.

С этого момента события стали развиваться вовсе не по Вовкиному плану. Он осторожно дал газка. Но передние колеса где стояли, там и остались. Зато задние уперлись в понтон. И успешно оттолкнули его от берега...

Дальше все происходило довольно быстро. Паром отошел от берега. Но не больше, чем на полметра. Затем замер. И стал медленно-медленно сдвигаться по течению. Я даже не успел испугаться. Просто глянул на неправильно привязанные веревки. И тут же, в то же мгновение понял, что бояться нам, в общем, нечего. Веревки были привязаны довольно прочно. Паром отошел на полметра, потом стал немного смещаться вдоль берега. Но всего настолько, чтобы верхняя веревка натянулась. Дальше его должно было просто прижать назад к берегу. И единственным неприятным последствием моей невнимательности было бы только то, что машина немного сместилась бы и встала к берегу не прямо, а по кривой. Но в воду бы ни в каком варианте не упала. Для этого полуметрового расстояния между паромом и берегом, а также свободного хода верхней веревки было явно недостаточно.

Но все это стало ясно именно мне, так как я стоял на берегу и со своей позиции мог быстро оценить, какие именно последствия моей небрежности нам грозят. Но совсем другие чувства испытал Володька... Мне даже трудно описывать, что именно он почувствовал.

Он сидел себе спокойненько в машине и рассчитывал выехать на берег. Дал газка. А машина не берег не выкатилась. И тут Володька вдруг неожиданно почувствовал, что понтон уплывает. Из кабины он понял только одно. Еще мгновение, и понтон вовсе уплывет. А машина останется передними колесами на берегу. Зад же ее упадет в воду. Машина покатится назад. И холодная темная пучина сомкнется над Володькиной машиной. Да, не хотел бы я оказаться на его месте! Так можно и инфаркт с инсультом схлопотать.

Володька как пуля вылетел из машины. И истошно заорал только одно слово: «Держи!!!» Как же он заорал! В этом крике уже слышалось все ужасное отчаяние по случаю утопления замечательной машины. Неделю мы ловили в реке раков, черепах и разных рыб. А теперь благодаря мне стали бы ловить там Вовкину машину. Не исключая, что в таком случае в качестве наживки на крючок попал бы именно я. Ничего себе рыбалочка получалась в одном из рукавов реки Волги!

Издав свой безумный крик, Власов пуще Тарзана прыгнул на берег. Вцепился в верхнюю веревку и стал бешено ее тащить. В общем, это не произвело особого эффекта. Веревка к этому моменту уже и так натянулась по течению. А паром сам пошел к берегу. Вытянуть же паром против течения, тем более с машиной весом в полторы тонны, было совершенно невозможно. Да и не нужно. Чтобы после этого паром еще раз прошел свой путь вниз?

Я все это видел и, в общем, не сильно-то и волновался. Мне было предельно ясно, что ни в какую Волгу наша машина не нырнет. Несмотря на ее волжское название. Однако тут Володька еще раз заорал: «Держи!» Вид у него при этом был совершенно чудовищный. Он тянул на себя веревку изо всех сил. Лицо его стало пурпурно-красным. Глаза вывалились из орбит. Рот искривился в безумном крике. А смотрел он при этом не столько на машину, сколько на меня. С него можно было рисовать картину. Под которую просилась табличка «Ненависть».

Я тоже вцепился и стал тянуть нижнюю веревку. Что было совершенно бесполезно. Паром и так уже успел занять вполне устойчивое положение и больше не собирался никуда уплыть. Однако не тянуть и не демонстрировать свое рвение было никак нельзя. Тогда я из разгильдяев уже переключивал бы в разряд злоумышленников. Который вознамерился то ли из зависти, то ли от алкогольного помутнения ума, но безжалостно утопить последнюю в этой жизни Вовкину радость и любовь – его любимый автомобиль.

Прошло еще одно мгновение. И Вовке тоже стало понятно, что ныряние автотранспорта в глубокие мутные воды отменяется. Что «жигуль» спасен. Что назад в Москву он поедет не на поезде. И ему не надо будет докладывать своей жене, что в результате им же придуманной поездки автомобиль превратился в подводную лодку. Благодаря усилиям одного молодого, но перспективного дипломата.

Тут Володька наконец перестал тянуть веревку, хотя из рук ее еще не выпускал. А я подумал, что сейчас он кого-то будет убивать. Скорее всего, меня. По счастью, никакого опасного предмета у моего товарища под рукой в этот момент не оказалось. А еще через пару мгновений к нему и вовсе вернулся разум. И он понял, что если меня убьет, то его самого посадят в тюрьму. И опять прощай заветный «жигуль».

Убивать же меня Власов собирался за то, что я плохо завязал на берегу одну из веревок. По его мнению, веревка развязалась, и только благодаря его титаническим усилиям, а также умным руководящим указаниям удалось предотвратить черный конец.

Володя через несколько секунд и вовсе остыл. И даже обмяк. Как-то весь он вдруг сдулся и поник. Вдруг примолкнув, он пошел назад в автомобиль. Мотор которого, кстати, продолжал работать. Тут я совершенно некстати почему-то припомнил стишки из далекого детства: «Пошли по речке пузыри, считает заяц – раз, два, три». Машина тем временем дернулась и худо-бедно, по косой, но выкатилась на берег. Все! Автомобиль был спасен.

Тут только я глянул на нашу красотку. Оля стояла на берегу, вся сама не своя. Ясно, что своим немудреным женским умом она не могла оценить, насколько серьезной была опасность. Она могла понять это только косвенно, по нашему поведению. И если судить по звериному Власовскому крику и диким прыжкам, мы только что еле-еле избежали огромной, чудовищной беды. Ничего себе путешествие к Лешке получается! Если такое случилось уже в начале, что же будет потом?

Нет, я не могу утверждать, что девушка от только что пережитого совершила что-то позорное. Отнюдь. Она стояла вполне уверенно на своих ногах. И ни в какие кусты после всего случившегося бежать явно не собиралась. Однако вид ее был красноречивее любых слов: «Куда я приехала?! И с кем я связалась?! А что было бы, если бы я осталась в машине?!»

Оставшуюся дорогу к лагерю мы преодолели молча. Там нас ждал Лешка, на лице которого играла самая приветливая на свете улыбка. Которая оказалась прямой противоположностью выражения лица как Власова, так и Лешкиной пассии. Что было на моем лице, я могу только гадать. Однако мне опять вполне некстати вспомнился эпизод из известного кинофильма: «Не виноватая я! Он сам пришел!»

Тут только началась разборка паромного происшествия. Я кое-как пытался оправдываться. Но Володька меня не слушал. Его как прорвало. Он говорил и говорил. И из его слов следовало, что более безалаберного и никчемного человека, чем я, он никогда еще в своей жизни не встречал. И, наверное, так до самой смерти не встретит. Если смерть не настигнет его благодаря моим «стараниям» уже теперь.

Ольга же в нашем горячем споре принимать участия не стала. Она огляделась и довольно быстро исчезла в палатке. Не могу сказать, что она вообще оттуда не выходила остаток срока. Но видели мы ее нечасто, это уж точно. Есть люди, которые любят туризм, путешествия, приключения. Но наша спутница была явно не из этой категории. Тем более, что она ужехватила досыта на паромной переправе.

Оставшиеся дни бежали один за другим. Рыбалка рыбалкой, а как-то, сидя у костерка, мы вдруг припомнили, что вдоль дороги к Волгограду видели довольно обширные бахчи. А что, если купить себе арбузов? И захватить их в Москву? Но мы что-то не замечали, чтобы кто-то продавал эти арбузы. Обычно таких торговцев можно встретить вдоль автомобильных дорог. Но тут ничего подобного не было. Но ведь как-то местные жители покупали и ели этот замечательный плод (ягоду, если быть точным)?

Пришлось идти за советом к нашему картофельному сторожу. Он, напомню, как и паромщик, был человек бывалый. В том числе успел посидеть в тюрьме. По нашему разумению, такой опытный местный житель должен

был нам помочь. Он действительно внимательно выслушал нас. И, не задумываясь, тотчас уверил, что проблем не будет, у него среди корейцев есть знакомые. И он к ним сегодня же пойдет и договорится. Такой ответ нас очень устроил. Кстати, удивительно, но действительно, в этом районе арбузы выращивали настоящие этнические корейцы. Единственно, я так и не смог выяснить, из Северной они Кореи, или из Южной.

Итак, на следующий день я и Володька собрались за арбузами. Лешка со своей дамой сердца остался в лагере. Мы переехали понтонную переправу и уже на той стороне встретились со своим сторожем.

– Ну что, договорился с корейцами?

– Договорился, договорился, все в порядке, поехали!

Мне еще тогда показалось, что сторож произнес эти слова с какой-то особой небрежной интонацией. Тайный смысл этой интонации я понял только потом.

Мы выехали на шоссе. Рядом с нами начиналось и тянулось до горизонта арбузное поле. Недалеко, метрах в трехстах, виднелись домики корейцев. Я ожидал, что мы подойдем к ним, поговорим, заплатим деньги.

– Все в порядке, я уже договорился, – еще раз подтвердил наш сторож. – Идите, рвите!

Мы съехали с шоссе и стали наполнять багажник здоровенными арбузами. Я вместе со своими товарищами активно таскал полосатых красавцев. Однако в самый разгар сбора урожая мой взгляд вдруг упал на домики корейцев. Там клубилась пыль, как будто ехал какой-то автомобиль. Это было немного странно, и я стал приглядываться. Нет, это оказался совсем не автомобиль. По пыльной дороге вдоль шоссе в нашу сторону двигались люди. Но почему такая пыль? Тут только я сообразил, что вся эта группа людей не просто идет, а отчаянно бежит, а в руках у некоторых из них то ли длинные палки, то ли даже косы. Бежали они так яростно, что вздымали огромные клубы пыли.

Я живо представил, что они с нами сделают, когда сюда добегут. Перспектива получалась совсем безрадостная. И я дико, во все горло заорал Володьке, что надо смываться. Было совершенно некогда объяснять, что и почему. Мы вскочили в машину, но Володька, по-моему, с трудом врубался в ситуацию. Стал разворачивать машину навстречу толпе. Там действительно был более комфортный выезд на шоссе. А вдруг не успеем? Тут я сказал Володьке что-то такое, что он бросил разворачиваться и выскочил на шоссе прямо по бездорожью. Все, ушли!

Семен, однако, вел себя так, как будто ничего не произошло. Хотя ситуация вышла предельно неприятная и даже рискованная. Но спорить с Семой или делать ему выговор было совершенно бесполезно. Когда же он увидел, что мы не ругаемся, то и вовсе осмелел: «Ребята, а не поделитесь арбузами? Давайте, подъедем ко мне домой, подвезете немножко, а?» Ну не высаживать же его посередине дороги с парой арбузов! И мы направились к нему в дом.

Володька вел машину, а я все не мог успокоиться после этой истории. Выходит, мы, городские жители, оказались слишком простодушными. Послушались бывшего арестанта, поверили ему на слово! И в результате стали самыми обычными ворюгами, сами того не подозревая. Кстати, вся эта история могла очень плохо для нас кончиться, если бы мы не успели вовремя удрать. Нас могли и искалечить. Видать, не зря наш Семен не один раз попадал в тюрьму!

Дом у сторожа был примечательный. Судя по всему, он жил тут совершенно один, без семьи. Домик на самом деле был небольшим сарайчиком, пристроенным к какому-то дому побольше. Размеры – метра два на пять. С одной стороны стоял стол с двумя стульями и табуреткой, с другой, за шторой – кровать. Этой мебелью все и ограничивалось. Пол был земляной. Я до этого никогда не бывал в домах с земляными полами. Просто хорошо утрамбованная земля, вот и все.

Мы отдали сторожу несколько арбузов, и он решил нас в ответ немного угостить. Точнее, я полагаю, втравить в трапезу, чтобы мы в конце концов

выставили спирт. Мы выставили. Сторож тут же куда-то сбегал и принес куски отварной осетрины. Врать не стану, рыба была очень вкусная. Даже без спирта. Похоже, тут на Ахтубе все были браконьерами. Ну может, и не все. Но уж наш Сема точно не относился к исключениям.

Опять завязалась бестолковая беседа. Вдруг наш сторож остановился на полуслове и замер, как будто к чему-то прислушиваясь. Через мгновение он медленно встал со своего табурета и точно так же медленно-медленно начал красться к шторе, закрывавшей кровать. Мы наблюдали за ним как замороженные. Что еще за странное поведение? Что тут вообще происходит?

Семен тем временем потихоньку подобрался к шторе, которая скрывала постель, слегка помедлил и потом резким театральным движением рванул ее в сторону. Нашим глазам предстало довольно необычное зрелище. На постели Семена лежал какой-то небритый мужик в грязных лохмотьях. Он, видимо, услышал шум отодвигаемой шторы и приоткрыл глаза.

– Ты кто??? – эти слова Семен произнес не то чтобы вопросительно, а просто в полном изумлении. Получалось, что пока хозяина не было дома, какой-то тип пробрался внутрь, залез в его постель прямо в грязной одежде и там и заснул. Настоящие Машенька и три медведя. Только в постель залезла не Машенька, а грязный медведюга. Я вдруг подумал, что этот тип лежал в кровати все то время, пока мы тут беседовали. И на какие темы мы при этом говорили? Как ловко украли у корейцев арбузы?

Дядька стал что-то путано объяснять про пастухов, про знакомого, который друг другого знакомого, а тот якобы посоветовал зайти сюда. Я замер. По моим меркам, подобный незванный гость, забравшийся в чужой дом и заползший в чужую же постель, претендовал по меньшей мере сначала на удар по морде. А потом и на немедленное изгнание из дома с еще одним хорошим ударом под зад.

В реальной жизни все однако сложилось по-другому. Нашего Семена почему-то все эти сомнительные и путанные объяснения в конце концов удовлетворили. Никакого битья морды не последовало. Более того, этого друга местных пастухов наш сторож счел даже возможным пригласить к столу. Где тот в результате даже исхитрился слегка отпить нашего спирта. С большим трудом, но наконец мы отвязались ото всей этой галиматьи и уехали на свой остров. Может, этот тип в постели был каким-то беглым каторжником? А у Семена тут была перевалочная база, тире местная «малина»? Очень даже может быть. С него стало бы.

Я так подробно рассказываю про все это, потому что испытал настоящий шок, столкнувшись с простой российской глубинкой. Половина населения успела посидеть в тюрьме. Живут так, как будто завтрашний день вообще не должен наступить. Жилье и быт в целом – предельно необустроены. При возможности не задумываясь воруют и браконьерствуют. Правильно ли мы

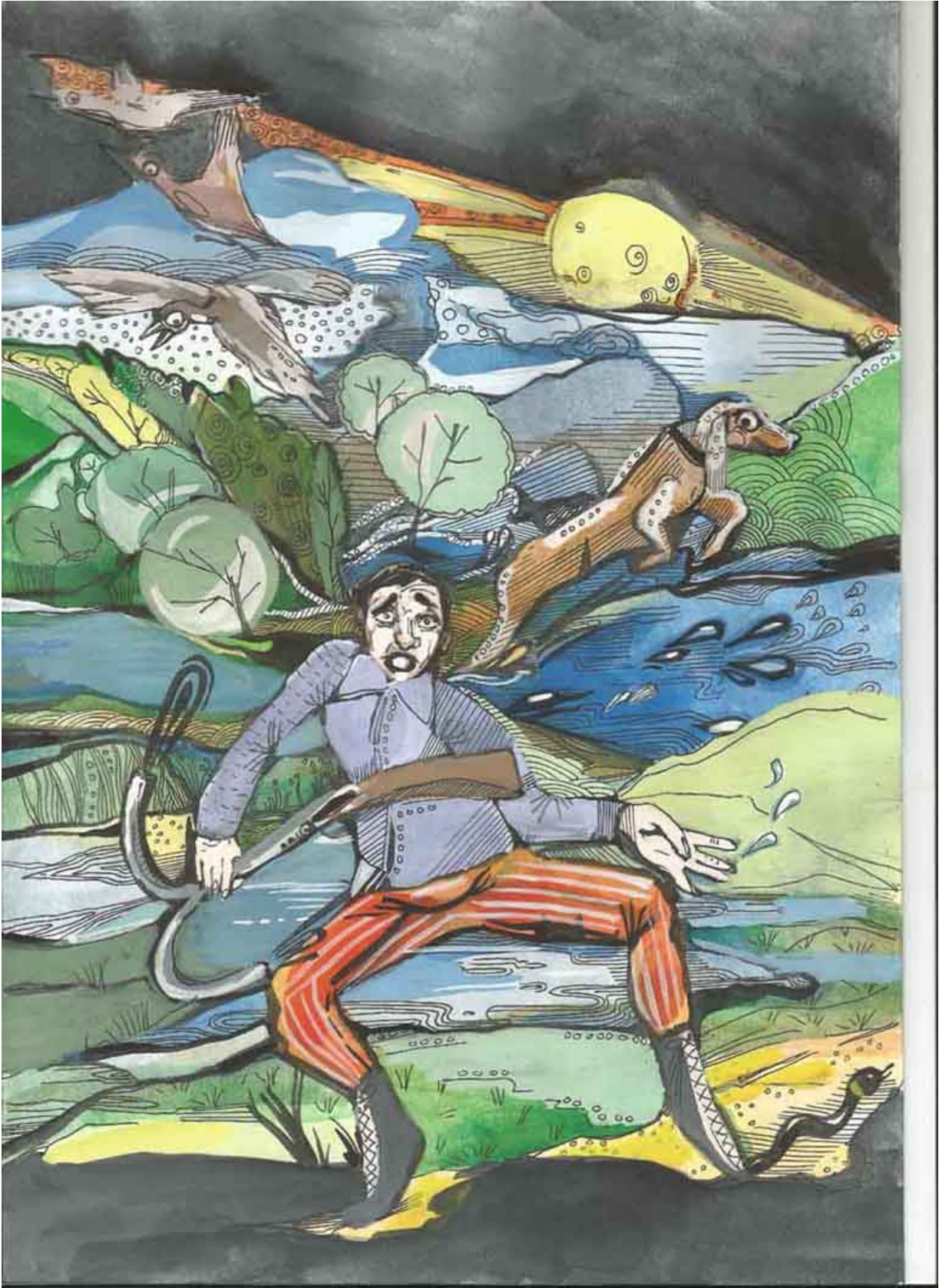
вообще понимаем, сидя в своей Москве, в высотном здании на Смоленской площади, что ощущает и как на самом деле живет вся остальная Россия?

Эпилог

Наше путешествие на Ахтубу в конце концов закончилось. Мы собрались и поехали назад, в московскую цивилизацию. Сказать честно, я уезжал без сожаления. За этот десяток дней я получил даже слишком много впечатлений для городского жителя. И мне просто захотелось назад, туда, где есть горячая вода, нормальная теплая постель. И где не надо пить спирт, начиная с семи часов утра.

А по итогам я сделал вывод, который подходил и в целом к теме охоты и рыбалки. Если есть возможность охотиться и ловить рыбу – это надо делать. И то, и другое – дело хорошее. И полезное. Однако, как и любое дело, его можно извратить. Заниматься пьянством без меры. Нарушать джентльменские охотничьи и рыболовные правила, а также браконьерствовать. Выбирать такие способы добычи дичи, которые ближе к убийству и не имеют ничего общего с хорошей спортивной охотой. Но, согласитесь, нарушения и извращения не означают, что это охота и рыбалка – плохие. Они лишь означают, что это мы с вами сами плохие, еще не доросли до высокого эстетического уровня этих благородных занятий.

Пройдя через свою долгую жизненную школу, я все-таки утвердился во мнении, что занятие охотой и рыбалкой делает человека лучше, позволяет духовно вырасти и обогатить свой внутренний мир. На охоте и рыбалке мы общаемся с природой накоротке, а это не может быть плохо никогда. Убивать – плохо? Но уж так устроил нашу с вами жизнь Господь Бог. Он создал не только травоядных, но и хищников. Неужели вам кажется, что тигр не является гармоничной частью природы? Впрочем, не стоит спорить. Охота, как и коллекционирование марок, занятие туризмом, увлечение теннисом – все это на любителя. Если у человека что-то отзывается в душе, если он чувствует естественную потребность в том или ином увлечении, значит, он на правильном пути. И давайте не будем ему мешать.

Редактор Е.Н.Студителева

Художники:
С.З.Маматкулов
В.Коновалов
Е.И.Фадеева

Трофимов Владимир Николаевич
Трофимова Екатерина Владимировна

Похождения молодого охотника
и его друзей

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007399.06.09 от 26.06.2009

Подписано в печать 20.01.2014. Формат 60x84 1/16
Бумага мелованная. Печ. л. 16
Тираж 200 экз. Заказ 555.

Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко»
129347, Москва, Ярославское шоссе, д. 142, к. 732.
Для писем: 129347, Москва, п/о И-347;
Тел/факс: 8 (499) 182-01-58, 182-11-79, 183-93-01.
E-mail: sales@dashkov.ru – отдел продаж;
office@dashkov.ru – офис;
<http://www.dashkov.ru>

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru
8(495)63-76, т/ф. 8(496)726-54-10

